

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ЗАПИСКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

06
экт

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
АКАД. Б. Д. ГРЕКОВ

№ 1054.

17

512392

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1945

Установа адукции
'Элбскі азедхадн універсітет'
імя П. М. Машадзав'
БІБЛІЯТЭКА

9
33(2)
171

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Академик *Б. Д. Греков* (ответственный редактор), *А. Л. Сидоров*,
член-корреспондент АН СССР *А. Д. Удальцов*.
Ответственный секретарь *И. У. Будовниц*.

Н. С. ЧАЕВ

«МОСКВА — ТРЕТИЙ РИМ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ МОСКОВСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА XVI века¹

Предлагаемый этюд является частью моей работы на тему «Внешняя политика царя Алексея Михайловича и церковь». Он связан с необходимостью изучения важного для вышеуказанной темы вопроса о борьбе московского правительства и руководимой им церкви за единство идеологии в государстве в XVI в., особенно во второй его половине. Моя предшествующая работа по истории церковной политики московского правительства второй половины XVII в. привела меня к ряду наблюдений, что так называемые реформы Никона, его «дело», а также раскол связаны с внешней политикой правительства и ею обуславливались.

Прежде чем обратиться к рассмотрению и характеристике деятельности московского правительства в области регламентирования религиозно-идеологической жизни государства (в связи с упомянутыми внутри- и внешнеполитическими его потребностями в XVII в.), необходимо остановиться на условиях возникновения, истоках и содержании официальной московской идеологии, сложившейся еще с XVI в. Именно последняя и явилась основой мировоззрения значительного большинства московского общества, с которым ему пришлось вступить в переломную эпоху XVII в.

Появление в конце XV в. на востоке Европы обширного и внутренне окрепшего государства, каким представлялась Московская Русь, не могло не приобрести весьма важного значения в международной жизни того времени. «Изумленная Европа, в начале царствования Ивана III едва ли подозревавшая о существовании Московии, затиснутой между Литвой и татарами,— писал Маркс в «Секретной дипломатии XVIII в.»,— была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на ее восточных границах, и сам турецкий султан Баязед, перед которым она (т. е. Европа.— Н. Ч.) трепетала, услышал впервые от москвитов надменные речи»². Однако Западная Европа не только «изумлялась». Уже с конца XV в. она, главным образом, в лице «Священной Римской империи германской нации» и Рима, пытается привлечь Московское государство в число участников коалиции христианских государств

¹ Доклад, прочитанный покойным Н. С. Чаевым (скончался 22 февраля 1942 г.) на заседании сектора истории СССР до XX в. Ленинградского отделения Института истории Академии Наук СССР 5 июня 1941 г.

² К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII в.

против Турции, широко распространявшей тогда свое владычество на юге Европы. Успехи турок к концу первой трети XVI в. приобретали для Южной Европы характер катастрофы. Так, в 1521 г. турками был взят Белград — оплот Европы с юга; в 1522 г. падает Родос; в 1526 г. в битве при Могаче чешско-венгерское войско терпит полный разгром, а в 1529 г. турки угрожают уже самой столице Австрийской империи — Вене.

Привлечение Москвы к указанной коалиции, слагавшейся обычно из Австрии, Венеции и Испании, под идейным руководством Рима, несомненно и в очень большой степени увеличивало бы ее успех в борьбе с Оттоманской Портой. Недаром последняя, начиная с Ивана III, стремится к установлению «дружественных» отношений с Москвой и чем дальше, тем больше отводит должное возрастающему моральному ее значению среди единоверных ей греков и, особенно, единоплеменных славян, составлявших население бывшей Византийской империи.

Кроме привлечения Москвы к антитурецкой коалиции в качестве, так сказать, огромной материальной силы, Рим надеялся при этом путем так называемого «соединения церкви» обратить русских в католичество и далее, по примеру других государств Западной Европы, подчинить их своему политическому влиянию, сопровождая этот процесс обычным в методике католичества выхолащиванием местной культуры и народного быта. Хорошо известно из истории государств, где католичество было господствующей религией, что оно не ограничивалось только вероисповедными вопросами. Римская церковь вторгалась во внутреннюю жизнь государства, в политические отношения его к соседям и, навязывая свои идеи, требовала, чтобы люди не только в своей личной, но и в общественной и государственной жизни руководились выработанными ею правилами и формулами. В такой роли католическая церковь являлась в Западной Европе «великим интернациональным центром». «Несмотря на все внутренние войны,— писал Энгельс,— она объединяла всю феодальную Западную Европу в одно огромное политическое целое, которое находилось в противоречии одинаково как с греко-православным, так и с магометанским миром»¹. К интересующему нас периоду значительная часть этого «греко-православного мира» подпала под власть «магометанского». Еще до этого Флорентийская уния 1439 г. имела своей целью преодолеть отмеченное Энгельсом «противоречие». Что же касается остальной и также немалой части того же «греко-православного мира», т. е. Московского государства, то здесь Рим в XVI и XVII вв. (при различных, правда, обстоятельствах и различными методами) предпринимал ряд попыток к вовлечению и последнего в круг той же «системы», «великим центром» которой, несмотря на успехи протестантизма, он продолжал все еще быть и в указанные столетия.

Играя на общности интересов европейских христианских государств

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 295—296.

в их борьбе с Турцией, Рим рассчитывал, что в огне этой борьбы ему удастся переплавить, наконец, свое «противоречие» и с Русским государством как частью враждебного папству «греко-православного мира».

В течение XVI в. попытки привлечения Москвы к участию в анти-турецких коалициях производились неоднократно, и за каждой из них, если не прямо, то косвенно, стоял Рим с его тенденцией совместить военные цели такого участия с церковно-политическими. Настойчивость в достижении последних обуславливалась для папской курии также и успехами протестантизма в Западной Европе: людские и территориальные утраты, вызванные этими успехами, католичество рассчитывало компенсировать на европейском Востоке, в обширной Московии.

Какими же средствами Рим самостоятельно, а также через посредство Вены, столицы Австрии, предполагал достичь окатоличения Московского государства и использования его в антитурецких коалициях? Средства эти для XV и XVI вв. отличались известным единством и при возобновлении соответствующих переговоров, как при Иване III и при Василии III, так и при Иване Грозном и его сыне Федоре, варьировались лишь в подробностях.

За «единство и согласие» с католической церковью, являвшиеся, по мнению Рима, необходимой предпосылкой к участию Московского государства в антитурецких коалициях, обещалось: 1) признание за Москвой прав на Византийское наследие и содействие получению ею «отчины константинопольской»; 2) коронование московского великого князя в «христианского царя» с одновременным возведением московского митрополита в сан патриарха. При этом всегда подчеркивалось, что все зависит от папы: «Он волен в титулах во всех: кому хочет, тому и дает». За разными благами к «апостольскому престолу» советовал также обращаться и известный Поссевино. Имея главнейшей целью своей поездки в Москву в 1580 г. вопрос об унии, он, по инструкции, должен был внушить Ивану IV, что если последний на нее согласится, то, кроме награды, заключающейся в «вечном спасении», он может приобрести еще большие почести и государство, «через посредство этой благочестивой и любви преисполненной матери» (т. е. католической церкви и возглавлявшего ее папы). Далее, тот же Поссевино за насаждение в Московском государстве и вообще на Востоке «православной и католической веры» (в духе Флорентийской унии 1439 г.) обещал Ивану IV, что он будет «вснчан более славными титулами и регалиями, чем какими венчался», и что вскоре после этого его провозгласят «императором Востока». Неоднократно давалось также обещание «повысить» московского митрополита и «учинить» его патриархом. В 1571 г. одна из римских депеш к венскому нунцию Марони предлагала добиваться от московского царя согласия на подчинение Риму и внушать ему мысль о необходимости поставить «независимо от Константинополя» патриарха.

Любопытно отметить здесь, в заключение этой краткой характеристики папских предложений и обещаний, содержание инструкции папы

Климента VII послу графу Ангвишиоле, отправленному в Москву в 1594 г. Эта инструкция является, как кажется, последней в цепи предшествующих, где папская курия еще раз рассчитывает на свой метод соблазна Москвы титулами и подавление ее авторитетом папского престола. Последней эта инструкция является, как нам кажется, потому, что именно в 90-х годах XVI в. начинает вырисовываться другой метод вовлечения Московского государства в лоно католической церкви. Об этом методе нам придется говорить, однако, несколько позднее и в иной связи. На инструкции Ангвишиоле стоит остановиться еще и потому, что в ней набросан план использования русских в борьбе с Турцией. Он также не является совершенно оригинальным для этого времени; в нем отражены данные, сообщенные еще в специальной записке Кампензе, составленной в конце 10-х — начале 20-х годов XVI в. Инструкция Ангвишиоле предлагала, между прочим, последнему: «показать, что... титула и достоинство всегда воздавались святым престолом». «Можете привести примеры, более им известные, — говорит инструкция, — из истории Царства Польского, Венгрии и Богемии, равно как из историй Восточной и Западной империи; пользуясь этим случаем, внедрить в ум тех, с кем придется рассуждать, мысль об авторитете святого престола и указать на достоинство, безопасность и честь тех, которые зависят от него и живут в союзе с ним, как милые дети в недрах матери». В качестве одного из отрицательных примеров независимости от «святого престола» приводится константинопольский патриарх, судьба которого находится теперь в руках султана, «непримиримого врага имени христианского». Поэтому «нельзя не видеть, что для такой могущественной и славной нации [т. е. для русских] весьма неприлично обращаться в высших делах веры к непримиримому врагу и зависеть от человека, который купил духовную власть [т. е. от константинопольского патриарха]». Мысль разорвать номинальную уже тогда связь московской церкви с константинопольским патриархом подсказывается из Рима неоднократно и, несомненно, в расчете, что после такого разрыва московская церковь, в поисках авторитета, упадет наконец в той или иной степени под власть и влияние папской курии.

Раскрывая план использования русских в борьбе с Турцией, папская курия и в 1594 г., как, впрочем, и раньше, строит его на соблазнительных для московского правительства перспективах овладения Константинополем. Ангвишиоле предлагалось побудить московского царя (князя, как сказано в инструкции) послать вспомогательный отряд в соседние провинции на театр военных действий. В обоснование этой посылки в инструкции высказывалось следующее соображение: «Так как его [т. е. князя] владения простираются до Смоленска, то он легко может послать войско в Подолию и отсюда в Молдавию, чтобы вести потом с турками войну во Фракии и занять города на Средиземном море, что причинило бы последним [т. е. туркам] весьма важные затруднения. Каковая экспедиция доставила бы москвитам славу перед

всеми народами и обогатила бы их добычей от разграбления богатых городов этой страны». Разумеется, в военных действиях участвовало бы не одно Московское государство. «По повелению его святейшества и других италянских государей,— как предписывалось передать царю,— в этой войне примут участие немцы, угры и итальянцы». Далее конкретизируется и «слава перед всеми народами московской нации», если последняя примет участие в войне. Оказывается, это участие послужило бы, как читаем в названной инструкции,— «к ее собственным выгодам и способствовало бы распространению ее империи; кроме того, овладев некоторыми городами на Черном море, что не представит особенных затруднений, она [т. е. империя] могла бы укрепиться там и основать надежду на распространение славы и власти в этом более мягком и счастливом климате и открыть себе дорогу к завоеванию самого Константинополя». Наконец, все это Анквишиоле должен был подкрепить ссылкой на соплеменность и религиозное единство с русскими «наций» бывшей Византийской империи. «Скажите,— предлагает ему инструкция,— что угнетенные (турками.— Н. Ч.) нации говорят тем же или мало отличным от московитов языком, и все они умоляют небо о помощи через своих соплеменников и ничего так пламенно не желают, как иметь в них защитников и патронов. Присоедините, что христиане всех этих стран соблюдают греческий обряд и имеют таким образом больше прав на поддержку со стороны их; что московиты могут надеяться на самый широкий и блистательный успех, после которого божественное милосердие благоволит соединить всех в общении истинной веры»¹.

Это соединение предполагалось, конечно, более широким, чем в пределах «православного Востока» и, разумеется, под главенством папы, хотя инструкция об этом прямо не говорит.

Параллельно с Римом и почти всегда согласованно с ним вел переговоры с Москвой и австрийский император, или, как он называется в документах того времени, «цесарь» (глава «Священной Римской империи германской нации»). В этих переговорах, вместе с предложениями Московскому государству вступить в антитурецкую коалицию, обычно всегда поднимался вопрос о титуле главы Московского государства: королевском, царском или даже императорском. При этом в переговорах всегда подчеркивалось, что получение соответствующего титула зависит от австрийского императора: он один будто бы обладал таким правом; папа мог оказать лишь содействие. Так, например, австрийские послы говорили: «Избрание Эрнеста [сына императора] в короли (Польши.— Н. Ч.) будет очень выгодно твоему величеству: ты, Эрнест, цесарь, король испанский, папа римский и другие христианские государи вместе, на сухом пути и на море, нападут на недруга нашего, султана турецкого, и в короткое время выгонят неверных в Азию; тогда,

¹ Инструкция Анквишиоле, напечатанная в «Русской исторической библиотеке», т. VIII, № 5, стр. 31—34.

по воле цесаря, папы, короля испанского, эрцгерцога Эрнста, князей имперских и всех орденов, все царство греческое восточное будет уступлено твоему величеству, и ваша пресветлость будете провозглашены восточным царем»¹.

Императорские послы в 1576 г. предлагали Ивану IV также участвовать в антитурецкой коалиции. В случае согласия на это император Максимилиан обещал тогда Ивану IV, что он добьется содействия папы и других государей для признания московского царя греческим и восточным цесарем. «За справую... его цесарские милости [т. е. Максимилиана II],— как говорили послы,— все цесарство греческое на восток солнца к твоему величеству пришло, а так ваша пресветлость за восточного цесаря от его цесарские милости (т. е. австрийского императора.— Н. Ч.) и святого папы Римского, а на досталь ото всего хрестьянства навеки был честен и славен»².

Таким образом за «единство и согласие» с католической церковью, являвшихся, по мнению Рима и вдохновляемого им цесаря, необходимой предпосылкой (или же неизбежным следствием) участия Москвы в антитурецкой коалиции,— последней обещается «коронование» великого князя в «хрестьянского царя» или, по словам Поссевино, в «императора Востока», митрополит же московский должен был при этом быть возведен в сан патриарха. Вместе с тем Рим почти с каждым посольством, а также в переписке указывал Москве на ее «отчину константинопольскую», как бы признавая тем самым (конечно, на вышеизложенных условиях) ее права на византийское наследие; он даже готов был, так же как и цесарь, оказать свое содействие его получению. Таким образом казалось, что все, о чем мечтали в Москве, зависело от Рима и Вены и находилось в руках «святейшего папы» и цесаря «Священной Римской империи».

Как известно, однако, ни Риму, ни Вене так и не удалось привлечь Московское государство в качестве активной силы к антитурецкой коалиции, не раз составлявшейся на Западе в XVI в. Вплоть до 1676 г. Москва не имела ни одного непосредственного вооруженного столкновения с Турцией. Все ее внимание в области реальной внешней политики в течение XVI и большей половины XVII столетий устремлялось на борьбу с Литвой, Польско-Литовским государством и (отчасти) с Швецией. Что же касается восточного направления этой политики, то оно ограничивалось завоеванием в 1552—1556 гг. Казанского и Астраханского ханств. Наметившиеся было тогда тенденции к завоеванию Крыма и тем самым выходу на Черное море (сторонники таких тенденций всегда были в составе московского правительства) не имели развития. В отношении Крыма, этого сильного вассала Турции, проводится лишь ряд оборонных мероприятий, выразившихся главным образом в укреплении и заселении южных границ Московского государства. Возникав-

¹ Ю. Виппер. Иван Грозный, 1922, стр. 86.

² Памятники дипломат. сношений, т. I, СПб., 1851, стр. 329.

ние же тогда коллизии между Москвой и Оттоманской Портой из-за Крыма и казаков, а также московской политики на Кавказе, разрешались обычно путем обмена посольствами и дипломатической переписки.

Охарактеризованные в общих и кратких чертах направления внешней политики московского правительства выступают в качестве лейтмотива в его переговорах с Веной и Римом. В них всегда подчеркивается, что до тех пор, пока не будут разрешены споры с Польско-Литовским государством и вопрос о Ливонии, участие Москвы в союзах «христианских государств» против Турции невозможно. Так, еще в 1519 г. «советники» Василия III, всячески обходя вопрос о константинопольском наследии, заявляли послу Шомбергу, что прежде всего «князь великий хочет вотчины свои земли Русские»¹, т. е. что он хочет вернуть те старинные русские земли, которые находились в обладании Литвы и Польши. Только на таких условиях Василий III согласен был примириться с последней и принять участие в антитурецкой коалиции христианских (т. е. католических) государств Европы.

Иван IV, ведя переговоры с Поссевино о мире с Баторием, между прочим, заявлял ему: «нам с ним быть в миру невозможно, [не] потому только, [что] нам ему поступитесь все Лифляндские земли, а которая наша извечная вотчина русские города, которые он поймал, и то будет ему же, и ему будет прибыльно, а нам будет убыточно, и потому не ведомо, на чем нашему государству и быти»². Он даже пытался обосновать на этом фактическую невозможность переписки с Римом, с цесарем, и «ни с которыми и иными государи с Италийскими и с поморскими месты» о «добром деле», т. е. о борьбе с Турцией, так как «король польский не захочет пропуску учинить». Руководствуясь указанными насущными требованиями московской внешней политики, Грозный довольно равнодушно отнесся и к мыслям Поссевино о Востоке и отказал «на большее государство хотети». «Мы в будущем восприятия малого хотим (т. е. лишь возвращения старинных русских земель.— Н. Ч.),— говорил Грозный,— а здешнего государства все вселенные не хотим, что будет ко греху посползновение»³.

Кроме того, относительно власти над Востоком царь сказал: «Земля господня, которую он даст, кому ему угодно будет».

Как известно, примирение с Польшей на условиях Москвы так и не состоялось ни при Василии III, ни при его ближайших и отдаленных преемниках: Иване IV, Федоре и Борисе Годунове. В частности, вспыхнувшая в 1558 г. Ливонская война, неудачно закончившаяся для московского правительства в 1582 г. Запольским миром, еще более осложнила и заострила проблему территориального восстановления старинных русских земель.

Наконец, помимо несоответствия предложений Рима и Вены реальным интересам московского правительства, последнему хорошо была

¹ Памятники дипломат. сношений, т. X, стр. 173, 174.

² Там же.

³ Там же, стр. 301.

известна двойная игра папской дипломатии между Москвой и Польшей в вопросе о Ближнем Востоке. Эта двойная игра особенно ярко выступает в замыслах Стефана Батория относительно Московского государства (в 1584—1585 гг.), выразившихся в подготовке с ведома и одобрения Рима «крестового похода» против схизматической Москвы, с целью превращения ее территорий в плацдармы будущей борьбы с Оттоманской Портой. Несколько раньше, а именно в 1579 г., одновременно с посольством ди Комоло в Москву, Григорий XIII секретно, через римского нунция в Польше Калигари, предложил Баторию выступить против Турции. Развивая перед Баторием перспективы этого похода, Калигари должен был сказать ему, что «он [Баторий] не только может возратить себе ту часть Трансильвании, которая отнята у него султаном, но и вознаградить себя за все убытки завоеванием Валахии, Молдавии, а может и самого Константинополя»¹, т. е. он должен был сказать ему именно то, что уже неоднократно в XVI в. говорилось от имени Рима в Москве.

Итак, Москва уклонилась от участия в антитурецких коалициях. Что же касается константинопольского наследия, коронования в «христианского царя» или «императора Востока», возведения митрополита в сан патриарха и, наконец, соединения церквей, то здесь на всю совокупность поднятых вопросов она ответила католическому миру известной теорией о «Москве — третьем Риме».

Появление как этой теории, так и других, вспомогательных к ней, построений московских идеологов XVI в., а также размах их содержания следует рассматривать в связи с внутренним и международным положением Русского государства, этой «огромной империи», — по словам Маркса, — на восточных границах Западной Европы. С такой точки зрения теория «Москва — третий Рим» представляется нам неразрывной в своем происхождении, так как именно рост и укрепление Русского государства увеличивали его международную значимость; последняя же стимулировала и направляла работу московских идеологов. Отражая в этой работе возрастание международного значения Москвы, московские идеологи вместе с тем и неизбежно должны были содействовать своими теориями дальнейшему внутреннему становлению национально-го, а затем и многонационального Русского государства.

Отдельные элементы теории «Москва — третий Рим» появляются в конце XV в., а соответствующие им настроения — и еще раньше, вскоре же после Флорентийской унии 1439 г., и особенно после падения Константинополя в 1453 г. Однако в наиболее стройном своем развитии теория эта складывается под пером старца псковского Елеазарова монастыря Филофея в 10—20-х годах XVI в. И это, повидимому, не случайно. Названные годы являются периодом довольно частых сношений Рима и цесаря с Москвой. Вопросы этих сношений, разумеется, не могли не волновать московских образованных людей, тесно связанных

¹ Ф. Усленский. Сношения Рима с Москвой. — Журн. мин. нар. просв. 1884, № 8, стр. 410.

с феодальными верхами государства и вдохновляемых правительственной деятельностью тех или иных групп этих верхов или же их отдельных представителей. Автор теории «Москва — третий Рим», старец Филофей был близок, например, к одному из деятелей правительства Василия III, к дьяку М. Г. Мунехину-Мисюрю. Последний же находился в переписке с московским дипломатом, знатоком латинского языка и переводчиком Дмитрием Герасимовым, ездившим в 1524 г. послом в Рим. Есть сведения об общении Мунехина с известным Николаем Булевым или Люевым-Немчином, пропагандистом соединения церквей, долго жившим в Москве в качестве врача Василия III. Возможно, что Филофей и непосредственно знал этих лиц. Во всяком случае он, несомненно, был осведомлен через Мунехина о ряде вопросов, возникавших в переписке и общении последнего с названными лицами.

Среди этих вопросов едва ли не главное место занимали, вероятно, те, в которых трактовались папские предложения о соединении церквей, константинопольском наследии и т. д. В связи с ними стоит, например, послание Филофея Мунехину против звездочетцев и латинян. В нем, подвергая критике астрологические заключения Николая Булева, Филофей пытается также опровергнуть и тезис, что «царство Ромейское недвижимо пребывает, что (по словам Булева.— Н. Ч.) аще быхом неправе веровали, не бы господь снабдел нас». Этот тезис католиков, особенно в связи с предложением папы и цесаря вступить в единство и соединение с католической церковью, не мог не затрагивать Филофея и вместе с ним и тех, с кем он общался, тем более, что в верхах московского общества уже давно имели хождение отдельные мысли о «богоизбранности» Московского государства и его грядущей исключительной роли в мировой истории. Мысли эти, подкрепляемые успехами внутреннего роста государства, несомненно, определяли ту уклончивую политику московского правительства в отношении Рима и Вены, о которой упоминалось выше. В самом деле, решилось московское правительство на принятие делаемых предложений, оно тем самым должно было бы неизбежно вступить в известные зависимые отношения и к Вене, и к Риму; оно должно было бы признать их верховное руководство, особенно Рима, и потерять, в силу этого, полноту созданного им с огромными усилиями «самодержавства» и связанного с ним, по понятиям того времени, суверенитета Русского государства в международных отношениях. Однако отдельных мыслей об исключительной роли Московского государства в мировой истории было уже недостаточно, необходимо было, в целях противопоставления их соответствующим претензиям папского Рима и Вены, связать их в стройную и обоснованную теорию, вполне оправдывающую отказы московского правительства и от ввода в византийское наследие, и от титулов, и, наконец, от являвшегося неизбежным к достижению «императорства» на Востоке соединения церквей.

Обращаемся к содержанию теории «Москва — третий Рим», как она представляется в посланиях Филофея к великому князю Василию III и к дьяку Мунехину. Разумеется, нас не должна смущать при этом та

религиозная оболочка, в которую заключены развиваемые в теории положения. Вспомним характеристику идеологической жизни средневековья, данную Энгельсом, и определение им роли догматов и обрядов — своеобразных «политических аксиом» средневековья. Комплексом подобных же «политических аксиом» являлась и теория «Москва — третий Рим», под влиянием которой развивается общеполитическое и церковное движение в Московском государстве XVI в., с известной модификацией и в следующем столетии.

Вот что писал Филофей великому князю Василию III, излагая интересующую нас теорию: «Иже от внешняя и от всемошине, без содержания десницы божия, им же царие царствуют и им же велице величаются и сильные пишут правду — тебе пресветлейшему и высокостольнейшему государю и великому князю православному христианскому царю и владыце всех браздодержателю святых божиих престол святые вселенские и апостольские церкви пресвятые богородицы чесного и славного ее успения, и же вместо римские и константинопольские провоссиявшу». Давая далее обоснование этого превращения московского царства и церкви во «вселенское», Филофей пишет: «Старого убо Рима [т. е. папского] церкви падеся неверием аполинариева ереси; второго же Рима Константинова града церкви, агаряне внуцы секирами и оскордами расekoша двери. Сия же ныне третьего, нового Рима, державного твоего царствия, святая соборная апостольская церкви, иже в концах вселенные в православной христианской вере во всей поднебесной паче солнца светится». Это новое «вселенское» положение московской церкви налагало, по словам Филофея, ряд обязательств и на главу тесно связанного с ней «царства»: «И да весть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христианские веры снисдошася в твое едино царство, един ты во всей поднебесной христианом царь... Не преступай царю, — продолжает Филофей, — заповеди, еже положиша твои прадеды великий Константин и блаженный Владимир и великий богоизбранный Ярослав и прочии блаженнии святии, их корень и до тебе». «Блуди и внемли, благочестивый царю, — еще раз подчеркивает старец, — яко вся христианская царства снисдошася в твое едино, яко два Рима падоша, а третий (т. е. Москва. — Н. Ч.) стоит, а четвертому не быти; уже твое христианское царство инем не останется».

Таково в представлениях Филофея и вдохновлявших его правительственных кругов московского общества «настоящее и будущее» Русского государства и связанной с ним церкви. «Настоящее», т. е. годы, современные Филофею, — это «третий Рим» и «апостольская церковь», которая «во всей поднебесной паче солнца светится». «Будущее» — это время, когда под державой московского царя — преемника «великого Константина» и главы «третьего» и последнего Рима (так как «четвертому не быти») «все царства православныя христианския веры снисдошася в... едино царство».

Теория «Москва — третий Рим» послужила той почвой, на которой

пышно расцвела прочая церковно-политическая фантастика московских книжников XVI в. Почти одновременно с ее разработкой Филофеем и первыми моментами ее распространения,— но особенно в эпоху Грозного,— появляются различные повести о царской власти, происхождении московских государей от Пруса, брата «единоначальствующего на земле кесаря Августа», наконец, о более высоких правах и преимуществах московских митрополитов сравнительно с высшим духовенством павших Римов: эмблема этих более высоких прав и преимуществ, белый клобук, была, по словам специального сказания, перенесена из Рима и Константинополя на Русь. По существу все эти повести являлись дальнейшей детализацией и углублением содержания теории «Москва — третий Рим»: ведь и последний Рим для полноты картины должен был иметь царя и рядом с ним патриарха, как это было во «втором Риме» — «Константинове граде», столице бывшей Византийской империи. Фактически уже задолго до венчания Грозного царским титулом (1547 г.) московских великих князей начинают именовать царями, а митрополитов — патриархами, московская же митрополия еще до официального учреждения патриаршества (1589 г.) уже называет себя иногда «престолом патриаршеским всея русские метрополии» или престолом «русские патриархии»¹.

Теория «Москва — третий Рим» со всеми вспомогательными к ней построениями московских идеологов, отражавшая, как упоминалось, успехи складывания и укрепления национального, а по форме своей — централизованного, феодального государства, была направлена также и в сферу международных отношений. В связи с охарактеризованными выше предложениями Рима и Вены, с неизбежным в случае согласия на них ущемлением суверенитета Москвы, последняя не только обосновывает теоретически свои права на третий Рим, но и противопоставляет себя первому, т. е. папскому, Риму в смысле независимой от него и руководящей силы на Ближнем Востоке.

Однако отнюдь не весь комплекс идей, разработанных в Москве в XVI в., был пущен тогда в оборот дипломатии. Так, например, идея о константинопольском наследии, как уже упоминалось, всячески избегалась московским правительством в соответствующих переговорах (вспомним ответы Василия III, а также Грозного — Поссевино). В этих переговорах затрагивались обычно два вопроса, лишь косвенно напоминающие претензии Москвы на мировую роль «третьего Рима» — это вопросы о царском титуле и о церкви. Мы не можем здесь подробно останавливаться на тех бесконечных спорах о титуле, которые велись московской дипломатией и не только с Веней, но и с другими государствами, особенно, например, с Польшей (как путем переписки, так и путем переговоров). Приведем только несколько наиболее ярких положений, разработанных Москвой, о максимальной суверенности царской

¹ Цитирую по М. Дьяконову. Власть московских государей, СПб., 1889, стр. 70, примеч. I.

власти, о непосредственной преемственности от Византии — Восточной Римской империи и т. п. Выдвигая эти положения как бесспорные, Москва устами своих дипломатов настаивала поэтому на признании их всеми государствами, с которыми ей приходилось общаться.

Уже Иван III в ответ на предложение королевского титула говорил цесарскому послу Поппелю (через дьяка Ф. Курицина), что он «поставление имеет от бога..., а поставления как есмь наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим». Его посол к цесарю Юрий Траханиот (1489 г.) должен был передать в Вене следующее о московских государях: «Государь наш — великий государь, урожденный изначала от своих прародителей; а и наперед того от давних лет прародители его по изначальству были в приятельстве и в любви с передними римскими цари, которые Рим отдали папе, а сами царствовали в Византии...». Таким образом посол должен был разъяснить, что ни о какой «превысоности» цесаря Фридриха III и его сына Максимилиана, сравнительно с Иваном III и речи быть не может: последний тоже являлся «великим государем». Посол цесаря при Василии III, известный Гёрберштейн, считал даже совершенно безнадежным предлагать ему королевский титул, так как он сам «se et regem et imperatorem facit» и, несомненно, в тех же соображениях, что и Иван III.

Однако в наиболее развитом виде независимость от кого бы то ни было и суверенность царской власти в Московском государстве обосновываются при Иване Грозном; при нем, как уже указывалось, происходит и «венчание на царство». Вот что должен был говорить, например, русский посол в Польше в 1550 г.: «Наш государь учинился на царстве по прежнему обычаю, как прародитель его великий князь Владимир Мономах венчан на царство Русское, коли ходил ратью на царя греческого Константина Мономаха». Именно тогда же приниженный византийский император, как повествовал посол, «прародителю государя нашего великому князю Владимиру добил челом и прислал к нему дары, венец царский и диадему, с митрополитом эфесским Неофитом... и на царство митрополит Неофит венчал и от [того] времени именован царь и великий князь Владимир Мономах». В соответствии с этой традицией и Ивана IV, — по словам посла, — «ныне венчал на царство Русское тем же венцом... Макарий митрополит»¹.

Так, между прочим, была передана в дипломатическую сферу разработанная московскими идеологами «повесть о венчании на царство Владимира Мономаха». Далее, в переговорах с теми же поляками всячески подчеркивалось превосходство «царского венчания». Ивана IV над «королевством»: «А ведь дело знаменитое, — должны были говорить московские послы в 1549 г., — все государи христианские имя свое пишут по венчанью, а короли по коронованию». Они должны были далее обосновать это превосходство именно тем, что оно получено непосредственно от византийского императора и не нуждается поэтому ни в чем утверждении. Венчание Ивана IV бармами и мономаховым

¹ Сб. Русского исторического общества, т. 59, стр. 345.

венцом было совершено по «древнему закону царскому, яко же римстии и греческие царие православнии поставляху»¹.

В обоснование прав на царский титул и вместе с тем на равенство положения в «христианском мире» римскому цесарю (австрийскому императору), что подчеркивалось и в наименовании его московскими великими князьями и царями «братом», — московские идеологи, а вслед за ними и дипломаты, привносят в свои построения и переговоры новые мотивы, еще более фантастические. В достижении указанных целей их уже не удовлетворяет идея преемственности царского титула и связанных с ним регалий от византийского императора; роль последнего начинает отодвигаться на второй план, на первый выдвигается «апостол Андрей», который посетил Русскую землю, «жезлом же прообрази в Руси самодержавное царское скипетроправление». Это «скипетроправление», по словам Степенной книги и Государева Родословца, составленных в половине XVI в., «начася», как оказывается, от Рюрика «иже бе от племени Прусова, по его же имени Прусская земля именуется; Прус же брат бысть единоначальствующего на земле римского кесаря Августа». Последний производил якобы раздел «вселенной» между своими братьями и родственниками и выделил брату Прусу землю на берегах Вислы. «А от Пруса четвертое на десять колено — Рюрик», который поэтому и является «от роду римска царя Августа».

Подобная «генеалогия» позволила московским дипломатам от имени Грозного заявлять, что Московское государство «от начала особне содержится нами, извечными государи русскими, почен от Августа, кесаря римского, и до Рюрика, иже был государем в Великом Новгороде». Далее в тех или иных сочетаниях сообщалось то же, о чем выше мы говорили; но при этом все же всегда подчеркивалось, что русские приняли царский титул и регалии от византийского императора не по своей просьбе, а «с прошением мира греческого царя Константина Мономаха», и как бы в дополнение к тому «царскому именованию», которое положил на себя князь Владимир Святославич, «иже крести русскую землю».

Вторым атрибутом теории «Москва — третий Рим» является патриарх, глава московской церкви, тесно связанный с первым, т. е. с царем.

Как известно, до 1589 г. глава московской церкви назывался митрополитом, и лишь иногда, как мы уже указывали, ему присваивался сан патриарха, а московской церкви название — патриархии. В этих прорывавшихся под пером книжников терминах отразились тенденции упорно продолжавшейся в монастырских кельях и в царских канцеляриях работы над дальнейшим развитием теории «Москва — третий Рим»: московская церковь, превращенная указанной теорией во «вселенскую» и противопоставленная в отношении «благочестия» и перспектив римской и греческой, должна была подготовиться внутренне и к отводимой для нее новой роли. Подготовка эта, развернувшаяся глав-

¹ М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 76.

ным образом в половине XVI в., пошла тогда в направлении создания прежде всего национальной церкви, опоры самодержавной власти в централизуемом феодальном государстве. Элементы «вселенности» московской церкви почти до конца века стоят как бы на заднем плане. Такое именно направление в указанной подготовке обуславливалось прежде всего внутренними потребностями московского правительства. Но кроме, так сказать, общего русла, по которому текла деятельность московского правительства в XVI в. и в сферу которого была вовлечена также и церковь, на придание последней национального характера не могли не повлиять некоторые внешние факторы. Мы имеем в виду неоднократные указания Рима на Флорентийскую унию 1439 г., когда греки должны были признать верховную власть папы над своей церковью. Между тем, Москва, хотя и порвала в половине XV в. церковно-административную зависимость своей церкви от константинопольского патриарха, но продолжала все еще находиться под известным религиозным и культурным влиянием греков. Кроме ссылки на Флорентийскую унию, которая должна была облегчить, по мнению Рима, присоединение Москвы к «святейшему престолу», последний, с другой стороны, подчеркивал, как нами уже указывалось, неудобство и двусмысленность подчинения Москвы константинопольскому патриарху, часто обязанному выполнять направленные против христиан требования турецкого султана.

Однако потребовалось время, чтобы Москва, обладавшая теорией о третьем Риме, выработала в свете этой теории новый взгляд на свою церковь и религию. Еще при Иване III и Василии III, в ответ на предложение «едначества и согласия» с Римом, скрепленных церковной унией, московское правительство и его дипломаты обычно отвечали, что «государь наш, как наперед того от прародителей своих закон греческий держит крепко и впредь закон свой греческий хочет держать крепко».

Эта подчеркнутая в приведенных ответах традиционная религиозная связь с греками представляется уже нарушенной в царствование Грозного. Вспомним его слова, сказанные упомянутому выше Поссевино в 1582 г. Когда последний снова поднял вопрос о соединении церквей на основе Флорентийской унии, царь ответил ему следующее: «А говоришь, Антоней, что ваша вера римская с греческой одна вера, а мы веру держим истинную хрестьянскую, а не греческую»¹. И далее: «Мы верили не в греков, а в Христа; мы получили христианскую веру при начале Христовой церкви, когда Андрей, брат апостола Петра, пришел в эти страны, чтобы пройти в Рим». «Таким образом, — продолжал Грозный, — мы на Москве приняли христианскую веру в то же самое время, как вы в Италии, и с тех пор доселе соблюдали ее нерушимо»². И здесь, как видно, легенда об апостоле Андрее, как и впервые о царском титуле, должна была максимально подтверждать независимость Московского царства от кого бы то ни было и вместе с тем обосновать

¹ Памятники дипломатич. сношений, т. X, стр. 301.

² М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 69.

его равноправность Риму как центру католичества одновременно принятия веры.

Ко времени приведенных слов Грозного московское правительство и руководящие деятели московской церкви уже совершают большую работу по ее организации, а главное — по национализации обрядов культа и, следовательно, по оформляемой ими идеологии. Так, церковными соборами 1547 и 1549 гг. был образован единый пантеон русских святых, многие из которых в свое время являлись патронами отдельных местностей и отражали, таким образом, в известной степени традиции былой феодальной раздробленности. В 1551 г. так называемый Стоглавый собор производит объединение и унификацию религиозных обрядов и культа в московской церкви, до того также различавшихся по отдельным местностям, и делает их обязательными для населения всего государства. Тогда же предпринимается ряд мер к поднятию морального облика рядового московского духовенства и по внедрению среди него элементов просвещения и т. д. и т. п. Наконец, в эти же годы складываются в кружке митрополита Макария — виднейшего идеолога московского самодержавия — так называемые «Четы-Минеи», являющиеся грандиозным по замыслу и выполнению для XVI в. памятником национально-религиозной литературы Московского государства.

512392
Указанная деятельность московского правительства и руководящих деятелей московской церкви представляется весьма характерной, если вспомнить, что на эти же годы падает серьезное перевооружение и католической церкви перед лицом все усиливающегося протестантизма. Мы имеем в виду Тридентский собор, заседавший с 1545 до 1565 гг.; на одну из сессий этого собора в 1561 г. должен был получить приглашение и Иван Грозный¹. Так, по крайней мере, хотел папа Пий IV и даже послал посла Канабия расположить в пользу этого приглашения польского короля; последний, однако, не выразил сочувствия такому приглашению и не пропустил посла в Москву. Как бы то ни было, но Москва уже располагала достаточно укрепленной национальной церковью, организационные и идеологические силы которой она готова была обрушить не только на своих еретиков, вдохновляемых отчасти теми же протестантами, но также и на католиков. Хронологическое совпадение деятельности Тридентского собора и Стоглавого собора в Москве чрезвычайно любопытно и по известной общности их целей, исходивших, конечно, из разных оснований. И Рим и Москва, как бы готовясь к предстоящим боям, фиксируют на этих соборах ортодоксию своих религиозно-политических доктрин: католической и православной. Тогда же они создают и орудия проведения этих доктрин в жизнь: орудием католичества становятся иезуиты, орудием православия — иосифляне.

¹ Ф. Успенский. Сношения Рима с Москвой — Журн. мин. нар. проsv., 1884, № 8, стр. 403; см. также любопытное замечание об этом у Р. Ю. Виппера («Иван Грозный»), который сопоставляет Стоглавый собор с одной из сессий Тридентского собора в 1551 г.

Известная параллель между церковно-политическими мероприятиями Москвы и Рима в 50-х годах XVI в. может быть проведена и в области литературной работы. Как известно, в 40—50-х годах в Москве (и Новгороде) создаются «Четы-Минен». Идея об обширном собрании религиозной литературы «Acta Sanctorum» возникает также на Тридентском соборе. Мысль эта отчасти и осуществляется тогда представителем собора Липоманом, издавшим в период времени с 1551 до 1558 гг. шесть томов «Sanctorum piogum vitae».

Создание национальной московской церкви сопровождается одновременно ее отходом от религиозного влияния константинопольской церкви. Московские идеологи пропагандируют мысль об измене греческой церкви «истинному» православию, связывая эту измену с Флорентийской унией 1439 г., приведшей якобы к трагическому падению Константинополя в 1453 г. В широких кругах московского общества церковный и моральный авторитет греков падает все ниже и ниже. Они представляются впавшими в католичество, магометанство и другие «ереси», а также погрязшими в грубых материальных расчетах. Практика общения русских с представителями греческого духовенства, в том числе и высшего, появившимися в Москве за «милостыней» и прибегавшими часто, в целях ее получения, к жульничеству и обману, весьма, конечно, содействовала ведению такой пропаганды. Все же, однако, несмотря на эту пропаганду и на высказывавшиеся иногда взгляды, например Грозным, московское правительство охотно прислушивается к суждениям отдельных греческих иерархов о Москве и ее церкви, об их роли на Ближнем Востоке в качестве покровителей и защитников «истинного православия» и т. д. и т. п. Эти суждения важны были Москве потому, что греческая церковь, в лице константинопольской, все еще продолжала иметь крупное международное значение. Поэтому признание константинопольским патриархом, первым среди остальных восточных и вместе с тем и символом угасшей императорской власти, а также другими видными представителями греческого духовенства «царственного града» Москвы в роли «третьего Рима» должно было, вместе с завершением идеологических построений последнего, придать ему авторитет «вселенского» (прежде всего в пределах «православного» Востока).

Я не буду приводить здесь всех благоприятных для Москвы высказываний греков XVI в., так как все они в той или иной степени находят свое отражение в известных греческих актах о «царском венчании» 1561 г. и установлении патриаршества 1589 г. На содержании этих двух документов позволю себе остановиться, чтобы дать некоторое представление об указанных благоприятных суждениях и их направленности. Заинтересованность московского правительства в признании и оправдании вышеприведенных идеологических построений и наличие довольно многочисленных, но частных подтверждений об этих построениях (вообще или же их деталей) со стороны греческого патриарха, митрополитов и т. п. побуждают Ивана IV обратиться к кон-

стантинопольскому патриарху за официальным подтверждением прав московского великого князя на титул царя. В ответ на это обращение Москва и получает, наконец, особую «соборную» грамоту, подтверждающую права Ивана IV на уже принятый им царский титул: «быти и зватися ему царем законно и благочестно», так как, по словам грамоты, «он от рода происходит и от крови царской». Раскрывая далее не только местное значение «венчания» Ивана IV, «соборная» грамота 1561 г., правда несколько завуалированно, признает, что «сие [венчание] полезно всему христианству, повсюду законно и справедливо для утверждения и пользы всей полноты христианства». Эта фраза получает, однако, дальнейшую, вполне достаточную и важную для московской идеологии конкретизацию в особом приложении к соборному акту. В этом приложении константинопольский патриарх называет Ивана IV уже «царем и государем православных христиан всей вселенной от востока до запада и до океана». Кроме того, в этом приложении давалось и обещание о всеобщем на Востоке молении за московского царя: «Да будешь и ты между царями, как равноапостольный и славный Константин». В связи с обрисованным в приложении значением московского царя для всего Востока, константинопольский патриарх внушал далее и надежду, что он, царь, «да избавит повсюду все христианские народы [в приложении — «роды»] от скверных варваров, сыроядцев и страшных язычников агарян», т. е. от турок. Отметим, что незадолго до появления цитируемых нами документов мысль об избавлении с помощью московского царя «христианских народов» от властвования турок весьма ярко выражал и александрийский патриарх. Он связывал, между прочим, это избавление с переходом «наследия царя Константина» в руки Ивана IV и называл последнего даже «вторым солнцем». В 1560 г. он говорил папскому послу: «Ныне достиг я старости великой, ино и велит мне бог того видети, как московскому государю бог подает наследие царя Константина и покорит все государства к подножию его; а мы чаем,— предсказывает патриарх,— что подаст ему, государю, господь бог наследие Константина царя в недолгое время».

Признание константинопольским патриархом и собором высшего греческого духовенства царского титула и роли Москвы в качестве преемника Византии отнюдь, однако, не изменяет основной линии поведения московского правительства и церкви по отношению к грекам. Получив от них нужный по вышеприведенным соображениям акт 1561 г., московское правительство и церковь вместе с тем отказываются от более активного участия греческой церкви во внутренних делах Московского государства. Так, например, когда константинопольский патриарх предложил повторить обряд венчания Грозного на царство при посредстве своего экзарха, евгринского митрополита, привезшего в Москву акт 1561 г., то в ответ на это получил категорический отказ. Царь не только не пожелал повторения «божественного таинства венчания», но он даже отказался от простого «благословения» названным

митрополитом на том основании, что последний, при проезде через Литву, прикладывался к католическому кресту. Разумеется, причина этого отказа лежала глубже, чем только «еретизм» грека. Предлагая новое «венчание», константинопольский патриарх мотивировал его тем, что никто иной «от власти сущий» не имеет права совершать царское венчание, кроме него (патриарха) и римского папы. В такой постановке вопрос этот был, конечно, совершенно неприемлем для московского правительства. Обращаясь на Восток, оно желало лишь получить оттуда признание царского титула, т. е. того, что было, по его мнению, «исторически присуще» главе Московского государства издавна. Между тем, предложение константинопольского патриарха заключало в себе по существу отрицание этих «исторических» прав Москвы, ставшей к тому же и независимым от кого бы то ни было «третьим Римом». Стремления патриарха были достаточно прозрачны: он хотел играть для московских царей ту же роль, какую в свое время римский папа играл на Западе для некоторых светских властителей и чего предполагал неоднократно добиться и в отношении Москвы. Отказываясь от предложений Рима, а также и Вены, возвести главу Московского государства в «христианского царя» и «императора Востока», московское правительство по тем же мотивам не могло согласиться и на посвящение «на царство», предложенное из Константинополя.

Заключительным аккордом идеологических построений Москвы XVI в. в области церкви являлось учреждение патриаршества. С появлением около царя фигуры патриарха теория «Москва — третий Рим» могла считаться окончательно завершенной и обоснованной во всех своих деталях. Действительно, если московский царь считал себя (и был уже признан греками) опорой и защитой православия на Востоке, то соответственно и московский митрополит, глава ставшей национальной и объединенной церкви, должен был получить сан, который бы вполне импонировал ее положению в «третьем Риме». Ведь, согласно теории о «третьем Риме», московская церковь, теперь уже также и «апостольская», «во всей поднебесной паче солнца светится», и, по убеждению московских идеологов, становится отныне вместе с «царством» новым и единственным центром истинного православия во «всей вселенной».

Давно желаемый и искомый московский сан патриарха, наконец, получен в 1589 г. Приехавший тогда в Москву за милостыней константинопольский патриарх Иеремия, после долгих и хитроумных переговоров с ним правительства, поставил в московские патриархи митрополита Иова. В акте о патриаршестве, в «утверженной грамоте», это событие объяснялось в следующих словах: «Так как ветхий Рим пал от аполлинариевой ереси, а второй Рим — Константинополь — находится в обладании у безбожных турок, то твое, благочестивый царь, великое Российское царство, третий Рим, превзошло благочестием все прежние царства, и все благочестивые церкви соединились в твое царство, и ты один теперь именуешься христианским царем во всей все-

ленной». «Поэтому,— продолжает далее названная грамота,— и превеликое дело (т. е. учреждение патриаршества.— Н. Ч.) по божию промыслу, молитвами чудотворцев русских, по твоему царскому прошению у бога и по твоему совету исполнится».

Только что приведенные слова акта 1589 г. об установлении патриаршества неизбежно должны были повести к тому, что новый московский патриарх, а также стоявшее за ним правительство отнюдь не удовлетворятся рядовым положением с прочими патриархами Востока, а будут претендовать среди них на первое место. В самом деле, слова акта 1589 г., произнесенные как бы самим Иеремией, резко подчеркивали современное положение и грядущую роль Москвы и ее церкви. Теория «Москва — третий Рим» впервые в официальном документе нашла столь четкое и вместе с тем всестороннее свое признание со стороны духовного владыки «второго Рима». Вместе с тем это признание являлось также и констатацией утраты этим владыкою своего руководящего значения на православном Востоке. Значение это переходило теперь к Москве, что и было тогда же еще раз подтверждено патриархом Иеремией во время торжеств, посвященных учреждению московского патриаршества. Будучи тогда на приеме у первого московского патриарха Иова, прося у него «благословения», Иеремия заявлял, что «во всей подсолнечной один благочестивый царь; вперед, что бог изволит, здесь подобает быть вселенскому патриарху; а в старом Царьграде за наше [т. е. греков] согрешение вера христианская изгоняется от неверных турок». Основываясь на указанных словах Иеремии, московское правительство в дальнейшем еще долго боролось с той частью высшего греческого духовенства, которая осталась недовольной деятельностью Иеремии в Москве и не только не собиралась предоставлять московскому патриарху первого или одного из первых по значению мест во вселенской церкви, но даже и вообще вначале не желала признавать его законным патриархом. Как известно, константинопольские соборы 1590 и 1593 гг., созванные по вопросу об утверждении патриаршества в Московском государстве, признали московского патриарха лишь пятым, последним патриархом, «под иерусалимским».

Учреждение патриаршества в Московском государстве должно было иметь в представлениях его правительства важное значение не только внутри государства и даже не только в пределах православного Востока. Это событие должно было произвести соответствующее впечатление и в Западной Европе и увеличить там международный престиж Москвы. Византийский идеал «христианского царства» во главе с «премудрой двоицей» — царем и патриархом, широко известный, конечно, в политических и церковных кругах Западной Европы, был, наконец, осуществлен в Москве, притом совершенно самостоятельно, без помощи Рима и цесаря. Такое широкое международное значение учреждения патриаршества — этой важной и нехватавшей до 1589 г. детали в возведенном здании «Москва — третий Рим», довольно ярко

было подчеркнуто в приветственной речи царицы Ирины патриарху Иеремию. Она говорила ему, между прочим, что произошло наконец то, чего «пламенно желали прежние наши государи»; «пришествие» его, Иеремию, в Москву «принесло нашей церкви величайшее украшение, так как со степени митрополии она возведена теперь на степень патриаршества, и [это] изумительно умножило блеск царства нашего между всеми другими».

На этом можно, пожалуй, закончить предложенные выше соображения по выяснению условий возникновения, истоков и содержания официальной московской идеологии XVI в. В ее основании лежит, таким образом, довольно стройное идеологическое построение о «Москве — третьем Риме», связанное с другими сочинениями московских книжников о царской и высшей церковной власти. Сложившись, это построение приобретает значение государственно-правовой теории, определяет церковно-политические и национальные тенденции московского правительства XVI в.

Однако, как уже указывалось мною, тенденции эти в сфере широких международных отношений не носят активного характера. Они, вместе с питавшей их идеологией, выступают тогда в качестве своеобразной панацеи от той опасности, которая таилась в предложениях и домогательствах Рима и Империи. В идеологической борьбе с последними Москва стремится лишь обосновать свою независимость и суверенность и на этой базе противопоставить себя полноправно как «ветхому» папскому Риму, так и цесарю «священной Римской империи». Эти именно стремления, как мне кажется, и являлись весьма важными стимулами к энергичной разработке теории «Москва — третий Рим» и всего с ней связанного, вплоть до ряда практических мероприятий московского правительства относительно титулатуры и церковной политики.

В реальной внешней политике московского правительства до конца XVI в. отсутствуют какие-либо активные ближневосточные проблемы, кроме, конечно, оборонительных (например от Крыма), хотя эти проблемы и просвечивают в построениях московских идеологов, а также подсказываются извне из Рима и Вены. Соответствующие религиозно-мессианистические и прочие ноты о роли Москвы на Ближнем Востоке носят исключительно отвлеченный характер. Поддержка этих прогнозов определенными представлениями греческого духовенства, призывавшего к освобождению и возрождению бывшей Византийской империи, не находила пока деловых откликов в правительственных кругах Москвы. Они заняты тогда были разрешением более насущных проблем. Внешняя политика московского правительства XVI в., теснейшим образом увязанная с современными внутренними потребностями государства, развивается в направлении, главным образом, борьбы за «свою вотчину землю Русскую», т. е. на западных и северо-западных его границах.

Теория «Москва — третий Рим» приобретает, однако, в XVI в.

важнейшее значение в области внутренней политики московского правительства. Идеологически оформляя и оправдывая деятельность правительства по созданию сильного и централизованного феодального государства, названная теория оказывается призванной к обработке сознания московского общества.

Широко распространяясь путем включения в многочисленные сборники, являвшиеся тогда излюбленной литературой, теория эта и другие связанные с ней по общности целей сочинения XVI в. должны были охватить сознание русского общества в известном идеологическом единстве. В результате внутренние и внешние события в государстве того времени общество начинает рассматривать исключительно с точек зрения, развиваемых московскими идеологами. В основе этих взглядов лежит непоколебимое утверждение, что Москва — это «богохранимый, преименитый царствующий град», третий Рим, благочестием цветущий, единственное, в силу этого, место во всей «подсолнечной».

С. Б. ВЕСЕЛОВСКИЙ

ТОПОНИМИКА НА СЛУЖБЕ У ИСТОРИИ

Производным с греческого языка словом топономастика, или, короче, топонимика, принято называть учение о географических названиях вообще, о названиях рек, озер, гор и т. п. топографических терминах, и о названиях городов и селений, о так называемых культурно-географических терминах. Топонимика в историческом разрезе изучает происхождение географических терминов, выясняет местонахождение несуществующих селений, изменения и смену одних терминов другими. Таким образом историческая топонимика является по существу очень важной частью исторической географии.

Топонимическая номенклатура привлекала к себе внимание еще писателей античного мира. Историки и различные писатели делали опыты толкования и объяснения устаревших и вышедших из употребления географических терминов и личных имен, прибегая преимущественно к этимологическому объяснению терминов. Цицерон говорил, что писатели в своих опытах этимологического толкования слов часто доходят до смешного. Этот метод филологического истолкования терминов, большею частью совершенно не научного, был в большом распространении и в средние века, но только в XIX в. исследователи обратили серьезное внимание на топонимику и пришли к мысли использовать топонимический материал в своих работах.

Раньше и больше всего этим занялись филологи, и в настоящее время на Западе, а отчасти и у нас, существует большая топонимическая литература. К сожалению, как говорил проф. Д. Н. Егоров, «работа филологов и историков долгое время шла отдельно, без нужного соприкосновения и обмена; а с другой стороны, разные дисциплины пользовались далеко не совпадающим материалом: то признавалась всякая номенклатура, современная или недавнего прошлого, то, наоборот, более поздний материал совершенно отбрасывался, и пользовались исключительно названиями, удостоверенными традициями грамот или иных первоисточников»¹.

В нашей литературе можно указать, как на высокие образцы чисто филологических исследований, на работы академика А. И. Соболева

¹ Д. Егоров. Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в., т. I, М., 1915. Материал и метод. См. IX главу: «Материал топономастический», стр. 446—503.

ского и на диссертацию проф. Бодуэна де Куртенэ¹. Образцом интересного и методологически поучительного сочетания филологического и исторического методов может служить работа проф. Бертье-Делагарда по топонимике Крыма².

Значение топонимики как вспомогательной исторической дисциплины многообразно. Проф. Егоров в указанном выше сочинении говорит: «В странах колонизационных, при смешанном этнографическом составе населения, при сплошном почти отсутствии достаточных общенсторических данных, топографическая номенклатура является нередко чуть не единственным материалом, который позволяет несколько поднять завесу прошлого»³. Это совершенно верное указание проф. Егорова особенно применимо к советской топонимике, так как в состав СССР входит ряд народностей, до недавнего времени не имевших своей письменности и, вследствие этого, — своих исторических источников. Но значение топонимики далеко не исчерпывается этим. Ниже на примерах будет показано, что топонимика оказывает историческую помощь и в ряде других вопросов. Например, топонимика является совершенно необходимой при исследовании истории землевладения и истории социального строя тех периодов, от которых сохранилось очень мало памятников письменности.

Самым слабым местом топонимических исследований была — и в значительной мере остается до сих пор — слабо разработанная методика. Проф. Егоров, характеризуя литературу по топонимике XIX столетия, писал: «Безразлично брали данные, современные и старые, не заботясь о тех крупных изменениях, какие могли произойти в течение многих веков; «славянские корни» искали в любом без различия славянском языке, исторически хотя бы и никогда не связанном с данной местностью. Недостаточные знания по славистике довершали остальное: получались чудовищные иногда объяснения, и самая работа теряла всякий смысл»⁴. Проф. Егоров имел в виду главным образом исследования по территории прибалтийских славян, но его замечания применимы ко всей почти старой топонимической литературе. Бесспорно, что на методику работы следует обратить внимание прежде всего и больше всего.

Чисто филологические исследования топонимического материала преследуют свои особые задачи, отличные от задач историков, и имеют свои методические приемы работы, выработанные и принятые в языковедении вообще. Историк должен пользоваться помощью и достижениями филологов, вправе ожидать от них известной согласованности

¹ А. Соболевский. Русско-скифские этюды. «Изв. отдел. русск. языка АН», т. XXVII; Названия рек и озер русского Севера. Там же, т. XXXII; Бодуэн де Куртенэ. О древнепольском языке до XIV столетия, Лейпциг, 1870.

² Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. «Записки Одесского общества истории и древностей», т. XXXII, Одесса, 1915.

³ Д. Егоров. Указ. соч., стр. 446.

⁴ Там же, стр. 447.

исследований, но не его дело учить языковедов в их специальности. Поэтому ниже я буду все время говорить о задачах и методах собственно исторических исследований и одновременно постараюсь показать, что может дать топонимика — как вспомогательная дисциплина — историку.

Топонимический материал, т. е. географические названия вообще, топографические названия (рек, озер, гор, урочищ и т. п.) и названия городов и селений имеют свои специфические свойства, в некоторых отношениях сходные с материалами археологии. Сходство в том, что топонимический материал, за редкими исключениями, — недатированный, т. е. время возникновения его неизвестно. В большинстве случаев неизвестно и его происхождение. Наконец, сходство также в том, что во многих случаях названия дошли до нас не в их первоначальном виде, а в измененном или искаженном теми источниками, из которых мы черпаем их. Из этих свойств топонимического материала вытекают основные методические требования.

Во-первых, совершенно недопустимо неразборчивое собирание материала и затем употребление его без предварительной критики. Прежде чем использовать собранный материал для исследования, необходимо подвергнуть его критике с точки зрения его происхождения и принять все меры к тому, чтобы установить правильную форму названия. Критика происхождения собственно топографических названий представляет большие трудности и нередко не приводит ни к каким положительным результатам, но критика происхождения названий селений нередко дает очень ценные результаты.

Во-вторых, следует осудить и оставить часто употребляемый исследователями прием произвольной выборки топонимических терминов, не считаясь с местом их нахождения и окружающими их терминами. Археологам хорошо известно, что археологический материал утрачивает почти всякую цену, если неизвестно место его происхождения. В топонимических исследованиях некритическая выборка терминов так же недопустима, как вырывание цитат из контекста памятников письменности.

Казалось бы, что указанные требования элементарны и неоспоримы, но в старой литературе по топонимике они часто не соблюдались; нередко игнорируются они и в новейших исследованиях.

Можно сказать, в виде общего правила, что чем старше топонимический термин, тем больше вероятность, что он дошел до нас в измененном или искаженном виде. Топографические термины, например названия рек, в общем гораздо старше названий селений. Предпринимая исследование, необходимо прежде всего постараться установить правильную форму термина. Это возможно, конечно, далеко не всегда, но относительно названий селений — нередко.

Естественно, что названия, заимствованные из других языков, подвергаются наибольшему риску искажений, как чуждые лексике и фонетике родного языка, и потому на них следует обращать особое внима-

ние. Крупные реки получили свои названия от неизвестных нам народностей в незапамятные времена. За многие века существования они не могли не «состариться» и не измениться. Между тем, филологи, не считаясь с данным обстоятельством, часто оперировали этими названиями. Отсюда всевозможные домыслы о финском якобы происхождении названий многих рек. Эти домыслы тем более легко было делать, что различные наречия древних финских племен нам совершенно неизвестны, как неизвестен разговорный (а не книжный, преимущественно церковно-славянский) язык древних славян.

Приведу несколько примеров искажения названий селений.

В 19 км от г. Александрова находится деревня Гидеево. Самый опытный филолог не объяснит нам происхождения этого названия. Самое большое, что он скажет: оно — не русское. При помощи актов можно установить правильное чтение этого названия и даже его происхождение. В писцовых книгах XVI в. это селение называлось Едигеево¹. Вспоминая золотоордынского князя Едигея, который в начале XV в. произвел опустошительный набег на Московское княжество, мы поддадимся, быть может, соблазну увидеть в деревне Едигееве след влияния если не самого Едигея, который, произведя опустошение, ушел к себе в Орду, то какого-нибудь татарина, владевшего землей. Но и последнее предположение опровергается источниками. В третьей четверти XV в. у вел. кн. Марии был слуга Алферий Едигей, которому принадлежало указанное селение; от его прозвища оно и получило свое название². Возможно, что Алферий Едигей был крещеным татаринном, но это сомнительно, так как на Руси в XIV—XVI вв. было в большом ходу обыкновение давать прозвища по какому-нибудь так или иначе прославившемуся лицу.

Еще два примера. Справа от линии Северных дорог из Москвы в Загорск (б. Сергиев посад), на р. Талице, находится большое село Софрино. В «Списке населенных мест Российской империи» оно названо: Софрино, Сафорино. В XVI в. оно носило более правильное название: Сафарино и принадлежало Ивану Сафарину³. Сафарины были нерусского происхождения. В XV в. они были «сурожскими гостями», т. е. торговыми людьми, вероятно из Крыма. Уже фамилия Сафарины была, повидимому, искажением какого-то греческого слова. В дальнейшем Сафарино стало Сафориным и, наконец, Софриным.

Верстах в двух от с. Софрино в Талицу впадает небольшая речка, которая в «Списках населенных мест Российской империи» и на современных картах носит название Сумрак. Это название звучит, как русское слово. В актах XV—XVI вв. эта речка называется то Соимирь,

¹ Писцовые книги Московского государства, т. I, СПб., 1872, стр. 815.

² С. Шумаков. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. IV, стр. 442; Всесоюзн. библиот. им. В. И. Ленина, архив Троицко-Серг. лавры, кн. № 518, л. 558.

³ Всесоюзн. библиот. им. В. И. Ленина, архив Троицко-Серг. лавры, кн. № 536, лок. 339.

то Соимерь, то Сумерь¹. Очевидно, первоначальное название речки было чуждо людям того времени, они передавали его по-разному и постепенно руссифицировали в Сумрак.

Пример грубой руссификации иноязычного слова представляет название села Круглино, находящегося на юге от г. Дмитрова, при впадении р. Каменки в Яхрому. В первой половине XV в. оно принадлежало крещеным выходцам из Золотой орды Старковым-Серкизовым (Черкизовым) и называлось то Куралгиным, то Куралдиным, то Куралгинским. В середине XV в. Анна, вдова Федора Андреевича Старка-Серкизова, дала это село Кириллову монастырю, за которым оно было до секуляризации монастырских земель, а затем стало государственным селом (сотная грамота 1537 г.: «В Каменском стану села и деревни Кириллова монастыря: село Куралгино...»)². Как и когда это несомненно нерусское название превратилось в Круглино, неизвестно.

Пути искажения названий очень прихотливы и непонятны. Под стенами Троицкого монастыря протекает небольшая речка. В актах XV в. она носит название: Консера³. В писцовых книгах конца XVI в. она называется то Коншура, то Коншюра⁴. В настоящее время это грязный ручей, который местные жители называют Кончурá.

Приведу последний пример. Километрах в 20 от Москвы на р. Клязьме находится с. Траханеево, по храму — Успенское. Во второй половине XV в. это владение принадлежало Якову Козодавлю и по владельцу называлось Козодавлим или Козодавлевым. В конце века Яков Козодавль променял свое село вел. кн. Ивану III, а затем с. Козодавлево неизвестным путем досталось грекам Траханиотам. Во владенье Траханиотовых село по новым владельцам стало называться Траханеевым⁵.

Некоторые исследователи брали и берут названия с первой попавшейся им карты или в каком-нибудь описке населенных мест и пользуются этими названиями без всякой критики. Между тем, даже на лучших картах и в лучших списках мы находим множество опечаток и грубых искажений названий. Возьмем, например, двухверстку Московской губернии Военно-топографического управления и приведем несколько примеров.

Напечатано		Следует
3-й ряд, 5-й	Белый рост	Белый Раст
»	Алабушево	Алабышево
»	Радумля	Радомя
»	Старбеево	Стербеево
3-й ряд, 6-й	Баконьково	Бяконтово

¹ Архив Троицко-Серг. лавры, кн. 518, л. 487; кн. № 531, док. 195.

² ААЭ, т. I, № 371; Ленингр. публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, FQ. кн. № 113/6, лл. 738, 744; там же, лл. 737—738.

³ Архив Троицко-Серг. лавры, кн. 518, л. 465 об.

⁴ Писцовые книги Московского государства, т. I, стр. 79, 244.

⁵ С. Веселовский. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв., М.—Л., 1936, стр. 74.

Напечатано		Следует
3-й ряд, 6-й	Ельдигино	Ельдегино
»	Чебытьева	Челобитьево
»	Кашутина	Лашутино
»	Свирлово	Свблоро
»	Баски	Баскаки
3-й ряд, 7-й	Спасское Коблуково	Спасское Клобуково

Приведенных примеров, которые далеко не исчерпывают всех искажений упомянутой карты, достаточно. О бесчисленных фонетических искажениях и говорить нечего. Ясно, что на таком материале без предварительной серьезной критики работать невозможно.

Если не говорить об опечатках, всегда возможных, то несовершенство географической номенклатуры на картах и в списках селений вполне понятно: собиранием этих материалов занимались чиновники, нередко малограмотные и всегда преследовавшие не научные, а практические цели. Допущенные вначале по небрежности или по невежеству ошибки с течением времени переходили с карты на карту, из одного списка селений в другой и становились прочной традицией. Так, например, указанное выше на двухверстке Свирлово взято из одноверстки окрестностей Москвы съемки 1852 г.

Устранить опечатки и мелкие искажения удастся большей частью путем сопоставления нескольких печатных источников. В более трудных случаях приходится прибегать к архивным источникам, и здесь открывается огромное поле для будущих исследователей. Писцовые книги, актовые источники, карты генерального и специальных межеваний и так называемые экспликации к этим картам, не говоря о других разнообразных источниках, содержат огромный неисследованный материал.

Наконец, следует отметить желательность непосредственного собирания топонимических материалов путем сплошного обследования местностей и опроса местных жителей. Только таким путем можно собрать большое количество названий различных урочищ, мелких речек, оврагов и т. п., которые не попали и, наверное, не попадут ни на одну карту, ни в списки селений. Подобные местные названия изглаживаются с течением времени из памяти населения, подобно плодам фольклора, и с собиранием их следует спешить, так как пройдет, быть может, 40—50 лет, и от этих плодов народного творчества не останется никаких следов. Организация экспедиций, подобно археологическим, и фольклорным экспедициям, особенно желательна по территориям отдельных народностей СССР, на которых местные названия быстро вытесняются новыми.

Говоря о происхождении топонимических терминов, следует отметить, что в местностях, где на протяжении веков сменялись разные народы, нередко наблюдается перевод старых названий на язык новой народности, занявшей место предшествовавшей народности. Бертье-Делагард в указанной выше работе по Крыму приводит ряд случаев перевода названий с одного языка на другой. Современное Дегермен-

кой (деревня) является переводом греческого Миллари, что на обоих языках значит: мельничная деревня. Улу-узенъ есть то же, что греческое Мегалопотам — большая река. Наблюдая подобные случаи, Бертье-Делагард устанавливает, что дер. Демерджи, что значит по-татарски кузнец, есть то же, что селение, которое в генуэзских источниках называется Фонна, а в греческих — Фуна (возле Алушты). Фуна на местном греческом говоре значит: дымящая, что иносказательно есть то же, что кузница. Фонетические искажения, иногда чрезвычайно прихотливые, встречаются чаще, чем переводы, и Бертье-Делагард приводит ряд интересных и весьма поучительных примеров.

В любой местности есть немало селений, имевших, а иногда имеющих и в настоящее время, два и даже три названия. «Списки населенных мест Российской империи» и другие справочные издания дают двойные и тройные названия только в виде исключения. При исследовании необходимо принимать все меры к тому, чтобы установить все названия селения, древние и более новые. Нередко это удается сделать при помощи актовых и других источников, а иногда эти сведения можно получить путем опроса местных жителей.

В 29 км от Старицы находится большое село Кунганово. В первой половине XV в. оно принадлежало новоторжскому боярину Ивану Кунгану (или Кумганцу) и получило по владельцу новое название Кунганово, а старое название его было Хотунецкое, по храму — Воскресенское¹. Слово кумган или кунган (медный кувшин-рукомоюйник с нсником) — восточного происхождения, но из приведенной справки ясно, что в селе Хотунецком-Кунганове нет никаких следов влияния Востока.

В 12 км на север от г. Муром находится большое село, которое в списках населенных мест называется то Чаадаево, то Чеадаево. Обе формы названий являются искажением более старого названия — Чегодаево. Имея в виду татарское происхождение последнего названия, мы можем склониться к мысли о татарском, в данном случае, влиянии, но этот естественный, казалось, вывод опровергается источниками. Во-первых, более старым названием этого селения было Бестумицы, Бестуницы или Бестуницкое. Во-вторых, оно получило новое название по русскому владельцу. По актам, сохранившимся в Троицком архиве, известно, что в середине XV в. в этой местности была большая вотчина братьев Василия и Бориса Матвеевых. От Бориса, которому, кстати сказать, принадлежало сельцо Борисово, находящееся в 2 км от Чаадаева, пошла фамилия Борисовых, муромских (в отличие от Борисовых-Бороздиных, тверских). Один из сыновей Василия Матвеева, Василий, носил прозвище Чегодай или Чеадай. От Василия Васильевича Чегодая пошла известная фамилия Чаадаевых, из которой вышел писатель-философ Петр Яковлевич Чаадаев². Таким образом и в данном случае иноязычное, казалось бы, название селения оказывается при бли-

¹ Памятники соц.-экономич. истории Московского государства, М., 1929, стр. 54.

² Архив Троицко-Серг. лавры, кн. 518, лл. 227—249.

жайшем исследовании обманчивым. Что же касается названия Бестумицы, то русское происхождение его не подлежит сомнению. Мне приходилось слышать слово бестумица в значении неурядица, бестолочь.

Еще один пример. В 2 км от Загорска (Сергиева посада) находится пруд, который на картах и у местных жителей называется Копниным прудом. Это единственный след исчезнувшего в XVII в. селения, которое в XVI в. носило название с. Карамзинского, затем принадлежало вдове радонежского боярина Марии Копниной и по владелице стало называться с. Марьинским-Копниным. В писцовых книгах конца XVI в. оно называется Копниным¹.

Приведу последний пример. Под Москвой находится всем известное селение Тушино, знаменитое по событиям самозванщины и польской интервенции. В XIV в. оно называлось Коробовским. В 1380 г., после смерти боярина Ивана Родионовича Квашни, Коробовское досталось его третьему сыну — Василию, носившему прозвище Туша, и стало называться селом Тушиным. С последним названием Тушино и перешло в историю. Из приведенных примеров видно, какое большое значение при топонимических исследованиях имеет установление и историческое объяснение двойных и тройных названий селений.

Недатированность топонимических названий сильно понижает их качество как исторического материала. Датировка топографических названий, рек, озер, гор и т. п. совершенно невозможна. Относительно этих терминов приходится удовлетворяться датой первого упоминания того или иного термина в источниках. Относительно названий селений дело обстоит гораздо лучше. По источникам удается нередко установить приблизительно время происхождения того или иного названия, но при этом, конечно, приходится всегда иметь в виду, что это селение могло существовать под другим названием и раньше.

Вот опыт приблизительной датировки полусотни древнейших подмосковных селений на основании прозвищ и фамилий их возможных владельцев.

Акатово *	Акатий, боярин Ивана Калиты (см. ниже).
Аксаково *	Ив. Фед. Аксак Вельяминов, родоначальник Аксаковых; середина XV в.
Алабышева	Кн. Фед. Фед. Алабыш Ярославский; вторая половина XV в.
Белеутова *	Александр Андреевич Белеут; конец XIV в.
Бисерово *	Дано митрополичьему дому в первой четверти XV в. Бисером.
Бяконтово	Федор Бяконт; первая половина XIV в.
Вантеево	Вантей Андреевич Кобылин; вторая половина XIV в.
Волуево *	Вторая половина XIV в.
Волынское	Дм. Мих. Боброк Волинский; тогда же.
Воронцово	Фед. Вас. Воронец Вельяминов, середина XIV в.
Головино *	Ив. Влад. Голова Ховрин вторая половина XV в.
Дудина *	Вас. Родионович Дуда Квашнин; тогда же.

¹ Писцовые книги Московского государства, т. I, стр. 79; Архив Троице-Сергиевской лавры, кн. 530, л. 600 об.; ЦГАДА, грамота Коллегии экономии, № 3751.

Дыдылдино	Вас. Демидов Дылда или Дыдылда, дворцовый дьяк вел. кн. Ивана III; вторая половина XV в.
Дюткино	Фед. Александр. Дютка Кобылини, начало XV в.
Жестово	Як. Конст. Жост Филимонов-Морозов; середина XV в.
Зюзино	Андрей Зюзя Шетнев; конец XV в.
Карамышева	Несколько Карамышевых упом. в XV в.
Картмазово*	В XV в. упом. несколько Картмазовых.
Клушино*	Ив. Ром. Клуша Белеутов; вторая половина XV в.
Колычево	Федор Александр. Кольч Кобылини; начало XV в.
Крюково	Бор. Куз. Крюк Сорокоумов-Глебов; вторая половина XV в.; или Ив. Фед. Крюк Фоминский; вторая половина XIV в.
Кутузова*	Фед. Александр. Кутуз Прокшин, конец XIV в.
Льялово	Кн. Конст. Фед. Стародубский, прозванный по вотчине Льяловским; вторая половина XV в.
Мячково*	Ив. Як. Мячко Олбугин, первая половина XV в.
Новосильцева	Як. Юр. Новосилец; конец XIV в.
Образцово*	Вас. Фед. Образец Симской, вторая половина XV в.
Лызлово	Сем. Мих. Лызло Бортнев; конец XV в.
Лысково*	Вас. Мих. Лыско Чертов; тогда же.
Одинцово	Андр. Ив. Одинец Домотканов; вторая половина XIV в.
Ошерино	Ив. Вас. Ощера Сорокоумов; вторая половина XV в.
Перепечина	Ив. Мартем. Перепеча Посульщиков; середина XV в.
Подушкина,	Ив. Влад. Подушка, московский гость; вторая половина XV в.
Поярково	Петр Ил. Поярок Квашнин, первая половина XVI в.
Пушкино	Григ. Александр. Пущка Морхинин; вторая половина XIV в.
Рожнова*	Мих. Никитич Рожон Пущкин; вторая половина XV в.
Сабурово	Фед. Ив. Сабур Зернов; вторая половина XIV в.
Саларева*	Сурожские гости Михаил и Дементий Саларева сопровождали Дмитрия Донского в походе на Куликово поле (1380 г.)
Свиблово*	Фед. Андр. Свибло; вторая половина XIV в.
Собакино-Чашниково	Ив. Фед. Собака Фоминский; середина XIV в., несколько Чашниковых, торговых москвичей, упом. в XV в.
Троекурово	Кн. Мих. Львович Троекур Ярославский; вторая половина XV в.
Тушино*	Вас. Ив. Туша Квашнин, вторая половина XIV в.
Ховрино	Григ. Степ. Ховра; первая четверть XV в.
Черкизово	Иван Серкиз, ордынский царевич; середина XIV в.
Чулкова	Вас. Тим. Чулок Остеев; вторая половина XV в.
Шестова	Мих. Ив. Шест Филимонов-Морозов; конец XV в.
Шолохова*	Ив. Мих. Шолох Чертов; вторая половина XV в.
Щукино*	Фед. Юр. Щука Кутузов; конец XV в.
Юрлова	Тим. Мих. Юрло Плещеев; вторая половина XV в. ¹

Знаком * отмечены случаи, которые удостоверяются актовым материалом, летописями и другими источниками.

Слабым местом большинства топонимических исследований является выборочный метод собирания и обработки материала. Особенно упорно грешили и грешат в этом отношении филологи. Метод выборки состоит в том, что по разным источникам, чаще всего первым подвернувшимся под руки, набирают по разным соблазнам в разных местностях названия селений, рек, озер и т. п. материал, вырывают его

¹ Главный источник — Родословные книги, напечатанные во «Временнике» Общ. вст. и древн. Росс., кн. X, М., 1851.

из географического контекста и кладут в основу исследования. Так поступал, например, академик А. И. Соболевский в своих работах по топонимике рек. Несмотря на огромные познания автора, его выводы часто вызывают сомнения, кажутся неубедительными, а иногда вызывают даже недоумение. Недостаточность чисто филологического метода обработки материала становится очевидной, но не меньшие возражения вызывает подбор материала. Соболевский, конечно, всегда точно указывает местонахождение взятого названия, но не в этом дело, а в том, что названия выбраны по фонетическим или этимологическим признакам и оторваны от географического контекста. На деле это приводило к тому, что в основу исследования полагались названия преимущественно или исключительно крупных рек.

Едва ли можно сомневаться, что названия больших рек в общем более древнего происхождения, чем мелких притоков. Топонимика этих мелких речек, ручьев и озер известна нам очень плохо. Чтобы не быть голословным, приведу один очень показательный пример. Казалось, что территория быв. Московской губернии изучена много лучше других частей быв. Европейской России. По Московской губернии мы имеем ряд съемок — карты в двух-, трех- и десятиверстном масштабах, не считая ряда местных карт, например, карту окрестностей Москвы в масштабе верста в англ. дюйме (съемки 1852 г.). Кроме картографического материала, мы имеем ряд изданий, земских и частных. Что же оказалось при ближайшем исследовании?

В 1926 г. Общество изучения Московской губернии выпустило на правах рукописи труд И. Здановского «Каталог рек и озер Московской губернии», с приложением карты губернии в масштабе 6 верст в дюйме. Докладывая в Обществе о своей работе, Здановский говорил, что изученные им карты и различные материалы свидетельствуют «об отсутствии правильных и точных данных относительно направления течения отдельных рек и конфигурации некоторых озер и об отсутствии названий у большинства рек и озер». По подсчету Здановского, общее количество рек, не имеющих названий, достигает 1322, что составляет две трети рек, нанесенных им на карту. Такие реки показаны Здановским за нумерами. Нет никакого сомнения, что все эти безыменные, занумерованные Здановским мелкие речки имеют свои названия и представляют широчайшее поле для будущих исследований. При помощи опроса населения можно установить современные названия этих рек, исправить многочисленные ошибки на картах и составить таким образом полный каталог рек и водоемов. В дальнейшем совершенно необходимо привлечь к исследованию огромный материал напечатанных и ненапечатанных источников, различных актов, писцовых книг, карт генерального и специальных межеваний и т. п.

Только после такой предварительной работы мы будем знать топонимику своей родины и стоять на твердой почве в топонимических исследованиях. Филологические исследования старого типа, по методу произвольного подбора тех или иных названий, следует оставить и

взяться за более скромный и неизмеримо более полезный труд выполнения ряда местных исследований, охватывающих весь топонимический материал той или иной местности.

Метод выборки терминов по созвучию в самых разнообразных местностях и затем филологической их обработки дает небольшие результаты, большей частью весьма спорные. Максимальные достижения в этом направлении дает недавняя работа Е. А. Рыдзевской «К варяжскому вопросу. Местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси»¹. Рыдзевская тщательно собирает большой материал, обрабатывает его осторожно и обставляет свои выводы такими осторожными оговорками, которые нередко уничтожают самый вывод. Например, собрав большое количество терминов, в основе которых лежит «Берн», Рыдзевская замечает, что «число неясностей и осложнений, связанных с этой группой [названий], соответствует ее объему»... «При таком количестве материала, охватывающего очень большую территорию, как нельзя более реальной представляется опасность неправильного объединения однозвучных местных названий, которые, может быть, по своему происхождению вовсе не связаны». Тотчас же, однако, Рыдзевская прибавляет: «Это отнюдь не значит, чтобы такой метод объединения был принципиально неправильным, но в каждом отдельном случае ошибки возможны». Что же выясняется далее? «Происхождение Берн в древнерусских памятниках от древнешведского Биорн вполне правдоподобно». Ниже оказывается, что группа литовских названий с основой Берн «требует, прежде всего, выяснения на почве литовского же языка». Этого объяснения Рыдзевская не дает, а еще ниже указывает, что Берн есть и в русском языке — это древнерусское берно. Она могла бы смело прибавить, что древнерусское берно — это то же, что современное слово бревно. Не обратив на это внимания, Рыдзевская находит, что названия селений Берново «вполне благополучно» объясняются происхождением от скандинавского Биорн, и прибавляет: «В Тверском крае в XV—XVI вв. известна фамилия Бернов. Возможно происхождение ее от местного названия, а не наоборот, но не исключено и это последнее». Так все исследование попадает в заколдованный круг объяснения одного неизвестного при помощи другого неизвестного.

При таком методе исследования ошибка в одном звене заключений делает непригодными все дальнейшие. Рыдзевской осталось неизвестным, что образование фамилии Берновы от селения Берново совершенно невозможно. Нет никакого сомнения, что путь образования названия был такой: какой-то новоторжец имел прозвище Берно (бревно), принадлежавшее ему селение по владельцу стало называться Берновым, а потомки Берна усвоили фамильное прозвище Берновы². Фамилии, образованные по селениям или рекам, на которых находилось владение,

¹ Известия АН, 1934, стр. 485—532, 609—630.

² Новоторжские бояре Берновы упомянуты в летописях XV в.

всегда и неизменно имеют другую форму: от р. Письмы — Писемские, от р. Чельсмы — Зачесломские, от реки и селения Кучка — Кучецкие, от с. Выпова — Выповские, от с. Нармач — Нармацкие и т. п.

Если бы потомки Берна — Берновы получили свою фамилию от селения, то, несомненно, назывались бы Берновскими, а не Берновыми. Укажу, что в том же Новоторжском уезде, где на р. Тьме находится с. Берново, на той же Тьме находится с. Лаврово. По источникам XV—XVI вв. известно, что владельцы этого села усвоили фамилию Лавровские. Осторожные оговорки Рыдзевской не изменяют ошибочности ее вывода относительно «благополучия» объяснения о происхождении названия Бернова от скандинавского Биорна. И эта ошибка объясняется главным образом тем, что Рыдзевская методически вырывает топонимические термины из контекста окружающих их других терминов.

Филологи, и в том числе Рыдзевская, говорят обыкновенно вообще о «влияниях» на Русь других народов, о «следах» скандинавских влияний в топонимике, иногда рискуют говорить о «поселениях» скандинавов на территории Руси, оставивших будто бы следы в топонимике, игнорируя то, что «влияния» могли быть весьма различными и по форме, и по существу.

Займствования и перенесение названий из одной среды в другую давно обратили на себя внимание и хорошо известны историкам. Англичане, шотландцы, ирландцы и голландцы, переселяясь в Северную Америку, принесли в Новый Свет множество названий своей родины. Наши переселенцы-крестьяне перенесли в XIX—XX вв. в Сибирь множество названий из тех губерний Европейской России, из которых они происходили. Историки отмечали, что многие названия Северо-Восточной Руси являются займствованными из Юго-Западной, либо из Северо-Западной Руси. Приводили примеры: Переяславлю Русскому соответствует Переяславль Залесский и Переяславль Рязанский, Галичу на Волыни — Галич Мерский, т. е. в земле мерян, Владимиру Волынскому — Владимир на Клязьме, Стародубу Северскому — Стародуб Ряполовский и Стародуб Вотский за Окой и т. п. Указывали далее, что такие названия, как Коломна, Хотунь (большее село на запад от Коломны), Радонеж, Павшино, Першино, Прокшино и Гязшино (села под Москвой), принесены из новгородской земли¹.

На основании главным образом этих наблюдений была построена теория о колонизационном движении славян в Северо-Восточную Русь по двум направлениям — с юго-запада на северо-восток и с запада прямо на восток и на северо-восток. Было бы неуместно подвергать критике и пересматривать этот важный и сложный вопрос, но в статье

¹ По летописям и писцовым книгам Новгородской области конца XV в. мы знаем, что в Новгороде пользовались большим распространением формы имен: Гавша — Гавриил, Павша — Павел, Парамша — Парамон, Данша — Даниил, Прокша — Прокофий, Перша — Порфирий, Степша — Степан и т. п.

о топонимике необходимо обратить внимание на то, что миграция названий бывает разных родов. В одних случаях название могло быть принесено переселенцем и являться таким образом реальным следом колонизационного движения. В других случаях речь идет о заимствовании слова, и заимствованное название говорит только о культурных влияниях, но ничего не говорит о переселении лиц. И колонизационные передвижения могли быть двух родов: в одном случае можно говорить о народном, массовом, действительно колонизационном движении, в другом — о переселении только отдельных лиц.

Таким образом возникает вопрос, возможно ли определить характер и значение заимствования топонимических терминов. Во многих случаях это возможно, и можно наметить в заимствованных названиях 4 группы: 1) названий несомненно словесных; 2) названий массово-колонизационных; 3) лично-переселенческих и 4) названий сомнительных, которые лучше откидывать и не принимать во внимание в вопросе о передвижениях народностей.

В виде общего правила названия, не связанные этимологически с именами и прозвищами лиц и не выражающие принадлежности селения тому или иному лицу, являются самым надежным свидетельством колонизационного происхождения термина. Как на пример подобного рода названий можно указать на селения с окончанием на «неж».

В быв. Московском уезде, на юг от г. Загорска, находится селение Городок Радонеж. В «Списке населенных мест Российской империи» оно обозначено просто как Городок. Против Радонежа, за р. Торгошей, в XVI в. была деревня Веленеж¹. Севернее этих селений, в быв. Переяславском, а позже в Дмитровском уезде, в XVI в. упоминается тоже несуществующее селение — починок Буденеж². На восток от последнего селения, в быв. Ростовском уезде, в Карашской слободе, позже в Карашской волости, существует селение Андронеж, известное по актам конца XV в.³ Наконец, у Соли Галицкой в первой половине XV в. упоминается не то селение, не то урочище — Славонеж⁴.

Нет сомнения, что все указанные названия являются составными из корневых: радо-, веле-, буде-, андро-, славо- и из окончания «неж». Совершенно такого же склада названия с окончанием на «еж» мы находим в большом количестве на территории быв. Новгорода Великого. В частности, мы находим ряд селений с окончанием на «неж»: Витенеж, Гостенеж, Меренеж, Милонеж, дважды Радонеж, Славонежицы⁵. Выяснить, что означает частица «неж», — это дело филологов. Частица «неж» в ряде новгородских названий является как корневая часть, например, Нежно, Нежково, Нежатино, Неговичи, Нежицы, Нежковичи

¹ Архив Троицко-Серг. лавры, кн. 536, № 225.

² Там же, кн. 531, док. № 147.

³ Моск. гос. ист. музей, Синод. собр., кн. 276, л. 20.

⁴ Архив Троицко-Серг. лавры, кн. 518, л. 309 об.

⁵ Новгородские писц. книги, т. I, стр. 802, 804, 819; т. IV, стр. 16, 551; т. V, стр. 234, 553; т. VI, стр. 107.

и т. п. В названии Гостенеж — корень гость, приезжий торговый человек. В Новгородской области много названий, производных от гость: Гостнег, Гостево, Гостелюбле, Гости, Гостехово, Гостибицы и Гостилицы, Гостилово, Гостижи и т. п.¹

Безусловно, этимология всех приведенных выше названий тождественна. С большой вероятностью можно сказать, что в Северо-Восточную Русь они были принесены переселенцами из Новгорода и что в таких названиях мы имеем дело не с заимствованием слов, а с действительно колонизационным движением. Чтобы выяснить пути и размеры этого движения и прочно обосновать свои выводы, необходимо, конечно, большое количество фактов, а не случайная выборка первых попавшихся названий. Работу следует вести с картами в руках и носить на них критически проверенные названия.

Ведя исследование таким образом, мы приходим к интересным выводам. По мере продвижения прямо на восток от Валдайской возвышенности, где господствуют названия селений новгородского происхождения, новгородские названия идут в общем на убыль, довольно равномерно до р. Мологи или до меридиана Твери. Далее на восток количество новгородских названий резко падает, и на территории княжеской Руси XV в. названия, несомненно новгородские и принесенные переселенцами из Новгорода, попадают как редкое исключение из массы названий местного происхождения.

Названия селений, производные от имен и прозвищ лиц, во многих случаях являются заимствованием слов и вовсе не свидетельствуют о колонизационном движении. Иногда мы имеем возможность предполагать или даже можем доказать, что то или иное название принесено на Русь пришельцем из-за рубежа, но такие факты дают право говорить о переселении отдельных, большей частью состоятельных, лиц, которые имели средства купить землю, а не о народном колонизационном движении.

На территории Московского княжества находятся три селения с очень характерным названием Бяконтово: Бяконтово в 5 км от Подольска, другое — в 40 км на север от Москвы, на границе быв. Дмитровского уезда, и Буконтово в 15 км от Волоколамска. Это чуждое великорусскому языку название занесено выходцем из Чернигова Федором Бяконтом, по родословным преданиям и по житию митрополита Алексея — боярином, приехавшим в Москву в конце XIII в. Федор Бяконт занял в Москве высокое положение, был боярином Ивана Калиты и стал родоначальником нескольких боярских фамилий. Митрополит Алексей был его старшим сыном. В данном случае топонимика говорит не о колонизационном движении в собственном смысле слова, а о переселении из Юго-Западной Руси в Москву богатого человека.

Выше было упомянуто, что в Новгородской земле (как вообще в

¹ Новгородские писц. книги, т. III, стр. 59, 172, 219, 518, 643; т. VI, стр. 47, 96, 517 и по указателю.

Западной Руси) были в большом употреблении особые формы христианских и нехристианских имен, вроде: Гавша (Гавриил), Перша (Порфирий), Павша (Павел), Данша (Даниил), Алехно (Александр), Прохно и Прокша (Прокофий), Стехно и Стенша (Степан), Ратша (Ратибор) и т. п. На территории быв. Московской и Владимирской губерний мы находим несколько селений с названиями, производными от этих новгородских форм имен: Павшино, Прокшино и Першино — под Москвой, Гавшино — в 16 км от Рузы и в 6 км от Серпухова, Гавшино — на Киржаче, в 13 км от Александрова, Алехново — на р. Истре, в 37 км от Звенигорода.

В данных случаях о народной колонизации едва ли может быть речь. В лучшем случае можно говорить об отдельных состоятельных лицах, переселившихся в Московское княжество, купивших землю и давших названия основанным ими селениям. Но и здесь следует быть очень осторожным в выводах. Например, Алехново на Истре, несмотря на западнорусскую форму своего названия, не имеет ничего общего с Западной Русью, о чем мы узнаем совершенно случайно. Дело в том, что на р. Истре, где находится деревня Алехново, в начале XV в. была большая вотчина Белеутовых. В первой четверти века Феодосий Александрович Белеутов отъехал с детьми от московского князя в Литву. Сам Феодосий был убит при неизвестных обстоятельствах в Литве, а его сыновья Александр (Алехно) и Михаил в середине XV в. вернулись на родину. Все вотчины Феодосия за его отъезд были конфискованы, но его братья Роман и Федор были боярами вел. кн. Василия Темного и, поддерживая честь своего рода, дали своим племянникам, вернувшимся на родину, участки из своих вотчин. От Александра (Алехно) и получила свое западнорусское название существующая ныне деревня Алехнова.

Чтобы дать сколько-нибудь удовлетворительный ответ на вопрос, как возникают и образуются названия, есть ли в этом процессе какая-нибудь закономерность или все определяется случаем, необходимо несколько изменить постановку вопроса. Пути образования названий чрезвычайно разнообразны. Одно дело — названия топографические, например, названия рек, озер, гор и т. п. Другое дело — названия селений. Если говорить только о селениях, то одно дело — названия селений в местности, которая на протяжении нескольких веков занималась одной и той же народностью, и совершенно иначе обстоит дело в местностях, где на памяти истории сталкивались и сменялись различные народы. Поэтому вопрос об образовании названий всегда следует ограничивать и говорить не вообще, а применительно к определенной территории и в зависимости от ее исторических судеб. Ограничивая по указанным соображениям поле наблюдений и взявши, например, территорию междуречья Волга — Ока, мы можем констатировать, если не закономерность, то, во всяком случае, некоторые пути.

В междуречье Волга — Ока названия селений, изменяясь по районам, дают в общем довольно определенную картину: от 50 до 60%

названий происходят от имен или прозвищ владельцев земли или основателей селений. Все остальные названия можно разделить на несколько групп. Довольно значительную группу составляют названия, данные селению в зависимости от топографии или ландшафта местности. Таковы например, названия: Горки, Загорье, Заболотье, Подмошье, Заречье, Заозерье, Заовражье, или: Поддубье, Заборовье, Вишенки, Раменье, Березник, Березки, Березовая, Дуброва, Запоторье (от р. Поноры, при которой стоит село), Набережная (на р. Клязьме), Каменка и т. п.

Небольшую группу составляют селения, названные по храмам. В большинстве случаев эти названия позднего происхождения и даны вместо старых названий иного происхождения. Говоря вообще, всегда следует считаться с возможной заменой одного названия другим и с случаями двойных и тройных названий, из которых в современных списках селений показывается только одно какое-нибудь название.

Общее наблюдение, нуждающееся, конечно, еще в проверке, состоит в том, что древнейшими названиями являются производные от собственных имен, вроде: Михайловское, Ивановское, Вельяминово, Микульское и т. п. С XIV в. входят в обиход прозвища, и второй по времени слой названий данной местности составляют названия селений, производные от прозвищ. Полсотни подобных названий подмосковного района приведены выше. Названия, данные по храмам, все более позднего происхождения. Следует еще заметить, что замена одних названий другими наблюдается чаще всего в XIV и XV вв. С конца XV в. правительство начинает производить периодические описания, названия селений фиксируются в официальных документах, и случаи замены старого названия новым становятся крайне редкими.

Количество названий, явно заимствованных из нерусских языков, весьма невелико и очень пестро по составу и происхождению, в общем оно не превышает 3—5%. Это, конечно, не значит, что в древности не было таких селений, а значит только то, что старые названия либо исчезали с селениями, либо были заменены другими, русскими.

Приведу один пример, взяв его из района несомненно очень древних поселений славян. На юг от озера Неро (Ростовского), между реками Сарой и Нерлюю, находилась слобода Караш-Святославля. В глубокой древности мимо западной окраины слободы проходил водный путь из бассейна Волги в бассейн Клязьмы¹. В бассейне Сары археологи обнаружили места поселений доисторических времен. Территория Караша занимала от 18 до 20 тысяч десятин. По описанию конца XV в., на этой территории было 237 селений. Большинство селений — мелкие деревни в 1—2 двора. В настоящее время на этой территории всего 43 селения². Среди всей этой массы селений обращают

¹ От Ярославля поднимались по Которосли до оз. Неро, заходили в Ростов, затем, пройдя Неро, поднимались вверх по Саре до волока в Дубец, приток Нерли, по Дубцу и Нерли, минуя Суздаль, доходили до Клязьмы.

² С. Веселовский. Указ. соч., стр. 116—118.

на себя внимание восемь: Баскач, Караш, Андронез, Итларь, Килгино, Чернокуново, Толмачево и Бикань. Все остальные названия столь несомненно русские или обрусевшие, что никаких выводов по ним строить нельзя. Баскач можно объяснить так же, как присутствие деревни Баскачей на Клязьме под Москвой: во второй половине XIII в. здесь жил ханский баскак для наблюдения за сбором проезжих пошлин на волоке. Быть может, на то же указывает название дер. Толмачева. Толмач — испорченное татарское слово, означающее переводчик. Чернокуново вызывает в памяти те отдаленные времена, когда меха играли роль денежных знаков; слово куны значило вообще деньги, и население, не пользовавшееся никакими привилегиями, платило «черный бор» (в Новгороде) и «черные куны». Андронез, как было сказано выше, несомненно, новгородского происхождения. Если здесь были когда-нибудь новгородские поселения, то от них остался только один этот след. Караш и Килгино, повидимому, татарского происхождения, но каким образом они попали в слободу Святославлю, т. е. какого-то Святослава, неизвестно. Остаются загадочные Бикань и Итларь. Из летописей известно, что половецкий князь Итларь пришел с большой дружиной к Владимиру Мономаху, чтобы заключить с ним мир, но был вероломно убит со всей своей чадью. Каким образом имя этого половецкого князя XI в. попало под Ростов и стало названием небольшой деревушки, догадаться невозможно.

Итак, мы видим, что уже в конце XV в. в Карашской слободе, в районе, несомненно, очень старых поселений, от древней топонимики селений остались ничтожные следы.

Исправление испорченных названий и овещение их истории при помощи актов и других источников имеет характер счастливых случайностей. Гораздо большие возможности открываются при употреблении метода комбинирования данных топонимики с данными генеалогии. Это понятно: большинство названий селений, по крайней мере в центральных районах быв. Европейской России, происходит от имен или прозвищ их бывших владельцев. Этимологически самая форма названий говорит обыкновенно о принадлежности того или иного селения определенному лицу: Михайловское, Ивановское, Микульское, Авдотьино, Настасьино, Свиблово, Кутузово, Сабурово и т. п. По приблизительному подсчету, количество подобных названий на территории быв. Московской губернии достигает 60% всего числа названий существующих ныне селений. Генеалогия значительно пополняет данные памятников письменности и, главное, дает возможность нередко связать разрозненные данные топонимики.

В бассейне р. Вори (притока Клязьмы) мы находим три селения: Клобуково-Спаское, Сукманиху и Топорково. Клобуково лежит на Вори, при впадении в нее р. Лашутки. В 2 км от Клобукова на Вори же находится Сукманиха. В 8 км от Сукманихи, на юг, при р. Любсивке (приток Вори) — Топорково. Все эти селения в XV в. были вотчинами Топорковых, частью сохранившимися за ними и в XVI в.

В середине XV в. Федор Клобук Топорков дал митрополичьему дому свой вотчинный монастырь св. Ильи на Вори с прилегающими к нему землями¹. Потомство Клобука приняло фамилию Клобуковых, из которой в XVI в. вышло пять выдающихся дьяков. Спасское, называвшееся ранее Клементьевым (вероятно, по владельцу), во владение Клобуковых стало называться Клобуковым. Брат Клобука — Тимофей носил прозвище Сукман, и ему во второй половине XV в. принадлежало селение, получившее название Сукманиха. От Тимофея Сукмана пошла фамилия Сукмановых, которым удалось удержать в XVI в. лишь небольшие клочки вотчины². Относительно селения Топоркова мы не имеем документальных данных, но, судя по изложенным фактам, принадлежность его Топорковым не подлежит сомнению. Таким образом путем комбинации топонимических и генеалогических данных удастся датировать (приблизительно, конечно) указанные селения и установить факт существования в бассейне Вори целого гнезда Топорковых, владевших довольно крупными вотчинами.

При помощи того же метода мы можем иногда заглянуть в такую глубь времен, от которой не сохранилось памятников письменности. На юго-запад от Москвы, в бассейне р. Ликовы, находятся три селения: Акатово, Мешково и Волуево-Покровское. В источниках об этих селениях мы имеем только поздние сведения. В первой половине XVI в. значительная часть земли под этими селениями принадлежала сыновьям Михаила Волуева: Григорию Мешку, Василию и Андрею. Сыновья Василия и Андрея Михайловичей в 1566, 1568 и 1570 гг. по трем купчим продали И. В. Шереметеву три участка земли к его селу Шильбутову³. Село Волуево от Григория Мешка перешло к его сыну Леонтию, а затем к внуку Григорию Леонтьевичу, прославившемуся как воевода во время событий начала XVII в. Григорий Леонтьевич имел сына Ивана и двух дочерей, из которых одна вышла замуж за кн. М. Мещерского, а другая — за Н. Карамышева. Обе получили от отца по участку земли от с. Волуева, а само село в первой четверти XVII в. принадлежало, по половинам, сыну Григория — Ивану и вдове Степана Волуева — Ульяне⁴.

В приведенных источниках мы видим обычную картину дробления старых крупных вотчин между сонаследниками и распродажи их по клокам, но ничего не находим о предшествовавшей истории вотчины. Последний вопрос освещает генеалогия Волуевых.

Родоначалником Волуевых был Акатий, живший в первой четверти XIV в. Его сын Василий Акатьевич был боярином вел. кн. Симеона

¹ ААЭ, т. I, № 75.

² Архив Троицко-Серг. лавры, кн. 637, л. 289 об.

³ Ленингр. публ. библиот. им. Салтыкова-Щедрина, FQ IV, № 113/а, лл. 651, 637, 647.

⁴ Холмогоровы. Исторические материалы о церквях и селах XVI—XVIII столетий, Пехрянская десятина, т. VIII, М., 1890, стр. 113.

Гордого¹. Сын Василия Акатьевича Тимофей, носивший прозвище Волуй (несъедобный гриб из породы сыроежек), прославился как соратник Дмитрия Донского: на Куликовом поле он командовал Владимирским и Юрьевским полками и был убит (1380 г.). От Тимофея Волюя пошла фамилия Волуевых.

Сопоставляя эти генеалогические данные с топонимическими и актовыми, мы приходим к выводу, который едва ли может быть оспариваем: в первой половине XIV в. на р. Ликове находилась большая вотчина Акатия, вероятного боярина Ивана Калиты.

В данном случае топонимический материал дополняет данные актового материала и почти на два столетия расширяет рамки исследования.

Сочетание топонимических данных с актовыми источниками и генеалогическими данными позволяет написать интересную страницу из истории рода Пушкиных. А. С. Пушкин, как известно, гордился своим происхождением от полулегендарного витязя Ратши и 600-летней древностью своего рода, но истории своего рода не знал. Не знают ее и современные пушкинисты, хотя много занимались Ганнибалами и другими ближайшими предками А. С. Пушкина². По летописям и актам мы можем установить, что потомки Ратши служили вел. кн. Александру Невскому, затем его сыну Андрею Городецкому, после смерти последнего (1304 г.) — Михаилу Тверскому и, наконец, около 1338 г. выехали в Москву. В Москве Ратшичи заняли очень высокое положение и приобрели многочисленные вотчины во многих уездах Московского и великого княжений. Последний факт удается установить главным образом при помощи топонимического материала.

Актовый материал о землевладении Пушкиных невелик и позднего времени: это 2 акта второй половины XV в., несколько актов XVI в., несколько указаний в разных источниках и в позднейших писцовых книгах. Посмотрим, что нам дает топонимика. Предварительно сделаем генеалогическую справку. Один из сыновей Григория Пушки (Василий) носил прозвище Улита, а другой (Федор) — Товарко; один из внуков имел прозвище Рожон (Михаил Никитич). Наконец, один из правнуков, живший в конце XV в., носил прозвище Муса (Мих. Тим. Улитин).

С именем Григория Пушки, жившего во второй половине XIV в., связаны следующие существующие ныне селения: Пушкино на р. Уче в 26 км от Москвы, 3 селения в быв. Бронницком уезде Московской губернии, в 3 и в 21 км от Бронниц, Пушкино в 16 км от Богородска, Пушкино-Андриановское в 21 км от Москвы, Пушкино в 26 км от Подольска и, наконец, два Пушкина в быв. Верейском уезде, в 15 и в

¹ СГГД, т. I, № 21 и 23.

² Для современного положения вопроса показательна вышедшая в 1937 г. в издании «Советский писатель» книжка М. Вегнера «Предки Пушкина». Внимание Вегнера, как и прежних пушкинистов, обращено на XVIII в., а сведения его о предшествовавшей 500-летней истории рода Пушкиных отрывочны и невелики. О родоначальнике Пушкиных Вегнер мог сказать только: «Как будто вполне реален также Григорий Александрович Пушка» (стр. 157).

67 км от Вереи. С прозвищем Федора Товарка Пушкина, жившего в первой половине XV в., связана деревня Товарково, в 10 км от Рузы. С прозвищем Михаила Рожна, жившего во второй половине XV в., связаны Рожново на р. Десне, в 25 км от Подольска, и деревня Рожнова в 20 км от Звенигорода. С прозвищем Михаила Мусы́ связана деревня Мусина в 19 км от Волоколамска.

Конечно, полной уверенности в том, что все указанные селения принадлежали Пушкиным, быть не может, но топонимические показания в значительной мере подтверждаются актовыми источниками, что придает им большую цену. Например, деревня Рожнова в Звенигороде еще в XVII в. принадлежала Пушкиным, и в том же уезде, в недалеком расстоянии от нее, у прямых предков А. С. Пушкина была большая вотчина — с. Синее Семеновское и Мушков погост. По актам и писцовым книгам XVI—XVII вв., у многочисленных потомков Григория Пушки были вотчины и поместья в Горетове и Сурожском станах Московского уезда, в соседних с Сурожским станах Дмитровского уезда, западнее — в Рузском уезде и в Волоколамске, на юг от Москвы — в Подольском и Серпуховском уездах. С другой стороны, следует заметить, что, по общему наблюдению, названия селений, производные от прозвищ, давались обыкновенно тем лицом, которое носило прозвище, а не его потомками, носившими фамилию, образованную от прозвища.

В общем, несмотря на возможные поправки в подробностях, можно считать доказанным и несомненным, что Григорий Пушка и его ближайшие потомки были богатыми и многовотчинными людьми и со второй половины XIV в. прочно осели в Московском княжестве, в тех его пределах, которые оно имело в XIV—XV вв. Без помощи топонимического материала этого интересного вывода мы сделать не могли бы.

Приведенные примеры относительно землевладения Топорковых, Волуевых и Пушкиных освещают сравнительно небольшой вопрос — о боярском землевладении. Применяя тот же метод комбинирования данных топонимики и генеалогии, мы получаем иногда выводы более интересные и более значительные с исторической точки зрения.

Приведу сначала необходимые генеалогические справки. По генеалогическим данным (см., например, Государев родословец и Бархатную книгу), при вел. кн. Дмитрие Донском выехал в Москву из Золотой орды царевич Серкиз и при крещении получил имя Иван. Был ли он действительно царевичем; это неважно, так как сын Серкиза — Андрей Иванович Серкизов — был, несомненно, историческим лицом. В летописях и в синодике Успенского собора мы находим сообщения, что Андр. Ив. Серкизов на Куликовом поле командовал Коломенским полком и был убит в бою. Сын Андрея Ивановича Федор носил прозвище Старко, и от него пошла боярская фамилия Старковых, вымершая в конце XVI в.

Вторая справка. Во многих частных родословцах фигурирует род Мячковых. По родословным преданиям, Мячковы происходили от Ивана Мячко, внука татарского посла Олбуги, который приехал из «Тевриж-

ского государства» к вел. кн. Дмитрию Донскому, но не вернулся на родину, а остался в Москве и крестился. Это предание правдоподобно, так как в Орде после смерти Узбека происходили хронические перевороты, выбрасывавшие из Орды в разные стороны людей, потерпевших поражение в борьбе претендентов на ханский престол. Во всяком случае, Иван Яковлевич Мячков (внук Олбуги) был лицом исторически несомненным и жил на рубеже XIV—XV вв.¹

После этих генеалогических справок перейдем к данным топонимики и к актовым материалам, чтобы путем комбинирования их восстановить исторические факты.

С именем Серкиза связаны 4 существующих ныне в быв. Московской губ. селения. Первое расположено под Москвой, на р. Сосенке,— Черкизово, и ныне вошло в черту г. Москвы. Отмечу, что возле этого Черкизова в писцовых книгах XVI в. упоминается дер. Алымово², позже — Алымово-Богородское, а затем просто дачный поселок Богородское. Второе Черкизово находится в 20 км от Москвы на р. Клязьме, в бывшем Бохове стану Московского уезда. Третье Черкизово находится в 24 км от Москвы, между р. Восточней и верхним течением Клязьмы, в быв. Горетове стану. Наконец, четвертое Черкизово мы находим в 13 км от гор. Коломны, на р. Москве. В 2 км от этого Черкизова находится селение Старков погост.

Есть ли основание утверждать, что эти 4 села принадлежали царевичу Серкизу? Я думаю, что есть и что относительно коломенского Черкизова утвердительный ответ на этот вопрос не подлежит сомнению. В самом деле, продолжим топонимические изыскания. Километрах в 12 на запад от коломенского Черкизова находится селение Настасьино на р. Северке, а км в 5 от Настасьина — с. Мячково. Это Мячково не следует смешивать с другим Мячковым, находящимся на р. Москве, при впадении в нее Пахры, и известным своими древними каменоломнями. Близкое соседство Старковых-Серкизовых и Мячковых в данном случае может показаться случайностью, но тот факт, что оно наблюдается и в других местностях, заставляет отнести к нему внимательнее.

На восточной окраине Московского великого княжения, в б. Гороховецком уезде, мы находим селения: Мячкову слободу, на р. Клязьме, и в 8 км от Мячковой слободы — с. Старково. Затем, в быв. Юрьевском уезде, в 21 км от г. Александрова, на р. Богане, находится с. Мячково. Ближе к Александрову лежит дер. Макарова. По источникам, дер. Макарова перед 1571 г. была вотчиной Злобы Васильевича Мячкова³. Нет сомнения, что и Мячково на Богане некогда было вотчиной Мячковых. Километрах в 15 от этой вотчины Мячковых, на

¹ Олбуга — Алабуга (по узб.— окунь). Ср. существующее ныне на р. Мологе, в 9 км от г. Бежецка, село Алабузино. В конце XIV в. с. Алабузино принадлежало боярину Фед. Андр. Свиблу и было конфисковано у него, когда он попал в опалу, вел. кн. Васильем Дмитриевичем (СГГД, т. I, № 34).

² Писцовые книги Московского государства, т. I, стр. 7.

³ М. Дьяконов. Акты тяглого населения, вып. 2, № 24.

р. Большом Киржаче, мы находим дер. Старкову. Эта дер. Старкова и соседняя с ней Артемьева, по актам в 1547 г., были смежны с вотчиной Дм. Ив. Мячкова с братьями¹. Едва ли можно сомневаться, что здесь на Киржаче и на Богане раньше, в XV в., находились значительные вотчины Старковых и Мячковых, с течением времени раздробившиеся между сонаследниками и частью перешедшие в другие руки.

Это предположение подтверждается тем еще, что по актам нам известно присутствие большой вотчины Старковых во второй половине XV и в первой четверти XVI вв. в той же местности на запад от г. Александра².

Наконец, отмечу, что в 20 км от Мячкова, на устье Пахры, находится селение Старково, при слиянии Гжели и Донинки, в быв. Богородском уезде.

Приведенные 4 более или менее близких соседства по вотчинам Старковых и Мячковых никак нельзя признать случайностью. Прежде чем попытаться объяснить этот факт, следует при помощи актового материала несколько осветить вопрос о четырех селах Черкизовых.

О подмосковном Черкизове известно следующее. Митрополит Алексей основал Чудов монастырь, по духовному завещанию 1378 г. обеспечил его большим земельным вкладом и дал, между прочим, с Черкизово, «что есмь купил у Ильи Озакова»³. Илья и Сергей Озаковы, иногда: Азаковы и Азбяковы, были митрополичьими слугами из крещенных татар⁴. Можно высказать предположение, что царевич Серкиз недолго владел своим подмосковным селом и продал его своему соотечественнику Ил. Озакову, который, служа митрополичьему дому, продал Черкизово митрополиту Алексею.

Относительно коломенских сел Мячковых и Черкизова известно, что они в первой половине XV в. были куплены у их владельцев вел. кн. Софией Витовтовной и Василием Темным. София в духовной 1453 г. упоминает в числе своих купель с. Мячково на Пахре. Из второй духовной вел. кн. Василия (1462 г.) видно, что он купил у вдовы Федора Андреевича Старка (внука Ивана Серкиза) Анастасии (ср. выше с. Настасьино) «село Мячково и с деревнями», а у ее дочери Ирины, вдовы Алексея Игнатъевича Жеребцова, «села Настасьины и Оринины», «на реце на Москве»⁵.

На основании этих свидетельств можно предположить, что первое Мячково было куплено вел. кн. Софией непосредственно у Мячковых, а Мячково под Коломной было продано Мячковыми Серкизовым, а за-

¹ В 1557 г. царь Иван дал Киржацкому монастырю черные деревни Артемьевского стана смежно с вотчиной Мячковых (Арх. Троицко-Серг. лавры, кн. 523, лл. 40 об.—46).

² Моск. гос. ист. музей, Синод. собр., № 176, лл. 34 об.—37 об.

³ Холмогоровы. Указ. соч., вып. V, 30.

⁴ Сергей Озаков в 1377 г. сопровождал Митяя в Царьград (ПСРЛ, т. VIII, стр. 31).

⁵ СГГид, т. I, стр. 207.

тем вдова Фед. Андр. Старка Серкизова и ее дочь продали вел. кн. Василию свои коломенские села: Настасьино, Мячково и Черкизово.

Чтобы закончить изыскания о вотчинах Серкизовых, напомним о крупной вотчине Ф. А. Старка, о с. Куралгине в Дмитрове, которое в середине XV в. было дано вдовой Старка Кириллову монастырю.

Несомненно, что Серкиз и Олбуга при выезде были пожалованы вотчинами. Возможно, что они привезли с собой из Орды остатки своих состояний и приобрели также земли на свои средства. Во всяком случае, они и их ближайшие потомки, несомненно, были богатыми и многовотчинными людьми. Как пришельцы, незнакомые с русским языком и новыми условиями жизни, они стремились селиться по соседству, что было отмечено выше. Московские князья не только не видели в этом никаких неудобств, но и сами селили татар целыми гнездами или даже большими группами. В XV—XVI вв. мы видим в Коломенском, Каширском, Рязанском (ср. Бордаковские татары), Касимовском и Романовском на Волге уездах большие гнезда и группы татар. Попавши в непривычные условия оседлой жизни и хозяйства, татары не сразу к ним приспособлялись, и не всем это удавалось. Этим можно объяснить несомненный факт быстрого обезземеления Черкизовых и Мячковых. Они продавали свои вотчины князьям и частным лицам и раздавали монастырям. Так, в середине XIV в. Серкиз продал подмосковное Черкизово Илье Озакову, который, в свою очередь, продал его митрополиту Алексею. Его внук Федор Старко дал с. Старково в Гороховце Суздальскому Спасу Евфимьеву монастырю, а вдова Старка дала с. Куралгино в Дмитрове Кириллову монастырю и продала великому князю свои коломенские села. К концу XV в. у Старковых оставались вотчины только в Переяславском уезде и, может быть, во Владимире.

Внимательное отношение к топонимике местности позволяет иногда восстановить интересные страницы такого далекого прошлого, от которого не осталось никаких памятников письменности.

Древняя Москва возникла на перекрестке водных и сухих путей. У самых стен Москвы проходил путь из бассейна Москвы в бассейн р. Клязьмы. По р. Яузе поднимались на лодках вверх до того места, где она поворачивает почти под прямым углом на юг и уходит в большое торфяное болото. Здесь в настоящее время находятся Мытищи с большим вагоностроительным заводом. От Мытищ шел волок, километров в семь, в Клязьму. Перетащенные по суше лодки спускали в Клязьму около существующего ныне селения Городища. Возле Городища находится Болшево, где ныне помещается Дом отдыха научных работников, а на другом берегу Клязьмы, против Болшева, лежит деревня Баскаки.

Историю этой местности можно представить себе в таких чертах. Яузский путь существовал, вероятно, с незапамятных времен, задолго до возникновения Москвы. На том месте, где находятся Мытищи, был пункт сбора проезжих пошлин с людей и судов, которые носили общее название — мыт. На другом конце волока, на р. Клязьме, для охраны

пути был поставлен городок, т. е. небольшое укрепление. Затем известно, что татары, после завоевания Руси, первое время пытались управлять ею непосредственно и собирать с населения налоги при помощи ханских чиновников, которые назывались баскаками. Яузский мыт давал хороший доход, и для контроля его поступления здесь был посажен ханский баскак. Память об этом осталась в селении Баскаки.

В XIV в. Яузский путь был заброшен. На р. Яузе в конце XIV в. упоминаются мельницы и мельничные плотины, например в Свиблове, а несколько позже — в Тайнинском и Лашутине¹. Когда Яузский путь был заброшен, то сбор пошлин (мыта) прекратился, городок стал ненужен и запустел. Место, где некогда собирали мыт, в XV в., называлось Яузским мытищем², а на месте городка возникло селение Городище. Следует заметить, что названия Мытище и Городище вовсе не означают: большой мыт и большой город. Оба названия образованы по аналогии с образованиями: селище, что значило — место запустевшего села, или усадище — место запустевшей усадьбы. Поэтому Мытище значит место, где некогда собирали мыт, а Городище — место заброшенного города.

Если не говорить о чисто филологических работах по топонимике, то можно сказать, что топонимический материал до сих пор использовался главным образом для освещения вопросов колонизации и вообще взаимовлияний различных народностей, живших на той или иной территории. Выше было сказано и показано на примерах, какой богатый материал дает топонимика селений для истории землевладения. Но ценность топонимических материалов этим не исчерпывается, они могут быть использованы и в других важных вопросах истории.

Таким является вопрос о слободах. Для освещения этого важного вопроса в памятниках до XV в. мы имеем очень скудный материал. С конца XV в. мы имеем десяток жалованных грамот на слободы, которые дают возможность выяснить их юридическую структуру. Но и для XVI в. количество актов о слободах очень невелико. Поэтому становится понятным, как и почему историография, можно сказать без преувеличения, проглядела это важное явление, и значение слобод в истории Северо-Восточной Руси остается невыясненным. Между тем, в XII—XV вв. слободская форма поселений играла огромную роль и в колонизации Руси, и в ее социально-экономическом укладе. В центральных районах государства слободская форма поселений в XVI в. выходит из употребления, но на восточных, северных и южных окраинах государства применяется не только в XVI, но и в XVII вв.

Топонимический материал значительно пополняет памятники письменности и позволяет выяснить истинные размеры этого многовекового

¹ Вместо Яузского пути в XIV—XVII вв. пользовались для перехода из р. Москвы в Клязьму другим путем: из р. Москвы поднимались по ее притоку, р. Нерской, верховье которой подходит близко к р. Ушме, притоку Клязьмы. Между р. Нерской и Ушмой был небольшой волок, не больше 2 верст.

² ЦГАДА, грамота Коллегии экономии, № 7144.

и важного явления. Прежде чем доказать это положение примерами, следует хотя бы вкратце сказать, в чем состояла слободская форма поселений.

Слово «слобода» есть испорченное свобода. Князь «ослобожал», освобождал, т. е. разрешал, частному лицу или коллективу лиц «сесть», т. е. поселиться, на участке пустой княжеской земли, заводить хозяйство, призывать к себе в слободу охочих вольных людей и «копить» на князя слободу. Чтобы заселение пустых земель шло успешно, князь давал слобожанам различные привилегии и льготы в податях на 10, 15 и даже 20 лет. Эти привилегии определялись особой жалованной грамотой. В моей работе «К вопросу о происхождении вотчинного режима» было показано, что слободские жалованные грамоты в существенных чертах были тождественны с иммунитетными жалованными грамотами частным землевладельцам, монастырям и церковным учреждениям. Прежде всего князь брал слободу под свое покровительство: слобожане в делах между собой были подсудны своим выборным или слободскому приказчику; сам приказчик был неподсуден местным властям, наместникам и волостелям, а только самому князю. Таким образом слобожане имели на срок льготы или бессрочно, смотря по жалованной грамоте, известную автономию и независимость от местных властей и защиту со стороны князя. В условиях феодальной необеспеченности прав личности слободские преимущества и защита князя имели огромное значение. Слободы возникали в большом количестве, на протяжении не менее как четырех веков, на всей территории Руси от берегов Белого моря до крайнего Юга и от Новгорода на Западе до Урала на Востоке. Особенно много слобод было на границах княжеств, чаще всего подвергавшихся разорениям при княжеских междоусобицах, и на южных и восточных окраинах Руси, подвергавшихся постоянным нападениям южных кочевников и иноплеменных соседей Руси.

Слободы были различных размеров. Были мелкие слободки, имевшие не более 150 десятин (слобода Чечевкина в Переяславском уезде), но были и такие огромные слободы, как Караш в Ростовском уезде или Корякова слобода в Юрьевце на Волге, которые занимали пространство в несколько десятков тысяч десятин и превратились с течением времени в целые волости. На основе слобод возникали целые города, например, Мезень (б. Окладникова слобода), Романов на Волге, Александров, Вязники и Судогда в быв. Владимирской губ., Краснослободск, Слободской (Вятской губ.), существующие и в настоящее время. В общем не подлежит никакому сомнению, что слободы были не местным и не случайным явлением в истории Руси, а очень распространенным, многовековым и сыгравшим очень большую роль в заселении Руси и образовании великорусского государства.

После этого необходимого отступления вернемся к топонимике и к вопросу о том, что она может дать для исследования истории слобод. Слободские привилегии в большинстве случаев были временными. По истечении срока льготы слобода лишалась своих преимуществ и входила

в состав стана или волости, в которых она находилась. Вместе с тем слобода часто теряла в источниках свое название слободы и превращалась в группу селений, входивших в состав волости или стана. И только случайно мы узнаем иногда, что то или иное селение было когда-то слободой. Этим объясняется, то, что в источниках мы находим мало указаний на слободы. Вот это обстоятельство и заставляет нас прибегнуть к помощи топонимики и дополнить таким образом данные источников о слободах.

Просматривая списки населенных мест, мы находим везде большее или меньшее количество селений с названиями: Слобода, Слободка, Слободское, Слободище (т. е. место бывшей слободы) и т. п. Ничего «слободского» в этих селениях теперь нет, это полустертые временем следы бывших слобод. Былые названия этих селений и имена их основателей потеряны. Количество слобод, сохранивших свои названия, невелико. Собирая, однако, тщательно данные топонимики существующих селений и комбинируя их с показаниями источников, можно составить большие списки слобод по уездам и частью найти им место на карте.

Приведу пример. Рязанская земля несколько веков подвергалась постоянным нападениям со стороны степных кочевников. Естественно, что здесь мы можем ожидать большого количества слобод. К сожалению, те же нападения уничтожали и памятники письменности, и по Рязанской земле они дошли до нас в очень небольшом количестве. Не претендуя на полноту, укажу, что в писцовых книгах Рязанского края, напечатанных В. Н. Сторожевым в Трудах Рязанской архивной комиссии, мы находим на территории быв. Рязанского уезда, довольно близко совпадающей с пределами быв. Рязанского княжества, 24 слободы. На картах (например, на трехверстке Топографического управления и четырехверстке Менде) мы находим еще 21 слободу. Наконец, в различных актах Рязанского края, опубликованных Пискаревым и Юшковым, мы находим еще 3 слободы.

Приведу другой пример — Белевское княжество, по которому не сохранилось ни одного акта. На современных картах мы находим вокруг г. Белева, в расстоянии от 6 до 15 км, 8 слобод. А сколько слобод и других селений исчезло бесследно от татарских опустошений!

Подводя итог, мы можем сказать, что при помощи материала топонимики селений, актов и других источников мы можем уже сейчас, не предпринимая специального исследования, установить существование на территории Руси XV—XVI вв. около 300 слобод. Если же принять во внимание отмеченный выше факт легкого превращения слобод в обычные селения, то становится несомненным, что слободы — это очень распространенное и важное явление Руси XII—XVI вв. И в полной мере значение этого явления может быть выяснено только при помощи топонимики селений.

Основное требование любого исторического исследования — это всегда иметь ясное представление о местности, в которой происходили исследуемые и описываемые явления. Поэтому историк всегда должен

иметь под руками, а в случае надобности и перед глазами, географическую карту и постоянно справляться с нею. Соблюдая это правило и комбинируя топонимические данные с актовыми источниками, мы можем иногда вскрыть такие явления и факты, которых не заметим, если будем изучать акты, не справляясь с географической картой.

Прямо на север от Москвы, между р. Клязьмой и верховьями Яхромы, в быв. Манатыне и Быкове стану Московского княжества, находилась митрополичья волость Сельцы или, иначе, Селецкая волость. Она была дана митрополичьему дому в первой половине XIV в., когда митрополиты «всая Руси» переселились из Киева — сначала во Владимир на Клязьме, а затем в Москву. Митрополиты имели в Селецкой волости права высшего суда и дани и были совершенно независимы от московских наместников и местных волостелей. Отряды митрополичьих слуг принимали участие в княжеских походах под стягом митрополичьих бояр-воевод. Наконец, есть указания, что и посторонние митрополичьему дому люди, имевшие вотчины в Селецкой волости, были подчинены судебной и налоговой власти (быть может, не во всех отношениях) митрополитов. Словом, Селецкая волость была как бы полунезависимым вассальным княжеством и чрезвычайно характерным для русского феодализма явлением.

Дальнейшая история Селецкой волости такова. Известно, что вследствие борьбы кандидатов митрополичья кафедра в XIV и XV вв. несколько раз оставалась вакантной, например, после Алексея (1378 г.) — 10 лет, после Фотия — 17 лет. Этими периодами безвластия пользовались митрополичьи слуги и посторонние люди, преимущественно представители крупного московского боярства. Слуги продавали свои и, быть может, иногда митрополичьи земли посторонним людям, а последние выпрашивали у князей на свои старые вотчины и на земли, купленные у слуг, жалованные несудимые грамоты и выводили свои земли из-под юрисдикции митрополитов. Таким образом Селецкое княжество митрополитов с течением времени разлагалось. По сохранившимся источникам второй половины XV и первой трети XVI вв. Селецкая волость представляется уже совсем разложившейся; от огромной первоначальной территории в руках митрополитов сохранилось несколько клочков, чересполосно с вотчинами частных лиц и остатками вотчин митрополичьих слуг. Как пережиток и жалкий остаток старины за митрополитами осталось право на мелкие доходы вроде конского пятна, пошлины с продаж и мен лошадей.

Актовый материал, как было упомянуто, относится к позднему времени и не дает возможности установить первоначальную территорию Селецкой волости, но здесь нам приходит на помощь топонимика селений. Центром волости было существующее ныне с. Троица, прежде — Троица-Сельцы. В недалеком расстоянии от Троицы находятся селения: с юга — Шолохова, на северо-восток — Лысково и Марфино, прежде — Марфино-Щибрино, на северо-запад — Горки, прежде — Горки-Якшилово, и, наконец, на север, на р. Черной грязи, на границе Дмитровско-

го уезда, Хлябово, прежде — Хлябово-Чертово. Все эти селения находятся сравнительно недалеко от с. Тройцы, но километрах в 16 на восток от Тройцы мы находим селения: Ельдёгино, на р. Вязи, а еще дальше на верховье Вязи — с. Митрополье. По тем же упомянутым выше актам мы знаем, что Якшиловы, Щибрины, Ельдегины и Чертовы были «извечными» слугами митрополичьего дома, что Иван Шолох и Василий Лыско Михайлович Чертовы жили на рубеже XV и XVI вв.¹

Таким образом, по актам и по данным топонимики устанавливается, с некоторым приближением к истине, первоначальная территория Селецкого «княжества» митрополитов. Оно занимало почти весь бассейн р. Учи, доходя на юге в некоторых местах до р. Клязьмы; на востоке лежало по течению Вязи (приток Учи); на севере переходило за границы Дмитровского уезда и захватывало существующие ныне селения Спасское и Ермолино. Так устанавливается новый и весьма интересный факт из истории русского феодализма XIV—XV вв.

Перед советской топонимикой стоят важные задачи, с которыми не приходится иметь дело западноевропейским ученым. Дело в том, что в состав СССР входит ряд народностей, которые до недавнего времени не имели своей письменности и не имеют вследствие этого своих письменных памятников. Русские источники односторонни и в общем относятся к позднему времени истории этих народов, когда они вошли в сношения с русскими и подпали под власть Русского государства. Таким образом древнейшая история этих народов остается неосвещенной. Топонимический материал, вследствие присущей ему живучести, «консервативности», как говорят ученые, является очень ценным, — более ценным, чем данные археологии, — материалом.

Тщательное собирание его и научная обработка прежде всего необходимы для истории языка этих народов. Затем названия исчезнувших и существующих селений могут послужить ценным материалом для выяснения основной территории народностей и в некоторой степени могут осветить передвижения и смещения той или иной народности под влиянием различных причин.

По этому вопросу существует очень большой архивный материал, большую часть не опубликованный и очень слабо разработанный. Для двинского побережья Белого моря можно указать, например, на такой ценный источник, как сотницы с писцовых книг 1553 и 1559 г., а для бассейна Онеги — сотные грамоты Каргопольского и Турчасовского уездов с писцовых книг 1556 г.² По Кольскому полуострову следует указать описание 1608—1611 гг., частично напечатанное и использованное с этнографической точки зрения известным этнографом Н. Н. Хару-

¹ Источник — книга домовых вотчин дома митрополитов (Моск. гос. ист. музей, Синод. собр., кн. 276).

² ЦГАДА, Городовые книги по Клину, кн. 2, и по Каргополю, кн. I, Сотницами или сотными грамотами назывались окладные росписи, по которым население платило всякие налоги ряд лет, от одного описания до нового.

зиным, но не изученное как топонимический материал¹. Для бассейна Вычегды (область коми-зырян) следует напомнить о писцовых книгах 1608 г. Выми Яренгской, напечатанных в 1914 г. А. М. Гневушевым, но до сих пор не использованных для топонимического исследования². Описания по Вятской и Пермской областям известны, частично напечатаны, но с топонимической точки зрения также не изучены³.

Богатейший материал для топонимических исследований представляют дела Сибирского приказа, описанные Н. Н. Оглоблиным. Особенно важны так называемые Ясачные книги, описания, по своей цели аналогичные писцовым книгам европейских уездов Московского государства⁴.

Большой материал по территории народов Среднего Поволжья, к сожалению, относится только к XVII в. и к более позднему времени, но, тем не менее, представляет богатое поле для топонимических исследований⁵.

Не имея в виду дать полный указатель архивных и напечатанных источников по указанному выше вопросу, я ограничусь приведенными указаниями, полагая, что их вполне достаточно, чтобы показать читателю, какие огромные возможности открываются перед молодыми советскими учеными в области топонимических исследований по территориям народов СССР.

¹ Н. Харузин. Русские лопари, Известия общества любителей естествознания, антропол. и этногр., тт. I, XVI. Труды Этнограф. отдела, т. X. Подлинные писцовые книги см. ЦГАДА, отд. Писцовых книг, № 208.

² Акты времени правления царя Василия Шуйского М., 1914, изд. Общества ист. и древн. Росс., в серии Материалов по истории Смутного времени.

³ Обзор описаний и указания на напечатанные и архивные источники. См. С. Веселовский. Сошное письмо, т. II, стр. 587, 618; там же указаны книги XVII в. по Пустоозерскому уезду.

⁴ Н. Оглоблин. Обзорные столбцы и книги Сибирского приказа (1592—1706), 4 выпуска, М., 1895—1901 гг.

⁵ В большей части хранится в ЦГАДА, в отделах Писцовых и так называемых отказных книг.

Г. Ф. ПОДОЗЕРСКАЯ
ВТОРОЙ ЛИТОВСКИЙ СТАТУТ

(К истории его составления)

Уделяя сравнительно мало внимания Литовскому статуту вообще, наша историческая наука до самого последнего времени совсем не проявляла интереса к особенностям редакции этого памятника, которой присвоено наименование II Статута 1566 г. До появления капитального труда проф. И. И. Лаппо¹ историки литовско-русского права не останавливались даже на опубликованных в печати материалах о составе комиссии, создавшей данный кодекс, и не интересовались совершенно вопросом о социальной значимости всей совокупности правовых положений, получивших в этом Статуте силу закона. Двухтомное исследование И. И. Лаппо, в большей своей части посвященное III Статуту, раскрывает много интересных подробностей о деятельности образованной при Сигизмунде-Августе кодификационной комиссии, составившей II Статут, но все-таки и в этой работе авторитетного историка Литовско-русского государства не подведено итогов, позволяющих составить ясное представление о закрепленных в Кодексе домогательствах литовско-русской шляхты, претендовавшей на руководящую роль в политической жизни великого княжества. Между тем, именно в этом отношении II Статут представляет особенный интерес как яркий образец феодального законодательного свода, созданного в такую эпоху, когда внутри господствующего землевладельческого класса происходило своего рода расщепление и создавались две антагонистические группы.

Одной из них были магнаты, владевшие крупными вотчинами и сохранившие в полном объеме политическую власть над проживавшим в их имениях населением. Другую составляло мелкое и среднее дворянство — шляхта, настойчиво домогавшееся участия в сеймах и руководящей роли в местных органах самоуправления². Конечно, об антагонизме интересов той и другой группы можно говорить условно, потому что как можновладные паны, так и средние и мелкие шляхтичи

¹ И. Лаппо. Литовский статут 1588 г., т. I, ч. 1—2, Каунас, 1934—1936.

² Аналогичная борьба шла, как известно, в Московском царстве XVII в., причем и тут она привела к составлению законодательного кодекса — Соборного уложения 1649 г. Но, как показал проф. П. П. Смирнов в своей статье «Правительство Б. И. Морозова и восстание в Москве 1648 г.» (Тр. Среднеазиатского гос. университета, серия III-а, История, вып. 2, Ташкент, 1929), осложняющим моментом в этой борьбе в Москве являлось активное участие в ней посада.

продолжали оставаться крепостниками, и основной базой, на которой строилось все их хозяйство, являлась эксплуатация крестьянского труда. Поэтому они готовы были забыть свои споры и обиды, как только дело доходило до открытой борьбы с восставшим крестьянством. Но в XVI в. раздавались только первые раскаты великой бури казацко-крестьянской войны XVII в. Нет ничего удивительного поэтому, что в половине XVI в., т. е. в эпоху составления II Статута, как та, так и другая группа не проявляли склонности к объединению и находили достаточно поводов для борьбы за власть, за землю, за крестьян. В одной из своих работ В. И. Пичета указывал, что именно в это время литовские магнаты должны были пойти на значительные уступки шляхте и в известной мере шляхтизировать свой государственный строй¹. Необходимо, однако, добавить, что крупная панская вотчина сохранила при этом свою мощь и в условиях расширявшегося внутреннего рынка оказалась даже более стойкой хозяйственной организацией, чем имение мелкого и даже среднего шляхтича. Вследствие этого в борьбе со шляхтою можновладные паны имели все шансы сохранить за собою не только достоинства, но и землю и многие из своих стародавних привилегий. Этим надо объяснить тот правильно отмеченный В. И. Пичетой факт, что, несмотря на шляхтизацию, великое княжество Литовское и в XVI в. продолжало оставаться аристократическим государством. Но и эти относительные успехи шляхтизации в половине века дались средней и мелкопоместной группам далеко не без борьбы, отзвуки которой слышатся в отдельных постановлениях Статутов Сигизмунда и Сигизмунда-Августа. Поэтому, изучая кодификационную работу великого княжества первой половины XVI в., историк литовско-русского права сможет собрать достаточно показательный материал для характеристики позиций той и другой группы правившего землевладельческого класса; в каждом постановлении того и другого кодекса можно усмотреть и ничем еще не сдерживаемое в I Статуте можновладство и умеряемое во II Статуте чьей-то опытной рукой гминовладство. Но при этом исследователю придется учесть, что на протяжении полувека, отделявшего I Статут от II Статута, в организации кодификационной работы произошли серьезные изменения. Из ведения господарской канцелярии эта работа перешла в руки специальной комиссии. Очевидно, направление работы писцов господарской канцелярии, работавших под руководством канцлера, не удовлетворяло рвавшуюся к власти шляхту, и причины этого, нам кажется, могут быть вскрыты, если мы напомним хотя бы в общих чертах историю составления обоих Статутов.

В своем обзоре памятников магдебургского права в западных русских городах проф. Тарановский указывал, что в XVI в. в Польше «кипела» кодификационная работа и что общество и власть были проникнуты в то время сознанием необходимости привести в известность и за-

¹ В. Пичета. Польша на путях к колонизации Украины и Белоруссии, «Исторические записки», т. VII, стр. 63.

крепить на будущее писаное право¹. По словам автора, выразителем таких взглядов и настроений являлся уже известный юрист XV в. Иоанн Остророг, в труде которого «*Momentum pro comitiis regalis*» (1477) имелась специальная глава, посвященная вопросу *de juris scripti necessitate*. Но, констатируя такую тягу польского общества к законности, проф. Тарановский в своем изложении совсем не останавливается на выяснении причин полной безрезультатности подобных попыток провести в тогдашней Польше кодификацию. Он не отметил даже, что в 1517 г. на Петрковском сейме стоял вопрос о составлении свода, что с этой целью была образована специальная комиссия, что в 1521—1522 гг. сейм снова требовал *ut jura, statuta et consuetudines regni in meliorem formulam redigerentur*, но что, в конце концов, в 1534 г. Петрковский сейм единогласно отверг составленный проект².

Думается, что решающую роль в такой бесславной судьбе всего начинания сыграли те группы шляхетского общества, которые высшей нормой считали свое собственное своеволие и опасались, что писанный закон в чем-нибудь ущемит уже добытые ими права и вольности. В ином совершенно положении находилась в начале XVI в. литовско-русская шляхта. Общеизвестно, например, горделивое заявление такого возможного пана, как Гаштольд, о том, что польские порядки резко отличаются от литовских и что литовско-русская шляхта не пользуется теми правами, какими наделена ее польская братия. «*Quidquid per majestatem Regiam concluditor et domincs, nobilitas hoc nostra exequator necesse est*»³. Пусть в обстановке конца первой четверти XVI в. это являлось уже анахронизмом, но несомненно, что какими-нибудь двадцатью годами раньше литовско-русская шляхта не эмансипировалась еще от влияния и власти сильных магнатов и могла мечтать только о том, чтобы полномочия последних были поставлены в какие-то точно определенные писанным законом рамки. С другой стороны, и сама верховная власть чувствовала необходимость подобных рамок для сепаратистских тенденций в рядах вельможной знати (особенно после измены Глинского), и недаром поэтому сейм 1508 г., занявшись прежде всего судом над соучастниками заговора, должен был выработать общую уставу об имениях изменников. Словом, уже в самом начале XVI столетия в великом княжестве, в не всяких влияний со стороны Польши, ощущалась потребность в таком законодательном сборнике, который в той или иной мере охранял бы интересы государства и, вме-

¹ Ф. Тарановский. Обзор памятников магдебургского права западно-русских городов литовской эпохи, Варшава, 1897, стр. 179, 180, 181.

² См. М. Любавский. Литовско-русский сейм, стр. 227, 252, прим. 259. «Шляхта,— писал Бобржинский,— с величайшим недоверием приступила к задуманной [королем] реформе на поприще кодификации законов... Послушавшись враждебных подговоров... Кмяты и Зборовских, [она] на сейме 1534 г. высказалась против предложенного ей проекта» (Очерк истории Польши, т. II, СПб., 1891 стр. 54—55).

³ *Acta Tomisiana*, v. XII, R., 1529. См. М. Любавский. Литовско-русский сейм, стр. 314.

сте с тем, защищал имущественные и личные права шляхетского стана в целом.

О своем намерении составить подобный кодекс верховная власть возвестила еще в 1501 г. в привилее Волинской земли. Подтверждая обязательность содержащихся в этом акте постановлений, господарь указывал, что «маем все держати тые члонки... до тых часов, покий права Статуты вставим, а коли права Статуты у в отчизне на той уставим, тогды вси земли наши одного ся права держати мають и одним правом сужоны будут подле Статуту»¹. Но, повидимому, господарская канцелярия, которой, по всей вероятности, было дано поручение составить такой Статут, не спешила с этим делом. Поэтому уже на вальном сейме в Вильне в 1514 г. станы, согласившись дать поголовщину для ведения войны с Москвою, сами потребовали от господаря выработать свод законов. По предположению Любавского, такого рода требование было вызвано отчасти и тем, что правительство по своей инициативе обратилось к станам за разрешением ряда трудных судебных дел и, таким образом, лишний раз вскрыло необходимость для судебной практики иметь руководство в кодексе писаных законов². Однако и это не подвинуло дела, и только когда на Городежском сейме 1522 г. стал снова вопрос о Статуте, господарь и паны-рада «право им прирекли дати и тьи вси члонки как ся подданныи наши мають справовати и радити казали есмо выписать»³. Повидимому, в господарской канцелярии соответствующие материалы все-таки были уже подготовлены, потому что в невероятно быстрый срок, в какие-нибудь два-три месяца, проект Статута был составлен и в том же году представлен на рассмотрение великого вального сейма в Вильне; здесь станы слушали предложенный на их одобрение кодекс и высказали по этому поводу какие-то свои соображения и пожелания. Нам неизвестны подробности развернувшихся на этой почве прений, но в итоге проект не получил окончательной санкции и был возвращен господарской канцелярии для переработки.

Вторично проект был представлен сейму в 1523—1524 гг. через господарского секретаря Михаила Вежкгайла, снабженного специальным королевским посланием: «Послали на тот съем теперешний [этот проект],— говорится в послании,— за нашу печатью и казали есмо дати пану воеводе е. м. виленский канцлер маеть тое право выдати всим поддавым нашим... перед вашею мѣлостью и расказати нашим господарским словом, або вже тым правом справовалися и радили»⁴. Господарь, однако, слишком поторопился с утверждением Статута — сейм и на этот раз не признал исправленный проект удачным, и дело затянулось еще на пять лет, когда, наконец, на Виленском сейме 1528—1529 гг. была окончательно выработана принятая станами редак-

¹ М. Ясинский. Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства, Киев, 1889, стр. 73, прим.

² М. Любавский. Указ. соч., стр. 199.

³ Документы московского архива мин. юстиции, т. I, стр. 516.

⁴ Акты, относящиеся к истории Западной России, т. II, № 165.

ция. Таким образом пятнадцатилетний труд был закончен, и I Статут вступил в действие с 29 сентября 1529 г. «Господар корол е. м... рачил отповедити всим паном радом... и всим подданным е.м. иж вже от того дня святого Михаила маеть его милость тыми новыми правами судити». По случаю такого события канцлер Альбрехт Гаштольд произнес похвальную речь королю и, превознося заслуги Сигизмунда, указывал, что король и великий князь даровал «нам писаные законы, которым мы будем следовати и руководствоваться при отправлении правосудия» (*rex et magnus dux, qui nobis jura dedit per quae dirigamur et proficiamus in operibus justitiae*)¹.

Эта речь в устах такого яркого представителя литовского можно-владства весьма характерна. Не подлежит никакому сомнению, что по должности канцлера Гаштольд должен был играть видную роль в направлении всей работы господарской канцелярии по составлению Статута, а если он остался доволен трудами своих подчиненных, то это лучший показатель того, что, получив кодекс, высшая аристократия могла не тревожиться за свою власть и за свои привилегии; ее собрат не сдал в данном случае тех позиций, на которых она держалась, и не уступил шляхте ни в чем существенном, чего она домогалась.

В этом отношении следует признать вполне обоснованными предположения М. К. Любавского о том, что, критикуя Статут, шляхта прежде всего имела в виду действующую в то время систему суда, которая так ярко охарактеризована в цитируемом автором письме королевского секретаря Шамбоцкого к Томицкому от 20 декабря 1528 г., т. е. почти накануне вступления Статута в силу: «*De neglectu justitiae, — писал Шамбоцкий, — lamentantur multi... In Lithuania divites regnant, pauperes fama pereunt, mediocres mussant judicant, majoribus se taciti invident*»². Но нового суда Старый Статут как раз и не давал шляхте. Правда, в обстановке 30-х годов последняя не могла еще предъявлять ультимативных требований к власти, но, с другой стороны, придворная политика, в частности желание Сигизмунда еще при жизни обеспечить своему сыну отчинное государство и возвести его на великое княжение, заставляли правительство внимательно прислушиваться к настроениям станов. Ввиду этого, вероятно, уже на сейме 1528—1529 гг. было признано необходимым пойти на уступки шляхте и допустить представителей поветовой шляхты к участию в суде державцев и их наместников. Однако никакого практического значения подобная уступка не имела. Кроме того, надо учитывать, что Старый Статут не был опубликован и остался для рядовой шляхты, так сказать, книгою за семью печатями. Правда, в 1522 г., когда господарь рассчитывал, что станы санкционируют работу его канцелярии, он отдал распоряжение об издании Статута: «*jussimus ea in numerosis voluminibus excudi Literis*». На этом основании исследователи (Леонтович и др.) высказывали предположе-

¹ T. Dzialynski Zbior praw litewskich od r. 1389 do 1529, Posen, 1841, стр. 92—95.

² См. М. Любавский. Указ. соч., стр. 252.

ния о существовавшем некогда печатном издании Старого Статута. Но, как показали разыскания М. Грушевского¹, документами это не подтверждается, и поэтому говорить об опубликовании памятника во всеобщее сведение никак не приходится. Вряд ли можно объяснить это какими-нибудь техническими причинами (например, отсутствием соответственных шрифтов). Дело, конечно, было не в этом, а в нежелании господарской канцелярии и ее руководителей дать простому землянину в руки закон, помочь ему найти в этом законе опору для защиты своих прав на суде, проверить правильность и законность тех решений, которые выносил магнатский суд. Кроме того, для всякого ясно, что процесс правотворчества не мог остановиться с момента утверждения Статута. Судебными решениями, как убедительно показал Ст. Борисенок², создавался прецедент, имевший силу по другим, аналогичным делам, а между тем, практика пополнения Статута не была узаконена и не была облечена в какую-нибудь однообразную форму. На разных местах и урядах,— свидетельствовал Бельский привилей 1564 г.,— «потрафляють речи и артыкулы новые, а розные, которые в том Статуте не были и не суть описаны, одны противные Статутови»³.

В совокупности все это создавало серьезные основания для недовольства шляхетских кругов только что проведенной господарской канцелярией кодификационной работой. Не прошло и полутора десятка лет с того дня, когда пан Гаштольд расточал хвалы законодательным трудам Сигизмунда, как последнему пришлось снова выслушивать жалобы станов по поводу недостатков Статута и просьбы о его поправке. На Берестейском сейме 1544 г. станы заявили: «абы через писанный Статут не были люди омылены, а справедливость ни перед кем не была закрыта», необходимо, чтобы король приказал «Статут поправившы, им примовать». Господарь согласился выполнить эту просьбу и предложил сейму выбрать «яко з латинского, так и греческого закону десять особ, людей добрых, поважных... которые мають тыи артыкулы всдлуг потребы и водлуг бога и речи справедливое поправити, а иншыи прычынити и на першом сойме... их оказати, где потом через посполитый съем, на што вся земля вволити, мають оныи артыкулы быть уфалены и прыняты з господарским дозволеньем»⁴.

Трудно сказать, почему сейм не воспользовался этим предложением и не выбрал представителей в комиссию по поправке Статута, но в 1547 г. на Виленском сейме станы просили выбрать десять особ, которые бы, «не фолькугуючы ничым пожитком... вси недостатки того Статуту под присягами своими поправили»⁵. Господарь вполне резонно

¹ М. Грушевський. Статут друкований, Зап. наук. товар. ім. Шевченка, вып. VI.

² Ст. Борисенок. Списки Литовского статута 1529 р., Праці комісії для вичучування права західньо-руського, вып. VI, Киев, 1929, стр. 47.

³ См. М. Любавский. Указ. соч., Прилож., стр. 134.

⁴ РИБ. т. XXX, стр. 120—121.

⁵ Там же, стр. 138—139.

ответил на это, что, согласно постановлению Берестейского сейма, станы сами должны были озаботиться избранием указанных десяти особ. Через четыре года Виленский сейм 1551 г. снова обратился к Сигизмунду-Августу с аналогичной просьбою, «абы Статут права посполитого земского был поправен и выдрукован». Господарь и на этот раз напомнил станам, что одобренное им начинание исправления Статута оставалось неосуществленным, потому что сейм не потрудился составить требуемую комиссию. Чтобы сдвинуть, наконец, это дело с мертвой точки, Сигизмунд-Август объявил, что он «маеть с порадою панов рад своих обрати и высадити на то пети особ закону рымского, а другую пять особ закону греческого, которые мають в сесь Статут добре обычати и розважыти и вырозумети то, чого бы потреба была прибавити, альбо убавити, альбо отменити». При этом господарь добавил, что, во-первых, когда новый Статут будет составлен и одобрен, он распорядится его «выдруковати и битым писмом выбити, абы вси вжо одностайное, а неотменъное право свое посполитое ведали и вунътпенья никоторого в нем не мели», и что, во-вторых, сейм должен озаботиться сбором средств для того, чтобы указанные десять особ «на той справе... у Вильни мешкаючы, мели мети жывность»¹.

Таким образом, целых семь лет было потрачено на бесплодные пререкания о том, кто должен избрать Статутовую комиссию, и в конце концов состав той комиссии был установлен не сеймом, а правительством, причем на оплату ее членов сейм вотировал специальный сбор с населения в размере одного пенязя с каждой сохи. Во всяком случае приходится признать, что в 1551 г. правительство проявило некоторую готовность пойти навстречу шляхетским домогательствам о поправке Статута. Объяснить это надо, во-первых, тем, что оно чувствовало «немалое небезпеченство» государства от «неприятелей, з многих сторон прилежных» и нуждалось, следовательно, в вотировании сеймом серебшизны, а во-вторых, и тем, что на самом сейме шли уже переговоры с польскими послами об унии. В такой обстановке панам казалось нецелесообразным раздражать лишний раз шляхту дальнейшим затягиванием образования комиссии.

Сохранившиеся источники не дают возможности определить точно состав комиссии и даже время начала ее работ. Правда, в Бельском привилее господарь указывал, что к работам над Статутом были привлечены «особы певные, рады наши, маршалкове, врядники земские, хоружие и иные особы ряду [по чтению Лаппо — роду] и народу шляхетского и доктори прав чужоземских»². Но данные эти настолько общи, что трудно было бы на основании их строить какие-нибудь выводы о персональном составе комиссии, кроме того, что в работах над сво-

¹ РИБ, т. XXX, стр. 183—184.

² М. Любавский. Литовско-русский сейм, Прилож., стр. 135. Наиболее обстоятельное исследование о личном составе Комиссии можно найти в указ. труде И. Лаппо, т. I, стр. 40—90. Материалы этого тщательно разработанного разыскания использованы нами в настоящем очерке.

дом принимали участие «докторы прав чужоземских». Единственным свидетельством, проливающим хоть некоторый свет на вопрос о лицах, которым правительство доверило поправить Статут, может служить запись в Метрике под 1558 г. следующего содержания: «Через Юршыньского ж послано листы до скарбу: до бискупа Жомоитского до каноника Виленского князя Станислава Кгабрияловича, до войта Виленского, до судьи повету Виленского Островицкого, до Мартина Володковича, абы ехали а Статут поправали. А на страву казано им пенезей на Статут складанных давати на каждый месяц князю бискупу по 20 коп, а тым всим особам по 15 коп грошей, и тот квит в листе князя бискуповом до него послан»¹. На этом основании проф. Лаппо совершенно правильно высказывает предположение, что Жомоитский бискуп Ян Доманевский не только принимал участие в комиссии, но как радный пан был, вероятно, ее председателем. Следует добавить, однако, что, как сообщает сам Лаппо, Доманевский умер в 1563 г.; следовательно, он не мог довести работу по Статуту до конца. На бискупстве его заменил бывший канцлер его и сотрудник по рассмотрению апелляций на решения городских урядов Станислав Наркусский. Его опытность и юридические знания как будто бы позволяли ему заменить Доманевского в комиссии, но сведений, подтверждающих это предположение, в источниках мы не нашли².

Далее, запись 1558 г. вторым членом комиссии называет каноника, а впоследствии архидиакона Станислава Габриловича, библиотека которого после его смерти перешла за долги Виленскому капитулу. Рядом с этими духовными лицами в записи упомянуты два представителя шляхетских кругов — судья Виленского повета Павел Островицкий и Мартин Володкович. Что касается Островицкого, то И. И. Лаппо причисляет его к категории «довольно крупной шляхты Ошменской». По попису 1565 г., он выставил восемь конных ратников и, сверх того, на ласку господарскую еще четырех, причем в этот отряд входило еще шесть драбов с рушницами. И. И. Лаппо называет Островицкого представителем шляхетского движения середины XVI в. и носителем той идеи литовской государственности, которая была выдвинута Виленским сеймом 1563 г. при переговорах с Польшей по поводу унии (стр. 44). Но считать его оппозиционером можновладству ни в каком случае не придется уже потому, что этот судья Виленского повета был в то же время служебником такого влиятельного пана, как Николай Черный Радзивилл. Трудно предполагать, признает И. И. Лаппо, чтобы обаяние личности такого образованного и выдающегося человека, каким был этот виленский воевода, не говоря уже о размерах его можности, осталось без влияния на Островицкого. Правда, И. И. Лаппо ограничивает

¹ М. Любавский. Литовско-русский сейм, Прилож., стр. 95.

² Проф. Лаппо предполагает (указ. соч., стр. 81), что Доманевского заменил в комиссии знаменитый доктор права Петр Ронзий. Но это означало бы, что правительство оставило комиссию в пору окончания ее работ без радного пана, что едва ли отвечало намерениям и видам самой рады.

это влияние сферой религиозных убеждений (стр. 45); думается, что в этом направлении можно было бы пойти дальше и с большой долей вероятности предположить, что в Статутовой комиссии Островицкий защищал интересы не шляхетства, а той группы магнатов, от одного из представителей которой он материально зависел. Наконец, и Мартина Володковича нельзя без существенных эгворок причислить к чисто шляхетской группировке. Из его формулярного списка, сообщенного И. И. Лаппо, видно, что свою карьеру Володкович построил на службе в господарской канцелярии; в момент его назначения в комиссию он был дьяком этой канцелярии, но в том же году его командировали гонцом в Москву. В 1569 г. Люблинский сейм, учитывая его опыт в законодательстве и судебной практике, назначил его в комиссию по поправке II Статута (стр. 47). При таких условиях едва ли будет правдоподобным предположение о том, что этот типичный канцелярист считал для себя возможным, ради поддержки шляхетских требований, отступать от данных ему начальством директив.

Значительно большее внимание исследователи обратили на яркие фигуры двух докторов права, работавших в комиссии по составлению Статута: на войта виленского Августина Ротундуса и блестящего ученого-юриста той эпохи Петра Роизия Гишпана. К сожалению, мы все-таки не располагаем сколько-нибудь полными данными для того, чтобы определить конкретно тот вклад, который они внесли в изучаемый нами памятник. Начать с того, что мы не осведомлены даже ни о национальности, ни о научной деятельности виленского войта и королевского секретаря Августина Ротундуса, которого через сто лет после его кончины Виленский магистрат называл «*vir juris divini humanique consultissimus*». Польские исследователи считали его поляком; И. И. Лаппо полагает, что по данному вопросу мы не можем сказать больше того, что было сказано в начале прошлого века, а именно, что трудно догадаться, откуда Ротундус был родом. Тем не менее, автор подверг критическому пересмотру все находящиеся в его распоряжении известия о знаменитом виленском войте и в виде предварительной гипотезы, нуждающейся в углубленной проработке, высказывает предположение о литовском или даже итальянском происхождении Ротундуса. Действительно, материал, которым приходится оперировать при решении данного вопроса, более чем скуден. С одной стороны, в своем письме к Ротундусу известный кардинал Гозий писал: «Я знаю, что ты никогда не видал моего отца». Отец Гозия — виленский городничий, как указывает И. И. Лаппо, умер в Вильне в 1535 г.; отсюда можно заключить, что в молодые годы Ротундус не жил в Вильне, потому что трудно предположить, чтобы городской мальчик не видал ни разу в глаза своего городничего. Далее, в списках студентов, поступивших в 1538 г. в Виттенбергский университет, значатся три лица: 1) Augustinus Rotundus a Velun, 2) Nicolaus Milenski, 3) Andreas Barcius и все они обозначены как «Polon». И. И. Лаппо (стр. 53—60) доказывает, что подобное обозначение не свидетельствует непременно

о польском происхождении всех этих трех молодых людей. В старых университетах, говорит он, в XVI в. бытовала еще практика деления студентов на четыре университетские нации (Sachsen, Meissner, Bayern, Polen), но опять-таки не доказано, существовала ли она в таком сравнительно молодом университете, как Виттенбергский, который был основан в 1502 г. и скорее мог усвоить принятый в некоторых других университетах обычай выделять из существовавшей прежде польской университетской нации ряд народов, ее составлявших. Точно так же большие сомнения возбуждает у И. И. Лаппо имеющаяся в университетском списке добавка к фамилии Ротундуса слова «a Velun». Во-первых, Велюна была и в Польше и в Литве, во-вторых, мы можем, рассуждает И. И. Лаппо, допустить ошибку в написании и прочесть эти слова или как «a Viln», или как Avelin. В первом случае подтвердится как будто возможность происхождения Ротундуса из Вильны, во втором — рождается догадка о том, что он был родом из города итальянской Кампании Авелино (стр. 55). Нам думается, однако, что первое из этих предположений разрушается буквальным смыслом приведенного выше отрывка из письма Гозия, где прямо говорится, что Ротундус никогда не видал его отца, следовательно, не жил в молодости в Вильне. Не менее шаткой кажется нам и вторая догадка И. И. Лаппо; трудно допустить, в самом деле, чтобы в ту эпоху иностранец мог получить в великом княжестве должность войта столичного города. Проще и естественнее, думается, не полагаться на подобные искусственные толкования записи в университетском списке, а пока не будут найдены новые материалы, базироваться на данных этой записи так, как они в ней приведены. Тогда оправдывается предположение, что Ротундус был среди тех придворных поляков, которые, подобно Фальчевским, Коморовским, Райским и др., прибыли при последних Ягеллонах в великое княжество и своими знаниями, своей энергией, своей, наконец, близостью к королевскому дому сумели добыть себе и земли, и уряды. По крайней мере, новейший биограф Ротундуса Мария Барычова определенно причисляет его к группе тех польских пришельцев (*przybyszow polskich*), которые иммигрировали в великое княжество «w poszukiwaniu chleba i lepszej fortuny»¹. Но среди таких искателей счастья он выгодно выделялся и своей образованностью, и, повидимому, сравнительной материальной обеспеченностью, закрепленной прочными придворными связями. Как мы только что говорили, документами подтверждается попытка Ротундуса приобщиться к юриспруденции в Виттенберге, но протестантский университет с его убогой полуученой немецкой профессурой, повидимому, не мог удовлетворить запросов тяготевшего к каноническому праву юноши. Поэтому, пробыв в Германии всего несколько месяцев, он, немного лет спустя, закончил свое юридическое образование в Италии и получил в Ферраре

¹ *Marja Baryczowa. Augustinus Rotundus wojt Willenski pierwszy Historik i apologeta Litwy, Ateneum Wilenski Rocznik, yv. X, XI. Wilno, 1935, 1936.*

степень доктора обоих прав. Как ни значительно это событие в биографии Ротундуса, но все-таки само по себе взятое оно не даёт нам права безоговорочно причислить этого доктора *utriusque juris* к группе тех польских гуманистов, которые возглавили там реформационное движение. Правда, М. Барычова приводит ряд данных, свидетельствующих о том, что Ротундус близко стоял к литературным кругам Кракова 30—40-х годов XVI в. Придворные пииты упоминали его имя в своих виршах; рано умерший поэт Яницкий назначил его распорядителем своих неизданных творений. Но, с другой стороны, мы видим, что, вернувшись из-за границы, Ротундус преуспевает в придворной карьере. В 1549 г. он уже королевский секретарь и, пользуясь протекцией таких князей церкви, как епископ краковский Мацейовский и епископ варминьский (впоследствии кардинал) Гозий, он открыто солидаризовался с вождями католической реакции и заслужил впоследствии прозвище маленького Гозия. Насколько такой эпитет был обоснован,— об этом можно судить по тем письмам Ротундуса к Гозию, в которых он обвиняет краковского епископа в мягкосердечии по отношению к иноверцам.

В 1551 г., после смерти Мацейовского, Ротундус переехал в Вильно. Он не прерывал этим своих отношений ни с Сигизмундом-Августом, ни с епископами. Напротив того, есть предположение, что его переезд был вызван желанием короля иметь в Литве юристов, которые могли бы подготовить унию великого княжества с Польшей. Во всяком случае, Сигизмунд-Август не обходил милостями своего войта виленского. Владея селами в двух поветах, Ротундус обязан был выставить в 1567 г. в ополчение 6 коней, но специальной господарской грамотой был освобожден от этой повинности¹. Только особой близостью к господарю можно объяснить такую милость, и мы не удивимся, поэтому, если биографы Сигизмунда-Августа назовут Ротундуса составителем королевского завещания и если впоследствии, при встрече короля Генриха, увидим рядом с такими польскими вельможами, как дворный маршалок Опалинский и «славный» Войтех Пржегоцкий, и ученого мужа — войта виленского². Поэтому, как человек придворный, Ротундус едва ли мог сочувствовать тем вольностям, которыми пользовалась польская шляхта и которых в его время так упорно домогались литовско-русские земляне. В цитируемом И. И. Лаппо послании к Волану (см. стр. 69) Ротундус отмечал, что ни в одной стране народу не представлено столько свободы, сколько он имеет в «нашей Польше». Подчеркивая всю опасность, проистекающую от этого для государства, он дважды в данном послании говорит о *Polonia nostra*. Таким образом и этот печатный труд свидетельствует о том, что автор послания

¹ РИБ, т. XXXIII, стр. 240, 586.

² Opaliński też dworny marszałek za zwoymi, Zosmdziesiat w zbrojach jechał pęwłosku swietnymi, Przetocki Wojciech slawny, z nim on mąż uczony Wojt Wilenski Rotundus, wledli dwor s zwoel strony (цит. по назв. работе И. Лаппо, т. I, стр. 64).

не порывал своих связей с Польшею и что, во всяком случае, его никак нельзя было причислить к категории тех, кто готов был бы выступить паладином шляхетских прав. Барычова называет Ротундуса апологетом Литвы и приводит ряд данных, доказывающих его близость к окружению Радзивиллов. Трудно допустить, что в этой среде пользовались большою популярностью домогательства литовско-русской шляхты относительно ограничений привилегий можновладных панов.

О силе и оригинальности юридической мысли Ротундуса мы за отсутствием его дошедших до нас трудов судить, конечно, не можем. Исследователи упоминают о его занятиях в области магдебургского права, но при работах над шляхетским Статутом это едва ли могло быть им широко использовано. Однако, если согласиться с И. И. Лаппо в том, что Ротундус был автором латинского перевода Статута (стр. 77), который, действительно, сделан образцово, то у нас имеется труд, свидетельствующий и о широких познаниях автора в области римского права и о его способности обобщать расплывчатые определения переводимого кодекса и облекать их в законченную четкую форму¹.

Вторым доктором права, принимавшим участие в работах над Статутом, по предположению И. И. Лаппо (стр. 81)², был итальянский ученый, вызванный краковским бискупом для преподавания в университете,—Петр Роизий Гишпан. После недолгого пребывания в Кракове Роизий переселился в Литву, где работал вместе с Доманевским в Жомойтской земле, затем был причислен к костелу Яна в Вильне и в 1567 г. стал каноником Виленского капитула. Со службою в церкви Роизий совмещал практическую работу в области юриспруденции; он состоял членом дворного господарского суда и, принимая участие в рассмотрении жалоб на решения городских судов, расширял на практике свои познания в области действовавшего на местах права. Все эти довольно многообразные обязанности, однако, не мешали Роизию продолжать свою теоретическую работу. Во время пребывания в великом княжестве он написал несколько трудов по каноническому праву, а в 1563 г. в Кракове вышла в свет выдержавшая впоследствии несколько изданий его книга *Decisiones Lithuanicae*. Как сообщает И. И. Лаппо (стр. 85), в этом своем труде Роизий трактует проблемы наследственного права, некоторых деликтов, процессуальных формальностей и процессов. В произведении «Беседа поляка с литвином» («*Rozmowa polaka z litwinem*») дается чрезвычайно высокая оценка этому творению «ученого человека, любящего наш народ и составившего

¹ В цитируемом Барычовой письме к Гозию Ротундус сообщал что на Виленском сейме 1565—1566 гг. было предложено изложить статут на русском и латинском языках, причем латинский перевод предполагалось поручить ему, Ротундусу. Но предложение это не прошло, как пишет Ротундус, по проискам разноверов.

² В источниках мы не нашли указаний на участие П. Роизия в Статутовой комиссии.

свои *Decisiones* к обеспечению вящей славы и свободы последнего». По словам автора Rozmowy, видно, что Роизий был хорошо знаком с юстиниановскими Дигестами и по точности изложения превосходил многих старых юристов, не исключая даже таких, как Бартол и Балд. Но как бы высоко ни оценивали творчество Роизия его современники, все-таки это само по себе не подводит нас вплотную к разрешению вопроса о том, что своего внес знаменитый юрист в Статут, если, добавим, считать доказанным, что он участвовал в его составлении. Конечно, в смысле направленности своей работы комиссия была жестко ограничена требованиями панов и шляхты, которые не проявляли никакого желания считаться с интересами других классов, в частности мещанства. Поэтому Роизий, как романист, участвовавший в регулировании торгового оборота литовско-русского города, не мог достаточно полно использовать в комиссии свои большие знания и свой опыт в этой области уже по одному тому, что шляхта не была заинтересована в изложении в законе ряда институтов обязательственного права. И. И. Лаппо пишет, что Роизий был не только знатоком римского права, но его фанатиком и, «внося в свою деятельность свойственную ему страстность, должен был приводить к молчанию тех участников общей работы, которые, надо думать, указывали в отдельных случаях трудную приложимость всех норм римского права к... реальным потребностям жизни Литвы» (стр. 89). Бесспорно, в этом ярко очерченном образе неистового романиста, доходившего в спорах и столкновениях до высочайшей степени возбуждения, И. И. Лаппо достиг большой художественности, но изучение статей выработанного комиссией Статута заставляет усомниться в том, что Роизию удавалось «приводить к молчанию» противников и добиваться включения в кодекс таких норм и положений римского права, которые не отвечали бытовой обстановке Литовско-Русского государства. Если бы И. И. Лаппо был прав в своей характеристике роли Роизия в комиссии, то мы имели бы во II Статуте не хартию шляхетских прав и вольностей, а какой-то компендиум римского права, скомпанованный талантливой рукой итальянского романиста в рясе виленского каноника. Это, однако, отнюдь не означает, что Роизий не мог найти в комиссии применения своему опыту и своим знаниям. Перед кодификаторами, не владевшими техническими навыками (а может быть, и языком, на котором составлялся Статут)¹, стояла очень трудная задача: изложить

¹ В своем предисловии к латинскому переводу Статута переводчик (Ротундус) прямо заявляет, что *Ruteni nimis verbosi ni scribendo sunt* и что поэтому литовские законы должны писаться не на русском, а на латинском языке. Любопытно, что, мотивируя это, он ссылается на распространенную среди литовской аристократии легенду о римском происхождении панов. В *Летописи Быховца* имеется следующий любопытный рассказ: *Panowe Litowski powedeli Cezarū y Kp. W. Witoltu: Lachowe ne byla szlachta ale byli ludy prostyi... ale my szlachta staraja Rymskaja, kotoryi predki naszymy z tumt herbi swoimi saszi do tych panstw y ich wzywali ...y Cezar powedil panom Litowskim my to y samt wedajem szto wy iest staraja Rymskaja»* (см. ПСРЛ, т. XVII, СПб., 1907, стр. 527).

в краткой формуле закона то или другое веление верховной власти или заявленную на сейме просьбу станом, удовлетворенную господарем. В этом отношении Роизий действительно мог оказаться чрезвычайно ценным сотрудником комиссии, но и тут придется оговорить, что не менее сильным работником в этом отношении, судя по латинскому переводу Статута, был и Ротундус. Поэтому при наличии тех только сведений, которыми мы располагаем о составе комиссии, представляется невозможным установить точно роль и значение в работе комиссии каждого из участвовавших в ней «докторей прав чужоземских».

Далее, у нас нет никаких сведений о тех пяти лицах православного вероисповедания, которых правительство собиралось привлечь к составлению Статута; в Бельском привилеее указывается, что в комиссии участвовали «маршалкове, врядники земские, хоружие». Приблизительно по тому же принципу была сформирована на Люблинском сейме 1569 г. комиссия для поправки Статута: в нее входили два представителя рады, «доктор обойга права» Августин Ротундус, 9 представителей от литовских воеводств и, наконец, два писаря земских¹. Легко может быть, что среди этих маршалков, тиунов, стольничих и пр. были и такие, которые работали раньше над Статутом 1566 г. Во всяком случае, беря всю эту группу в целом, возможно прийти к выводу, что она состояла из тех именно верхов шляхетского стана, которые руководили борьбою шляхты с магнатами, и представителям его, надо думать, пришлось на своих плечах вынести в комиссии, работавшей над Статутом 1566 г., всю борьбу для того, чтобы обеспечить шляхте тот правовой строй, который именуют гминовладством.

Но помимо того, что запись 1558 г. раскрывает хотя бы частично личный состав Статутовой комиссии, она представляет интерес для истории памятника еще и потому, что из ее текста можно сделать вывод о том, когда комиссия фактически приступила к работе. Всем своим содержанием запись подтверждает, что созыв комиссии впервые имел место только в 1558 г. Если бы это было не так, если бы к моменту составления записи комиссия укоренилась в ряду государственных учреждений, то незачем было бы определять при созыве ее размер оплаты ее членов и указывать, из каких сумм должен был покрываться этот расход². Поэтому, нам думается, возможно считать с большой долей вероятия, что правительству потребовалось ни много ни мало, как 7 лет, для того чтобы приступить к реализации господарского обещания относительно формирования комиссии. При таком понимании содержания записи самая дата ее покажется далеко не случайной. Как известно, 1558 г. был годом полного разгрома Москвою Ли-

¹ См. И. Лаппо. *Великое княжество Литовское*, т. I, стр. 195.

² Правда, как увидим ниже, в 1554 г. господарь заявлял, что на поправление Статута «высажоны суть особы менованные», но это говорит лишь о том, что состав комиссии был определен; было бы все-таки поспешно делать из одного этого заключение, что сконструированная господарем комиссия уже в 1554 г. вела работу.

вонского ордена, и перед панами рады ясно открывалась перспектива неизбежной войны с Иваном IV. Если перемирие с восточным соседом, заключенное в 1557 г., позволяло панам рассчитывать на возможности затыжки в удовлетворении требований шляхты, то успехи московского оружия в Ливонии полностью расстраивали подобные оптимистические расчеты. К тому же только что проведенная волочная помера обострила и без того нараставшее недовольство шляхты правительственным руководством, и требования шляхтизации государственного аппарата становились все более и более настойчивыми. При таких условиях, учитывая неизбежность обращения в самое ближайшее время к сейму за новой субсидией, паны вспомнили о комиссии и не считали целесообразным откладывать в неопределенное будущее ее созыв, тем более, что само по себе существование комиссии еще ни к чему не обязывало руководящие сферы. Напротив, наличие такой комиссии или предполагаемый созыв ее давали власти возможность продолжать старую политику затыжки требуемых реформ под предлогом передачи всех щекотливых вопросов на рассмотрение названной комиссии.

На этот путь господарь и паны рады встали уже в 1554 г., когда на происходившем в это время Виленском сейме шляхта потребовала учреждения выборного шляхетского суда «подлезвычай Подляшское земли» и введения должности присяжных вижей. В ответ на это господарь объявил станам, что «на каждом сойме о таковых правных потребах зменки чыните и что если на сойме поставлено... яко ж вже и на поправеньє Статуту всажоны суть особы менованые [?], которые кгда то постановяють, на што суть сбрани, е. к. милость з их милостью паны радами ...уфалите рачыть. А до того часу будете ся справовати по тому, яко на прошлом сойме уфалено»¹. По содержанию точно так же (только в более спокойном тоне) был построен господарский ответ станам на сейме 1559 г. «О том статуте,—говорилось в отказе господаря,—вжо певное постановленьє на листе его к. м. вам дано, а так... все что в листе [поданном станами] описано откладати рачыть е. к. милость»².

У нас нет сведений о том, как комиссия вела свою работу по поправе Статута, но сохранившиеся фрагменты первого проекта свидетельствуют, что по некоторым весьма существенным вопросам кодификаторы до самой последней минуты не решались уступить требованиям шляхты и в сочиняемых ими артикулах упорно держались старины, освященной Статутом 1529 г. Достаточным подтверждением этого являются первые артикулы раздела VII Статута, касающиеся отчуждения земельной собственности. Берестейский сейм 1566 г. совершенно определенно высказался против всяких ограничений землевладельца в праве распоряжения недвижимостью. Постановление это было утверждено господарем и подлежало внесению в Статут. Но наряду с этим

¹ РИБ, т. XXX, стр. 228—229.

² Там же, стр. 270.

в тексте остались отмененные артикулы, показывающие, что комиссия предлагала в своем проекте сохранить прежние ограничения собственности в отношении продажи или завещания им его земли. Познания Ротундуса и Ронзия в области римского права, очевидно, не могли преодолеть взглядов магнатской части комиссии, а может быть, и сами «докторы прав чужоземских» не считали для себя удобным настаивать на том, чему учили их юстиниановские Дигесты. Между тем, политические события развивались с невероятной быстротой: падение в 1563 г. Полоцка, исключительно тяжелое финансовое положение страны, настойчивые домогательства шляхты унии с Польшей — все это вместе взятое побуждало панов рады изменить свое отношение к темпам работы Статутовой комиссии, которая, как мы видели, вероятно по директивам свыше, не проявляла особого рвения в выполнении возложенного на нее поручения и в течение 5 лет не могла закончить пересмотра Статута. От комиссии теперь уже потребовали не только окончания всей работы по пересмотру подлежащего включению в свод законодательного материала, но и составления совершенно нового положения о судоустройстве и судопроизводстве, и надо признать, что комиссия блестяще справилась с этой новой задачей. По крайней мере, уже на Бельском сейме 1564 г. стало известно, что новый Статут готов и судебной раздел в нем исправлен согласно желаниям шляхты.

Это побудило знать решиться на такой шаг, который до некоторой степени напоминает ночь на 4 августа 1789 г. во Франции. Как сообщается в Бельском привилее, паны рады, старосты и другие вьядники, обладавшие полномочиями творить суд, получать от этого доходы и имевшие поэтому все основания «вперед перекажати ...тому Статутови и порядку а засажению судов, в нем постановленному и описанному», явились к господарю и, «по доброй воли своей маючи напрод пана бога и справедливость светую предпочима своими», заявили, что, следуя божественной заповеди любви к ближнему и «милуючи речь посполитую а в ней братью свою молодшую народ шляхетский и рыцарский», они отступались от своих судебных полномочий и от всех пожитков, с этим связанных. Вместе с тем, все «князи, паны маршалки, панята и другие вьядники, никого не выймуючи, поддались в одно ровное право, в однакий и не инакий суд и моц, в послушенство а в порядок вьядов», т. е., иначе говоря, отказались от своей привилегированной подсудности. В заключение паны и вьядники, как указывается в привилее, ходатайствовали перед господарем, чтобы он утвердил новый Статут своим листом. Исполняя эту просьбу и признавая, что «народ и обователи того паньства [были] годными всяких вольностей налепших и справедливости», господарь подтвердил, что он утверждает «всим обывателем В. Князьства... тот Статут новый» и обещает за себя и за своих потомков «держати, ховати, ведля того их радити, судити, справовати и от кожного насилья, моцы, квалту и наимнейшее образы в том статуте боронити и недопущати». Но, повидимому, и господарь и, тем более, шляхта не имели особых оснований доверять

столь внезапно пробудившемуся у магнатов великодушию и не исключали поэтому возможности попыток отдельных урядников вернуться к старым порядкам. Поэтому в привилее определенно указывалось, что «паном воеводам и всим врядникам, где бы хотели... зася в старые влады судов одозвов и пожитков своих вдавати и их попирати и выламыватися мели з ровности судов... сами и потомки наши... не допустим и не дозволим, але боронити и стеречи будем, або во всем и во всях артыкулях цело тот Статут был захован». Наконец, если бы явилась надобность внести какие-нибудь изменения и поправки в кодекс, то таковые, согласно привилею, должны были осуществляться только по постановлению сейма. «Вольно будет сполным а одностайным намышленьем радою и зволеньем всих станов... тот Статут и артыкулы в нем поправляти, прибавити, розширити, будь теж чого доложити, альбо уняти». Придавая, таким образом, Статуту полную силу закона, господарь вместе с тем определил срок вступления его в действие (с 11 ноября 1564 г.) и оговорил при этом, что «тот новый Статут и артыкулы его не будут мочи мощью и владностью своєю у жадного суда прошлых речей и справ, а справедливости людское водлуг першого Статута... касовати и казити». Обратной силы, следовательно, Кодекс не имел. Но кроме того, сфера его действия была ограничена еще и тем, что «права, обычаи в судах земель вел. князьства Литовского стародавних Подлянских» были сохранены в неприкосновенности. Равным образом, господарь подтверждал, что в целости «заховывает права Майдеборские яко в месте... столечном Виленском, так и во всех иных местах того паньства нашего»¹. Не приходится добавлять, что Бельский привилей, являясь по существу вводным законом к Статуту, ничего не изменил в юридическом положении крестьянства; последнее попрежнему осталось подсудным землевладельцу, который не был связан нормами Кодекса в определении взаимоотношений со своими людьми.

Но определенный в Бельском привилее срок введения в действие Статута — 11 ноября 1564 г. — был совершенно нереальным, так как фактически составленный комиссией кодекс не был подготовлен в такой степени, чтобы стать действующим законом. Кроме того, не существовало еще тех предпосылок, которые законодателем имелись в виду при составлении включенных в кодекс постановлений о выборном шляхетском суде. Не были определены границы поветов, не уточнен порядок выборов, не определены правила созыва судебных сессий, местонахождения судебных книг и т. д. Невозможно предположить, справедливо указывал И. И. Лаппо, чтобы те трудности и вопросы, которые на местах создала поветовая реформа, могли разрешиться так быстро, чтобы через каких-нибудь четыре месяца после издания Бельского привилея все литовско-русские поветы, сами только что создаваемые, могли управиться с выборами и организацией своих земских

¹ Бельский привилей цитируется по изданию, напечатанному М. Любавским, Литовско-русский сейм, Приложения, стр. 133—140.

судов¹. Ввиду этого, по мнению автора, избирательные собрания шляхты были организованы господарем в разных поветах в различное время, и можно считать, что только к весне 1566 г. определился окончательно состав лиц, избранных земскими судебными урядниками. Независимо от этого, просьбы станов на Виленском сейме 1565—1566 гг. свидетельствуют, что шляхта не удовлетворилась в полной мере достигнутыми ею в Бельске успехами. Она требовала учреждения избираемых ею судей для рассмотрения земельных споров (подкомориев), ей представлялось необходимым «для лучшего и вечистого всякого порядку в речи посполитой» учреждение поветовых сеймиков, она просит об установлении твердых правил дисциплины для ополченцев и жолнеров и, наконец, ходатайствует о том, чтобы «Статут новый вжо неотволочне перед выволаньем и замкненьем сойму теперешнего в skutечное уживанье, хотя и недоправеный до конца, дати рачил и канцлерия е. к. м. жебы вжо от того часу тым ея Статутом справовала»². Далее поступило требование станов о том, чтобы господарь приказал вписать в кодекс основные земские привилеи, а в особенности привилей 1563 г. о равноправии вероисповеданий, цитированный выше Бельский привилей и, наконец, Виленский привилей о поветовых сеймиках.

В своих ответах господарь признал большинство этих просьб подлежащими удовлетворению, а по поводу Статута он сообщил, что он имеет в виду вместе с панами рады «Статуту прослухивати и с пильностью ревидовати». При этом, несмотря на то, что «увесь Статут презрон и поправен не был», господарь считал возможным дать распоряжение ввести свод в действие с 26 января 1566 г., за исключением разделов: о верховной власти, о государственных добрах, о вольностях шляхты и о суде. Все эти разделы господарь имел в виду «с панами рады «презрети, поправити и [сейму] казати выдати». Что же касается остальных постановлений, внесенных в Статут, то ревизию их предполагалось возложить на Статутовую комиссию, а чего она «борздо догледети и справити» не сможет, должно было быть dokonчено на следующем сейме³.

Из этого можно заключить, что к моменту роспуска Виленского сейма 1565—1566 гг. текст постановлений Статута не был еще окончательно отредактирован, над ним должна была работать сама комиссия, а в случае необходимости к нему должны были вернуться еще раз последующие сеймы. Для того чтобы установить, что именно сделала в этом направлении комиссия, мы должны были бы знать, какие ближайшие последствия имело господарское постановление о введении Статута в действие с 26 января 1566 г.: обязывало ли оно господарскую канцелярию приступить немедленно к опубликованию свода, вернее, к рассылке копий рукописи на места, или же, наоборот, местные

¹ И. Лаппо. Великое княжество Литовское, т. II. Литовско-русский повет и его сеймик, Юрьев, 1911, стр. 507.

² РИБ, т. XXX, стр. 346—378, в особенности см. стр. 366.

³ Там же, стр. 356—367.

органы власти должны были выжидать, пока комиссия закончит возложенную на нее новую работу по окончательному редактированию текста отдельных артикулов. Некоторый материал для возможных догадок в этом направлении дает нам сопоставление русского текста памятника с латинским и польским его переводами. Что касается латинского текста, то, как сообщает переводчик в предисловии к своему труду, работа эта была сделана в 1576 г. по распоряжению Стефана Батория. Король, по рассказу переводчика, любил в свободное время заниматься изучением законов, но так как русского языка он не знал, то «mandasti[t] itaque [mihi] ut eas in Latinum converterem sermone». Переводчик сам признает, что он сокращал подлинный текст, который, по свойствам русского языка, полон тавтологий, плеоназмов, *seterisque scribendi vitiis*, но при этом, по его словам, он прилагал старания к тому, чтобы сохранить в точности смысл данного постановления¹. Если согласиться с И. И. Лаппо в том, что переводчиком этим был Ротундус, то надо думать, что в его руках был подлинный текст кодекса в последней его редакции, установленной комиссией. В отношении польского текста И. И. Лаппо отмечал, что перевод был создан для предоставления коронному сейму; и действительно, мы знаем, что на Люблинском сейме 1569 г. литовские послы предъявили Статут как «свод законов, которым жило и руководствовалось великое княжество»². Наконец, официальное происхождение польского текста подтверждается подписью после измененного артикула 2 раздела VII Статута.

Ввиду этого, при детальном изучении содержания Статута, можно отметить ряд случаев, когда смысл закона может быть установлен с помощью латинского или польского текста. Считать, что русский текст во всех этих случаях без исключения испорчен позднейшим переводчиком, едва ли возможно; конструкция самых фраз, смысл которых плохо поддается восстановлению, как будто говорит скорее о плохой редакции, чем об ошибках писца. Так, в частности, в арт. 3, разд. II, по поводу службы в украинских замках было постановлено: «А сами они державцы и старосты з влаща тые, которые быхло у воиска листы нашими и панове рады або гетман наш, не казал ити, таковыя почты свои, што з урядов своих повинни, становити мають». Латинский переводчик передал это с более вразумительно изложенного подлинника так: «*Ipsi vero si ita re postulante a nobis vel a belli duci jussi manere in sua quisque aree sunt cum eo equitum et peditum numera, quem praefectura cujusquam requireret tuendae arcis caussa maneanť*». Польский текст, хотя и отличается несколько от латинского, но все-таки гораздо ближе к нему, чем к сохранившемуся до нашего времени подлиннику. Можно поэтому высказать предположение, что русский текст кодекса дошел до нас по рукописи, отосланной на места еще до окончательной правки отдельных постановлений комиссией.

¹ См. польский и латинский перевод Статута в издании Пекосинского (Archivum Komisji Prawniezej), т. VII, стр. XVIII.

² См. И. Лаппо. Литовский Статут, т. I, стр. 175.

Точно так же в арт. 28, разд. III, русский текст содержит пропуск весьма характерного постановления о выдаче городскими властями сбежавших от помещика отчичей на основании их собственного признания факта принадлежности их землевладельцу. Можно допустить, что это была позднейшая вставка, уцелевшая в том и другом переводе.

Вполне понятно, что на основании нескольких наблюдений было бы рискованно считать обоснованным предположение о таком именно взаимоотношении имеющих у нас текстов, но все-таки известные данные для этого имеются, а следовательно, может быть подобран кое-какой материал для характеристики последней стадии работы комиссии. Правда, с точки зрения И. И. Лаппо, вероятность подобного предположения подрывается тем фактом, что поправки Берестейского сейма 1566 г., внесенные в русский и польский тексты, не вошли в латинскую рукопись, а даны отдельно в виде поправ данного сейма. На этом основании И. И. Лаппо приходит к выводу, что в латинской рукописи сохранился первоначальный текст Статута в том виде, в каком он был утвержден на Виленском сейме 1566 г., и следовательно, мы не можем использовать его для изучения следов последних этапов творчества комиссии. Но для того, чтобы согласиться с этим, надо разобраться в вопросе, на кого возлагалась обязанность внести принятые сеймом поправки в текст кодекса: на комиссию или на господарскую канцелярию. Подпись писаря Лаврина Война на польской рукописи показывает, что комиссия не занималась этим и предоставила, таким образом, канцелярии самой справиться с нетрудной по существу задачей вставить в кодекс утвержденное сеймом постановление, вероятно, отредактированное той же канцелярией. Как видно из польского перевода, последняя справилась с этим заданием, но тот, кто проводил такую кодификационную работу над дошедшим до нас русским текстом, не сумел исключить из кодекса постановления арт. 4, разд. VII. Это само по себе говорит о том, что русский текст в дошедшей до нас редакции рано вышел из-под контроля не только Статутовой комиссии, но и господарской канцелярии¹. Подтверждается это, наконец, и редакцией тех артикулов IV раздела, которые посвящены подкоморскому суду. М. К. Любавский отмечал, что эти постановления были утверждены на Берестейском сейме 1566 г.², но И. И. Лаппо полагает, что организация поветового подкоморского суда была внесена в Статут на Виленском сейме 1565—1566 гг.

¹ Поправка VII раздела на Берестейском сейме, не внесенная в латинском переводе в текст Статута, изложена отдельно, но в составе исправлений, принятых на сейме в Гродно 1568 г. Однако, по мнению И. И. Лаппо, эта неправильность может быть легко объяснена ошибкой, допущенной переплетчиком. Три листа (473—475), на которых написаны исправления этого VII раздела, при переплете рукописи оказались вставленными не на свое место. Их надо было впелсти перед началом текста поправ 1568 г., а не в его середине. Настоящее место этих листов сразу после пяти листов Берестейской поправки, т. е. после листов 465—469 (См. И. Лаппо. Литовский Статут, т. I, стр. 168).

² М. Любавский. Литовско-русский сейм, стр. 744—745.

Сопоставление этих постановлений о подкомории по русскому, латинскому и польскому текстам убеждает в том, что в русском тексте мы имеем, если можно так выразиться, черновую запись данной поправки, в которой нет даже деления на отдельные артикулы. Поэтому подкоморскому суду здесь посвящен всего лишь один артикул, состоящий из следующих отделов: об учреждении подкоморского суда, о вьяде подкоморого, о справе урядовой и о коморниках. В польском тексте мы имеем уже указание нумерации артикулов (70—73), и наконец, в латинском тексте артикулы снабжены заглавиями (*de praedictorio magistratu, de praedictoris officio de sententia succamerarii appellare licere de officio vicesubcamerarii*). Такие особенности русского, латинского и польского текстов Статута позволяют высказать следующую гипотезу об их соотношении. Латинский перевод был сделан с экземпляра, принадлежавшего участнику Статутовой комиссии, который разделял две стадии работы над Статутом: работу самой комиссии и поправки на сеймах. Поэтому он не считал возможным включать в текст Статута позднейшие сеймовые постановления, а дал их в виде отдельного приложения. Польский перевод, вероятно, сделан с экземпляра господарской канцелярии, которая обязана была внести в текст сеймовые поправки. Наконец, русский текст является одной из копий Статута, разосланных на места сразу после утверждения его господарем. Сеймовые поправки были внесены в этих полученных местах копиям позднее неумелой рукой. Конечно, вопрос о том, какой текст является более близким к подлиннику, может быть решен только тогда, когда будут обследованы все дошедшие до нас списки этого памятника.

По иному руслу шла предусмотренная Сигизмундом-Августом в его постановлении на Виленском сейме 1565—1566 гг. работа по поправке Статута на сеймах. Конечно, инициатива станов в этом направлении могла быть реализована только в новых просьбах их к господарю, и если последний признавал подобные домогательства подлежащими удовлетворению, на обязанности господарской канцелярии лежало облечь соответственную просьбу в форму законодательного распоряжения. Таким образом кодификационная комиссия к этой работе никакого отношения не имела, и это ясно выразил Ротундус (если он переводил Статут), отделив от Статута сеймовые постановления по поводу изменений отдельных артикулов. Необходимость таких сеймовых поправок выяснилась буквально на другой день после утверждения Статута на Виленском сейме 1565—1566 гг. Действительно, уже на Берестейском сейме были внесены поправки в третий раздел, которыми, во-первых, упразднялась прежняя обособленность Жомойтской земли, а во-вторых, существенно изменялось постановление о раздаче городов, дворов, староств в держание чужеземцам и заграничникам. Трудно предполагать, что новый порядок, разрешавший господарю, с согласия сейма, раздавать подданным других государств (прежде всего той же Польши) «оселости вечные и дочасные», вполне отвечал интересам станов, но, повидимому, военная партия считала необходимым пойти

на это ради того, чтобы привлечь на военную службу ротмистров, вербовавших отряды жолнеров. В компенсацию за это шляхта выговорила себе чрезвычайно важную поправу первых артикулов VII раздела, предоставлявшую ей право свободного отчуждения недвижимого имущества. С этих пор, указывает проф. Леснгович, любой владелец земской местности держал землю в своей власти не в качестве служебной силы, не за службу и не для службы, но как вольный обыватель; его право на землю стало вещным правом против всех и каждого¹. Попутно с этим был изменен (опять-таки в интересах свободы оборота) порядок регистрации актов отчуждения недвижимости.

Далее, на Городенском сейме 1568 г. с требованиями об изменении отдельных постановлений Статута выступили литовские татары и евреи, настаивавшие на отмене тех ограничений, которые в отношении их были предусмотрены законодателем. Количество поправ, принятых на данном сейме, было значительно больше; станы обсуждали, например, 20-й и 64-й артикулы IV раздела. Затем служители православной церкви требовали внесения в Статут правила о пропустивших сроки вступления в епископство, игуменство и попование. На просьбу станов об изменениях в области судопроизводства господарь сообщил, что «на сем теперешнем сойме артыкул около року за позвы кгородскими и о клейты, або поднесенья выволанья, теж есмо з уфалы всех станов поправити и в сесь рецес вписати казали»².

Не всегда, однако, требовался радикальный пересмотр изложенной в Статуте нормы. В некоторых случаях дело ограничивалось аутентичным разъяснением смысла постановления Статута, вызвавшего у станов сомнение. Поэтому господарь придавал иногда более широкую форму своим ответам: он не отменял старого узаконения полностью, а разъяснял и дополнял его. «Itaque re cum senatu nostro deliberata auctoritate huius conventus ita corrigendum et delucidandum hunc articulum dabimus ac ita statuimus», — так была средактирована корректура 69-го артикула IV раздела на Городенском сейме³. Наряду с этим станы констатировали и ничем не прикрытое игнорирование урядниками предписаний Статута. Так, например, на том же сейме «ускаржались теж... обователи того панства на некоторые врады кгородские о бранье доходов по давному, а не водле Статуту»⁴.

Все это вместе взятое свидетельствовало, что исправление Статута путем сеймовых поправ не обеспечивает срочного завершения начатой работы над Статутом. Поэтому Городенский сейм подал «прозбы от всех станов абы тепер заразом певные особы з их милости панов рад из ынших станов рыцарских... на поправекье Статуту высажоны были, их бы ся на сем сойме Статут мог поправити». Соглашаясь на эту

¹ Ф. Леонтович. Правоспособность литовско-русской шляхты, Журн. мин. нар. проsv., 1909, ч. III, стр. 80.

² См. РИБ, т. XXX, стр. 479, 480.

³ Statut Litewski drugiej redakcyi, стр. 254.

⁴ РИБ, т. XXX, стр. 470; там же стр. 510.

просьбу, король назначил новую комиссию, включил в ее состав четырех радных панов и предоставил шляхетскому стану делегировать в комиссию «левных особ». Кроме того, король разрешил шляхтичам, имеющим «готовые артикулы статутные водле уфал перших соймовых», представить таковые комиссии. Согласно королевскому распоряжению, комиссия должна была начать работу через месяц после роспуска сейма и закончить ее к съезду, который «всним станом перед соймом спольным с поляки при границах зложон и ознаймен будет»¹. Но так как такой съезд не обладал в глазах правительства и общества полномочиями сейма, то верховная власть готова была допустить фикцию и обещала утвердить одобренную съездом работу комиссии «мощью сойму Городенского и так яко бы то тут тепер на нем вчинено быти мело»². Короткий срок, который был дан комиссии для выполнения возложенного на нее задания, ясно свидетельствовал, что и король, и станы требовали от нее не новой кодификации права, а тщательно продуманной поправки только что введенного в действие Статута. Правда, допускалась (по крайней мере теоретически) возможность каких-то пробелов в отношении «уфал прежних соймовых», и правительство приглашало шляхту принять участие в кодификационной работе и представить комиссии свои проекты тех или других артикулов, подлежащих внесению в кодекс.

У нас нет никаких сведений о том, что шляхта воспользовалась этими предоставлявшимися ей возможностями, но равным образом мы не имеем никаких материалов, которые свидетельствовали бы, что комиссия действительно приступила к порученной ей работе. На съезде в Войне в конце 1568 г. стояли другие, более насущные и более срочные для данного момента вопросы: надо было определить позицию литовских представителей на Люблинском вальном сейме по вопросу об унии. Поэтому, как указывает И. И. Лапшо, здесь получил утверждение проект унии, с которым выступили на сейме руководители литовско-русских станов; здесь же был выработан и получил королевскую санкцию привилей, гарантировавший охрану интересов и прав великого княжества при объединении его с Польшей. Дневник Люблинского сейма сообщает нам, что уже через полмесяца после открытия заседаний сейма (22 января 1569 г.) сенаторы, послы коронные уже рассматривали Статут «и были поражены тем, что они в нем увидели». Ввиду этого сейм признал необходимым организовать свою работу по поправке кодекса и поручил это дело новой комиссии. Открывался, таким образом, первый этап предистории III Статута, которая выходит уже за рамки нашей работы.

¹ РИБ, т. XXX стр. 470 и 510.

² Там же, стр. 468.

Л. М. ИВАНОВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ МОСКОВСКОЙ ГУБ. И РЕФОРМА КИСЕЛЕВА

I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ РЕФОРМЫ

В данной статье нам предстоит рассмотреть положение государственных крестьян Московской губ. после реформы П. Д. Киселева 1838 г., до распространения на них действия реформы 1861 г.

Московская губерния — крупный район нечерноземной полосы, экономически тяготевавший к Москве. Это накладывало сильный отпечаток на всю экономическую деятельность населения губернии, в том числе, конечно, и на государственных крестьян.

По данным переписи, население в 1852 г. составляло 642 975 душ м. п., из которых крепостных было 306 803 души м. п., или 47,71%, а государственных крестьян — 166 422 души м. п., или 25,88%¹. Государственные крестьяне не представляли однородной массы. Главную группу, а именно 143 735 душ м. п. составляли быв. экономические крестьяне. Остальные группы, вроде свободных хлебопашцев (11 343 души м. п.), ямщиков (4 572 души м. п.), купленных казной (5 624 души м. п.), однодворцев (63 души м. п.) и пр., не представляли крупных образований, а были вкраплены в остальную массу государственных крестьян в различных частях губернии.

Действие реформы П. Д. Киселева началось с создания министерства государственных имуществ 1 января 1838 г. и изъятия всех дел по заведыванию государственным имуществом и государственными крестьянами из министерства финансов и его филиалов в губерниях — казенных палат. В Московской губ. палата государственных имуществ начала свои действия 1 июля 1838 г. В уездах одновременно с палатой были созданы окружные управления. Московская губ. в административном отношении была разделена на пять округов: 1) Московский в составе Московского, Богородского и Бронницкого уездов с 12 533 душами м. п.; 2) Можайский (Можайский и Верейский уезды с 12 311 душами м. п.); 3) Серпуховский (Серпуховский, Подольский и Коломенский уезды, с 33 296 душами м. п.); 4) Рузский (Рузский, Звенигородский и Волоколамский уезды с 33 595 душами м. п.) и 5) Дмитровский (Клинский и Дмитровский уезды с 41 531 душами м. п.).

Учреждение окружных управлений было новым явлением в жизни

¹ П. Келпен. Девятая ревизия. СПб., 1857, стр. 86, 87, 223.

государственных крестьян. Функции начальника окружного управления были ограничены, по отзыву П. Д. Киселева, наблюдением за «исполнением распоряжений палаты»¹. Но поскольку они были поставлены над крестьянскими органами управления, а «наказ окружному управлению» чрезвычайной детализацией их прав открывал простор административному вмешательству в дела обществ и крестьян, то они становились фактическими руководителями всей жизни государственных крестьян. Прообразом для окружных управлений послужило удельное управление с его конторами, где по мнению П. Д. Киселева, организация управления крестьянами и полнота власти чиновничьего аппарата встала на уровень помещичьей². Это лишний раз подчеркивает, что в решении вопроса о государственных крестьянах правительственная мысль вращалась вокруг опыта помещичьей организации управления, копируя и приспособляя этот опыт к своим нуждам. Самая идея усиления наблюдения и опеки, а также воплощение ее в административную форму заимствованы с известными коррективами из системы помещичьего вотчинного управления.

После открытия палаты остаток года ушел на организацию низшего звена управления. Список волостей и обществ был составлен к началу следующего года и утвержден министерством. Существовавшие 57 волостей и 311 обществ были укрупнены в 31 волость и 124 общества. В феврале 1839 г. на места были командированы чиновники палаты, начальники округов и их помощники для руководства выборами правлений. Им была поставлена задача «вразумить крестьян при выборах и дабы вместе с тем ускорить производство выборов, с строгим притом воспрещением вмешиваться в сельские выборы и стеснять назначения крестьян в определении к должностям лиц, по их усмотрению»³. В течение месяца, к 25 марта, в спешном порядке были избраны и утверждены все волостные и сельские правления. В этой операции крестьянским сходам была отведена пассивная роль поставщиков кандидатов на должности членов волостных и сельских правлений, из которых, по представлению окружного начальника, палата производила отбор, руководствуясь своими соображениями и правилами наказа о качествах, какими должны обладать эти лица («хорошее поведение», «рачительность к хозяйству», «быть вне подозрения», не иметь за собой телесного наказания, содержания под стражей, общественных работ и пр.).

¹ А. Заблоцкий-Десятовский. Граф П. Д. Киселев и его время, т. II, СПб., 1882, стр. 54—55.

² Изложение главных оснований преобразования управления государственными крестьянами, СПб., 1838, стр. 89—90 (в дальнейшем цитируется: Изложение). Совпадение в ряде мест текста Изложения с мыслями П. Д. Киселева и прямое включение цитат из его распоряжений, писем и высказываний свидетельствует о непосредственном участии П. Д. Киселева в составлении Изложения.

³ ЛАО, Архив мин. гос. имуществ, фонд I деп., д. 2241, л. 504.

⁴ Сб. постановлений по управл. гос. имуществами, СПб., т. II, 1850, разд. V ст. 41.

Проводя реформу управления государственными крестьянами, правительство, в лице Николая I и непосредственного автора реформы П. Д. Киселева, прежде всего стремилось установить контроль государства за внутренней жизнью казенной деревни.

Предшествовавшее реформе десятилетие отмечено активным и непрерывным обсуждением вопроса о государственных крестьянах. Видные правительственные деятели и лица, близко стоявшие к правительству, не раз возбуждали вопрос о необходимости пересмотра положения государственных крестьян. Наиболее решительно и открыто заявлял об этом М. Сперанский: «Сей род людей беднеет и разоряется не менее крестьян помещичьих. Работы и повинности также неопределенны... Земские исправники суть те же помещики... сии трехлетние владельцы не имеют никаких побуждений беречь крестьян, кои они ни себе, ни своему потомству не прочат»¹.

Длительное обсуждение крестьянского вопроса при Николае I отчетливо выявило в правительственной помещичьей среде боязнь крестьянского недовольства. Эта боязнь ярко проявляется в проекте Сперанского, рассчитанном на разобщение крестьянского лагеря²; эту боязнь проявляли и председатель Комитета 1828 г. кн. А. Б. Куракин, и сам П. Д. Киселев. Значительно позднее, оглядываясь на свою прошлую работу, последний откровенно признал, что им руководило чувство «страха» «восстания крестьян, грозящего спокойствию России, существованию дворянства»³. Именно это чувство страха толкало на усиление охранительных начал.

В это время положение государственных крестьян настоятельно требовало изменения по существу. Киселев в записке Сперанскому признавал, что государственные крестьяне «скудеют», и исправление этого видел в создании хорошо слаженного административного механизма, способного самостоятельно решать экономические задачи: «Такое оскудение не происходит единственно от неразмежевания земель. Причина сему есть отсутствие, во-первых, покровительства, а во-вторых, наблюдения». «Нет сомнения,— пишет далее Киселев,— что устройство хозяйственное и способ управления податей есть дело не менее важное; но оно должно быть последствием достаточно устроенной администрации; необходимость сей меры до сего времени не была надлежащим образом рассмотрена и оценена»⁴.

Это положение было центральным пунктом всего киселевского проекта. Замечание Сперанского, что «бедности и малоземелью мест-

¹ М. Сперанский. Записка о крепостных людях, Архив истор. и практич. сведений, относящихся к России, изд. Калачевым, кн. III, 1859, стр. 13—14.

² Сперанский предлагал общее изменение положения крестьян начать с «учреждения лучшего хозяйственного управления для казенных крестьян», которое может послужить образцом и для помещиков. См. Сборник Русского исторического общества, т. 74, стр. 173.

³ А. Заблоцкий-Десятовский. Указ. соч., т. IV, стр. 325.

⁴ Там же, т. II, стр. 17—18, 52.

ное самоуправление пособить не может»¹, не оказало влияния на Киселева, и он до конца пребывания на посту министра государственных имуществ продолжал придерживаться высказанных взглядов. Но, вместе с тем, признавая невозможность не считаться с ростом буржуазных элементов в деревне, Киселев разработал следующую экономическую пограмму деятельности нового министерства.

1. Порядок землепользования в казенной деревне остается прежний. В целях борьбы с малоземельем проводится переселение крестьян из малоземельных губерний на новые места поселения, где им отводится земля семейными участками.

2. В интересах подъема сельского хозяйства и поощрения экономической предприимчивости крестьян создается хозяйственный капитал; учреждаются образцовые хутора, фермы, выставки; промысловые селения переводятся в разряд посадов; разрешается приобретать землю покупкой и т. д.

3. В области податной политики намечалось проведение кадастра, после чего подати должны быть переложены на землю и учреждена промысловая подать; на таких же уравнительных началах должно быть основано и отбывание натуральных земских повинностей.

Эта экономическая программа П. Д. Киселева по существу закрепляла существующее положение в казенной деревне и лишь частично вводила новые формы, притом заранее ставя их под контроль государства.

Даже в области экономических мероприятий Киселев был сторонником «опеки» и «покровительства», считая, что крестьянин находится в младенческом состоянии и неспособен сам распорядиться собой. Задаче «опеки» и должно было отвечать новое министерство, которое, руководствуясь подробно составленным наказом, должно было направлять деятельность крестьян в их промысловых и сельскохозяйственных занятиях. Характерно, что вновь созданные низшие крестьянские органы в лице сельских и волостных управлений, формально избираемые крестьянами, подотчетны не крестьянскому миру, а аппарату министерства. По мысли авторов реформы, сельское общество представляет собой «основную единицу, на которой обеспечивается исполнение административных и хозяйственных распоряжений правительства»². А для того чтобы эта «единица» была способна обеспечить выполнение правительственных распоряжений, устанавливался громоздкий бюрократический аппарат.

Реформа 1838 г.— явление большого значения. Ленин не раз указывал, что все политические преобразования,— а к таковым относится и реформа 1838 г.,— объясняются следствием или отражением классово-

¹ Цит. по работе В. Зайцева. Очерки истории самоуправления государственных крестьян, Труды студентов эконом. отд. Петербургского политехнического института, Пгр., 1918, стр. 83.

² Изложение, стр. 149.

вых сдвигов. Если реформа 1861 г.— этот шаг по пути к буржуазной монархии — может быть понята только как следствие роста крестьянского движения, то и правительственный акт 1838 г. можно понять, исходя из анализа классовой обстановки России того времени. Кризис феодально-крепостнической системы толкал правительство на уступки экономического порядка. Но вместе с тем неразвитость классовой борьбы в деревне и отсутствие мощного союзника в лице городского пролетариата ослабляли силу крестьянских выступлений.

Под влиянием революционных выступлений 1830—1831 гг. в Западной Европе и усиления борьбы в русской деревне, обострившейся в начале 30-х гг. и захватившей также казенную деревню, отпали все попытки превращения государственных крестьян в свободное сословие в рамках феодально-крепостнической системы. На первый план выдвигается не ослабление патриархального попечительства, а его усиление, не разрушение общины, а ее укрепление; экономические основы намечающейся реформы заменялись полицейскими соображениями. Но вместе с тем совершенно обойти уже сложившиеся буржуазные отношения не представлялось возможным. Отсюда двойственность, половинчатость реформы, пытающейся одновременно открыть клапан для буржуазных отношений и, вместе с тем, поставить их в такие условия, чтобы они служили укреплению классовых позиций дворянства в деревне и дворянского государства в целом. Переложение подати с душ на землю и установление промыслового налога — явление новое и могло народиться именно в условиях классовых противоречий и зарождения буржуазных отношений. Но творцы этого мероприятия видели в нем прежде всего основное условие повышения доходности государственного имущества, способ полного сбора подати, т. е. прежде всего считались с фискальной стороной вопроса.

В отношении общины реформа стояла за признание ее основным институтом деревни, и рекомендовалось содействовать ее укреплению. Это видно хотя бы из того, что подати, после определения их размера по доходу от земли и промыслов, разверстывались среди членов общины по старым порядкам и сохранялась круговая порука. Образование сельских обществ не задевало деревенскую общину и преследовало только цели удобства управления.

Реформой 1838 г. правительство еще раз подтвердило, что земля и сами крестьяне — это «государственное имущество», обязанное государству доходом. Это нашло свое отражение в наименовании открытого, по реформе Киселева, министерства. Вместе с тем, в законодательных актах и официальных документах государственные крестьяне именовались «свободным сословием». Противоречия по существу здесь собственно нет, ибо применение термина «свободное сословие» исходило из признания отсутствия зависимости одному лицу, но от этого государственные крестьяне не становились юридически свободными, сохраняя зависимость от государства как неполноправное сословие и

продолжая оставаться «государственным имуществом», приносящим определенный доход.

II. НАДЕЛЫ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ КРЕСТЬЯН

Обратимся теперь к практическому осуществлению реформы в Московской губернии.

Теоретически П. Д. Киселев соглашался, что упрочение наделных земель за крестьянскими семьями принесет большую пользу и государству, и самим крестьянам, но на деле, в практической своей деятельности, боялся этой меры и решительно подтверждал, что «не следовало и не следует укоренять мысль о собственности земли у крестьян. Земля принадлежит казне, государству — вот главное условие для преобразования 17 млн. поселян»¹.

Подворное землевладение манило П. Д. Киселева перспективой широкого развития сельского хозяйства, но вместе с тем оно несло с собой и неизбежное возникновение в деревне элементов, именуемых на чиновничьем языке «классом поселян безземельных или бобылей, которые, при недостатке у нас сельской промышленности, умножили бы в государстве число людей праздных и, следовательно, бедных и опасных»².

Возражая сторонникам подворного землевладения, Киселев усиленно подчеркивает антикрепостнические тенденции этой меры: «Не должно ли опасаться последствий, какие мог произвести внезапный переворот (семейное пользование землею.— Л. И.) в порядке, с которым свыклось и, так сказать, сроднилось столь огромное население, не говоря уже о преждевременности влияния на крестьян помещичьих»³. В свете этого ссылок на «вековую систему общественного пользования землей», как основанную «на коренных обычаях народа и тесно соединенную с сельским бытом»⁴, не столь уже состоятельна и малоубедительна. Киселев был искренне убежден, что община, при руководстве ею, путем преобразования в «большое семейство» — сельское общество, во-первых, представит «полное ручательство в исполнении своих обязанностей к правительству»⁵, а во-вторых, откроет пути крестьянам для подъема сельского хозяйства.

Придерживаясь принципиально такой позиции, Киселев вместе с тем видел и признавал тяжелое положение крестьян, которое проистекало не только в силу недостатка «опеки», но, по его же мнению, также и от малоземелья. Для улучшения положения крестьян и подъема

¹ С. Кавелин. Исторический очерк поземельного устройства государственных крестьян, Труды Общества межевых инженеров, вып. II, М., 1912, стр. 8.

² Изложение, стр. 77.

³ Там же, стр. 178.

⁴ Там же, стр. 169.

⁵ Там же, стр. 84.

сельского хозяйства были выработаны меры, главнейшими из которых были признаны: 1) уравнивание обществ в землях, 2) наделение обществ землями, 3) переселение и 4) перевод промышленных селений и посады.

В основу этих операций была положена норма земельного участка в размере 15 дес. на ревизскую душу в многоземельных губерниях и 8 дес. в малоземельных, причем прирезка и уравнивание, а также переселение разрешались только в том случае, если существующий надел меньше 5 дес. на ревизскую душу. Прирезка земли должна была производиться за счет государственного фонда; уравнивания же совершались внутри общества за счет селений, имеющих надел выше признанного достаточным; переселение предполагалось из губерний малоземельных в многоземельные; при этом оно предусматривалось двух родов: добровольное и в наказание за неплатеж податей или за развратное поведение¹.

Московская губерния относилась к малоземельным. Так, по данным министерства, на 136 586 душ крестьян приходилось 327 102 дес. земли, не считая леса и непригодных к земледелию участков, т. е. в среднем на одного человека приходилось по 2.39 дес.² Эта цифра дает представление об общей крайней необеспеченности землю государственных крестьян Московской губ., надел которых не достигал официальной нормы в 5 дес., служившей показателем крайней степени малоземелья. Но за этой средней цифрой скрыты различия в положении отдельных групп крестьян и различия внутри этих групп. Поэтому обратимся к тем данным, которые позволяют раскрыть положение отдельных групп крестьян по величине их наделов.

По данным 1848—1850 гг., полученным Комиссией переложения податей, наиболее низкий душевой надел был в Коломенском уезде — 1.73 дес. на душу, или 5.51 дес. на двор, и наиболее высокий в Рузском — 2.96 дес. на душу, или 10.8 дес. на двор. По тем же данным, восточные и южные уезды (Богородский, Коломенский, Бронницкий, Серпуховский и Московский) — уезды наименьшего надела (от 4.9 до 6.74 дес. на двор); уезды северные (Клинский и Дмитровский), а также Подольский, Звенигородский и Верейский — уезды средней величины надела (от 7.61 до 7.76 дес.); уезды западные — Рузский, Волоколамский и Можайский — уезды наивысших наделов (от 9.35 до 10.08 дес.).

Опуская подворное рассмотрение наделов по волостям и обществам, которое, не меняя картины в целом, показывает, что при рассмотрении величины наделов по более мелким единицам неравномерность землепользования встает еще более отчетливо, обратимся прямо к душевым наделам по губернии.

¹ Изложение, стр. 148, 155—161, 162—168; Сб. постановлений, т. II, разд. I, ст. 107—109; т. III, разд. II, ст. 10, 17; разд. IX, ст. 232—233.

² Материалы для статистики России, собираемые по ведомству мин. гос. имуществ, вып. 1, СПб., 1858, стр. 1, 4—6, 19—20; в эти данные не входят сведения о свободных хлебопашцах, однодворцах и других группах крестьян.

На одного крестьянина по 10-й ревизии приходится.¹

Уезды	Менее 1 дес.		От 1 до 1.99 дес.		От 2 до 2.99 дес.		От 3 до 3.99 дес.		От 4 до 4.99 дес.		От 5 до 5.99 дес.		От 6 до 6.99 дес.		Всего	
	сел.	кр.	сел.	кр.	сел.	кр.	сел.	кр.	сел.	кр.	сел.	кр.	сел.	кр.	сел.	кр.
1. Московский	5	514	42	5548	44	4647	15	1706	2	245	1	46	—	—	109	12706
%		4.3		43.6		36.5		13.4		1.9		0.3		—	—	100
2. Богородский	3	370	89	10377	14	1708	—	—	1	38	—	—	—	—	107	12493
%		3.0		83.0		13.7		—		0.3		—		—	—	100
3. Бронницкий	1	297	14	3430	16	2695	4	420	—	—	1	7	—	—	36	6849
%		4.3		50.1		39.4		6.1		—		0.1		—	—	100
4. Рузский	—	—	12	862	29	2684	30	3554	13	1654	1	162	—	—	85	8916
%		—		9.7		30.1		39.9		18.5		1.8		—	—	100
5. Звенигородский	—	—	35	4851	62	7154	20	1815	5	405	1	54	—	—	123	14279
%		—		33.9		50.1		12.8		2.9		0.3		—	—	100
6. Волоколамский	—	—	9	1037	49	5937	35	4042	7	622	—	—	1	45	101	11683
%		—		8.9		50.8		34.6		5.3		—	0.4	—	—	100
7. Коломенский	6	1848	12	2874	8	1150	6	857	—	—	—	—	—	—	32	6729
%		27.4		42.7		17.1		12.8		—		—	—	—	—	100
8. Подольский	—	—	13	1243	49	4558	16	1112	1	120	1	11	—	—	80	7044
%		—		17.7		64.7		15.8		1.7		0.1		—	—	100
9. Серпуховский	2	634	26	5170	34	4776	5	724	3	267	—	—	—	—	70	11571
%		5.5		44.7		41.3		6.2		2.3		—	—	—	—	100
10. Можайский	—	—	8	829	29	2741	22	1814	5	844	—	—	—	—	64	6228
%		—		13.3		44.0		29.2		13.5		—	—	—	—	100
11. Верейский	1	91	7	1086	31	3862	9	1050	3	229	—	—	—	—	51	6318
%		1.4		17.2		61.1		16.7		3.6		—	—	—	—	100
12. Дмитровский	—	—	36	3649	162	14921	75	4963	10	628	—	—	—	—	283	24161
%		—		15.1		62.8		20.5		2.6		—	—	—	—	100
13. Клинский	1	11	39	3802	101	9433	40	3568	2	115	1	11	—	—	184	16940
%		—		22.5		55.8		21.0		0.7		0.0		—	—	—
Итого	19	3765	342	44758	628	66266	277	25625	52	5167	6	291	1	45	1325	145917
%		2.6		30.7		45.4		17.6		3.5		0.2	—	—	—	100

¹ Материалы для статистики России, собираемые по ведомству мин. гос. имуществ, вып. III, Спб., 1861 г., стр. 142—143.

Данные таблицы несколько расходятся с предыдущими, так как население в этой таблице взято по 10-й ревизии 1858 г., в предыдущих же данных оно взято по 9-й ревизии. За время между двумя ревизиями происходит дальнейшее уменьшение наделов, но общего положения это не меняет.

Таблица показывает, что 2.6% крестьян Московской губ. имеют душевой надел менее 1 дес., причем по отдельным уездам (Коломенский) этот процент поднимается до 27.4. Основная масса крестьян (76.1%) имеет наделы от 1 до 3 дес., и только ничтожная часть (0.2%) — от 5 до 7 дес. Таким образом, если исходить из того, что официальная норма в 8 дес. является обеспечивающей потребности крестьянина, то мы во всей губернии не найдем ни одного двора, могущего довольствоваться доходами от земледелия. Если даже снизить эту норму до 5 дес., то и таким наделом обладало всего 0.2% крестьян. Можно с уверенностью сказать, что все государственные крестьяне не обеспечивали своих потребностей доходами от наделной земли, особенно, если принять во внимание, что речь идет здесь не о величине посевов, а о величине наделов, в которые, кроме пашни, входили сенокосы и усадьбы.

Основным недостатком приведенной таблицы, несмотря на ее интерес, является то, что она получена путем простого деления количества наделной земли на число ревизских душ и ни в какой мере не отражает фактического положения с наделами у крестьян. Она не показывает таких часто наблюдавшихся среди крестьян явлений, как аренда у слабосильных дворов экономически мощными хозяевами, забрасывание наделов разоряющимися хозяйствами и включение этой земли в общее пользование общины, несущей ответственность за внесение податей всеми ее членами. Забрасывали землю и промышленники. Так, например, при переселении крестьян из Можайского уезда обнаружилось, что ряд крестьян, занимавшихся промыслами в городах, совершенно не пользовался наделами. Между тем, по городам Московской губ. в начале 50-х годов жило государственных крестьян 40 866 душ. м. п. и 7374 души ж. п.¹ Из них, конечно, не все постоянно жили в городе, но, вероятнее всего, совершенно порвали связь с сельским хозяйством крестьяне, которые всем семейством ушли на заработок, т. е. около 7374 семейства.

В 1841 г. палата указывает Дмитровский, Клинский, Звенигородский, Можайский и Волоколамский уезды как самые скудные по добычанию податей, по причине слабого развития в этих уездах промыслов². Между тем, по таблице наделов, эти уезды относятся как раз к группе уездов, более обеспеченных землей.

Картина малоземелья и неравномерного распределения земли между

¹ Военно-статист. обозрение Российской империи, т. V, ч. I, СПб., 1853, вед. № 3.

² ЛАО, Архив мин. гос. имуществ, фонд I деп., д. 1, 508, донесение палаты от 31 декабря 1840 г.

обществами дополняется еще запутанностью самих земельных владений. Обмер земли, установление границ и т. п. в последний раз проходили при генеральном межевании, и с тех пор при разрешении спорных и неясных вопросов обращались к документам этого межевания, которые зачастую оказывались утерянными, да они уже и не отражали настоящего положения, так как за истекшие со времени генерального межевания 80 с лишком лет неоднократно происходили частичные переделы полей, обмены, отрезки, размежевания и т. п. Правда, в 1848—1850 гг., когда по Московской губ. проходило переложение податей, производился обмер полей, но он не закреплялся составлением планов и установлением границ в натуре. При таком положении запутанность землевладений была неизбежна.

Распространенным явлением было чересполосное и общее владение землею крестьян с помещиками. Министерство принимало меры по ликвидации этого явления. Для этой цели специально создавался при палатах институт уполномоченных по полюбовному размежеванию. Интересно отметить, что деятельность этих уполномоченных встречала содействие крестьян, зато дворянские представители в комиссиях по размежеванию, и особенно помещики, земли которых подлежали размежеванию в силу общих и чересполосных владений с крестьянами, тормозили разделы земель, нередко задерживая операцию на десятки лет.

В 1844 г. была размежевана земля, находившаяся в чересполосном владении крестьян и священнослужителей погоста Дмитрия Солунского (Данково) Клинского уезда¹. В том же году была размежевана пустошь Савиха, находившаяся во владении крестьян с. Рождествено (Песье), деревень Шигониной, Ивановской и Дербрихиной Подольского уезда и помещика, но между деревнями не была поделена, так как из-за утери планов невозможно было установить долю каждой деревни². В 1851 г. были разделены земли крестьян с. Никитовки (Филосовское) с двумя помещиками. Указание на раздел было дано палатой еще в 1842 г., но за ненахождением планов и отказом помещиков в течение ряда лет от межевания, оно задержалось на 9 лет. Крестьяне (6 ревизских душ), против раздела не возражали; работая на отхожих промыслах, они землею не пользовались, сдавая ее в аренду³.

За 18 лет чересполосность не была уничтожена, но, по официальным данным, сведена к минимуму: в 1840 г. было, по далеко не полным и уменьшенным сведениям, 9067 дес. в общем и чересполосном владении⁴, в 1853 г.— уже только 2541 дес.⁵

Кроме раздела земли, мы наблюдаем и обмен землями. Так, в 1844 г., с разрешения сената, был произведен обмен участками земли

¹ Московский областной архив, Истор. архив, № 1, фонд Московской палаты гос. имуществ, св. 5, д. 38.

² МОА, Истор. архив, № 1 фонд ПМГИ, св. 8, д. 60.

³ Там же, св. 5, д. 35.

⁴ Подсчитано по ЛАО, Архив МГИ, фонд, I деп., д. 17.

⁵ Статист. обозрение гос. имуществ за 1858 г., СПб., 1881, стр. 299.

между крестьянами д. Бурцевой Волоколамского уезда и помещиком Вреде¹. В 1841 г. сенат разрешил обменяться пустошами крестьянам деревень Баклановой и Кузнечиковой Клинского уезда с помещицей Витберг. Этот акт сената лишь узаконил существующее положение, так как крестьяне и до этого пользовались землей помещицы, отдавая ей взамен свою землю. И здесь земля крестьян находилась за 21 версту, прилегая к имению помещицы, рядом же с деревней находилась земля Витберг².

Острое малоземелье, соединенное с обязательностью надела, при чрезвычайной неупорядоченности самих земельных угодий делает землю центральным узлом борьбы, где сталкиваются различные интересы и лицом к лицу становятся антагонистические силы — крестьяне и государство. Эта борьба принимала широкие размеры и была повседневным явлением.

Борьба крестьян за землю преследовала цель избежать вечно тяготившего над ними призрака голода и обнищания. Выступления крестьян в различных общинах были звеньями стихийно разворачивавшейся цепи борьбы. Чаще всего на этой почве государственным крестьянам приходилось соприкасаться с органами министерства государственных имуществ, и столкновения с этими органами в ряде случаев доходили до прямого неповиновения властям.

Размежевание земли было одной из проб силы крестьян, при которой ни одна сторона не отказывается от возможности получения лишнего участка земли. Большой напор пришлось выдержать крестьянам со стороны церковнослужителей. В 1844 г. при разделе земли крестьян с. Крюкова и д. Перхуровой Серпуховского уезда обнаружилось, что норма надела крестьян достигает 8 дес. на душу; поэтому уполномоченный по межеванию сообщил палате свое мнение о необходимости выдать служителям церкви дополнительно еще $\frac{1}{2}$ пая, т. е. $16\frac{1}{2}$ дес. Крестьяне на сходе в 1845 г. решили не противиться дополнительному наделению духовенства, но просили палату обратить внимание на то, что со времени генерального межевания у них значительно увеличились неудобные земли³. В 1840 г. священники с. Дегунина Московского уезда добиваются увеличения надела на 3 дес., хотя уже имели большие нормы, и в этом они были поддержаны министерством. В общем, столкновения между крестьянами и духовенством проходили повсеместно в Московской губ.⁴.

Любители поживиться за счет крестьян находились и в среде помещиков: В 1838 г. проходил раздел земли между крестьянами с. Ивановского Серпуховского уезда и помещицей Вячеславовой, которая решила воспользоваться этим случаем и увеличить свою долю. Она заявила землемеру претензию на участок в 90 дес., в то время как имела

¹ МОА, Истор. архив, № 1, фонд МПГИ, св. 3, д. 21.

² МОА, Истор. архив, № 1, фонд МПГИ, св. 2, д. 15.

³ Там же, св. 7, д. 51.

⁴ Там же, св. 8, д. 71, св. 5, д. 31; св. 8, д. 59.

право только на 50 дес. Земский суд, куда поступило дело для решения, отказал ей в иске¹.

В 1838 г. крестьяне д. Саларевой Подольского уезда подали в суд прошение о возврате им части пустоши Копыловки, захваченной крестьянами помещика Толстого; только в 1847 г. земля была возвращена им. В ходе дела они однажды чуть не лишились своей земли, когда палата в 1841 г. признала, что земля должна принадлежать помещику².

Позиция министерства государственных имуществ в этих спорах определялась линией поведения П. Д. Киселева, стоявшего на почве охраны государственного имущества от покушений частных лиц. Мероприятия министерства по этой линии — обмер земли с обозначением границ, учреждение комиссий по полюбовному размежеванию, защита интересов крестьян в их спорах с помещиками — встретили с самого начала ярое сопротивление дворянства, привыкшего смотреть на государственные земли, как на один из источников возможного обогащения. Этим объясняется сопротивление дворян размежеванию, которое выявляло самовольные захваты ими земли государственных крестьян. Именно сопротивлением дворянства объясняется тот факт, что, несмотря на все усилия крестьян, которые во всех известных нам случаях были инициаторами размежевания и обмена земель, палате государственных имуществ так и не удалось окончательно ликвидировать чересполосность по Московской губернии.

Не всегда крестьяне были обороняющейся стороной: недостаток земли толкал их к активным действиям. В 1838 г. крестьяне Каргошина Московского уезда подали прошение Николаю I, где просили вернуть им 5 дес. луга из владений монастыря, ссылаясь на то, что монастырь отдает его в аренду купцу, в то время как «мы же во владеемых нами усадьбах, по случаю прибыли по 8 рев. душ, терпим большой недостаток». В просьбе крестьянам было отказано. Тогда они подали вновь прошение, на этот раз палате, дополнительно аргументируя свою просьбу тем, что «наш луг Коньков (ранее им владели крестьяне. — Л. И.) отдается монастырем в содержание посторонним лицам, то крестьяне Каргошина имеют от их крайнее стеснение, ибо на упоминаемый луг, как находящийся в середине наших полей, в летнее время при пастбище неминуемо должна зайти чья-нибудь корова или лошадь, за что крестьяне беспрестанно должны платить штраф, приводящий их в совершенное расстройство». В ответ на это палата запретила подавать подобные просьбы, угрожая в противном случае привлечением к взысканиям³.

В том же 1838 г. подали прошение крестьяне д. Бурковой Можайского уезда о прирезке им земли из казенных пустошей, отдаваемых в аренду разным лицам. Несмотря на то, что закон обязывал нарезать землю крестьянам в том случае, если наделы их меньше 5 дес., а в

¹ МОА, Истор. архив № 1, фонд МПГИ, св. 2, д. 6.

² Там же, св. 6, д. 84, лл. 1—4, 10.

³ Там же, св. 1, д. 3.

этой деревне крестьяне имели по 3,27 дес. на ревизскую душу, им было отказано и предложено, если их не удовлетворяют наделы, подать прошение о переселении¹.

Борьба за землю велась и между самими крестьянами. В 1850 г. крестьяне с. Борщова и деревень Задний двор, М. Борщовка, Поджеребова, Крупенина, Барки, Ватолина, Николаева и Терехова сдали в аренду на год (на один посев) купленную ими землю крестьянам деревень Трехдневной и Кондыриной. Те же, используя землю, отказались ее вернуть владельцам и продолжали обрабатывать и в последующие годы. И только в 1861 г. палата, к которой обращались за содействием крестьяне с. Борщова, приняла меры к возврату им земли².

Затяжной характер принял спор о земле крестьян Нефедовского общества с крестьянами дер. Заборье и сл. Высоцкой Серпуховского уезда. Этот спор продолжался в течение 40 с лишним лет, причем за это время он настолько осложнился вмешательством со стороны правительственных органов, создался такой запутанный клубок жалоб, прошений и решений по ним, дополненный самостоятельными действиями крестьян, что решить его удовлетворительно учреждения ведомства гос. имуществ были бессильны. Спор так и не был решен. Начался этот спор в 1821 г., когда землемер Суворов произвел сложное перераспределение земли между различными деревнями и вдобавок отрезал помещику Пушкину 21½ дес. пашни, на которые тот не имел никакого права. Результатом этого размежевания было взаимное столкновение и ожесточенная борьба, во время которой была забыта незаконно переданная помещику земля. Крестьяне пропустили срок для обжалования действий землемера, и раздел земли был автоматически признан действительным. Начались самовольные захваты земель и лугов, пресекаемые властями.

Все это вызвало целый поток прошений, которые следуют одно за другим в казенную палату, министерство финансов, министерство и палату гос. имуществ, посреднические комиссии, губернатору, сенату и Николаю I, но на все прошения следовал один ответ: в просьбе отказать и предупредить, чтобы впредь не смели обращаться с прошениями. Жалобы все же не прекращаются, и последняя из них помечена 1862 годом³.

Министерство при обращении к нему крестьян не всегда выступает на их защиту. Такая позиция министерства, призванного защищать «государственное имущество», объясняется классовой природой самого учреждения и дворянско-чиновничьим его составом. Вспомним руководящий мотив деятельности Киселева, в котором на первый план выступает боязнь вызвать неосторожными действиями взрыв недовольства помещичьих крестьян. И все же одно уже то, что Киселев поставил

¹ ЛАО, Архив МГИ, фонд I деп., д. 201.

² МОА, Истор. архив, № 1, ф. МПГИ, св. 10, д. 164.

³ Там же, св. 2, дл. 10 и 13; св. 6, д. 42; св. 8, д. 74.

вопросы размежевания и охраны крестьянского землевладения и дал определенное направление их разрешению, имело громадное практическое значение для казенной деревни в деле охраны крестьянских угодий от расхищений и наведения элементарного порядка в землеустройстве.

Кроме казенной земли, государственные крестьяне имели еще и покупную, приобретаемую на основании указа от 12 декабря 1801 г. О размерах этой земли дает представление следующая таблица, данные которой относятся к 1858 г.¹

	Уезды	Число крестьян	Количество покупной земли		
			в с е й	на душу	
1	Клинский	1151	9974 д.	1887 с.	8.7 дес.
2	Богородский	225	4567 »	825 »	20.3 »
3	Рузский	210	1407 »	563 »	6.7 »
4	Коломенский	1568	1159 »	1004 »	0.7 »
5	Волоколамский	102	965 »	1523 »	9.5 »
6	Верейский	353	638 »	532 »	1.8 »
7	Серпуховской	525	491 »	252 »	0.9 »
8	Можайский	800	336 »	2134 »	0.4 »
9	Звенигородский	21	297 »	1372 »	14.1 »
10	Московский	182	157 »	271 »	0.9 »
11	Дмитровский	17	72 »	116 »	4.2 »
12	Бронницкий	3	38 »	600 »	12.7 »
		5157	20106 д.	1169 с.	3.9

Итак, по всем уездам, кроме Подольского, 5157 крестьян имеют покупную землю, из них только 58 одновременно не пользуются казенной землею.

Эта таблица при внимательном ее рассмотрении позволяет выяснить следующее характерное явление. Когда в покупке земли участвуют небольшие группы крестьян, то на каждого падает по нескольку десятин (Богородский уезд — 20.3 дес., Бронницкий — 12.7 дес. и т. д.), и наоборот: когда в покупке участвует значительная масса крестьян и приобретаются большие площади земли, то на долю каждого приходятся доли десятины (Можайский уезд — 0.4 дес., Коломенский — 0.7 дес. и т. д.). Это показывает, что, с одной стороны, крестьяне для борьбы с нехваткой земли прибегают к покупке ее целыми общинами, и что, с другой, идет покупка ее в индивидуальном порядке, по всей вероятности, экономически наиболее мощной, состоятельной частью деревни, укрепляющей таким путем свои позиции и идущей навстречу буржуазным отношениям. Таким образом, еще до реформы 1861 г. в казенной деревне шел молекулярный процесс образования деревенской буржуазии, мобилизующей в своих руках землю как источник господства и эксплуатации. В то же время в государственной деревне еще сильны патриархальные связи, и основная масса крестьян не порывает

¹ В. Вешняков. Крестьяне-собственники, СПб., 1858 прил. № 1.

с общиной, пытаясь бороться с прогрессирующим разорением именно через общину, путем совместной покупки земли.

Объем покупки земли в личную собственность и целой общиной иллюстрируется следующими данными за 1840 г.¹.

У е з д ы		Количество земли, купленной в личную собственность (в десятинах)	Количество земли, купленной в общинную собственность (в десятинах)
1	Можайский	—	53
2	Верейский	—	342
3	Коломенский	130	400
4	Звенигородский	—	209
5	Волоколамский	289	—
6	Рузский	112	374
7	Клинский	1455	3309
Всего		1986	4687

Из всего количества покупной земли 70.2% приходится на долю общин и только 29.8% — на долю отдельных крестьян.

Более поздними данными мы не располагаем, но можно с уверенностью предположить, что по мере приближения к 60-м годам размер покупки в личную собственность не сокращался, а скорее обнаруживал определенную тенденцию к росту в сравнении с количеством земли, приобретаемой целыми общинами. Вообще купля земли в предреформенный период шла в нарастающем темпе: За 57 лет крестьянами было всего куплено 20 106 дес., и из них 13 433 дес., т. е. 66.8%, за последние 18 лет.

Проникновение в казенную деревню буржуазных отношений в виде купли и продажи земли происходило в мизерном размере. Разрешением покупать землю воспользовалась по Московской губ. незначительная часть крестьян, и ими было куплено всего 6.1% земли по отношению к наделам. Это, несомненно, свидетельствует о силе феодально-крепостнических устоев и в казенной деревне, хотя новые явления проникали туда быстрее, чем в крепостную деревню. Но, как бы там ни было, один уже факт покупки земли показывает, что казенная деревня не была чужда новым явлениям рыночного порядка, и это одно уже подтачивало феодально-крепостнические отношения там, где они удерживались самой экономической природой социального строя.

В заключение попытаемся выяснить, какие слои крестьян являлись покупателями земли и из какого источника они черпали средства, чтобы оплачивать покупку. Доход от надела не может служить основным источником для покупки земли, ибо, по признанию Комиссии переложения податей, нигде в губернии потребности крестьян не покрывались доходами от казенного надела, исключая, конечно, тех случаев, когда

¹ Составлено по ЛАО, Архив МГИ, фонд I деп., д. 17.

покупатель жил в пригородной зоне Москвы или других центров, поставляя продукты с огородов и садов на столичный или крупноуездные рынки. Это заставляет нас направить внимание в другую сторону.

По сведениям за 1848 г., более 91% крестьян м. п. занималось промыслами. В сумму дохода крестьян почти равными долями входили доход от земли и промыслов. Это показывает, что источником средств для покупки земли были, вне сомнения, промысловые занятия, а крупные участки земли могли приобретать прежде всего владельцы торговых и промышленных заведений, а также занимающиеся извозом. Промысловые занятия крестьян способствуют аккумуляции земли у ограниченной кучки экономически наиболее мощной и тем самым содействуют укреплению ее положения в деревне и созданию нового источника закабаления крестьян внутри самой казенной деревни. Такое соединение промысла и земледелия как раз служит укреплению и развитию буржуазных отношений. Это отмечено В. И. Лениным для более позднего времени, здесь же мы присутствуем у истоков данного явления.

Различие уездов по количеству крестьян-покупщиков, по величине и характеру покупок зависит от особенностей экономического развития их. Наличие крупных покупок в индивидуальную собственность по Богородскому и Волоколамскому уездам, сочетание индивидуальных покупок с общинными по Клинскому, Рузскому и Коломенскому показывает на участие в этих операциях зажиточных верхов деревни из числа лавочников, владельцев харчевен, постоянных дворов и т. п.

Слабая же в целом дифференциация крестьян, привязанность к наделу и, при наличии промысловых занятий, непрочность связи с городом и ее промышленностью объясняют общинную покупку земли. В уездах Можайском и Верейском, где связь с землей благодаря меньшему развитию промыслов была еще прочна, это объясняет отсутствие покупки земли в индивидуальную собственность.

Всей пахотной и усадебной земли у государственных крестьян Московской губ. было 233 831 дес., из них в 1850 г. было использовано под посевы 175 254.5 дес., остальная земля, в количестве 58 576.5 дес., пустовала, находясь под паром. Следующая таблица показывает размер и структуру посева за 1850 г. (в десятинах) ¹:

Зерновые		Картофель	Конопля	Лен	Овощи
яровые	озимые				
75726,5	78317,5	6362	3685	5505.5	5658
88%		3.6%	2.4%	ок. 3%	ок. 3%

Лен и конопля занимают чрезвычайно малое место в ряде других посевов, всего 3% и 2.4%. «Постоянный неурожай льна и пеньки, — от-

¹ Составлено по ЛАО, Архив МГИ, фонд I деп., дд. № 14673 и 14684.

мечаются в донесении палаты 1857 г.,— совершенный недостаток земли не дает надежды к какому-либо в этой отрасли улучшению». Это же донесение отмечает, что «приготовление льна и пеньки совершается в небольших размерах» и идет на домашние надобности¹.

Огородные культуры занимают немногим большую площадь, чем лен. Специально на продажу сеют овощи только в некоторых деревнях Дмитровского и Московского уездов, остальное идет на собственные потребности крестьян².

По Московскому уезду наибольшее распространение огородные культуры получили в с. Карачарове, д. Новая Андроновка и, частично, в с. Владычино. Все эти селения находятся недалеко от Москвы. На усадебных землях здесь сажали капусту, огурцы, свеклу, морковь, в поле — картофель, репу, рожь и овес. Был введен 4-польный севооборот, под паром земля не оставалась. Полученные овощи, главным образом картофель, продавали в Москве. Такого типа хозяйства приносили больше выгод, чем хозяйства, сеявшие одни колосовые. По с. Карачарову, например, доход на двор достигал 1000 руб. ассигнациями. Недостаток хлеба целиком покрывался увеличением дохода. Повышенная доходность, в свою очередь, положительно отражалась на развитии животноводства: например, коровы у крестьян Карачарова были большей частью холмогорской породы. Естественно, что, несмотря на незначительность наделов в Карачарове (в среднем 2.2 дес.) и Новой Андроновке (4.4 дес.), они были экономически сильнее, чем остальные селения Московского уезда.

Обработка полей в д. Новая Андроновка производилась наемной рабочей силой, сами же крестьяне занимались промыслами. Трудоемкость культур заставляла и крестьян Карачарова прибегать к найму 1—2 работников на летний период³.

Картофель не получил большого распространения у крестьян и занимал всего 3.6% площади посева.

Неурожайные 1839—1840 годы, когда были исчерпаны все запасы продовольственного хлеба в магазинах и пришлось прибегать к экстренным мерам, вплоть до отпуска средств из казначейства и фондов министерства для борьбы с голодом, на что государство всегда шло неохотно, толкнули на мысль увеличить в принудительном порядке посевы картофеля у крестьян. Неурожай этих лет особенно тяжело отразился на Московской губ., где и в урожайные годы всегда нехватало хлеба; цена на пуд ржаной муки в 1840 г. поднялась в январе против обычной цены в 80 коп.— 1 р. 10 коп. до 2 руб. 50 коп., в летние месяцы — до 3 руб. 88 коп.⁴.

¹ ЛАО, Архив МГИ, фонд ДСХ, д. 6702, донесение палаты от 27 февраля 1857 г.

² Там же.

³ Д. Протопопов. Об огородничестве в Москве и ее окрестностях, Журн. мин. гос. имуществ, 1841, № 5, стр. 273—281; Материалы, вып. 1, стр. 12.

⁴ Д. Протопопов. О хлебной торговле в России, Журн. мин. гос. имуществ, 1843, № 3, стр. 118.

В августе 1840 г. был опубликован закон, который предусматривал введение посевов картофеля в селениях, имеющих общественные запашки, с таким расчетом, чтобы сбор урожая давал по $\frac{1}{2}$ четверика на душу; там же, где не было общественной запашки, из общественной земли выделялось при волостных правлениях по 1 дес. с тем, чтобы полученный урожай картофеля раздавался бесплатно крестьянам на семена¹.

В связи с доведением посева картофеля на крестьянских полях до 1 четверика на душу, в 1843 г. правительство разрешило прекратить его посев при волостных правлениях, а в 1844 г. — и на всех общественных полях, одновременно рекомендовав крестьянам употреблять картофель на корм скоту².

Как и в других губерниях, принудительные посевы картофеля не обошлись без выступлений крестьян: в 1842 г. в некоторых селениях Московской губ. государственные крестьяне уничтожили картофельные посевы³.

Следующая таблица рисует динамику посевов:

Посев картофеля	
1841 г.	16 793 четверти ⁴
1842 г.	22 565 »
1843 г.	29 453 » ⁵
1844 г.	32 979 »
1845 г.	34 597 » ⁶
1846 г.	42 635 » ⁷

Эти данные относятся к крестьянским полям; общественный же посев, достигнув в 1843 г. 1217 четвертей (около 190 дес.), затем вовсе прекратился⁸.

Сведений о посеве картофеля за 1838—1840 гг. нет, что лишает возможности судить точнее о росте посевов и о влиянии на него закона 1840 г. С 1841 по 1846 г. посев увеличился с 16 793 до 42 635 четвертей, т. е. в $2\frac{1}{2}$ раза. Прыжок за 6 лет столь значительный, что вряд ли он был возможен без влияния закона 1840 г.

Ниже приводятся данные о посеве картофеля за 1844 и 1856 гг.⁹

¹ Указ 8 августа 1840 г. Журн. мин. гос. имуществ, 1841, № 3, офиц. отд.

² Указ 15 февраля 1843, Журн. мин. гос. имуществ, 1843, № 3, офиц. отд., Указ 8 мая 1844 г., Журн. мин. гос. имуществ, 1844, № 7, офиц. отд.

³ Е. Мороховец. Крестьянское движение 1827—1869 гг., ч. I, 1931, стр. 49—50.

⁴ ЛАО, Архив МГИ, фонд. канц. министра, д. 286, приложение, записка III деп., от 11 февраля 1843 г.

⁵ Там же, фонд III деп., д. 2241, донесения палаты от 15 декабря 1844 г.

⁶ Там же, д. 3239, Ручная книжка по Московской губ.

⁷ Извлечение из отчета министра гос. имуществ за 1846 г.

⁸ ЛАО, Архив МГИ, фонд. III деп., д. 2351, Ручная книжка по Московской губ.

⁹ Там же, фонд ДСХ, д. 6072, донесение палаты от 27 февраля 1857 г.

О к р у г а	Посев картофеля в 1844 г.		% ко всей посевной площади	Посев картофеля в 1856 г.		Увеличе- ние посева в %
	четв.	десят.		четв.	десят.	
Московский	8942	1419.4	5.6	11795	1902.4	+ 34
Дмитровский	7717	1225.0	2.9	11988	1949.7	+ 52.2
Рузский	8405	1334.1	2.9	7474	1205.3	- 10.7
Серпуховский	5397	856.7	2.1	6005	968.5	+ 11.5
Можайский	2518	399.7	2.4	2673	431.1	+ 7.8
Итого	32979	5234.9	—	39935	64570	+ 22.6

Абсолютно и относительно посев картофеля больше всего увеличился в двух уездах — Московском и Богородском. Такое концентрирование производства картофеля в ряде уездов, притом с явно выраженным промышленным и торговым характером, было вызвано тем, что картофель здесь шел на продажу и переработку. Сами крестьяне этих уездов имели 10 крахмало-паточных заводов, перерабатывающих до 13 тыс. четвертей картофеля в год¹.

Лен, пенька, овощные культуры и картофель занимают незначительное место в крестьянском сельском хозяйстве, сохраняющем в основном зерновое направление. Ведущими культурами были: рожь — 42.9%, овес — 36.5% и в северных уездах ячмень — 20.6% всех посевов. Другие культуры занимают незначительное место. Ядрица (яровая рожь) сеялась на песчаных почвах, не пригодных ни под овес, ни под ячмень. Гречиху сеяли частично в Богородском и в восточной части Московского и Серпуховского уездов. Пшеницу сеяли только в с. Гостилово, Бронницкого уезда, и одиночные хозяйства Завидовской вол., Клинского уезда². За все время с 1842 по 1856 г. посевная площадь под колосовыми почти не возрастала, в 1842 г. она была равна 163 184.5 дес., в 1856 г. — 164 337 дес.

В течение целых 15 лет производство основной культуры идет из года в год в повторяющемся размере. «Законом до-капиталистических способов производства является повторение процесса производства в прежних размерах, на прежнем основании», — говорит В. И. Ленин³.

Замкнутое, полунатуральное крестьянское хозяйство дореформенного периода направлено, в первую очередь, на удовлетворение собственных потребностей. Лен, конопля идут на обслуживание своих домашних нужд. Большое значение имеет картофель, который нашел себе рынок сбыта, а также идет в промышленную переработку. Этот факт, — как и развитие огородничества в Дмитровском и Московском уездах, отчасти в Верейском (Копилицкое общество, где в больших размерах производился на продажу лук), садоводства в Московском, — указывает на рост элементов торгового земледелия. В Гладышевском обществе

¹ ЛАО, Архив МГИ, ф. ДСХ, д. 6072, донесение палаты от 27 февраля 1857 г.

² Материалы для статистики России, вып. I, стр. 12.

³ В. И. Ленин. Соч., т. III, стр. 39.

под Москвой у крестьян имелось 156.5 дес. садов¹. В своем донесении 1857 г. палата приводит список крестьян, владельцев лучших садов, большинство имело до 800 яблонь и других фруктовых деревьев и получало доход от 100 до 670 руб. с десятины².

К сожалению, отсутствие сведений о продаже и покупке крестьянами хлеба лишает нас возможности выяснить, в каком размере местный хлеб поступал в продажу, но, несомненно, что какую-то часть хлеба крестьяне выбрасывали на рынок. В этом убеждает нас пример с Рождествина, Московского уезда, где 4 хозяйства из 11 ежегодно продавали хлеб для уплаты податей.

Перспективы развития сельского хозяйства были невелики; в отчете палаты за 1839 г. говорится, что «нет возможности ожидать у крестьян улучшения по части земледелия»³. Урожай в крестьянском хозяйстве был невысок. Он «редко бывает сам-3, обыкновенно же менее»⁴; сам-3 уже считалось хорошим урожаем⁵.

Урожай сам-3 и выше наблюдался в 1849 и 1852 гг., в остальные годы он был значительно ниже. В 1840 г. были собраны одни семена озимого⁶; неурожай был в 1846, 1848, 1850, 1851, 1854, 1856 гг.⁷. Градобития, засуха, дожди, заморозки уничтожали плоды крестьянских трудов. Но дело не столько в климатических и почвенных условиях, сколько в примитивном состоянии крестьянского хозяйства.

При таком состоянии сельского хозяйства крестьяне не могли получить хлеб в количестве, достаточном для пропитания. В наиболее урожайном 1849 году мы наблюдаем следующую картину обеспеченности хлебом по уездам⁸:

В Волоколамском уезде на 1 двор имеется излишек хлеба в 1.48 четверти					
» Рузском	»	» 1	»	»	» 3.19
» Верейском	»		нехватает хлеба		0.40
» Подольском	»	»	»	»	0.92
» Можайском	»	»	»	»	0.35
» Клинском	»	»	хватает хлеба с добавкой ячменя		
» Звенигородском					
» Серпуховском	»	на 1 двор	нехватает хлеба		2.28
» Бронницком	»	» 1	»	»	1.88

¹ Материалы, вып. I, стр. 29.

² ЛАО, Архив МГИ, фонд ДСХ, д. 6702, донесение палаты от 27 февраля 1857 г.

³ Там же, фонд V деп., д. 2241, л. 543.

⁴ Моск. губ. ведомости, 1841, приб. № 4, В. П. Урожай хлеба и народонаселение Московской губ.

⁵ Там же, 1842, приб. № 35, записка губернатора, стр. 766.

⁶ Там же, 1841, приб. № 33, Статист. сведения о Московской губ. за 1840 г., стр. 490.

⁷ Варадинов оценивает урожай 1843 г. как «недостаточный», 1844 г.—«довольно посредственный», 1846 г.—«плохой», 1848 г.—«ниже посредственного», 1850—1851 гг.—«скудный» и т. д. «История миц. внутр. дел», ч. III, кн. II, СПб., 1861 г., стр. 46, 115, 424, 480, 534, 582.

⁸ Материалы, вып. I, стр. 57.

В Коломенском уезде на 1 двор нехватает хлеба	3.41	четверти
» Дмитровском » » 1 » хватает с добавкой ячменя		
» Московском » » 1 » нехватает хлеба	3.14	»
» Богородском » » 1 » » »	5.64	»

Только в двух уездах имеется излишек хлеба, в 3 уездах хлеба достаточно, в остальных его нехватает. Если такое положение было и в наиболее урожайном году, то ясно, что в остальные годы хлеба вообще нехватало повсеместно.

Эта таблица, где уезды располагаются почти в том же порядке, как и по величине надела, показывает связь между величиной надела и обеспеченностью хлебом на двор.

По Московской губ. из 121 сельского общества в 66 нехватало хлеба, в остальных довольствовались своим¹. В с. Рождествино, Московского уезда, отнесенном комиссией к числу обеспеченных селений, в котором из 11 дворов — 3 лучших, 5 средних и 3 худших, своим хлебом довольствовались всего 2 двора, и то только потому, что они арендовали пахотную землю. Остальные домохозяева покупали хлеб. Так, Михаил Макеев при семье в 3 чел. покупал 17 пудов, Калистрат Федулов при семье в 10 чел. — 78 пудов, Епифан Кирьянов при семье в 4 чел. покупал 33 пуда и т. д.²

Всего по губернии, по расчетам комиссии переложения податей, нехватало 43 045 четвертей хлеба³, т. е. около 30—32%; этот недостаток хлеба гнал крестьянина в город, на фабрику, в отхожие промыслы.

При таком состоянии сельского хозяйства, с частыми неурожаями и голодовками, правительство, опасаясь волнений крестьян и не желая допустить их до полного разорения, вынуждено было принять меры для обеспечения крестьян продовольствием. Эту роль должны были выполнить сами крестьяне. «Меры обеспечения, — говорится в Уставе продовольствия, — основываются на взаимном страховании крестьянами своего продовольствия, хлебных и денежных взносов»⁴.

До 1842 г. в страховой фонд с крестьян собирали по 1 четверти озимого и четверти ярового с ревизской души, по равным частям в течение 16 лет. Неурожай 1839—1840 гг. показал недостаточность собранных запасов, так как они в течение этих двух лет были целиком израсходованы; поэтому в 1842 г. были опубликованы новые правила по обеспечению продовольствием⁵. Норма сбора хлеба была установлена по 1 четверти ржи или пшеницы и по 1/2 четверти ярового; срок сбора был установлен в 8 лет. После засыпки полной нормы ежегодный сбор уменьшался наполовину. Сбор и хранение хлеба были возложены на крестьянские общества, распоряжалась же им палата. Обще-

¹ Материалы, вып. I, стр. 57.

² ЛАО, Арх. МГИ, фонд ДСХ, д. 4158, подворный список с. Рождествина.

³ Материалы, вып. 1, стр. 17.

⁴ Сборник постановлений, т. III, разд. III, стр. 4.

⁵ Там же, ст. 10—22. См. Журн. мин. гос. имуществ, 1842, № 4, постановление от 16 марта 1842 г.

ства имели право выдавать ссуды до половины запасов на посев, с разрешения волостного правления и утверждения окружного начальника. Если же требование ссуд превышало эту норму, то на выдачу давала разрешение только палата. Порядок выдачи ссуд на продовольствие был несколько иной: каждое прошение после положительного решения в обществе проверялось волостным правлением и окружным начальником, а затем передавалось на утверждение палате, которая доносила об этом министерству¹.

Собранный хлеб шел на удовлетворение нужд в первую очередь данного общества; так как при массовом неурожае его могло нехватить, то на этот случай создавались общие хлебные запасы за счет денежного сбора с крестьян. До 1842 г. собиралось по 10 коп. асс. с ревизской души, после — по 6 коп. сер. в год. Сбор в таком размере производился в течение 8 лет, а потом уменьшался до 3 коп. Собранные деньги находились целиком в распоряжении палаты².

Министерство государственных имуществ придавало большое значение обеспечению продовольствием и семенами государственных крестьян и, пользуясь правилами 1842 г., энергично проводило сбор хлеба с крестьян. Благодаря этому запас хлеба в магазинах вырос с 107 317 четвертей в 1838 г. до 246 568 четвертей в 1856 г. Однако это одна сторона медали. Одновременно с ростом хлебного запаса наблюдается не менее быстрый рост недоимок по хлебным взносам и ссуд из магазинов.

	1838 г.	1839 г.	1847 г.	1850 г.	1853 г.	1856 г. ³
Ссуда	117 171 ч.	45 387 ч.	25 250 ч.	40 317 ч.	56 387 ч.	89 481 ч.
Недоимка	7 400	48 857	5 158	28 683	32 366	28 427

После неурожайных лет выдача ссуд, очевидно, за истощением запасов, сократилась, но потом, на грани 50-х годов, они вновь стали возрастать, притом быстрыми темпами: в 1847 г. ссуда была равна 8%, в 1856 г. — 26% урожая. Такое же стремление к повышению обнаружили и недоимки, увеличившись с 1847 г. по 1856 г. в 5,5 раза.

Значительное увеличение ссуды и недоимок отражает общее состояние сельского хозяйства: сохранение общего размера посевных площадей при падении урожайности и росте сельского населения.

* * *

Обратимся к данным о количестве скота у государственных крестьян Московской губернии.

¹ Сборник постановлений, т. I, разд. II, ст. 201—212; разд. III, ст. 215—241; разд. IV, ст. 183—210; разд. V, ст. 99, 195—205, 337—354; т. III, разд. III, ст. 34—51.

² Там же, т. III, разд. III, ст. 54—80.

³ Данные за 1838—1839 гг. взяты из «Разных сведений по Московской казенной палате», за другие годы — из «Извлечений из отчета министра гос. имуществ».

Год	Лошадей	Коров
1843 . . .	57 372	82 508 ¹
1858 . . .	68 537	111 863 ²

За период с 1843 по 1858 г. поголовье лошадей увеличилось на 11 165 голов, т. е. на 19.5%, при этом средняя по губернской обеспеченность возросла с 1.3 до 1.6 головы на двор (считая в губернии 43 480 крестьянских дворов). За это же время и коровье стадо возросло на 29 355 голов, т. е. на 35.5%; обеспеченность хозяйств рогатым скотом увеличилась с 1.9 до 2.6 головы на двор.

Принимая во внимание возможные ошибки статистики, когда не проводилось подворного описания, все же придется признать значительный рост скота у крестьян. Объяснение этому найти довольно трудно, тем более, что посевные площади за эти годы не увеличились, техника производства не изменилась, и, таким образом, этот рост не вызывался потребностями самого производства. Очевидно, причину увеличения поголовья скота надо искать, во-первых, в наличии извозного промысла, во-вторых, в росте дворов и измельчании наделов и, в-третьих, в росте торгового скотоводства.

Для проверки этих предположений возьмем данные о количестве скота на 1 двор за 1848—1850 гг.³

Уезды	Лошадей	Коров
Рузский	1.78	2.51
Волоколамский	1.76	2.56
Клинский	1.62	2.74
Можайский	1.64	2.22
Дмитровский	1.50	1.90
Верейский	1.48	2.09
Московский	1.43	1.54
Звенигородский	1.41	1.82
Серпуховский	1.17	1.27
Подольский	1.10	1.32
Богородский	0.98	1.64
Бронницкий	0.80	1.17
Коломенский	0.79	1.12

В отношении трех уездов — Коломенского, Бронницкого и Богородского можно определенно сказать о наличии в них значительного количества безлошадных дворов. Если принять во внимание, что в Можайском уезде в числе 75 домохозяев, назначенных к переселению за неплатеж подати, — 69 безлошадных, то придется признать наличие таких хозяйств и в других уездах. Отсюда устанавливается наличие как безлошадных, так и многолошадных дворов по всем уездам Московской губернии.

¹ ЛАО, Архив МГИ, фонд ДСХ, д. 2351, Ручная книжка по Московской губ.

² Статист. обзор гос. имуществ за 1858 г., стр. 306.

³ Материалы, вып. 1, стр. 9.

Различную обеспеченность по всем уездам мы имеем и в отношении коров, причем в семи уездах на двор приходится в среднем более 1 головы, а в 5 уездах — и более двух. Сославшись опять на пример Можайского уезда, где из 75 дворов, назначенных к переселению, в 72 нет коров, можно также признать наличие бескоровных дворов и по другим уездам.

Эти выводы подтверждаются и другими данными. Возьмем Московский уезд: Карачаровская волость имеет по 0.71 лошади и 0.86 коровы на двор; Троице-Голенищевская волость — соответственно 1.21 и 0.67, т. е. средняя обеспеченность скотом по этим двум волостям значительно ниже, чем средняя по уезду, а по Озерецкой волости, где на двор приходилось по 1.84 лошади и 2.1 коровы, — выше. Возьмем теперь Бронницкий уезд: в Егановской волости приходится по 0.83 лошади и по 3.31 коровы на двор; в Фаустовской волости — соответственно 0.9 и 3.74¹. Эти сведения не только подтверждают ранее сделанный вывод, но и углубляют его. Раньше в отношении Московского уезда мы могли предполагать наличие бескоровных, безлошадных и имеющих 2 головы и выше, теперь же это устанавливается точно, так как по Карачаровской волости было 29% бескоровных дворов и 14% безлошадных. По Бронницкому уезду число коров в двух волостях составляет 3.31 и 3.74 на двор, при средней обеспеченности по уезду в 1.7 коровы на двор; это происходит за счет уменьшения количества голов по другим волостям и роста числа бескоровных дворов.

Таким образом уже для 40—50-х годов ясно устанавливаются по Московской губ. элементы разложения крестьянства, появление зажиточных и бедняцких дворов. Но вместе с тем, на этих же данных прослеживается и развитие торгового скотоводства, так как вряд ли хозяйства, имевшие по 3—4 коровы, использовали продукты скотоводства только для своих собственных потребностей. Развитие маслоделия и сыроварения, рост спроса Москвы и других центров, в связи с развитием промышленных предприятий, — все это показатели развития торгового скотоводства, продукты которого идут на рынок и в промышленную переработку.

Разложение крестьянства хорошо иллюстрируется примером сел. Рождествино Московского уезда²: у 11 домохозяев была 31 лошадь и 21 корова, а распределялись они так: по 1 лошади было в двух дворах, по 2 — в 6 дворах, 4 — в одном, 5 — в одном и 8 лошадей — также в одном дворе; по 1 корове было в 3 дворах, по 2 — в 6 и по 3 коровы — в 2 дворах. Крестьянин этого села Михаил Сергеев имел семью из 17 человек; в его хозяйстве, отнесенном к числу самых лучших, было 8 лошадей, 3 коровы и 6 овец. Помимо надельной земли, он арендовал пахотную за 100 руб. асс. и сенокос за 50—60 руб. асс.

¹ МОА, Истор. архив, № 1, фонд МГИ, св. 2, д. 9; лл. 10—11.

² ЛАО, Архив МГИ, фонд ДСХ, д. 4158, подворный список с. Рождествино.

Молока он продавал от своих коров на 35 руб. асс. Зимой и летом Сергеев со своими сыновьями занимался возкой дров в Москву, получая от этого доход до 2 428 руб. асс. Кузница, где работали наемный работник и сын, приносила до 150 руб. асс. дохода. Женщины, помимо занятий в хозяйстве, вязали чулки, получая от этого доход до 150 руб. асс. Общий валовой доход от побочных промыслов в хозяйстве Сергеева достигал 2 728 руб. асс.

Петр Федоров имел семью из 8 человек; хозяйство отнесено к разряду худших. Урожая с надельной земли недостаточно; хлеба хватало только до 15 марта, а потом он покупал хлеб на сумму до 51 руб. асс., покупал также и сено на 5—10 руб. Осенью для взноса подати Федоров продавал овес на 18 руб. асс. В его хозяйстве были 1 лошадь и 1 телка. Зимой Федоров занимался возкой дров; это давало ему доход в 291 руб. асс. Женщины, как и в хозяйстве Сергеева, вязали чулки, получая от этого доход до 100 руб. асс. Валовой доход в хозяйстве Федорова составлял 391 руб. асс.

В одном хозяйстве валовой доход достигал 2 728 руб., в другом — 391 руб., т. е. в 7 раз меньше. Если можно было бы учесть их расходы и высчитать чистый доход, то разница была бы еще значительнее. Один двор арендует землю, имеет наемного работника в кузнице, ведет в широких размерах операции с дровами, другой не обеспечивает себя хлебом, продает овес для уплаты податей, чтобы спустя некоторое время покупать его для нужд хозяйства, имеет одну лошадь и телку, понемногу занимается возкой дров и никак не может свести концы с концами в своем хозяйстве. Один двор зажиточный, кулацкий, другой — бедняцкий. И таких дворов по с. Рождествино: 3 «лучших» и 3 «худших». Явные признаки разложения налицо. Фактором, ускорявшим процесс разложения, являлись промыслы.

* * *

Обратимся теперь к данным о доходе государственных крестьян. Комиссия переложения дала итоговую таблицу доходов крестьян по всем уездам, согласно которой средний доход на двор, при среднем его составе в 4—5 работников обоого пола, равен 71 руб. 76 коп. асс., в то время как наемный сельскохозяйственный работник получал в год 42 руб. 86 коп., а за лето — от 22 руб. 86 коп. до 25 руб. 71 коп., на хозяйских харчах¹. По расчетам той же комиссии, годовой работник получал 45 руб. сер.² Выходит, что труд вольнонаемного оплачивался гораздо выше, чем крестьянина на собственном наделе.

Крестьянин, в поте лица обрабатывавший свой участок надела, не обеспечивал своим трудом самых насущных потребностей. Это

¹ Д. Протопопов. Об огородничестве в Москве, МГИ, 1841, № 5, стр. 279.

² Материалы, вып. 1, стр. 75.

вынуждено было признать и министерство. «... Ошибочно было бы думать,— гласит одна министерская записка,— что исчисленный таким образом доход есть излишек, который остается крестьянину, за всеми расходами, на его прихоти и на уплату податей»; так как из расчета были выпущены свободные от сельского труда дни, «за которые при оценке труда не полагается вознаграждения», то в результате получается, что «данный крестьянский участок земли, хотя и приносит чистый доход, но не прокармливает его семейства»¹. Специально о Московской губ. говорится, что «был сделан опыт исчисления потребностей всего народонаселения и при этом оказалось, что для удовлетворения этих потребностей недоставало валового дохода от всех земель в совокупности»².

Итак, исследование дохода крестьянских хозяйств, основанное на канцелярско-бюрократических расчетах, далеких от жизни, имевшее одну основную цель — полного и насколько возможно большего учета доходности, не может скрыть поразительной картины нищеты крестьянства.

Но, наряду с этой общей нищетой государственной деревни, при господстве феодально-крепостнических отношений накануне буржуазных реформ 60-х годов XIX в. отмечается наличие процесса разложения феодального крестьянства.

Приведя слова Маркса из «Капитала» о замене отработочной ренты продуктовой и о создании при этом условий для эксплуатации чужого труда, Ленин говорит: «Итак, еще при господстве натурального хозяйства, при первом же расширении самостоятельности зависимых крестьян, появляются уже зачатки их разложения»³. Эти условия для эксплуатации чужого труда и первые признаки разложения возникли среди государственных крестьян раньше, чем среди других крестьян. Государственные крестьяне не были лично закрепощены, они не знали помещичьего гнета; углублению разложения способствует и развитие торгового земледелия. «...именно *торговое* земледелие является главным фактором разложения крестьянства»⁴, — говорит Ленин. Несомненно, что разложение крестьянства в казенной деревне было значительнее, чем позволяют об этом судить имеющиеся у нас сведения. Однако, наряду с условиями, благоприятствующими разложению, действуют и условия, задерживающие этот процесс: малоземелье, подати, община с ее обязательным наделом.

¹ ЛАО, Архив МГИ, фонд канцелярии, д. 1339, Записка разд. «О уравнении податей между губерниями».

² Там же.

³ В. И. Ленин. Соч., т. III, стр. 127.

⁴ Там же, стр. 209.

III. ПРОМЫСЛЫ И НЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ КРЕСТЬЯН

Земледельческое хозяйство крестьян поглощало менее половины наличных рабочих рук. По расчетам министерства, крестьянское тягло, в составе двух работников и двух полурабочников, может обработать 7.5 дес. пашни и 3.75 дес. сенокоса¹. По Московской губ. двор имел в среднем 4—5 работников и земельный надел в 7.5 дес. Несложный расчет приводит к выводу, что половина трудоспособного населения деревни не могла применять свой труд внутри сельского хозяйства. По тем же расчетам, в Московской губ. требовалось всего 31 424 годовых земледельческих работников мужского пола и оставалось свободных 50 812 работников².

Вся эта масса свободных рабочих рук ложилась тяжелым бременем на хозяйство крестьян. По условиям дореформенного времени, уход их из деревни был затруднен. Это тормозило развитие сельского производства, ввергая его в бездну нищеты и регресса. Вместе с тем, наличие огромной массы незанятых рабочих рук, всегда ищущих применения, облегчало при благоприятных условиях развитие промыслов и промышленности.

В расчетах министерства фигурирует одно лишь мужское население; число свободной рабочей силы значительно увеличивалось еще за счет женского труда. Д. С. Протопопов в 1842 г., опираясь на официальные сведения палаты, насчитывал среди государственных крестьян Московской губ. 42 307 промышленников, не включая сюда женщин и детей³. Через 6—8 лет комиссией переложения податей обнаружено было промышленников⁴: мужчин — 66 601 (работников), подростков — 9 487 (полурабочников), а всего 76 088. И это на 72 842 работника и 14 589 полурабочников⁵.

¹ Труды Комиссии для пересмотра системы податей и сборов, т. I, СПб., 1861, Записка о работах по соглашению оценок между губерниями, стр. 18.

² ЛАО, Архив МГИ, фонд ДСХ, д. 7095. Таблица вывода числа промышленников.

³ Д. Протопопов. О промыслах гос. крестьян Московской губ. Журн. мин. гос. имуществ, 1842, № 2, стр. 266.

⁴ «К промыслам относятся все занятия гос. крестьян (кроме возделывания ими общественных и принадлежащих им в личную собственность земель), от коих они получают денежную выручку. На сем основании исследованию и оценке подлежат, кроме обыкновенных промышленных занятий, еще следующие: 1) наем земли гос. крестьянами не для удовлетворения только собственных нужд, но и для торговых оборотов земледельскими производствами, 2) откуп лесов для торговли лесными материалами, 3) скотоводство, производимое в значительных размерах, в видах торговли, сверх удовлетворения собственных нужд, и 4) пчеловодство, в тех случаях, когда оно не подлежит налогу со стороны лесного ведомства» (Инструкция для уравнивания гос. крестьян в денежных сборах, СПб., 1848, стр. 163). Толкование термина «промысл», как и «промышленник», чисто фискальное и лишено каких-либо политико-экономических оснований, но, ввиду невозможности расчленить промышленников на составные группы, приходится пользоваться этим термином с сделанной оговоркой.

⁵ Материалы, вып. I, стр. 32.

За короткий промежуток времени число промышленников возросло на 24 294, т. е. на 57.4%.

Материал не позволяет точно установить, за счет какой категории промышленников шло увеличение. Не приходится, однако, сомневаться, что увеличение числа промышленников шло за счет развития торговли, фабричной и крестьянской промышленности, ибо именно 40-е годы отмечены быстрым ростом фабричной промышленности, а также крестьянской промышленности и торговли¹.

Приведем данные о количестве промышленников по уездам Московской губ.².

У е з д ы	Работники	Промышленники	% промышленников к работникам
Звенигородский	7234	7029	97.17
Рузский	4421	4205	95.11
Подольский	3894	3513	94.72
Богородский	5864	5517	94.08
Дмитровский	12185	11402	93.57
Серпуховской	5670	5270	92.95
Бронницкий	3666	3380	92.19
Московский	6139	5655	92.11
Коломенский	3390	3080	90.85
Клинский	8561	7473	87.29
Волоколамский	5767	4843	83.98
Можайский и Верейский	6141	5154	83.93
Итого	72842	66601	91.43

По уездам процент промышленников колеблется от 83.93 до 97.18. Подавляющее большинство мужского населения деревни наряду с сельскохозяйственным занято промысловым трудом, причем в этот труд втянуты и подростки. Уезды и большего и меньшего земельного надела втянуты почти с одинаковой силой в орбиту рынка товаров и труда. Нужны были исключительные условия, чтобы в первой половине XIX в. крестьянство с его замкнутым натуральным хозяйством, при господстве в деревне феодально-крепостнических отношений, было в такой сильной степени втянуто в орбиту рыночных, торгово-промышленных связей.

Такую картину выхода крестьян на широкий рынок труда и товаров могли дать именно государственные крестьяне, и притом только в местах наиболее развитого промышленного и торгового оборо-

¹ По данным «Атласа промышленности Московской губ.» П. Самойлова, в 1843 г. в Москве и Московской губ. было 1283 фабрики с 106 402 рабочими, а через 10 лет, в 1853 г., было уже 1485 фабрик с 117 647 рабочими. В условиях господства феодально-крепостнических отношений это, несомненно, значительный рост.

² ЛАО, Архив МГИ, фонд ДСХ, д. 4158, приложение к донесению Московской палаты от 8 мая 1851 г. Таблица о числе промышленников из гос. крестьян Московской губ.

та, где особенно сказывались успехи проникновения буржуазных начал в деревню и роста разложения крестьянства.

Все наблюдатели прошлого отмечают это явление. В описании Звенигородского уезда говорится, что «в хлебопашестве преимущественно упражняются крестьяне помещичьи. Принадлежащие к казенному ведомству сеют немного, ограничиваясь только потребностями семейными. Многие из них предпочитают другие занятия». И далее указываются эти занятия: работа по сплаву леса, столярное, кузнечное и медное мастерства, содержание постоянных дворов, тканье бумажных материй и т. д.¹ В Дмитровском уезде государственные крестьяне, в противовес помещичьим, у которых имеются «обширные посеиы», «увлекаются промышленностью». «Они преимущественно живут на фабриках в городах по найму или имеют какое-либо изделие в самих селах»². То же отмечается и по Подольскому уезду³. Явление это присуще не только указанным уездам, оно характерно по всей губернии. «Крестьяне, работающие на фабриках и заводах, преимущественно принадлежат ведомству государственных имуществ»⁴, — отмечает военно-статистическое описание губернии. Несколько ранее московский губернатор в записке о состоянии губернии отмечает те же явления⁵. Все это не могло быть случайным и объясняется различием социального и правового положения государственных и помещичьих крестьян.

Сопоставив приведенную таблицу неземледельческого труда с таблицей земельных наделов, можно подметить связь обоих этих явлений. Так, большенадельные уезды (Волоколамский, Клинский, Можайский) стоят на последнем месте по величине занятий крестьян промыслами, и наоборот, уезды малонадельные стоят на первых местах по промысловым занятиям. Эта связь величины надела с промыслами крестьян отмечена всей литературой прошлого. Однако сам по себе размер земельного надела не может вызвать столь многочисленных неземледельческих занятий крестьян. Для их развития нужны были еще благоприятные условия Московской губернии.

Чтобы решить вопрос о причинах вовлечения труда государственных крестьян в промысловую деятельность, разберем условия, в которых находились крестьяне разных уездов. Но предварительно выясним вопрос о том, насколько прочно были втянуты крестьяне-промышленники в неземледельческий труд, на какой срок они отрывались от сельскохозяйственного труда. Ответ на этот вопрос дает ниже помещаемая таблица⁶.

¹ Московские губернские ведомости, 1851, № 19, стр. 207.

² Там же, № 44, стр. 515.

³ Журн. мин. внутр. дел, 1850, ч. XXXII, стр. 60.

⁴ Военно-статистическое обозрение Российской империи, СПб., 1853, т. VI, стр. 151.

⁵ Московские губернские ведомости, 1842, № 35.

⁶ Сосчитано по предыдущей таблице.

Средняя продолжительность
неземледельческого труда крестьян (в месяцах)

Коломенский	11.18
Серпуховской	10.32
Бронницкий	10.07
Подольский	9.86
Московский	9.34
Богородский	9.18
Звенигородский	8.71
Волоколамский	8.68
Можайский и Верейский	8.32
Рузский	8.3
Дмитровский	7.89
Клинский	7.68

Уход в неземледельческие промыслы крестьян ясно определился и достаточно прочен, даже если принять во внимание, что в число промышленников официальная статистика относила владельцев пасек, служащих волостных сельских управлений и т. п., а также промышленников, продающих продукты только своего сельского производства.

Но крестьянин не мог еще полностью порвать связи с сельским хозяйством; уходя на промыслы, он не переставал быть крестьянином. Ленин, отмечая такое соединение промысла в земледелии во второй половине XIX в., констатирует: «На рассматриваемой нами низшей стадии капитализма промышленник обыкновенно еще почти не дифференцировался от крестьянина»¹. Это с еще большей силой относится к рассматриваемому нами периоду, когда только немногие еще крестьяне порывают связь с сельским хозяйством и уходят в город навсегда.

На первом месте по длительности отрыва от сельского хозяйства выступает группа южных уездов, через которые проходили пути, связывавшие Москву с Югом, Юго-Востоком и Востоком России, а также реки Москва и Ока, и где было расположено большинство фабрик и заводов губернии. За ними идут центральные уезды, а затем и остальные: наибольшую продолжительность дал Коломенский уезд (11.18 месяца), наименьшую — Клинский (7.68 месяца). Как видим, даже в северных большенадельных уездах отрыв от земледелия не носит сезонного характера, но при всем этом совсем порвать связи с деревней крестьянин не мог. Община целко его держала, а государство своей политикой способствовало этому.

Промыслы государственных крестьян различны и многообразны. По данным 1848—1850 гг., они делятся на следующие виды:

1. Предприятия торговые и основанные вообще на обороте капитала.
2. Ремесла.
3. Фабричные работы.
4. Услуги разного рода.
5. Простые, безыскусные черные работы: а) пешие, б) конные.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 292.

² Материалы, вып. 1, стр. 40.

Такое деление промыслов не дает ясного представления о всех возможных видах неземледельческого труда, да и сами эти понятия толкуются довольно произвольно¹. Тем не менее, и приведенный перечень говорит о наличии многообразных промыслов, о промышленниках-хозяевах и промышленниках-рабочих. Соответственно перечню составлена таблица количества крестьян, занимавшихся тем или иным видом промысла² (см. табл. на стр. 107).

Итак, по Московской губ. среди крестьян преобладает фабричный труд — 36.97%. В 8 уездах этот труд поглощает от трети до 70% промышленников.

Наивысший процент фабричного труда дает Богородский уезд — один из малоземельных, за ним идут уезды Рузский, Волоколамский, Клинский и Дмитровский, стоящие в первых рядах по обеспеченности земельными наделами. Если объединить фабричных рабочих с лицами наемного труда, то этим группам принадлежит преобладающее значение среди промышленников (52.31%).

Второе место принадлежит ремесленным занятиям крестьян — 25.99%. Преобладающее значение они имеют только в двух уездах: Звенигородском и Подольском, в остальных, за исключением Московского и Богородского уездов, стоят на втором месте.

Третье место занимают конные работы — 11.45%. Московский уезд дает огромный процент крестьян, занимавшихся этим промыслом (29%). За ним идут Звенигородский, Рузский, Клинский, Дмитровский, Волоколамский и Коломенский уезды. В развитии этого промысла по всем перечисленным уездам, и особенно по Московскому, сказались наличие торговых и транзитных магистралей, пересекавших эти уезды, и близость Москвы, представлявшей большой спрос на извозчиков, ломовых и т. п.

Наконец, четвертое место занимают владельцы торговых и промышленных заведений — 8.14%.

Развитие промыслов стоит в связи с разложением крестьянства, наличие которого мы уже выше констатировали по линии сельского про-

¹ Так, в первую рубрику включены владельцы постоянных дворов, харчевен, пчельников; торговцы съестными припасами, овсом, красным товаром, овощами, кренделями; во вторую: владельцы и работники кирпичных заводов, красилен, кузниц, овчинных заведений, а также портные, плотники, столяры, бочары, галошники, синильщики, набойщики, тележники, лудильщики самоваров, сапожники, рукавичники и их ученики, рабочие на канительной и сигарной фабриках; в третью: ткачи, шпильники, прессовщики; в четвертую: прикащики в лавках, на заводах, на ж. д., писцы, сидельцы, кучера, половые в трактирах, мальчики в лавках у купцов, подпаски, пастухи, дворники, сторожа, охотники; в пятую: а) копальщики колодцев, лица, роющие и собирающие камни на продажу, огородники, садоводы, поденные сельскохозяйственные рабочие; б) ломовые извозчики, почтовые ямщики, стоичники, возчики пассажиров и клади, извозчики и т. п. (ЛАО, Архив МГИ, фонд ДСХ, д. 5859 и 5528).

² ЛАО, Архив МГИ, фонд ДСХ, д. 4158; О числе промышленников из гос. крестьян Московской губ. Составлено по таблице. Мною сделан перерасчет годовых промышленников на наличные.

Уезды	Группы промышленников							Всего
	влад. пром. и торг. завел.	ко ноработники	ремесленники	фабричные рабочие	услужники	чернорабочие	пром. времени, обрабат. к общ. дол.м. ¹	
Московский	594	1639	1154	1284	509	339	136	5655
%	10.5	29.0	20.4	22.7	9,0	6.0	2.4	
Богородский	651	364	127	3912	287	88	88	5517
%	11.8	6.6	2.3	70.9	5.2	1.6	1.6	
Бронницкий	537	135	1109	1122	328	71	78	3380
%	15.9	4.0	32.8	33.2	9.7	2.1	2.3	
Коломенский	329	256	684	878	360	474	99	3080
%	10.7	8.3	22.2	28.5	11.7	15.4	3.2	
Серпуховской	495	142	1355	2266	575	353	84	5270
%	9.4	2.7	25.7	43.0	10.9	6.7	1.6	
Подольский	295	262	1523	952	298	173	90	3593
%	8.2	7.3	42.4	26.5	8.3	4.8	2.5	
Можайский и Верейский	330	309	1422	1727	438	789	139	5154
%	6.4	6.0	27.6	33.5	8.5	15.3	2.7	
Звенигородский	562	1033	3128	1244	520	443	99	7029
%	8.0	14.7	44,5	17.7	7.4	6.3	1.4	
Рузский	278	597	824	1711	299	425	71	4205
%	6.6	14.2	19.6	40.7	7.1	10.1	1.7	
Волоколамский	262	455	973	2116	552	354	131	4843
%	5.4	9.4	20.1	43.7	11.4	7.3	2.7	
Клинский	516	1071	2189	2459	613	680	15	7473
%	6.9	13.4	29.3	32.9	8.2	9.1	0.2	
Дмитровский	570	1425	2828	4948	639	616	376	11402
%	5.0	12.5	24.8	43.4	5.6	5.4	3.3	
Всего	5419	7618	17316	24619	5418	4805	1406	66601
	8.14	11.45	25.99	36.97	8.13	7.21	2.11	

изводства! «...Разложение земледельческого крестьянства,— указывал Ленин,— необходимо должно было дополняться ростом мелких крестьянских промыслов. По мере упадка натурального хозяйства, один за другим вид обработки сырья превращался в эсобе отрасли промышленности; образование крестьянской буржуазии и сельского пролетариата увеличивало спрос на продукты мелких крестьянских промыслов, до-

¹ Эта графа дает интересное показание, что члены волостных и сельских правлений вербуются из числа промышленников, и вряд ли крестьянин-рабочий, отходник, попадал на выборные должности, так как он не мог бы выполнять свои обязанности. Члены правления вербуются из промышленников, занимающихся неземледельческим трудом в своей деревне (торгаш, лавочник, ремесленник).

ставляя в то же время и свободные рабочие руки для этих промыслов и свободные денежные средства»¹.

Мы видели, что 91.43% всех крестьян были охвачены тем или иным видом неземледельческого труда: 66 601 крестьянин занят вне своего сельского хозяйства и из них 24 619 — фабричным трудом, 17 316 — ремеслами, а 5419 являются владельцами торгово-промышленных заведений. Промыслы крестьян многочисленны и растут. Они глубоко проникли в крестьянскую жизнь, составляя вторую немаловажную сторону крестьянского хозяйства. «Появление нового промысла означает... процесс роста общественного разделения труда», — говорит Ленин и заключает: «Всякий шаг в развитии товарного хозяйства неизбежно приводит к тому, что крестьянство выделяет из себя все новых и новых промышленников; этот процесс поднимает, так сказать, новую почву, подготавливает для последующего захвата капитализмом новые области в наиболее отсталых частях страны или в наиболее отсталых отраслях промышленности»².

Среди промышленников выделяются владельцы всевозможных заведений с наемными рабочими, а с другой стороны — крестьяне, «промышляющие» продажей своего труда. Этот процесс по Московской губ. уже в 40—50-х годах демонстрирует свои успехи — на 8.14% промышленников-хозяев мы имеем 36.97% фабричных рабочих.

Таким образом устанавливается процесс разложения и среди земледельческого крестьянства, и среди промышленников. В деревне появляются сельская буржуазия и сельский пролетариат, создаются новые отношения, выковываются новые силы, которые и задают тон. Соединение промысла с земледелием, которое мы видим по Московской губ., — явление положительного порядка, играющее большую роль в развитии сельского хозяйства: разложение крестьянства от такого соединения промысла с земледелием происходит быстрее и увереннее, подрывая замкнутость хозяйства, его рутинность и неподвижность.

Этот процесс крепнущей связи государственной деревни с городом и его промышленностью устанавливается и данными о выдаваемых паспортах и билетах. За 21 год — с 1838 по 1858 гг. — количество ушедших из деревни возросло с 24 396 до 42 539, т. е. на 18 143 человека, или на 74.3%³. Особенно быстрый рост обнаруживается в неурожайные 1839—1840 годы (на 15 018 чел.) и в какой-то период между 1845 и 1858 гг., скорее всего в неурожайные же 1854—1856 годы, совпавшие и с Крымской войной, усилившей спрос на ряд изделий крестьянского труда (обувь, шорные изделия и т. п.). Таким образом неурожай, стихийные бедствия выталкивали огромные массы крестьян из деревни и стимулировали приток крестьян в ряды армии наемного труда.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. III, стр. 264.

² Там же, стр. 259—260.

³ Данные взяты: за 1838 г. — из цитированной статьи Протопопова «О промыслах», а за 1858 г. — из «Обзора гос. имущества», стр. 306.

Сведения о выдаче паспортов показывают, что рост числа уходящих из деревни на заработки и промысла идет за счет лиц, получающих годовые и полугодовые паспорта, при одновременном уменьшении уходящих на более короткие сроки — на 3, 2 и 1 месяц. Так, количество выданных полугодовых паспортов увеличилось с 1838 по 1858 г. с 7 965 до 14 822, т. е. почти вдвое, количество годовых — с 12 150 до 16 610, т. е. на 36,8%, в то время как количество выбираемых билетов уменьшилось с 12 478 в 1838 г. до 11 107 в 1858 г. Массовая выборка паспортов и билетов еще не означает окончательного разрыва уходящих на заработки с деревней, но свидетельствует о том, что мужское население огромной массой ищет выхода из своего тяжелого положения в установлении трудовых связей вне сельского хозяйства, чем создаются и закрепляются определенные кадры людей, связанных с капитализмом, с наемной армией труда. Центрами притяжения этой массы крестьян были Москва, Петербург и другие фабрично-заводские центры. Известно, например, что еще в конце 30-х годов XIX в. Москва притягивала к себе ежегодно до 14 тыс. крестьян¹. В 1852 г. количество их, по данным военно-статистического обозрения, увеличилось до 38 876 мужчин и 6 733 женщин².

Это подтверждается архивными сведениями. Так, при переселении крестьян Можайского уезда было установлено, что значительная группа из них давно уже фактически порвала связь с деревней, продолжая отчасти по инерции, отчасти по заинтересованности общины числиться сельскими жителями. В своем прошении крестьянин Степан Егоров указывает, что он с 15 лет перешел на жительство в Москву, «где до сего времени имею постоянное местопребывание, по выдаваемым мне паспортам» и за это время «приобрел познание по фабричному мастерству». Крестьянин Антон Павлов из д. Бычково указывает, что он «занимается фабричной работой в Москве». Третий крестьянин из д. Исавец — Н. Иванов сообщает, что он уже «5 лет живет в Москве по паспортам, занимаясь с женою и детьми промыслами»³, и т. д.

В заключение укажем еще на один признак развития промыслов среди государственных крестьян. В целях поощрения промышленности и сельского хозяйства правительство в середине XIX в. практиковало организацию выставок. На них среди других участников немалое место занимали государственные крестьяне. Так, отчет о сельскохозяйственной выставке 1852 г. в Москве отмечает участие государственных крестьян, доставивших парчу, материю, люстрин, терно, обратившие на себя внимание хорошей выделкой. Не только качеством отдельных образцов, но и количеством представленных экспонатов были приметны государственные крестьяне: из 1446 номеров экспонатов 241 принадлежал государственным крестьянам Московского, Богородского, Дмитров-

¹ ЛАО, Архив МГИ, фонд I деп., д. 2241, л. 568.

² Военно-статист. обозрение Российской империи, т. VI, ч. 1, табл. 3.

³ ЛАО, Архив МГИ, фонд I деп., д. 10648, Донесение Московской палаты гос. имуществ от 1 августа 1849 г.

ского, Рузского, Звенигородского и Клинского уездов¹. Некоторые государственные крестьяне из числа владельцев текстильных заведений получили бронзовые медали и похвальные листы за качество выставленных экспонатов. Это неудивительно, имея в виду, что ткачество и вообще текстильные промыслы среди крестьян были развиты давно и некоторые селения стали крупными промышленными центрами. Известный посад Павлово, преобразованный в 1845 г. из казенного с. Вохна, являлся центром округа шелковой промышленности.

IV. ПОДАТИ И ПОВИННОСТИ

В условиях феодально-крепостнического строя «душа» налогоплательщика выступала основным объектом и единицей податного обложения. Такая окаменелая и неподвижная система податной организации исключала учет различия экономической мощи крестьянских хозяйств.

По мере развития денежного рынка, торговли, промышленности и вовлечения крестьян в эти новые экономические отношения рождалось и усиливалось экономическое расслоение государственной деревни. Экономически более сильная часть крестьян без особого напряжения вносила следуемые с нее подати, тогда как остальная часть не вылезала из недоимок. Правительство обратило на это внимание и пыталось спасти дело разработкой новых положений о государственных крестьянах.

Все проекты, касавшиеся изменения положения государственных крестьян, при всем их различии, имели в своей основе задачу исправления недостатков податной системы. Подводя итоги всех проектов, Государственный совет в заседании от 4 августа 1834 г. признал, что, несмотря на их разнообразие, «коренная мысль в них была одна и та же — преобразование настоящей системы податей на лучших и уравнительных началах»².

П. Д. Киселев, подвергая жестокой критике фискальную сущность подушной системы, указывал, что успех сбора податей зависит не от произвольного их увеличения, не от усиления нажима властей, а прежде всего от средств, какими владеют государственные крестьяне, а те, в свою очередь, — от развития торговли и промышленности³. Но осуждая «фискальное» направление, П. Д. Киселев не переставал быть сыном своего класса и своего века, и когда перед ним стал вопрос на практической почве, то он в записке М. Сперанскому заявил, что причина недоимок коренится в «отсутствии, во-первых, покровительства и, во-вторых, наблюдения»⁴. Покровительство со стороны надежной устроенной администрации должно повести к ликвидации незаконных поборов, наблюдение — к подъему хозяйства. Такое простое решение не могло, конечно, дать должного эффекта, и Киселев понимал это.

¹ Московские губернские ведомости, 1852, неофиц. часть, отчет о сельскохозяйственной выставке.

² А. Заблоцкий-Десятовский. Указ. соч., т. II, стр. 35.

³ Там же, стр. 177—178.

⁴ Там же, стр. 18.

Вся реформа 1838 г. с ее переложением подати с души на землю и промыслы преследовала цель в новой экономической обстановке гальванизировать фискальную основу податной политики. Это прямо признает многолетний сотрудник Киселева Заблоцкий-Десятовский: «Фискальные интересы в глазах Киселева, — пишет он, — стояли не на первом месте, хотя они и служили непосредственным поводом к учреждению нового управления»¹.

Правительство, признав необходимость исправления старой подушной системы сборов, стремилось обеспечить бездоимочный сбор податей. Оно не задается большими и далекими целями; надо было, не нарушив системы в ее основе, добиться благоприятных результатов для казны. С этой позиции давалась оценка существующему положению и было сделано заключение, что «главнейший недостаток подушной системы есть несоразмерность налога с доходами от земли, получаемыми крестьянами, который равно платят и при излишке и при недостатке земель, и в губерниях малохлебородных, и самых изобилуемых земными произведениями», а поэтому «никакие меры не могли отвратить накопление недоимок, которые, несмотря на беспрепятственные прощения в продолжении столетия, постоянно возрастали и при снисхождении и при строгости правительства»².

Раз так, раз основной порок заключается в несоразмерности доходов и податей, то отсюда вытекают и меры, при помощи которых можно было исправить недостатки. Таким единственным и радикальным средством считалось «уравнение» крестьян в податях. Само же уравнение мыслилось в виде перенесения подати с душ на землю и в привлечении к обложению промыслов. При этом сохранилось старое основание обложения — «душа» плательщика. Детали же операции переложения податей были уточнены позднее, когда приступили к работам по исследованию доходности сельского хозяйства и промыслов. Таковы общие идеи, положенные в основу податной политики реформы 1838 г.

Денежные подати и повинности, собираемые с государственных крестьян, были многообразны и различались не только по величине, но и по назначению. Ко времени организации новых крестьянских учреждений они имели следующий вид¹ (таблицу см. на стр. 112).

В таблице не указаны сборы на мирские расходы. Лишь в октябре 1839 г. смета этих расходов была утверждена П. Д. Киселевым. Происходившая ломка границ сельских обществ и волостей и новые выборы крестьянских органов в начале года задержали составление обществами и волостями приговоров, касавшихся расходов на содержание управления, постройку магазинов и т. д.

Свободные хлебопашцы, наравне со всеми государственными крестьянами, подлежали обложению всеми податями и повинностями, ис-

¹ А. Заблоцкий-Десятовский, Указ. соч., т. II, стр. 190.

² Изложение, стр. 49.

³ ЛАО, Архив МГИ, фонд I деп., д. 2241, лл. 551—552 и д. 1482. Расписание об окладе податей и повинностей на 1839 г.

Наименование групп крестьян	П о д а т ь			С б о р ы		ВСЕГО
	подушная	оброчная	на земские повин.	на устро- ство трак- тов	в капитал проло- вольств.	
1. Гос. крестьяне	3 р. 20 к.	10 р.	1 р. 1 к.	95 к.	10 к.	15 р. 56 к.
2. Свободные хлебопашцы	3 р. 30 к.	—	74 к.	75 к.	10 к.	4 р. 89 к.
3. Крестьяне б. Кваши- ной-Самариной	3 р. 30 к.	—	1 р. 21 к.	95 к.	10 к.	5 р. 56 к.
4. Крестьяне б. Орловой .	3 р. 30 к.	—	87 к.	95 к.	10 к.	5 р. 22 к.
5. Ямщики	—	—	—	—	10 к.	— р. 10 к.
6. Ямщики московских слобод и Городищен- ского общества Коло- менского уезда	—	—	—	—	15 к.	— р. 15 к.

включая оброка, который уплачивался за пользование казенной землей. Крестьяне, купленные у гр. Квашиной-Самариной (72 души) и у гр. Орловой-Чесменской (1869 душ), обязаны были вносить в государственную казну: первые — по 15 руб. с ревизской души в год, вторые — по 41 руб. 33¹/₄ коп., числившиеся по рубрике оброка¹. Фактически это было возмещением казне за выкуп имений. Ямщики, обязанные исполнением почтовой повинности, были освобождены от подушной подати, оброка и земских повинностей, причем ямщики Клинского и Можайского уездов исполняли почтовую повинность натурой, ямщики же Московского, Коломенского и Серпуховского уездов, с высочайшего разрешения, последовавшего в 1838 г., — наймом². О тяжести почтовой повинности можно судить по тому, что ямщикам московских слобод отправление почтовой повинности наймом обходилось по 18 руб. 50 коп. асс. с ревизской души. По своему экономическому положению ямщики заметно выделялись из остальной массы государственных крестьян, поэтому, несмотря на то, что почтовая повинность в денежном выражении была значительно выше податей и повинностей государственных крестьян, тяжесть ее ямщики ощущали меньше. Так, ямщики различных слобод Москвы, Серпухова, Коломны и Клина, по свидетельству палаты государственных имуществ, занимались «разного рода городской промышленностью», главным образом торговлей, кузнечным ремеслом, производством игрушек (в Сергиевском посаде), кирпичным производством (в гор. Коломне) и т. д., а в Москве один из ямщиков вносил купеческий капитал по 2-й гильдии, четырнадцать — по третьей, а пятьдесят семей выбирали свидетельства «по 4-му роду» на право торговли и извозничества.

¹ ЛАО, Архив МГИ, фонд I деп., д. 2241, лл. 556—557.

² Там же, д. 4357, донесение палаты от 30 августа 1843 г.

Общая сумма податей и денежных позинностей с государственных крестьян Московской губ. в 1839 г. составляла 2 176 927 руб. 85 коп. асс.; из них подушных и оброчных — 1 854 216 руб. 20 коп., сбор на земские повинности — 171 373 руб. 75 коп., сбор на устройство трактов — 136 433 руб. 15 коп. и сбор в капитал продовольствия — 14 904 руб. 75 коп.

В 1839 г. был произведен перерасчет податей и ассигнаций на серебро: подушная подать была определена в 95 коп., оброчная — в 2 руб. 86 коп. и сбор в капитал продовольствия — в 3 коп. сер.¹.

Значительные были и натуральные земские повинности государственных крестьян: в 1839 г. у крестьян было взято 49 006 подвод, что в переводе на денежное исчисление составляет 101 908 руб. 45 коп. асс., на работы по устройству мостов, дорог и пр. крестьяне затратили 1 267 173 рабочих дня, что в денежном исчислении составляет 61 942 руб. 15 коп. асс.².

Натуральными земскими повинностями государственные крестьяне были обложены неравномерно и зачастуюотягощены больше, чем помещичьи крестьяне. Выполнение подводной повинности падало почти исключительно на крестьян деревень, расположенных по трактам и дорогам. Постоянная повинность выполнялась в 1839 г. только крестьянами Бачмановской волости, Коломенского уезда, по случаю расположения в ней эскадрона Оренбургского уланского полка, и т. д.³.

Сбор податей и денежных земских повинностей с государственных крестьян проходил ежегодно с большим недобором. На 1 января 1839 г. за государственными крестьянами, исключая свободных хлебопашцев, ямщиков и крестьян, купленных казной, числилось недоимок 132 507 руб. 37 коп. асс., не считая недоимок по мирским сборам на 7 439 руб. 23 коп.⁴. В 1839 г., несмотря на постигший Московскую губернию неурожай, подати были собраны с небольшим недобором, в 10 903 руб. 55 коп., и вместе с тем удалось собрать 64 466 руб. 89 коп. недоимок за прошлые годы⁵. Это был определенный успех, который палата объясняла «деятельностью нового управления»⁶. Этот успех дал П. Д. Киселеву повод после 10 лет работы новых органов заявить, что «неурожай уже не имеет такого значения, как раньше, и вся тайна успешного взыскания сборов заключается в беспрестанном надзоре»⁷. Характерно, что эта уверенность не поколебалась после столь значительного срока проверки, а наоборот, скорее окрепла. Но имела ли она прочные основания — увидим ниже.

По своим правам и полномочиям министерство гос. имуществ вме-

¹ II ПСЗ, т. XIV, № 12867.

² ЛАО, Архив МГИ, фонд I деп., д. 2241, табл. 14.

³ Там же, д. 2241, л. 556.

⁴ Там же, д. 1508, ведомость по недоимкам по гос. и общим повинностям.

⁵ Там же, д. 2241, л. 554.

⁶ Там же, д. 1508, донесение палаты от 31 декабря 1840 г.

⁷ Цит. по указ. работе В. Зайцева, стр. 84.

сте со своими губернскими палатами заменило министерство финансов и губернские казенные палаты. В пределах губернии палата являлась высшим органом по податному обложению государственных крестьян. Она определяла контингент облагаемых, составляла окладные листы, следила сама и через окружного начальника за раскладкой податей внутри обществ между крестьянами, наблюдала за поступлением податей в срок, принимала меры для скорейшей ликвидации недоимок¹, в случае необходимости пускала в ход карательные меры, предусмотренные в наказе сельскому управлению.

Широкими полномочиями обладал и окружный начальник; в частности, в случае образования недоимок, он имел право раскладки их на всех крестьян². Как видим, новое министерство обладало большими полномочиями и приняло на свои плечи всю тяжесть фискальной политики. Это министерство с полным правом можно назвать министерством крестьянских податей.

Поскольку «подати считаются по окладу их лежащими не на каждом лице отдельно, но на целом обществе или селении»³, то сельский сход после получения окладного листа в январе каждого года производил раскладку между крестьянами; если же общество состояло из нескольких селений, имевших отдельные земли, — то только между селениями, а дальнейшую раскладку производил сход домохозяев этих селений⁴. Раскладку податей «Устав о податях» рекомендовал проводить «соответственно количеству земли, отведенной каждому семейству, и сообразно другим принятым между крестьянами правилам»⁵. Таким образом государство в этом деле устранилось, полагая, что при существовании круговой поруки выгоднее положиться целиком на крестьян, а не навязывать им формы и способы раскладки.

Затем сход должен был собираться дважды, первый раз в мае, затем в январе следующего года, для принятия мер в отношении неплательщиков. На покрытие недоимок сход имел право обратиться к доходу принадлежащего недоимщикам недвижимого имущества (покупная земля, мельница и т. п.), продать движимое имущество, отдать недоимщика в работы с переводом его заработка на покрытие недоимки, продать недвижимое имущество неплательщика и, наконец, исчерпав все эти средства, разложить недоимку на всех членов общества⁶.

Таким образом, обязывая сельское общество круговой порукой, наказ одновременно предоставлял ему средства, при помощи которых оно

¹ Сб. постановлений по управлению гос. крестьянами, т. I, разд. II, ст. 282—300.

² Там же, разд. III, ст. 295—324.

³ Там же, т. II, разд. II, ст. 27.

⁴ Сельские общества в Московской губ. были созданы безотносительно к общности владения землей. Состоя из ряда селений (как правило, не менее 10), они представляли собой не общину в общепотребительном смысле, а низшую административную единицу, и поэтому основная разверстка податей и денежных повинностей проходила не на сельском сходе общества, а на сходе крестьян-общинников.

⁵ Сб. постановлений, т. I, разд. V, ст. 97; т. II, разд. II, ст. 72.

⁶ Там же, ст. 98.

могло бы понудить своих членов к уплате податей, вплоть до продажи недвижимой собственности неплательщика, т. е. до вмешательства в институт частной собственности. При этом, однако, закон заботился о том, чтобы не допустить полного разорения неплательщика. Запрещалась, например, продажа рогатого скота, орудий, семян, лишение надела; все это привело бы к уменьшению количества фактических плательщиков, и от этого терпела бы убыток прежде всего казна.

Мир, община рассматривалась законом как податной союз, обязанный круговой порукой своих членов обеспечить исправность платежей. Не в этом новизна киселевского учреждения; новизна заключалась только в детализации, мелочной разработке правил поведения общины, бюрократическим путем навязывая ей нормы поведения в отношении своих членов.

Попытка П. Д. Киселева превратить сход и общину в финансового агента, представителя государственных интересов, вряд ли была успешной. Связывая крестьян общей ответственностью за своего сочлена-неплательщика, Киселев стремился положить конец недоимкам. Однако недоимки не только не прекращались, но в некоторые годы и вырастали.

Подушная и оброчная подати после переложения их на серебро оставались до 1859 г. без изменений. Заксном 23 февраля 1859 г. оброк был увеличен на 14 коп., затем — в 1861 г. — на 30 коп., а подушные подати — на 5 коп. Таким образом подушная подать увеличилась до 1 руб., а оброк — до 3 руб. 30 коп., общая же величина податей государственных крестьян с 1840 по 1850 г. колебалась в пределах от 5 руб. 37½ коп. до 5 руб. 40¾ коп. с ревизской души; у свободных хлебопашцев за тот же период — от 2 руб. 40¾ коп. до 2 руб. 51¾ коп., не считая платежей помещику за увольнение.

Фиксирование общей величины денежных сборов с государственных крестьян указывает на тот предел, который государство считало возможным установить в выкачивании средств из казенной деревни. Однако существующая система обложения «души» не говорит о фактическом размере подати в зависимости от величины надела или дохода. Чтобы сопоставить фиксируемый государством размер налога с фактическим обложением, произведем раскладку подати за 1848—1849 гг. на десятины¹ (см. табл. на стр. 116). Мы убедимся при этом, насколько величина подати при переводе на единицу надела различна по разным уездам.

Общий вывод, который позволяет сделать эта таблица, говорит о том, что чем выше земельный надел на душу, тем меньше подать на единицу измерения, и наоборот. Крестьяне Рузского уезда, имея наиболее высокий надел в губернии, обложены фактически ниже всех; зате

¹ Число ревизских душ и число десятин взято из «Материалов для статистики», вып. 1, стр. 1, 4—6, 19—20; общая сумма подати по губернии и уездам высчитана по количеству ревизских душ и величине подати, равной в эти годы 5 руб. 37¼ коп.

У е з д ы	Число рев. душ	Число дес. земли	Общая сумма подати	Величина подати на 1 дес.
1. Рузский	8 810	26 081	47 331 р. 72 ¹ / ₂ к.	1 р. 81 к.
2. Волоколамский	10 754	31 384	57 775 » 86 ¹ / ₂ »	1 » 84 »
3. Дмитровский	22 353	59 845	120 096 » 86 ¹ / ₂ »	2 » 00 »
4. Можайский	5 958	15 757	32 009 » 35 ¹ / ₂ »	2 » 03 »
5. Верейский	5 963	15 230	32 036 » 21 ³ / ₄ »	2 » 10 »
6. Клинский	15 847	39 535	85 138 » 00 ³ / ₄ »	2 » 15 »
7. Подольский	7 202	17 079	38 692 » 74 ¹ / ₂ »	2 » 26 »
8. Московский	11 627	26 033	62 466 » 05 ³ / ₄ »	2 » 39 »
9. Звенигородский	14 163	31 536	76 090 » 71 ³ / ₄ »	2 » 44 »
10. Серпуховский	10 626	21 773	57 088 » 18 ¹ / ₂ »	2 » 62 »
11. Бронницкий	6 830	13 302	36 694 » 17 ¹ / ₂ »	2 » 76 »
12. Богородский	10 071	18 463	54 106 » 44 ³ / ₄ »	2 » 93 »
13. Коломенский	6 381	11 064	34 281 » 928 »	3 » 10 »
	136 586	327 102	733 808 р. 28 ¹ / ₂ к.	2 р. 24 к.

крестьяне Коломенского уезда, имея самый низкий надел, вынуждены платить наиболее высокие подати.

Неравномерностью отличается и обложение внутри уездов¹. Подать на 1 десятину равна:

В 19 селен., имеющих на- дел менее 1 дес.	В 342 селен. с наделом по 2 дес.	В 628 селен. с наделом по 3 дес.	В 277 селен. с наделом по 4 дес.
5 р. 37 ¹ / ₂ к.	2 р. 68 ¹ / ₂ к.	1 р. 79 к.	1 р. 34 ¹ / ₄ к.
В 52 селен. с наделом по 5 дес.	В 6 селен. с наделом по 6 дес.	В 1 селен. с наделом в 7 дес.	—
1 р. 07 к.	89 ¹ / ₂ к.	79 к.	

Конечно, и доходность земли неодинакова, но нельзя забывать, что неравномерность податного обложения произошла не в силу различной доходности хозяйства, а в силу самой подушной системы, имеющей дело с «душой», а не с хозяйством подателя-плательщика, и поэтому вполне возможно, что земли, приносявшие большой доход, в ряде случаев были обложены меньшей податью, и наоборот, что должно было еще больше увеличить неравномерность обложения. Такой же неравномерностью отличаются и земские натуральные повинности.

В 1851 г. крестьяне отработали на дорогах 49 789 рабочих дней, 9 930 конных дней, выставили по подводной повинности 47 217 подвод, квартировали у них солдаты 610 127 суток и т. д. Всего в перечислении на деньги земская повинность обошлась крестьянам в 148 922 руб. 68 коп.² По обществам земская повинность в денежном исчислении распределялась следующим образом³: от 40 до 50 коп. платило

¹ Сведения о наделах взяты из «Материалов для статистики», вып. 3, стр. 142—143.

² Труды, т. IV, ч. 1, СПб., 1863, Историко-статистич. сведения о земских повинностях, вед. № 4.

³ ЛАО, Архив МГИ, фонд ДСХ, д. 5516, донесение палаты от 15 декабря 1857 г., ведомость о количестве натуральных повинностей.

4 329 крестьян 4 обществ, от 50 коп. до 1 руб.— 77 931 крестьянин 60 обществ, от 1 руб. до 1 руб. 50 коп.— 37 110 крестьян 32 обществ, от 1 руб. 50 коп. до 2 руб.— 16 999 крестьян 14 обществ, от 2 руб. до 2 руб. 61 $\frac{1}{4}$ коп.— 6 812 крестьян 7 обществ. Мы имеем здесь весьма значительные колебания, которые будут еще значительнее при переводе повинностей с душ на землю.

При такой разительной неравномерности податного обложения и высоте его, естественно, встает вопрос об источниках обеспечения платежей и о соотношении доходности крестьянского хозяйства и податей. По отзыву палаты, «скуднейшие по Московской губернии волости и самые ограниченные в средствах к добыванию податей суть: Волоколамского у. Якшинской вол., особенно Якшинское и Симановское общества, пришедшие в скудость сколько от давно вкоренившейся беспросветности народной, столько от неимения средств и промыслов, Звенигородского у. Рябушинской вол. Шиховское общество и Лукинское и Бужаровской вол. Адуевцовское и Никулинское, Дмитровского уезда Морозовской волости Климентьевское общество. За сим все волости и общества уездов: Дмитровского, Клинского, Звенигородского, Можайского и Волоколамского с некоторыми исключениями беднее и не столько промышленны, как прочие уезды»¹. Палата связывает в этом донесении податной вопрос с развитием промыслов, и это неизбежно. При таком высоком обложении сельское хозяйство не может служить единственным источником уплаты подати, и естественно, что вторым источником выступают промысла.

Вся тяжесть податного бремени ложилась на плечи основной массы крестьян, верхушка же деревни была свободна от этого бремени, поскольку подать внутри общины равномерно распределялась между ее членами сообразно количеству земли. Правда, наряду с надельной землей, зажиточные члены общины имели и собственную и арендную землю, но земля эта была свободна от оброка, а арендная плата, как правило, была ниже подати. Вместе с тем зажиточные крестьяне выступали в роли владельцев всевозможных промышленных предприятий, торговых заведений и т. п. и, естественно, располагали значительно большими доходами, чем основная масса деревни, так что подать для них была менее обременительной.

В очень тяжелом положении оказывались крестьяне, не имевшие посторонних заработков от промыслов и отхожего труда; у них подати составляют значительно больший процент, чем средний по губернии. По этим данным, промыслы крестьян по Московской губ. представляются главным источником, из которого крестьяне выплачивали подати.

Неизбежным спутником такой описанной системы являются недоимки. В течение всей первой четверти XIX в. правительство неоднократно слагало недоимки с крестьян; и, тем не менее, ко времени организации

¹ ЛАО, Архив МГИ, фонд I деп., д. 1508, записка палаты от 31 декабря 1841 г.

министерства за государственными крестьянами числилось 18 млн. руб. сер. недоимок, а с 1837 по 1856 гг. было сложено с крестьян недоимок на сумму 35 млн. руб.¹

Значительны были недоимки и по Московской губ. С первых же дней своего существования новые учреждения деятельно принимаются за выколачивание податей и недоимок. В 1839 г. палата, представляя в министерство сведения о недоимках, доказывает ненужность рассрочки, так как и без этого думает их собрать «без упущения удобных случаев, но и без лишнего стеснения и расстройства крестьян», в то время как рассрочка недоимки «дает право крестьянам платить в год не более определенной рассрочки, хотя бы они и в состоянии платежей усилить». Далее палата доказывает, что лишение крестьян рассрочки «представляет удобства для наблюдения за платежами и не преграждает средства к постоянному понуждению крестьян»².

Это мнение было поддержано в 1841 г. гражданским губернатором, который полагал «без особой крайности не приступать ни к каким рассрочкам» и считал совершенно недопустимой рассрочку недоимок по земским повинностям, так как, ввиду медленности поступления средств, остановилось производство некоторых работ³.

Как видим, мнение палаты и общих губернских властей в этом вопросе совершенно совпадало. Однако министерство предложило палате представить проект рассрочки. Это отнюдь не означало отступления от правил «Устава о податях», но министерство и сам министр, во-первых, сознавали почти полную невозможность собрать недоимку из-за разорения крестьян, а во-вторых, министерство считало невозможным в первый год работы придерживаться жесткой политики и стремилось небольшими уступками завоевать доверие и авторитет среди крестьян. В другом случае министерство не проявило никаких колебаний, настойчиво побуждая палату к принятию решительных мер.

В конце 1840 г. палата представила проект, получивший одобрение комитета министров, по которому рассрочку по государственным податям на срок от 2 до 5 лет получили крестьяне Маркеловского, Симановского и Якшинского обществ Волоколамского уезда, Грибцовского общества Верейского уезда и Климентьевского общества Дмитровского уезда.

Значительно большую рассрочку — от 6 до 10 лет — получили крестьяне Батыновского, Каневского и Кувакинского обществ Можайского уезда по ссуде, выданной на посев и «прокорм». Сумма числившейся за ними недоимки составляла 7 725 руб. 37 коп. при 3 503 чел. мужского населения. Такую же большую рассрочку получили крестьяне Вельяминовского, Троицкого, Добрятинского и Баревского обществ

¹ Обзор деятельности МГИ по заведыванию гос. крестьянами с 1838 по 1866 г., СПб., 1867, стр. 49.

² ЛАО, Архив МГИ, фонд I деп., д. 1508, донесение палаты от 28 ноября 1839 г.

³ Там же, донесение палаты от 28 января 1841 г.

Серпуховского уезда, не внесшие в срок ссуду, полученную в 1840 г. на обсеменение полей. Долг их достигал 9 475 руб. при народонаселении в 2 484 души¹.

Несмотря на детально разработанную карательную систему воздействия на крестьян и на все старания новых органов, недоимки продолжали накапливаться, достигая по некоторым обществам катастрофических размеров. В таких случаях министерство прибегало к решительным мерам, не останавливаясь перед разорением крестьянских хозяйств.

При всех либеральных фразах министерства разорение крестьян под его эгидой шло своим путем, недоимки, как внешний показатель этого разорения, продолжали расти. Никакая администрация не в силах была справиться с этой язвой. У министерства в запасе осталось последнее средство — переселение. 3 ноября 1847 г. указом Николая I министерству разрешалось за накопление недоимок переселить государственных крестьян Московской губернии в отдаленные места. Палата первоначально предполагала переселить 1 000 душ из Можайского уезда в Саратовскую и Оренбургскую губ.² Общества Новосуринской и Журавлихинской волостей, поставленные перед дилеммой либо заплатить недоимку, либо вынести приговор о переселении, не имея средств сделать первое, стали на второй путь и в своих решениях высказались за переселение 789 душ м. п., вместе с их семьями, за которыми числилось 5 378 руб. 77 коп. недоимок. Губернатор высказался за переселение сперва 149 душ м. п. и 98 душ ж. п., более других накопивших недоимки, чтобы это послужило предостережением для других; если же это предостережение не поможет, то переселить и остальных.

Указывая причины накопления недоимок, палата не выходит из круга обычных представлений, ссылаясь на «нерадение» и «бродяжничество» как на основную причину зла. Другую оценку дали волостные начальства: «Все крестьяне накопили недоимки от нерадения к хозяйству, постепенно вкоренившегося от недостаточности земли, коей приходится от 2.5 д. до 3.5 д. на душу, и частых неурожаев». Палата составила опись на 75 хозяйств из 36 деревень Новосуринской и Журавлихинской волостей, в составе 149 душ м. п. и 98 душ ж. п., назначенных к переселению в первую очередь. За этими хозяйствами числилось 1891 руб. 35 коп. недоимки. В среднем на хозяйство приходилось по 25—26 руб. недоимки. За некоторыми хозяйствами числились огромные суммы. Например, у Федора Ильина из дер. Чертановой, при составе хозяйства в 2 души м. п., недоимки составляли 100 руб. 93 коп.; за Иваном Семеновым из дер. Калычевой, при составе семейства в 4 души м. п. и 4 души ж. п., недоимки числилось 72 руб. 07 коп., и т. д. Из 75 хозяйств только в шести было по одной лошади, в трех — по одной корове, в 23 хозяйствах имелись избы, при-

¹ ЛАО, Архив МГИ, фонд I деп., д. 1508.

² Там же, д. 10648.

чем большинство ветхие, у остальных ничего не было. Это была деревенская голытьба, испытывавшая самую горькую нужду.

30 августа 1848 г. Киселев приказал отправить в Тобольскую губ. первую партию из 51 семейства. Из числа этих семейств 4 были освобождены от переселения, как «занимающиеся фабричными работами и поэтому отвыкшие от сельских занятий», также были освобождены еще 5 семейств по уплате ими недоимки, и была освобождена часть женщин «за неспособностью следовать в путь» по старости лет.

В 1849 г. все не освобожденные от переселения были отправлены в Тобольскую губ. Часть крестьян не была отправлена «за отлучкой из селения»; русскому окружному начальнику предложено было приступить к розыску их через однодеревенцев и родственников. В декабре 1852 г. был отправлен по этапу в Тобольскую губернию Петр Александров из дер. Калдеевой, один из таких «отлучившихся» в момент переселения.

Пример этого переселения крестьян показывает, что государство не останавливалось ни перед чем, чтобы добиться поставленной цели бездоимочного и аккуратного сбора податей, но эта карательная политика была бессильна там, где нужен не кулак, а определенная система экономических мероприятий, направленных на развитие хозяйственной деятельности крестьян. Все это настоятельно требовало скорейшего перевода объекта обложения с «души» на землю.

Министерство, не имея опыта в этой области, потратило значительное время на подготовительные мероприятия. Сперва в виде опыта новая система была испытана в Петербургской и Воронежской губ. Затем, в 1845 г., новая система была приведена в действие в Пензенской и Тамбовской губ., а в 1848 г. — в Тульской, Орловской и Рязанской губ. Опыт Рязанской губ., где среди крестьян были развиты промысла, убедил министерство в неполноте проводимого мероприятия. Это привело к решению привлечь к обложению и промыслы.

Наряду с изменением объекта обложения были внесены изменения и в размеры перекладываемых податей, за счет переложения не только оброка, но и других видов обложения. Первоначально министерство обратило внимание на частные и мирские повинности государственных крестьян, которые, по его оценке, «не имеют определенного положения, большей частью зависят от произвола обществ и служат к злоупотреблению со стороны ближайших сельских обществ»¹. Так как считалось, что неблагополучие в сборе податей во многом зависит от «корыстолюбия» больших и малых властей, то П. Д. Киселев одной из ближайших задач министерства полагал разработку правил, охватывающих все стороны быта крестьян, с целью парализовать вредное действие недобросовестных должностных лиц. Этому должно было содействовать точное определение всех обязанностей крестьян, в том числе и их денежных повинностей. С этой целью в 1840 г. был опубликован

¹ Изложение, стр. 187—188.

закон об общественном сборе, заменивший собою правила о частных и мирских сборах, с включением в него новых сборов на размежевание земель, содержание школ, составление хозяйственного капитала¹.

Через 2 года, в 1842 г., был составлен первый проект переложения податей, замененный в 1843 г. другим. По первому проекту предполагалось переложить только одну оброчную подать и ввести билеты для промысловых занятий, по второму — к переложению назначались все денежные повинности и подати, а промыслы крестьян привлекались к обложению от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ размера обложения земли. В 1848 г. предполагено было облагать землю и промысла в равной мере. Проведение всей операции переложения податей поручалось специально создаваемым для этой цели комиссиям. Работа комиссии в каждой губернии рассчитывалась на трехгодичный срок.

В течение первых двух лет комиссия должна была измерить все земли, оценить получаемый с них доход, определить стоимость отпускаемого крестьянам леса, выявить доходность промыслов, произвести перерасчет податей, а в третьем году, после проверки всех оценочных работ, — предъявить их крестьянам². Этим исчерпывались все обязанности комиссии.

В 1848 г. в Московскую губернию прибыла такая комиссия. Губернская администрация в лице военного губернатора Закревского встретила ее в штыки, потребовав от руководителя комиссии Д. С. Протопопова заверения в том, что «при производстве работ не произойдет ни малейшего неприятного случая», в противном случае Закревский угрожал поставить вопрос об отозвании комиссии³. После отказа Протопопова дать такое заверение Закревский приказал ему объехать губернию и лично «удостовериться в образе мыслей крестьян»⁴. Протопопов объехал наиболее промысловые районы и весь Богородский уезд, и крестьяне везде, как он сообщил письмом Заблоцкому-Десятовскому, одобрительно отнеслись к привлечению дохода от промыслов в качестве объекта обложения.

В 1850 г., при встрече с Киселевым, гражданский губернатор Капнист заявил, что уравнение податей «едва ли принесет ту пользу, которую министерство ожидает от этой меры, и, кроме сложности расчетов, она неудобоприменима и потому, что несправедливо вводить в

¹ И ПСЗ, т. XI, № 93275.

² Инструкция для уравнения гос. крестьян в денежных сборах, СПб., 1848, ст. 11—44.

³ ЛАО, Архив МГИ, фонд ДСХ, д. 4158, письмо Протопопова Заблоцкому-Десятовскому от 15 и 17 июня 1850 г.

⁴ Там же. Это требование Закревского вызвало в министерстве недоумение. Заблоцкий, сообщая об этом требовании Киселеву, добавил от своего имени: «Совсем не то было в других губерниях: там мы встречали одно внимание, одно дружеское расположение к нам губернского начальства. Но если и при этом нам предстояла упорная борьба с низшими властями, чего должны мы ожидать здесь?» (Письмо Заблоцкого от 5 мая 1848 г.).

оценку и облагать особым налогом крестьянские промыслы»¹. Выступление Капниста показывает, что податная реформа Киселева имела противников не только в центре, но и на местах, где опасались, что она может расшатать крепостные устои в деревне.

Работа комиссии охватывала всех государственных крестьян губернии, исключая свободных хлебопашцев, государственных крестьян, живших на собственных землях, и ямщиков², в числе 143 803 души и 67 душ, купленных у купца Шубина.

Для определения дохода все земли были разбиты на классы по урожайности, затем был взят средний урожай за ряд лет и за то же количество лет — средние цены на сельскохозяйственные товары; так был получен валовой доход. Далее из полученного валового дохода вычли расходы на обработку земли, семена, стоимость покупного удобрения. Стоимость обработки земли рассчитывалась по поденной оплате сельскохозяйственных рабочих³. Таким образом был получен чистый доход, составивший по Московской губернии 60.2% валового.

Для определения дохода от промыслов комиссия произвела подворное описание, по каждому селению особо, всех промыслов крестьян и таким образом определила число промышленников; доход же их, в виду невозможности его полного учета по показаниям крестьян, сосчитали у наемных крестьян по заработной плате; а у работающих «от себя» выручку приравнивали к соответствующей категории рабочих⁴. Из полученного валового дохода промышленников в чистый доход было отнесено 38%⁵.

Путем таких несложных расчетов был получен так называемый чистый доход от земли и промыслов, который оказался равным 3 644 547 руб. 76½ коп. В этой сумме доля доходов от земли составляла 60.72% и от промыслов — 39.28%⁶, в абсолютных цифрах — 2 210 947 руб. 76½ коп. и 1 433 600 руб. Путем деления общей суммы дохода на количество ревизских душ был получен чистый доход на душу, равный от земли 13 руб. 82 коп. и от промыслов — 8 руб. 76 коп., всего 22 руб. 58 коп.⁷

Что собственно представляет собой этот «чистый доход», решить довольно трудно. Видимо, министерство считало, что чистый доход — это сумма, которая остается у крестьян для уплаты податей и на «удовольствия». Сличение же оценок доходов крестьян ряда губерний и процента суммы податей в общей сумме дохода обнаружило такое рас-

¹ ЛАО, Архив МГИ, ф. ДСХ, д. 4158, письмо директора сельского хозяйства А. И. Левшина Протопопову от 17 ноября 1850 г.

² Инструкция для уравнения, ст. 251.

³ Там же, ст. 122—126.

⁴ ЛАО, Архив МГИ, фонд ДСХ, д. 7095, Донесение зав. отрядом Буха и отчет о работе отряда, разд. «Общий обзор оценок промыслов».

⁵ Там же.

⁶ Труды, т. I. Пояснительная записка, стр. 84.

⁷ ЛАО, Архив МГИ, фонд ДСХ, д. 7095; Труды, т. I, записка, стр. 75.

хождение, что выдавшие виды чиновники пришли в изумление и заговорили о бесполезности этого рода работы: «По самому существу дела нельзя и требовать, чтобы кадастровые доходы выражали собою степень благосостояния крестьян»¹. Относительно же полученного «чистого дохода» было заявлено прямо, что это не остаток после всех расходов, так как весь валовой доход крестьянин полностью расходует, и его нехватает на удовлетворение крестьянских потребностей. Однако упорствующий Киселев через совет министерства провел решение о создании новой комиссии, на этот раз для согласования оценок между губерниями².

Кроме подушной, переложению подверглись все денежные подати: общественный сбор, сбор в капитал, в продовольствие, денежные земские повинности и оброчная подать³. К обложению же податями привлекались надельные земли, промыслы, а также отпускаемые лесные участки и мирские оброчные статьи⁴.

Таким образом общая сумма перелагаемых податей благодаря привлечению к обложению лесных участков и мирских оброчных статей была увеличена до 657 960 руб. 39 коп., т. е. на 33 214 руб. 35 коп. Общая же сумма податей и сборов, перелагаемых и неперелагаемых, увеличилась с 761 177 руб. 34½ коп. до 800 391 руб. 69½ коп., что увеличило обложение ревизской души с 5 руб. 33¼ коп. до 5 руб. 56½ коп., т. е. на 23 коп.⁵.

Так как все доходы были высчитаны отдельно по каждому поселению, то можно проследить изменение величины налогов по волостям. В 13 волостях оклад был увеличен, в 10 — остался без изменения и в 8 — уменьшен. В связи с привлечением к обложению промыслов, из 13 волостей, где подати были увеличены, большинство принадлежало к малонадельным уездам, а большинство волостей, где подати были уменьшены, принадлежало к большенадельным уездам.

В конце 1850 и начале 1851 гг. новые подати были предъявлены крестьянам. В течение года крестьяне имели право заявить о несогласии с вводимыми новыми податями, но они этого не сделали, и подати вошли в силу⁶ и с 1852 г. стали взиматься по новым расчетам. Инструкция предусматривала право крестьян, в зависимости от местных соображений, распределять подати уравнительно между членами общи-

¹ Труды, т. I, стр. 68.

² Там же. Пояснительная записка о работе по согласованию оценок, стр. 3. Сличение податных процентов по губерниям обнаружило, что в Курской губ. податной процент оказался равным 12,8, в Псковской — 28,9, между тем как «довольство крестьян этих губерний представляется в обратном положении». Министерство это расценило как «отступление от правил» переложения и образовало для исправления допущенных ошибок упомянутую комиссию, которая приступила к работе в 1856 г.

³ Инструкция, ст. 248.

⁴ Там же, ст. 46—162, 184, 196.

⁵ ЛАО, Архив МГИ, фонд ДСХ, д. 4158. Донесение от 8 мая 1851 г.

⁶ Инструкция, ст. 215—234.

ны так же, как и право раскладки каждой подати (поземельной, промысловой и лесной) производить особо, а промысловую — в зависимости от получаемых доходов¹. Но, независимо от способа раскладки податей внутри общины, ответственность за платеж попрежнему ложилась в целом на всю общину².

Из сохранившихся материалов не видно, воспользовались ли крестьяне новыми правилами. Во всяком случае, рекомендуемый порядок распределения промысловой подати должен был возбудить среди крестьян мысли об отступлении от ранее выработанных жизнью правил. В самом деле, до этого подать представлялась в умах крестьян единой величиной, независимой от составных ее частей, теперь же, когда подати были разделены на независимые друг от друга части, и при этом величина их изменилась в связи с привлечением к обложению промыслов, перед крестьянами, естественно, должен был встать вопрос о выработке новых правил для распределения промыслового сбора, ибо старые правила теперь уже не гарантировали уравнительного распределения новых податей³.

Промысловый сбор, как новый и неустойчивый по объекту обложения, возбудил жалобы крестьян. В январе 1853 г. крестьяне дер. Дедакиной, Кравцовской волости, Серпуховского уезда подали прошение Киселеву о сложении с них промыслового сбора. От имени крестьян доверенный Родионов пишет, что при предъявлении им новой подати в размере 2 руб. 03 коп. они сперва не входили «в подробность назначения сбора». «В настоящее же время,— писал Родионов,— я и доверители мои, находя тот назначенный сбор именно с промыслов совершенно излишним и для себя отяготительным, потому что я и доверители мои почти все занимают хлебопашеством, но из нас промышленностью занимается самая малейшая часть, да и те, занимаясь промыслом не в селении, а на стороне, в городах, получая на право производства промысла узаконенно свидетельства, вносят за оные в казну и городские доходы пошлины»⁴. Запрошенная по этому поводу палата указала, что, во-первых, «выводы промыслового дохода не возбуждают ни малейшего сомнения», во-вторых, увеличение подати на 55 коп. (ранее было 5 руб. 39¼ коп., теперь — 5 руб. 94 коп.) «не может быть обременительным для крестьян», в-третьих, изменение оценки ранее 14-летнего срока⁵ привело бы к беспрестанному изменению окладов, а главное, может поселить в крестьянах убеждение, что произведенная оценка «всегда может быть изменяема по их просьбам, тем самым повсеместно возбуждятся с их стороны жалобы и домогатель-

¹ Инструкция, ст. 319—338.

² Там же, ст. 313—318.

³ ЛАО, Архив МГИ, фонд ДСХ, д. 5481, рапорт зав. Московским отделом уравниения денежных сборов Левдика от 21 марта 1852 г.

⁴ Там же, д. 5859, прошение крестьян.

⁵ Новые подати вводились сроком на 14 лет, после чего должны были последовать новые оценочные работы и изменение оклада подати.

ства». Оценивая прошение крестьян как простое «домогательство», палата считала, что в просьбе следует отказать¹. За крестьянами Баранцовского общества, в которое входила дер. Дедяково, числилась недоимка в размере 89 коп. с ревизской души, а переложение увеличивало подати на 55 коп., что еще более должно было затруднить крестьянам выплату податей². Тем не менее, их прошение осталось безрезультатным³.

Несколько ранее крестьяне Завидова, Завидовской волости, Клинского уезда на мирском сходе 8 декабря 1852 г. составили приговор, на основании которого их доверенные крестьяне В. Тихонов и К. Андрианов подали прошение в министерство с просьбой вновь произвести оценку доходов с промыслов. В своем решении сход указывал, что крестьяне не в силах платить промысловую подать, поскольку вновь открытая железная дорога подорвала извозничество по шоссе и связанные с ним промысла⁴. Со своей стороны, это решение схода поддержало волостное правление.

Палата же на запрос министерства ответила, что, действительно, промыслы крестьян пришли в упадок, но «они не совсем прекратились, и притом крестьяне при прекращении одного промысла переходят к другому». Палата поэтому считала, что в просьбе крестьян нужно отказать⁵. Хотя за завидовскими крестьянами и до переложения податей числились недоимки, а переложение увеличивало подати на 1 руб. 38 коп. на ревизскую душу⁶, Центральная комиссия в просьбе крестьян отказала.

Попытка министерства государственных имуществ хотя бы в ограниченном масштабе отказаться от душевого обложения и перейти к обложению доходов не сопровождалась признанием подвижности самого объекта обложения; размер подати, однажды установившись, застывал на длительный срок, хотя доходы от промыслов подвержены резким изменениям. Пример дер. Завидово ясно обнаруживает один из пороков предпринятого министерством мероприятия.

Операция переложения податей, увеличив податное бремя крестьян, дала ощутимые результаты казне. Начиная с 1852 г., министерство констатировало неизменное увеличение поступления податей⁷.

Податная реформа, несмотря на всю ограниченность, была одним из крупных мероприятий П. Д. Киселева, выражая объективно прогрессивные буржуазные тенденции. Приведение в соразмерность величины подати и дохода имело крупное общегосударственное значение в ликви-

¹ ЛАО, Архив МГИ, фонд ДСХ, д. 5859, донесение палаты от 25 мая 1853 г.

² Там же, фонд I деп., л. 1508, ведомость о недоимках.

³ Там же, фонд ДСХ, д. 5859, выписка из журнала Центральной комиссии.

⁴ Там же, д. 5528, приговор схода от 8 декабря 1852 г.

⁵ Там же, донесение палаты от 7 мая 1853 г.

⁶ Там же, фонд I деп., д. 1508, ведомость о недоимках.

⁷ Там же, фонд ДСХ, д. 7095. Записка по соглашению оценок между губерниями.

дании недоимок или сведения их к минимуму. Принципиальное и практическое значение имела передача всей податной политики в руки министерства, так как этим актом государственные крестьяне ограждались от корыстных устремлений местного дворянства освободить свои имения от части денежных и натуральных повинностей и переложить их на государственных крестьян. В лице министерства государственные крестьяне получили орган, призванный стоять на защите их интересов. Объединив в своих руках все дело податной политики, касавшейся государственных крестьян, министерство, естественно, должно было стать на путь изыскания способов облегчения податного бремени и уменьшения недоимок. Из возможных двух путей — пути административного воздействия и пути приспособления подушного обложения к реальной платежеспособности — министерство, не откидывая первого, стало в общем на второй путь. Конечно, в условиях феодально-помещичьего строя второй способ не мог быть проведен радикально, не задевая существующих крепостных отношений. При ограниченной цели, сводившейся к ликвидации недоимок, могло быть принято ограниченное решение. Все же, повторяем, привлечение к обложению доходов от промыслов и надела приводило в известную соразмерность экономическое состояние крестьянских хозяйств с податным бременем. Этим объясняется то спокойствие, с каким приняли весть о реформе крестьяне, признавшие тем самым правильность и своевременность этого акта. Не считая приведенных двух жалоб крестьян, которые были следствием частных причин, касавшихся только данных деревень, а не результатом несогласия с самим принципом, мы не знаем ни одного случая возражения крестьян по существу реформы.

В министерство государственных имуществ крестьяне были переданы с огромными недоимками. 1839 год был неблагоприятным для Московской губ. вследствие поразившего ее неурожая и заминки в промышленности; образовавшаяся недоимка медленно рассасывалась. Но, начиная с 1844 по 1849 гг., она уменьшилась с 43 789 до 33 881 руб.¹ Здесь сказалось улучшение сельского хозяйства за счет увеличения посевов картофеля, разведения садов, улучшения пород скота и т. д. Министерство в известной мере способствовало развитию экономической деятельности крестьян, облегчая уход на заработки, оказывая содействие ссудами и т. п.

Увеличение недоимок в 1850—1852 гг., по объяснению палаты, коренится в очередной заминке промышленности в связи с введением новых тарифов и неурожаем 1851 г. Недоимки вновь возросли в неурожайные 1854—1856 годы. Тогда же происходила Крымская война, вызвавшая расстройство промышленности, усилившая рекрутскую повинность и резко увеличившая натуральные повинности — подводную, постоянную и др. Но это явление было временным, и, начиная с 1857 г., недоимки вновь начали уменьшаться.

¹ Разные сведения по Московской казенной палате (за эти годы).

В заключение кратко остановимся на сравнении налогового бремени государственных и помещичьих крестьян. Государственный крестьянин Московской губ. в 50-х годах вносил в казну всех податей 5 руб. 56 коп. при среднем доходе от земли и промыслов в 22 руб. 50 коп., что составляет 24,5%. Десятина земли при доходе ее, по расчетам комиссии, в 9 руб. 56 коп. облагалась в 2 руб. 24 коп. (23,4%). Нам неизвестна средняя доходность хозяйств помещичьих крестьян, но вряд ли она резко отличается от доходности земли государственных крестьян. Зато размер повинностей помещику значительно выше. По материалам редакционных комиссий, средняя величина оброка по Московской губ. составляла 24 руб., не считая взносов натурой, отработок на помещицьем поле, подводной повинности и т. п.¹ Средний размер надела на тягло равнялся 2,6 дес.; таким образом каждая десятина крестьянской земли была обложена, не считая отработок, в 9 руб. 23 коп. Это значительно больше, чем приходилось платить государственным крестьянам.

Размер оброка помещичьих крестьян колебался по отдельным уездам. Так, по Московскому уезду он составлял 12 руб. 50 коп. с десятины, по Московскому — 13 руб.; в Богородском уезде он поднимался до 15 руб. 33 коп., зато в Рузском опускался до 7 руб. 05 коп., Можайском — до 6 руб. 58 коп., а в Клинском — до 5 руб. 20 коп. Иначе говоря, самое низкое обложение крестьянской земли в помещичьих имениях равнялось высшему обложению в государственной деревне.

* * *

Реформа 1838 г., проводившаяся в течение длительного времени, касалась всех сторон жизни государственных крестьян. Проведение ее было возложено на вновь созданное министерство государственных имуществ. В центре П. Д. Киселеву удалось подобрать ревностных своих последователей, но это не всегда удавалось на местах. Попечительство явно было не под силу новым органам, работники которых использовали свое положение в корыстных интересах. Московская губерния не была исключением. Киселеву много пришлось бороться с этой разъедающей язвой. В 1889 г., т. е. на второй год существования министерства, Киселев уволил начальника Рузского округа и помощника начальника Дмитровского округа. Затем увольнения почти ежегодно повторяются по другим округам, а в 1857 г. был уволен за неприятие мер в отношении взяточников, за допущение бесхозяйственности и т. п. управляющий палатой по губернии Вишневский.

И этому аппарату, где процветали воровство и взяточничество, было поручено проведение реформы, касавшейся всех сторон жизни государственной деревни! Ясно, что справиться полностью с возложенной задачей министерству было не под силу. Все же, однако, в условиях разгула крепостнического произвола дворянства в казенной деревне

¹ А. Скребицкий. Крестьянское дело в царствование Александра II, т. III, 1865—66, стр. 1280—1281.

проводились какие-то мероприятия, шедшие вразрез с феодально-крепостнической практикой. Недаром деятельность министерства вызывала недоверие и недовольство со стороны дворянства. Проводимое описание государственных земель, фиксирование их границ, борьба с чересполосицей закрепляли наделные земли за крестьянами и предохраняли их от расхищения, довольно широко практиковавшегося до реформы. Заботы министерства о разведении картофеля, улучшении луговодства и скотоводства имели важное значение для государственных крестьян. На более прочных основаниях было построено обеспечение крестьян продовольствием и семенным материалом. Но не только на этом принудительном принципе строилось улучшение экономического положения крестьян. В целях поощрения улучшенной обработки почвы, введения новых сельскохозяйственных культур, создания агрономических и животноводческих кадров министерство устраивало сельскохозяйственные выставки, где значительное место занимали экспонаты государственных крестьян. В целях распространения агрономических знаний практиковались конкурсы, проводимые Ученым комитетом министерства, издавался журнал и выпускались сельскохозяйственные брошюры. В Московской губернии существовало подведомственное министерству сельскохозяйственное общество. Для подготовки кадров были открыты земледельческие курсы. В 1843 г. была образована в Вологодской губ. учебная ферма, служившая рассадником улучшенных пород рогатого скота; к ферме была приписана Московская губерния.

Нельзя пройти и мимо настойчивого стремления министерства путем открытия ведомственных приходских училищ усилить распространение грамотности среди государственных крестьян. С 1834 по 1858 гг. число таких школ по Московской губ. возросло с 3 до 38, а количество учащихся — с 35 до 1376.

Министерство поощряло развитие промыслов среди государственных крестьян не только путем организаций выставок, поощрения медалями и похвальными листами, но также облегчением получения паспортов и билетов, что стимулировало отходничество, развитие неземледельческих видов труда и т. д. Образование хозяйственного капитала и открытие за его счет вспомогательных и сберегательных касс содействовало развитию промыслов и улучшению сельского хозяйства. В 1858 г. существовало 8 сберегательных и 32 вспомогательных кассы, хотя они, правда, оперировали незначительными суммами (всего из вспомогательных касс было выдано 32 224 руб., а на сбережении находилось 5 463 руб.).

Проведенное переложение податей с «души» на доходы от земли и промыслов не только нарушило установившиеся архаические формы податной системы, но и сделало раскладку податей более справедливой, способствовало накоплению денежных средств в деревне и облегчило податное бремя малоземельных хозяйств.

Экономическая программа киселевского министерства способствовала развитию тех процессов в государственной деревне, которые намеча-

лись под влиянием разрушения феодально-крепостнических устоев. Буржуазные отношения вторгались в государственную деревню в форме развития промыслов, торговой деятельности, купли и продажи рабочей силы. Реформа стимулировала эти процессы, содействовала накоплению у известной части крестьян денежных средств, появлению зажиточных кулацких хозяйств, эксплуатации внутри самой общины и т. д. Субъективно П. Д. Киселев стоял на дворянской позиции и боялся резкого нарушения сложившихся в деревне отношений, но, учитывая новые явления экономического порядка и идя им в известной мере навстречу, он объективно содействовал подрыву старого феодально-крепостнического уклада. Стремление вывести из кризиса сельское хозяйство заставляло его выдвигать прогрессивные задачи, но объем и направление их решались в узко-классовых интересах предупреждения взрыва крестьянского движения. Это, в свою очередь, приводило к ограниченности и половинчатости хозяйственных мероприятий Киселева, реформа которого растянулась на долгие годы.

Ф. И. НОТОВИЧ

ЗАХВАТНИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Войны ведутся для достижения определенных политических целей; следовательно, они являются орудием политики и подчиняются последней. «Если принять во внимание,— пишет Клаузевиц,— что исходной данной для войны является известная политическая цель то естественно, что мотивы, породившие войну, остаются первым и высшим соображением, с которым должно считаться руководство войной». «...Война есть,— пишет Клаузевиц несколькими строками ниже,— только продолжение политики другими средствами. Итак, мы видим, что война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами». «...Главное в войне,— продолжает Клаузевиц,— состоит в политическом намерении, ибо политическое намерение является целью, война же — только средством, и никогда нельзя мыслить средства без цели»¹.

Ленин высоко ценил высказывания Клаузевица о войне и часто цитировал этого писателя, «основные мысли которого сделались в настоящее время безусловным приобретением всякого мыслящего человека». Считая войну составной частью политики, Ленин боролся «против обывательского и невежественного предрассудка, будто бы войну можно выделить из политики соответственных правительств, соответственных классов, будто бы войну когда-нибудь можно рассматривать как простое нападение, нарушающее мир, и затем восстановление этого нарушенного мира. Подрались и помирились!»².

В первой мировой войне господствующие классы каждой из воевавших стран имели свои заранее намеченные военные цели и знали, ради чего они начали войну. Однако не было полной договоренности между правительствами внутри каждого лагеря относительно точного объема военных захватов. Это должна была обеспечить дипломатия уже во время войны.

Еще более трудная задача выпадала на буржуазные политические партии, парламенты и печать. Продолжительность войны всегда зависит от тех целей, которые ставят себе обе стороны. Поскольку современные войны ведут народные армии, постольку в войне 1914—1918 гг.

¹ Клаузевиц. О войне, т. I, М., 1936, стр. 53—54.

² В. И. Ленин. Соч., т. XXX, стр. 333.

стало необходимым всякими ухищрениями убедить массы в том, что они сами заинтересованы в осуществлении целей войны, скрывая от них ее истинный империалистический характер.

С самого начала войны буржуазия приступила к интенсивной обработке общественного мнения с целью привлечения народных масс на свою сторону. Она делала все, что могла, для того, чтобы заставить массы поверить, будто империалистические цели войны вполне отвечают интересам широких народных масс и являются их собственной «мирной программой».

Изучение политики держав и их военных целей в войне 1914—1918 гг. представляет крупнейший политический и научный интерес. Оно позволяет установить принципиальную взаимосвязь между политической и военными целями некоторых участников прошлой войны с их политикой и военными целями во второй мировой войне. Оно показывает, что политика германского фашизма и его военные цели во второй мировой войне являются не чем иным, как повторением и продолжением политики и военных целей (порой сходных даже в мелочах) кайзеровской Германии, только на более широкой базе.

В настоящем очерке мы намерены рассмотреть захватнические цели германского империализма в войне 1914—1918 гг.

I

Германия начала империалистическую войну в 1914 г. с преднамеренной целью и заранее разработанной программой покорения Европы и заложения основы для завоевания мирового господства. Пангерманские «ученые» и политики уже задолго до войны разработали детальные планы завоевания и покорения германским империализмом большей части мира. Они проповедывали и доказывали, что немцы являются первым народом в мире, которому все человечество обязано всеми достижениями науки, техники, искусства, культуры и цивилизации, и что не будь полноценного германского народа, являющегося единственным создателем, носителем и распространителем культуры и государственного начала, то все прочие неполноценные народы прозябали бы и донныне на ступенях варварства. Они, далее, извращая исторические факты, доказывали, что германская знать якобы заложила в большинстве современных государств основы государственного строя, создала армии, государственную машину и руководила ими, но за все эти блага неполноценные народы отплатили немцам черной неблагодарностью. Неполноценные народы затем взбунтовались, устроили революции, лишили германскую знать ее богатств и влияния на государственный аппарат, армию и на политику этих государств, как это было, например, во Франции в конце XVIII в., в России в 1905 г. и в последующие годы, а в других европейских странах — в предыдущие столетия. Стремясь «научно» доказать право немцев на подчинение себе большей части земного шара, пангерманские лжеученые расоведы разделили все народы на «полноценные» и «неполноценные» и нагло

утверждали, что последние размножаются, подобно низшим видам в животном царстве, гораздо быстрее «полноценных» народов, и что, в силу этого естественного закона природы, немцам, как единственному «полноценному» народу, угрожает смертельная опасность быть задавленными «неполноценными» народами, в результате чего может погибнуть вся культура человечества. Отсюда пангерманские «ученые» делали вывод, что германский народ, в интересах всего человечества, имеет право на уничтожение «неполноценных» народов, под которыми они подразумевали в первую очередь славян; что он имеет право на подчинение себе всей Европы, на завоевание мирового господства и на установление «нового порядка» на земле, который должен отвратить навсегда равноправие «неполноценных» народов с немецким народом.

Эти пангерманские расистские бредни усердно разрабатывались с конца XIX в. и овладели умами большей части германской и австро-немецкой квалифицированной интеллигенции. Они пропагандировались в десятках лженаучных книг, в сотнях брошюр, газетных и журнальных статей, в десятках романов и в специальной периодической печати, как, например, «Пангерманские листки» (Alldeutsche Blätter) и др.

Таким образом «новый порядок», насаждавшийся гитлеровской Германией огнем и мечом в оккупированных ею странах в 1939—1945 гг., уничтожение миллионов людей посредством «душегубок» и специально устроенных лагерей смерти,— не фашистами выдуман. Он уже задолго до Гитлера был придуман и разработан. Проводники и организаторы «нового порядка» уже давно к нему подготовлялись. Германские фашисты оказались усердными учениками своих духовных отцов — пангерманцев и довели «теории» своих дедов и отцов до хладнокровного массового человекоубийства машинным и серийным способом в газовых камерах и комбинатах по уничтожению людей, какими были, например, лагеря смерти в Майданеке и Освенцимах.

Немецкие шовинисты строили планы создания подчиненной немцам Европы, очищенной от славянских, романских и иных «неполноценных» народов, еще во времена полного национального упадка и раздробления Германии. Уже в первой половине XIX в. была создана политическая «теория» о «государственных» и «негосударственных» нациях, о нациях «творческих» и нациях, предназначенных служить навозом для «творческих» и «созидательных» наций. К первой категории были отнесены немцы, ко второй — славяне и романские народы.

Баварский генерал Гайльбраннер защищал в 50-х годах прошлого столетия необходимость и «законность» немецкого владычества над Италией тем, что «Италия совершенно не в состоянии оставаться независимой». Австрия, — писал сей бравый генерал, — выполняет германскую культурную миссию, давая себе труд поработать Ломбардию и Венецию «от имени и в интересах всей Германии». Уже в те времена была создана программа образования немецкой «Срединной Европы», куда должно было войти большинство исконно-славянских и романских

земель; немецкие шовинисты середины XIX в. не могли только договориться между собой, под чьим главенством должна строиться «Средняя Европа» — Австрии или Пруссии.

Немецкие шовинисты того времени утверждали, что французы, испанцы и итальянцы уже «одряхлели» и неспособны к государственному творчеству и строительству; славяне же, мадьяры и румыны еще не вышли из состояния варварства и также неспособны к государственному самоуправлению. Лишь немцы являются государственной нацией, и им надлежит господствовать над одряхлевшими романскими и варварскими славянскими народами Европы. «Венгрия и славяно-румынские страны вдоль Дуная, — писал в 1859 г. Энгельс, разоблачая эту человеконенавистническую «теорию», — должны быть германизованы путем колонизации, школ и мягкого принуждения; вместе с тем центр тяжести всего этого комплекса стран все более и более переносится на юго-восток, в Вену; и кроме того должна быть завоевана вновь Эльзас-Лотарингия. Эта «великая средне-европейская держава» должна быть своего рода возрождением Священной Римской империи германской нации и, повидимому, среди прочих целей иметь также в виду присоединение, в качестве вассальных государств, некогда принадлежавших Австрии Нидерландов, а также нынешней Голландии. Немецкое отечество в этом случае раскинулось бы почти вдвое шире тех пределов, где ныне звучит немецкая речь; если все это действительно осуществится, то Германия станет арбитром и господином Европы»¹.

«...У германской добродетели и у молодой «средне-европейской державы», — язвительно писал Энгельс, — имеется абсолютно все, чтобы в течение короткого времени захватить мировое господство на суше и на море и открыть новую историческую эру, когда Германия, наконец, после долгого перерыва, снова будет играть первую скрипку, под которую остальные народы будут плясать»².

Возвращаясь к тому же вопросу через 30 с лишним лет, Энгельс показал, как в Германии развивалась после 1871 г. старая «теория» о мировом господстве и порабощении целых народов. «Мы не должны забывать, — указывал Энгельс в 1893 г., — что двадцать семь лет хозяйничанья Бисмарка навлекли на Германию — и не без основания — ненависть всего мира... Бисмарк сумел создать Германии репутацию страны, жаждущей территориальных захватов; немецкий буржуазный шовинист... продолжает мечтать о братском объединении всей Германии «от Этча до Мемеля» и в то же время охотно присоединил бы к Германской империи Голландию, Фландрию, Швейцарию и якобы «немецкие» прибалтийские губернии России, — этот немецкий шовинист добросовестно помогал Бисмарку, и с таким блестящим успехом, что теперь уже никто в Европе не доверяет «прямодушным немцам»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 2, стр. 6—7.

² Там же, стр. 7.

³ Там же, т. XVI, ч. 2, стр. 358—359.

Как известно, немецкие буржуазные шовинисты и гогенцоллернская ученая лейб-гвардия не только усердно помогали проведению захватнической политики Бисмарка. Они оказывали решающее влияние на ее формирование, как это было в 1870—1871 гг. и в годы захвата Бисмарком колоний в Африке; но особенно опасный характер это влияние приняло в эпоху империализма.

С начала 90-х годов прошлого века и до первой мировой империалистической войны пангерманские лжеученые разработали обширную программу германских территориальных захватов во всем мире. По этой всеобъемлющей программе вселенского грабежа, германский империализм должен был в ближайшей войне:

1) завоевать и подчинить себе континентальную Европу; оттеснить Россию и переселить всех восточных, западных и южных славян за Урал; оттеснить Францию и переселить народы романо-французской ветви по ту сторону Вогезов и за реку Сомму и сделать «границы Европы границами Германии»;

2) установить германский протекторат над всей Передней Азией, Южным Китаем (южное течение Янцзы и бассейн Хуанхе), Индо-Китаем и Сиамом;

3) создать Германскую Африканскую империю из германских, французских, португальских и бельгийских колоний;

4) образовать Германскую Тихоокеанскую островную империю с центром в Голландской Индии;

5) учредить Германский Южно-Американский протекторат «из территорий, имеющих немецкую культуру» (Аргентина, Чили, Уругвай и Парагвай, Южная Боливия и Южная Бразилия).

Если Великобритания и США будут мешать Германии осуществить эту программу мирового владычества, то и они поплатятся своими владениями. Лишь полный и доброжелательный нейтралитет может спасти их от участи России, Франции и других завоеванных Германией стран и народов¹.

По той же программе пангерманцев, которую открыто поддерживали юнкерство, финансовый капитал, крупное чиновничество, большая часть профессуры и связанная с крупным капиталом интеллигенция и тайно поддерживало правительство, на подчиненных Германской империи территориях должен был быть установлен немцами «новый порядок», главные черты которого состояли в следующем: все народы немецкой национальности должны были быть лишены всех имущественных и политических прав, а их движимая и недвижимая собственность

¹ Ein Gross-Deutscher. Germania triumphans, Berlin, 1894; Alideutscher. Gross-Deutschland und Mitteleuropa um das Jahr 1950, Berlin, 1895; Ernst Hasse. Deutsche Politik, drittes Heft, Deutsche Grenzpolitik, München, 1906; Rudolf Martin. Berlin — Bagdad. Das deutsche Weltreich im Zeitalter der Luftschiffahrt 1910—1931, Stuttgart und Leipzig, 1907; Otto Richard Tannenbergr. Gross-Deutschland, die Arbeit des 20-ten Jahrhunderts, Leipzig, 1911; Friedrich von Bernhardi. Deutschland und der nächste Krieg, Leipzig, 1912.

передана безвозмездно немцам. «Война не должна оставить побежденным ничего,— писал один из пангерманских «теоретиков» и «завоевателей» мира,— кроме глаз для оплакивания их горя. Скромность с нашей стороны была бы идиотизмом»¹.

Подобные «учения» и требования открыто проповедывались в Германии уже задолго до войны 1914—1918 гг. Правительство публично открещивалось от пангерманских планов и программ, называло их несбыточными и «вредными», а их авторов именовало «мечтателями» и «идеалистами», но на деле эти «мечтатели» оказывали наибольшее влияние на внешнюю политику Германии.

Подчиненная Германии континентальная Европа должна была стать военной, экономической и политической основой для последующего завоевания мирового господства. Без победы над Россией,— вполне резонно рассуждали идеологи германского империализма,— невозможно установление немецкого господства над Европой, а без победы над Россией и Англией невозможно установление мирового господства Германии. Военный разгром России и Англии должен был послужить гарантией выполнения политической задачи германского империализма и являлся главной целью войны 1914—1918 гг.

Таковы были захватнические цели германского империализма, сформулированные еще задолго до первой мировой войны.

II

После второго марокканского кризиса, в 1911 г., вся германская буржуазная печать открыто обсуждала вопрос о расширении Германии. «Германская мировая держава», «германский мировой народ», «великая колониальная держава», «Великая Германия» — эти темы не сходили со страниц газет и журналов. Известный политический писатель и наиболее видный пропагандист идеи создания «Великой Германии», распространяющейся на все континенты мира, прибалтиец Пауль Рорбах писал в 1913 г. в статье «Германская мировая и колониальная политика», напечатанной в июньской книжке «Прусских ежегодников», что Россия и Англия являются главными и наипаснейшими врагами расширения Германии. Россия,— доказывал Рорбах,— представляет и после поражения 1905 г. большую опасность для Германии, а следовательно, и для европейского мира, и мирное сожитие с ней невозможно. Рорбах поэтому предлагал прекратить помещение германских капиталов в русские предприятия и «серьезно заняться Россией».

С Англией,— писал Рорбах в той же статье,— Германия могла бы договориться, но в основу такого договора должны быть положены два принципа: «1) сохранение Азиатской Турции и ее существенной части для Германии и 2) изъявление Англией серьезной готовности помочь Германии получить компенсацию, на которую она притязает за прошлое и в качестве залога за реальность английской дружбы. Совер-

¹ O. R. Tannenberg. Op. cit. S. 237.

шенно ясно, что компенсация будет наиболее естественной в Африке. Не может быть спора о том, что дело может идти только об очень значительном расширении германской колониальной сферы деятельности»; «Германии необходимо колониальное расширение, так как с нынешними своими колониями она никогда не будет колониальной державой. О германских колониях можно сказать: *«Слишком много для смерти и слишком мало для жизни»*¹.

Англо-германская дружба,— продолжает Рорбах,— возможна лишь в том случае, если Англия признает основное германское требование, которое гласит: «Германия не может удовольствоваться ролью регистратора увеличения английской мощи». Мало того, принцип о компенсациях должен иметь обратную силу. «Наши счета и встречные счета с Англией начинаются после английской оккупации Египта». Англия обязана компенсировать Германию за Египет, за Персию и за многое другое. Англичане должны признать германскую заповедь: *«Не допускать увеличения мощи наших соперников, если это не уравновешивается равноценным увеличением нашего влияния»*².

Соглашение и дружба с Англией,— писал Рорбах,— лишь тогда оправдают себя, если с ее помощью Германия добьется такого качественного расширения своих колоний, которое сделает ее *«действительно великой колониальной державой»*³. Если же этого нельзя добиться, то лучше отказаться от сделки с Англией и сохранить свои притязания в полном объеме.

Рорбах выступил против распространенного в некоторых германских кругах мнения, что достижения 1871 г. в основном удовлетворили Германию на длительное время и что остается лишь закрепить завоеванное место в мире. «Не в этом состоит высшее значение основания империи и создания частичного национального единства,— писал Рорбах.— Четыре, даже три десятилетия тому назад, оно, конечно, почти так и было; однако позже стало ясно, что решение о нашей национальной будущности в действительности еще не состоялось и что Франкфуртский мир лишь создал материальную основу, откуда мы должны начать борьбу за будущее как мировой народ (Weltvolk). О чем идет речь, когда говорят о будущей, станет ясным лишь тогда, когда мы попытаемся представить себе, как вселенная будет выглядеть в национально-политическом отношении через 50 или 100 лет»⁴.

Союзница Германии — Габсбургская монархия — имела свои обширные захватнические планы, которые не шли вразрез с германскими планами, поскольку и сама Австро-Венгрия должна была стать в ближайшем будущем составной частью «Великой Германии».

Господствующие классы Австро-Венгрии спровоцировали первую

¹ Paul Rohrbach. Zum Weltvolk hindurch! Stuttgart, 1914, S. 17.

² Ibid., SS. 15—16.

³ Ibid., S. 18.

⁴ Ibid., S. 19.

мировую империалистическую войну ради укрепления и увековечения своего господства над 30 миллионами славян: чехами, словаками, поляками, украинцами, сербами, хорватами и словенцами. Фашистский историк фон Србик с циничной откровенностью писал в 1936 г., что последним «великим деянием» Австрии перед ее крушением, которое германская раса никогда не забудет, была война 1914—1918 гг. Заслуга Австрии перед германством как целым, — говорит фон Србик, — состоит в том, что она в продолжение 4 лет поставляла немецкой расе на убой «сыновей 30 миллионов славян» и заставила миллионы славянских солдат отдать их жизнь «за великое немецкое дело»¹. За сохранение господства над этими 30 миллионами славян в первую очередь воевала Австро-Венгрия.

Она, далее, воевала за порабощение еще оставшихся свободными славянских государств — Сербии и Черногории — и за подчинение себе Албании, за установление господства на Балканском полуострове и в Адриатическом и Эгейском морях. Постепенно военные цели Австро-Венгрии расширились и включили захват русской Польши и Румынии.

В порабощении австрийскими немцами и мадьярами западных и южных славян, румын и итальянцев были кровно заинтересованы господствующие классы Германии, в полном подчинении которой находилась Австро-Венгрия. Чем обширнее сделается в результате войны Габсбургская монархия, тем грандиознее будет та «Срединная Европа», которую решили создать в результате победоносной войны господствующие классы Германии.

III

В начале войны, как только германские войска вступили в Бельгию, в правительственных и буржуазно-юнкерских кругах началась бешеная агитация за аннексии и разработка программы будущего «мира». Газеты сразу были заполнены проектами ограбления всех стран, представлявшими собою варианты рассмотренных выше пангерманских планов. Правительство теперь уже не отрецивалось от пангерманских авантюристов, как оно это делало до войны, и предоставило им первые роли. Аннексия Бельгии и большей части Франции была предрешена. 19 августа 1914 г. кайзер Вильгельм заявил статс-секретарю по морским делам адмиралу фон Тирпицу: «Франция должна быть раздавлена»². Еще до вступления германских войск во Францию председатель немецкого банка Гвиннер сформулировал адмиралу Капелле германские условия мира с Францией: «Три миллиарда долларов и французские колонии»³. Весть о высадке англичан во Франции была встречена в

¹ Heinrich von Srbik. Österreich in der deutschen Geschichte, München, 1936, S. 77.

² A. Tirpitz. Deutsche Ohnmachtspolitik im Weltkrieg, Berlin, 1926, S. 62.

³ Ibid., S. 67.

империалистических кругах с нескрываемой радостью. Они говорили: «Тем лучше, тогда и они [англичане] будут тотчас уничтожены». Бетман-Гольвег, забыв о данном им в рейхстаге 4 августа торжественном обязательстве восстановить Бельгию, сказал Тирпицу 28 августа, что он намерен аннексировать Намюр, Льеж, Антверпен и территорию севернее его, а из Южной Бельгии сделать буферное государство¹.

Безбрежны были планы территориальных захватов на Востоке.

Аннексионистским движением руководили Пангерманский союз, объединявший ряд военных и шовинистических союзов (Военный, Морской, Колониальный, Союз борьбы с социал-демократией и др.), юнкерские объединения, буржуазные политические партии (национал-либеральная, консервативная и независимая консервативная партии) и реакционная профессура. Поддерживали и субсидировали аннексионистское движение монополистический капитал в целом, банки, всевозможные промышленные организации и юнкерство: фирмы Круппа, Тиссена, Стиннеса, рейнские и вестфальские заводчики железа и рурские бароны угля, Центральное объединение германских промышленников, Союз германских промышленников, Германский имперский союз средних классов, Союз сельских хозяев (помещики) и др.

В самом начале войны, в августе 1914 г., магнаты промышленности (Всеобщая компания электричества, Юлиус Вольф, Густав Штреземан от имени Комитета промышленных объединений) и «цвет» буржуазно-консервативной мысли — профессора Шиман, Шумахер и много других деятелей науки и искусства подали канцлеру записки с требованиями присоединить к Германии Бельгию, железорудные бассейны Лонгви и Бриэ Французской Лотарингии. Они требовали обширных аннексий на Востоке и Западе, за морем, приобретения угольных станций и морских баз. И правительство не пожелало плестись в хвосте аннексионистского движения; оно попыталось его возглавить.

26 августа канцлер Бетман-Гольвег обратился к имперскому министру внутренних дел Клеменсу Дельбрюку с предложением определить, как далеко простираются залежи руды во Французской Лотарингии, и сумму желательной контрибуции². Через два дня, 28 августа, министр по делам колоний Зольф представил план передела колоний. 3 сентября наместник Эльзас-Лотарингии Дальвиц представил канцлеру план «исправления» границ с Францией с приложением записки крупных промышленников братьев Рехлинг, в которой они требовали аннексировать бассейны Лонгви и Бриэ, западные Вогезы, Бельфор и т. д. Бетман-Гольвег одобрил обе записки³. Так началось конкретное оформление официальных и неофициальных «военных целей».

¹ A. Tirpitz. Op. cit., S. 65.

² Die Ursachen des deutschen Zusammenbruches im Jahre 1918. Das Werk des Untersuchungsausschusses der Verfassungsgebenden deutschen National-Versammlung und des deutschen Reichstages, 1919—1928, 4 Reihe, Bd. 12. Halbbd. I, Berlin, 1929, S. 35. (В дальнейшем цит. «Die Ursachen».)

³ Ibid., S. 36.

27 августа президент Пангерманского союза решил взять руководство аннексионистским движением в свои руки и выставил следующие «военные цели»: 1) приобретение за счет России обширных территорий для поселения немецких крестьян, а именно: Польши, Литвы, Белоруссии, Прибалтийских губерний и Украины; 2) аннексия Бельгии; 3) аннексия французских железорудных бассейнов Лонгви и Бриэ и перенесение германской границы западнее Бельфора, Туля, Вердена и реки Соммы; 4) уничтожение морского владычества Англии, «так как оно является наиболее варварским», приобретение новых колоний и, наконец, 5) все захваченные Германией территории должны быть «очищены от людей» (*Land, frei von Menschen*), так как Германии нужны территории без людей¹.

Эти грабительские и варварские требования были выработаны при ближайшем и активном участии управляющего крупновскими заводами Гугенберга. Их одобрил Крупп фон Болен и его супруга Берта². Лидеры национал-либеральной партии Бассерман и Штреземан, а также Гуго Стиннес были недовольны их «умеренностью». Стиннес требовал перенесения границы с Францией еще дальше — на запад от устья реки Соммы, и включения в Германскую империю всей Нормандии. Он мотивировал свои требования стратегическими соображениями, направленными против Англии, и наличием в Нормандии крупных залежей железной руды³.

Еще дальше всех этих ультрааннексионистских требований пошел лидер католического центра Матиас Эрцбергер. 2 сентября 1914 г. он разослал во все высшие военные и правительственные учреждения меморандум, в котором требовал, «чтобы Германия обеспечила себе военное господство на континенте на все времена».

Эрцбергер не довольствовался территориальным ограблением всего мира. Он требовал десятки миллиардов контрибуции: 1) для возмещения непосредственно военных расходов; 2) для возмещения всех прочих убытков, связанных с войной; 3) для покрытия всех имперских долгов; 4) для создания колоссального инвалидного фонда; 5) для создания фонда на постройку морских кораблей и радиостанций; 6) для создания фонда на социальные нужды⁴.

В начале сентября Тиссен лично докладывал в верховной ставке о необходимости аннексировать французские железорудные богатства⁵.

Не успели очистить от русских войск Восточную Пруссию, как Бетман-Гольвег устроил совещание с Гинденбургом относительно «желательной границы на Востоке». В это же время канцлер обсуждал

¹ Heinrich Class. *Wider den Strom*, Leipzig, 1932, SS. 320—323.

² *Ibid.*, S. 327—328.

³ *Ibid.*

⁴ A. Tirpitz. *Op. cit.*, S. 69—72.

⁵ «Die Ursachen», S. 36.

с разными официальными органами колонизационный вопрос, форму присоединения Бельгии и тому подобные грабительские планы. «В Берлине,— писал Тирпиц (ультрааннексионист) 5 сентября 1914 г., за день до начала битвы на Марне,— кажется, обезумели от побед. Мы еще ни в каком случае не победили».

Точно такое же шовинистическое настроение господствовало в те дни и в германской буржуазной печати. Максимилиан Гарден писал 28 августа 1914 г. в своем журнале «Die Zukunft»: «Германия имеет право расширить свою сферу господства, и она имеет силу претворить это в жизнь». Гарден превозносил воинственность древних германских варваров и уверял, что и современные ему немцы «не изнежены в длительном мире» и что «война всегда была их главным занятием». В силу этого «Германия хочет увеличиваться, конкретизировать подвиги своих солдат... Право Германии основано на силе. Для этого она начала войну». Гарден требовал захвата Танжера, Антверпена, Кале, Тулузы и Тулона. До их присоединения он не рекомендовал «болтать о мире».

Лидер прогрессивной партии Фридрих Науман написал за несколько дней до битвы на Марне брошюру «Германия и Франция». Этот «умеренный» аннексионист, поклонник французской культуры и Жана Жореса, как он себя афишировал, писал буквально следующее: «Самое ужасное случилось — республика так же побеждена, как и цезаризм... с Францией, как с великой державой уже покончено». Говоря о возможном для Франции мире, он провозглашал: «Vae victis!» («Горе побежденным!»); «теперь Бисмарк окончательно победил!» Облекая свои рассуждения в форму элегического сочувствия Франции, Науман резонерствовал и укорял ее за то, что она не изменила союзу с Россией и Англией. Самым лучшим исходом для Франции,— писал Науман,— будет сепаратный мир с Германией. Однако она должна поспешить сделать это, «пока этот мир имеет для нас ценность». Стремление Германии к миру,— признавался Науман,— означает обеспечение «разгрома русских и англичан». Науман предлагал Франции признать неумолимый факт, удовлетвориться положением второстепенной державы, сделаться нейтральной страной, притти с Германией к соглашению о своих колониях, а также о бельгийском Конго, другими словами, передать все это Германии, а затем вместе с нею выступить против Англии¹.

Как известно, французские изменники, лавали и петэны, целиком усвоили тогдашний совет Наумана и выполнили его с лихвой, передав в наши дни Францию в руки Гитлера.

«Заботы» Наумана простирались и на Бельгию. Он и ее «не давал

¹ Таких же планов в отношении Франции придерживались в эти дни Вильгельм II и Бетман-Гольвег. После разгрома Франции, говорили они, ей будет предложен «мир» и оборонительно-наступательный союз. С Россией Германия сама раздается, а вместе с французским флотом покончит с Англией (см. А. Tirpitz. Op. cit., S. 62).

в обиду»: Германия лишь «обеспечит за собой то, что необходимо в военном отношении, все равно, будет ли это мало или много».

Вопрос с Францией,— писал в заключение Науман,— уже разрешен историей и германским оружием. Оставались более трудные вопросы — восточные проблемы. Но он не унывал: «Мы так же подойдем и к их разрешению, так желает бог, а германское могущество устоит, как и до сих пор¹.

Мы так подробно остановились на брошюре Наумана потому, что она принадлежит перу не пангерманца обычного толка, а члена прогрессивной партии. Мысли, изложенные в этой брошюре, приобретают особое значение в наши дни. Программа «прогрессиста» Наумана ничем не отличалась от программы Тинненбергов. Это у них германские фашисты взяли готовую программу порабощения свободных и прогрессивных народов.

В самый разгар битвы на Марне, 8 сентября 1914 г., Пауль Рорбах напечатал статью «Боязнь мира», в которой он писал: «Говорят..., слышно..., шепчут, что надо заключать мир, как только это станет возможным». Рорбах грозно писал по адресу «шептунов»: «Горе тем, кто здесь говорит: мир! мир!, а мира нет. Не может быть речи о мире,— продолжал Рорбах.— Преступно лишать германский народ возможностей, которые, может быть, раз в тысячу лет бывают, а может быть, и никогда не повторяются, не надо отдавать наше первородство за чечевичную похлебку». Обращаясь к «шептунам», Рорбах гневно вопрошал: «Кто из наших противников уже сейчас созрел для того мира, который нам нужен, если мы, как настоящий мировой народ (Weltvolk), хотим распространить на весь мир нашу народную идею?»

Подобно Науману, Рорбах считал, что Франция уже навсегда побеждена. Он также был уверен, что и Россия уже побеждена, но могущество Англии еще не надломлено, и поэтому мира быть не может. *«Имеется вообще лишь одно единственное средство внушить народам веру в германскую идею и этим путем освободить дорогу немецкой будущности. Это единственное средство означает: победа над Англией. Пока эта цель не достигнута, не может быть и речи о мире»²,*— писал Рорбах.

В тот момент, когда Науман и Рорбах дописывали последние строки брошюры и статьи, произошли непредвиденные исторические события. Французские армии разбили германские полчища на Марне, а русские армии разгромили австро-венгерские и немецкие войска в Галиции и Польше, в результате чего ход войны принял другое направление.

Ганс Дельбрюк, консервативный историк, подобно Науману «умеренный аннексионист», сформулировал в сентябрьской книжке

¹ Friedrich Naumann. Deutschland und Frankreich, Stuttgart—Berlin, 1914, SS. 8, 9, 17, 19, 20, 23, 25, 27.

² Paul Rohrbach. Op. cit. SS. 72—76 (курсив подлинника).

«Preussische Jahrbücher» за 1914 г. в очень осторожных выражениях военные цели Германии следующим образом: «Нашей целью должно быть сохранение нынешнего политического равновесия на суше и завоевания равновесия на море»¹. Последняя часть формулы означала, что Германия должна добиться такой же силы на море, как и на суше, т. е. разделить с Англией господство на морях.

За такой непатриотический образ мыслей Ганс Дельбрюк был взят под жестокий обстрел правой печати. Пангерманская «Die Post» писала, что «европейское равновесие является словесным выражением для прикрытия перевеса наших врагов» и что «только профессора истории и предвоенная дипломатия верили в этот призрак и приносили ему жертвы». Национал-либеральная «Tägliche Rundschau» назвала выступление Дельбрюка «водянистой песней о благодати политической умеренности» и «преступлением перед германским делом». Она ему противопоставляла его предшественника Трейчке, который в 1870 г. в тех же «Preussische Jahrbücher» требовал «укрепления наших границ» и т. д. «Deutsche Tageszeitung» прямо писала: «Господин профессор Дельбрюк служит вообще непозволительным, а в настоящее время просто недостойным образом интересам вражеской заграницы», так как его выступление подает повод думать, что «шовинизм у нас справляет оргии»².

После этого нагоняя Дельбрюк в октябрьском номере редактируемых им «Preussische Jahrbücher» конкретизировал свои требования и, к удовольствию своих критиков, писал, что Россия должна потерять не только Польшу, но и все «чужеродные» области на западной границе. Повторяя мысли Наумана, Дельбрюк писал: «Ни императорская, ни демократическая Франция не смогли удержаться на ступени великой державы... Благодаря, слабому увеличению населения, Франция будет постоянно опускаться (все ниже, и ей ничего не остается сделать, если она вообще хочет существовать, как выработать себе совершенно новую народную душу». Для Дельбрюка уже тогда было ясно, что Англия «ни при каких обстоятельствах не может политически выиграть эту войну». Даже победа над Германией не спасет ее как мировую державу. Дельбрюк, как Науман и Рорбах, не допускал возможности поражения Германии и требовал «равновесия на море», т. е. «чтобы Германия была также сильна на море, как и Англия»³.

Такие же победные и шовинистические настроения господствовали в правительственных и капиталистических кругах не только в дни победы у Шарлеруа, но и после поражения на Марне. «Я был на этой неделе в Берлине,— писал директор Германско-американского пароходного общества Альберт Балин 1 октября 1914 г. фон Тирпицу,— и меня устроили безбрежные мечтания, которым предаются не только в Берлине, но также и выдающиеся деятели из Рейнской области

¹ Hans Delbrück. Krieg und Politik 1914—1916. Berlin, 1918, S. 60.

² Цит. по газете «Vorwärts», 4 Okt. 1914, № 271.

³ Hans Delbrück Op. cit., SS. 61—63.

в Вестфалии. Высадку нашей армии в Англии они считают как нечто само собой понятное, отнятие у нее ее лучших колоний не требует даже дискуссий. Что мы удержим в своих руках Кале, Булонь, Остенде и Антверпен,— об этом уже давно решено. Английский флот не должен превышать размеров нашего флота, а контрибуция колеблется между 30—40 миллиардами. Египет принадлежит к тем колониям, которые мы себе оставили на десерт»¹.

Такие завоевательные настроения господствовали в Германии и тогда, когда битва на Марне разбила всякую реальную возможность победы. Так, например, начальник морского генерального штаба адмирал Поль заявил 15 октября 1914 г. Бетман-Гольвегу: «Мы должны получить Антверпен, Брюгге, Остенде, Дюнкерк, Брюссель... Гибралтар должен отойти к Испании, Мальта — к Италии, Египет — к Турции, Александретта и Мессина — наши опорные пункты. На Востоке должно быть отодвинуто все русское... К нам, само собой, переходят и колонии»².

От министров не отставали и владетельные князья. Они выставляли такие огромные захватнические требования приращения их территорий, что против этих притязаний вынужден был выступить, по тактическим соображениям, Бетман-Гольвег и потребовать сокращения аппетитов³.

Прусские юнкеры имели свои особые аннексионистские аппетиты. О них мы узнаем из записки прусского министра внутренних дел фон Лебеля (Löbel) от 29 октября 1914 г., два тезиса которой гласили:

«1. Мы не должны отказываться от того, что нам хотя и пригодилось бы, но чего мы не могли бы переварить.

2. Мы должны взять все, что нам хотя непосредственно не нужно, но должно быть отобрано у противника для того, чтобы он в будущем был слабее нас»⁴.

31 октября 1914 г. Пауль Рорбах напечатал статью в своем журнале «Das grössere Deutschland» («Расширенная Германия») под многозначительным названием «Wohin muss uns der Krieg führen» («Куда нас должна привести война»), в которой были сформулированы аннексионистские требования крайних империалистов и намечена политическая линия, которую они намерены были проводить по отношению к России, Франции и Англии.

«Перед нами,— писал Рорбах,— три мира, которые еще не знают, какая из западноевропейских наций должна быть их вождем на пути приобщения к культуре: это Ближний Восток, Дальний Восток и Африка». Точнее нельзя выразиться. Вся Азия и вся Африка — вот поле деятельности, которое ждет немецкого «оплодотворения». Уточняя вожделения колониальных кругов, Рорбах продолжал: «Если мы победим

¹ A. Tirpitz. Op. cit., SS. 134—135.

² Ibid., SS. 142—143.

³ «Die Ursachen», S. 36.

⁴ См. полный текст этой записки в «Die Ursachen», Anlage II, SS. 187—193.

полные сил, а не просто менее истощенные, чем наши враги, то мы в состоянии будем влить дух нашей национальной мысли в эти ожидающие нас области, подготовленные к бесконечному восприятию. *Так далеко должен простираться кругозор немецкого государственного деятеля.* Его ум должен уметь соединить с исходом войны судьбу Китая и Индии, устьев Евфрата, мыса Доброй Надежды до Конго»¹.

Рорбах был уверен, что Франция уже побеждена, но он предлагал продолжать войну до тех пор, пока не станет совершенно ясно, что французы и в союзе с сильнейшим союзником являются слабой стороной. Как только Франция признает этот непреложный факт, Германия должна проявить готовность к миру и к сотрудничеству с французами. Что же касается Англии, то германский лозунг остается неизменным: «Уничтожение английского морского могущества». Россия должна быть изгнана «из всех областей, которые природой и исторически предназначены были к участию в западно-культурном общении и противозаконно перешли к России. *Эту цель иметь в виду, за эту цель бороться до последнего — это значит дать работу будущему германскому веку*»².

Вся эта дикая аннексионистская пляска имела в первые месяцы войны подготовительный характер. Это были пока еще авангардные разведки, режиссеры этого движения нащупывали почву, подсчитывали своих сторонников и противников, готовились к определению окончательных требований. С самого начала наметилось два аннексионистских течения: «умеренно»-аннексионистское, которому сочувствовал Бетман-Гольвег, и ультрааннексионистское, которое даже Рорбаха считало «умеренным» и которое поддерживали пангерманские организации, финансовый капитал, юнкерство, военщина, высшее чиновничество и гогенцоллернская ученая лейб-гвардия.

Мы не можем здесь обстоятельно осветить неистовую деятельность германских «ученых» националистов во время первой мировой войны и подробно разбирать их аннексионистские бредни. Еще Герцен подметил чрезвычайную страсть немецких ученых к чужим территориям и к подчинению славянских народов, которые, как говорили они, нужны немцам «для того, чтобы их цивилизовать», и за что он их называл в 1867 г. «учеными варварами». В 1914—1918 гг. подавляющее большинство немецких ученых дошло до состояния аннексионистского бешенства. Они неистово защищали лживую официальную версию, что на Германию якобы «напали» Россия, Англия и Франция, и обеляли все преступления германской военщины в захваченных территориях³.

¹ P. Rohrbach. Op. cit., SS. 89—90 (курсив Рорбаха).

² Ibid., S. 103 (курсив подлинника).

³ Под воззванием 93 ученых, оправдывавших во всем германское правительство, имелись подписи Вильгельма Оствальда, Брентано, Эрнста Гекеля, фон Гарнака, Лампрехта, Франца фон Листа, Эдуарда и Георга Майер, Вильгельма Рентгена, Вундта, Шмоллера, Фридриха Наумана, Рихарда Демеля, Гергардта Гауптмана, Германа Зудермана и других знаменитостей.

Известный профессор философии Лассон писал одному голландскому другу 29 сентября 1914 г., что немцам приходится «воевать с грубыми русскими, с торгашами англичанами и с фанатиками бельгийцами» и что «мы не помиримся до тех пор, пока эти европейские смутяны не будут уничтожены до конца». Германия, — утверждал Лассон, — «учила мир вести политику по совести, а воевать по чести», и поэтому она победит. «Англия, — продолжал Лассон, — идет к своей гибели. Францию спасти еще возможно. Что же касается России, то она не должна быть нашей соседкой. На этот раз мы расчистим место. Наш настоящий противник — Англия. Горе тебе, Альбион!»¹.

Через день, 30 сентября, Лассон писал тому же корреспонденту, что немцы превосходят морально все другие народы: «Мы самый свободный народ на земле, так как умеем повиноваться». «Наши характерные черты, — писал в заключение этот философ, — христианские добродетели: гуманность, мягкость, совесть. В мире зла мы воплощаем любовь, и с нами бог»².

Коллега Лассона, знаменитый 83-летний философ Вундт высказал те же мысли и пожелания, что и Лассон, в произнесенной им 10 сентября 1914 г. в Лейпциге публичной речи «О справедливой войне». Вундт, конечно, доказывал, что только война со стороны Германии является «справедливой» и «священной войной». Война же, которую ведут враги Германии, является заведомо «несправедливой» и «лживой войной» от начала до конца³.

Вундт не допускал мысли, что Германия не может победить в ее «справедливой» войне, поэтому он предлагал правительству не довольствоваться одной контрибуцией, так как «слишком обильный приток золота является сомнительной благодатью, если одновременно не будут открыты пути для его использования». Вундт требовал колоний, которые должны дать Франция и, особенно, Англия: «Она должна будет нам изобильно дать из того, чего она слишком много имеет». У России, требовал Вундт, необходимо отобрать, в наказание за ее неблагодарность к немцам, Польшу, Прибалтийский край, Финляндию и другие территории. Германия должна, наконец, создать из отнятых у России областей и из Австро-Венгрии средневропейскую федерацию под своим главенством⁴.

В брошюре «Наши счета с Англией» (1914 г.) не менее известный профессор Гейдельбергского университета, крупный историк Герман Онкен требовал создания «столь могущественной мирной империи в центре континента, чтобы ни одно государство — нарушитель мира — не могло больше слупить с цепи против нас реваншизм или царизм». «Вместо фальшивого выражения европейское равновесие, — писал Он-

¹ «Так говорит Германия». Подлинные немецкие документы и изречения о германских замыслах и поступках. Перевод с французского, Пгр., 1915, стр. 36—37.

² Там же, стр. 37—38.

³ Wilhelm Wundt. Über den wahrhaften Krieg, Leipzig, 1914, SS. 24—30.

⁴ Ibid., SS. 33—40.

кен,—мы хотим действительного равновесия в мире; вместо насильственного злоупотребления морской гегемонией мы хотим морского человеческого права и свободы морей; конечные цели наших счетов с Англией послужат на пользу всему человечеству»¹.

Профессор Герман Ульман, впоследствии фашист, писал в выпущенной им в 1914 г. в Праге брошюре «Какие плоды должна нам принести война», что с русским народом нельзя будет заключить никакого мира, так как этим народом «невозможно управлять». Против него надо беспрерывно вооружаться; поэтому немцы должны колонизовать Восток. Они должны «создать сильно укрепленный пограничный район..., который будет зависеть от Центральной Европы»².

Историк Штиве, также перешедший, как и Ульман, к фашистам, писал в брошюре «Германия в преддверии вселенной», что для германского народа эта война ставит уже в третий раз на протяжении столетий два понятия, две концепции: «отечество» и «вселенная». Считая Германию «прямой наследницей» мировой Римской империи, Штиве требовал разбить узкие рамки «отечества» и завоевать «вселенную». Ближайшая цель Германии в этой войне,— писал Штиве,—должна состоять в изгнании «пришельцев в Европу»: Франции, России, Англии. «Лозунгом дня для Германии должен быть, как и некогда, воля к могуществу. Вселенная, как бы далеко она ни простиралась, должна быть открыта для нашей активности. Север, как и Юг, Запад, так же, как и Восток, должны сделаться свободным полем для нашей деятельности. Никто не должен нам преграждать дорогу к овладению всей вселенной. Нам, как Фаусту,—все необходимо... Стремление к обладанию вселенной не является жадной к захвату. Нет, это не что иное, как древняя тоска по безграничному, бесконечности. Стремление к обладанию вселенной является наиболее сокровенной тайной германской крови»³.

Все немецкие ученые, которые выступали в печати или с публичными речами, соревновались друг с другом в подлости, в забвении чувства права и справедливости, в старании оправдать все преступления германского правительства и германской армии, в разжигании ненависти к врагам и их унижению, в составлении планов вселенского грабежа. Их писания отличались друг от друга иногда лишь по форме. Одни, как Вундт, Карл Лампрехт и другие, облачали свои чело-веконенавистнические мысли в изысканную литературную форму, другие, как Зомбарт, не гнушались пользоваться весьма нелитературным языком.

Вернер Зомбарт писал осенью 1914 г. в «Berliner Tageblatt», что Черногорию он считает «скверной шуткой мировой истории, бельгийская

¹ Цит. по S. Grumbach. Das annexionistische Deutschland, Lausanne, 1917, S. 289.

² Herman Ulmann. Welche Früchte soll uns der Krieg bringen? Mehr Menschen oder mehr Güter? Prag, 1914, SS. 18—19.

³ Fr. Stieve. Deutschland vor den Toren der Welt, München, 1915, SS. 18—19.

национальность вызывает у него усмешку», а сама Бельгия является «выкидышем европейской дипломатии». К сербам и японцам он питал отвращение, воевать с такими народами значит «покрывать грязью честное оружие». Зомбарт не признавал японцев за людей. Их нельзя ненавидеть, — писал он, — как нельзя питать чувства ненависти к бегущей по улице собаке. Об Англии Зомбарт писал: «Я глубоко убежден, что весь германский народ, от последнего извозчика до высшего чиновника, объединен пламенной ненавистью к англичанам. Наш действительный враг — Англия. Мы воюем теперь не с Европой, а с Англией. Война закончится только тогда, когда Англия будет окончательно разгромлена, уничтожена, опозорена, и тогда она будет лежать у наших ног». Зомбарт угрожал правительству революцией, если оно предложит Англии почетные условия мира. «Никакое слово не вызывает у немцев такого взрыва бешенства, как имя Англии». Звериную ненависть к Англии Зомбарт объяснял не желанием обогнать наиболее сильного и богатого конкурента, поражение которого обеспечило бы Германии надолго мировое господство, а биологическими причинами. «Главная причина самопроизвольной ненависти к Англии, — уверял Зомбарт, — таится в глубинах нашего сознания, там, где соображения разума не принимаются в счет и где господствует только инстинкт. Мы ненавидим в англичанах враждебное отношение к высшим проявлениям нашей натуры. И постигая это, мы подходим к основным причинам, породившим эту войну»¹.

IV

Правительство Германии формально запретило дискутировать в печати военные цели, так как это опровергло бы официально провозглашенную точку зрения, что Германия ведет оборонительную войну. Однако формальный запрет, как было показано выше, не помешал всем, кто этого желал, сформулировать захватнические программы и распространять их в печати. Само правительство приступило к конкретизации программы военных целей в самом начале войны.

14 октября 1914 г., через месяц после поражения на Марне и после разгрома русскими австро-венгерских армий в Галиции и германской армии под Варшавой, рейхсканцлер обратился с строго доверительным письмом ко всем имперским центральным учреждениям и затребовал от них представления докладов с соображениями об экономическом и военном закреплении Бельгии за Германией. Об официальных аннексионистских аппетитах дает понятие совместная записка имперского министерства внутренних дел и министерства иностранных дел от 31 декабря 1914 г. за подписями Клеменса Дельбрюка и Циммермана. Оба ведомства не требовали аннексии Бельгии. Наоборот, они требовали «восстановления Бельгии», но восстановления «как вас-

¹ См. S. Zurlinden. Der Weltkrieg, B. I, Zürich, 1917, S. 375.

сального государства..., находящегося в распоряжении германской империи».

Для закрепления за собой Бельгии с военной точки зрения, писали министры, Германия должна держать там постоянные гарнизоны, овладеть всеми железными дорогами и транспортными средствами, занять все крепости и порты и запретить Бельгии иметь свою армию. Бельгия должна содержать на свой счет германские гарнизоны и ежегодно уплачивать Германии известную сумму за «освобождение» ее от собственной армии. Суд и судопроизводство должны перейти к представителям Германии. Бельгия лишается права непосредственного сношения с другими государствами, и сношения эти осуществляются Германией. Бельгийские колонии передаются Германии, а Бельгия включается в Германский таможенный союз, «без права голоса в таможенных делах». Она обязана ввести у себя германское таможенное законодательство и передать взимание таможенных сборов германским чиновникам. Вся экономическая жизнь Бельгии подчиняется германскому финансовому капиталу, вместо франка вводится германская марка, а вместо бельгийского — германское рабочее законодательство¹.

Такую участь готовили германские официальные аннексионисты бельгийскому народу: экономическое и политическое рабство, полевые суды и осадное положение, передача всех материальных богатств жадному и ненасытному победителю, вечный рабский труд на поработителей в качестве вознаграждения за чинимые ими насилия.

Надо подчеркнуть, что аппетиты официальных кругов все же являлись «скромными» и «умеренными» по сравнению с требованиями буржуазных политических партий и так называемых «общественных» и «культурных» организаций, выражавших интересы монополистического капитала и юнкерства.

В декабре 1914 г. Пангерманский союз разослал по всей стране в тысячах экземпляров меморандум, составленный Классом и Гугенбергом, в котором были сформулированы ультрааннексионистские требования на Западе, Востоке и за морем. Этот меморандум, в результате длительного обсуждения центральными и местными комитетами правых буржуазных партий, правлениями крупных хозяйственных организаций финансового капитала, на кафедрах университетов и в «культурных» обществах, был положен в основу ряда других записок и меморандумов, которые были направлены в марте — июле 1915 г. имперскому канцлеру, верховному военному командованию и ряду влиятельных лиц. Эти меморандумы представляли собой программу «мирных целей» германской буржуазии, которая требовала, чтобы правительство провело их в жизнь.

Меморандум Класса — Гугенберга требовал перенесения германо-французской границы западнее прямой линии Булонь — Верден — Бельфор. На востоке меморандум требовал включения в границы Гер-

¹ «Die Ursachen», Anlage 12, SS. 193—199.

манской империи земель, лежащих восточнее прямой линии, идущей от Чудского и Псковского озер до устьев Днепра. Сибирь пангерманцы отдавали Японии, а себе они забирали всю Британскую империю¹.

20 января 1915 г. в здании рейхстага состоялось совещание представителей крупных хозяйственных и политических организаций под председательством Гугенберга для окончательной выработки программы требований юнкерства и финансового капитала. В основу обсуждения лег меморандум пангерманских организаций Класса и Гугенберга. В совещании принимали участие Кирдорф, Гуго Стиннес, Бейкенберг, Борзиг и Рейш — от тяжелой промышленности; Фридрих — от Союза германских промышленников; от Союза сельских хозяев — барон Вангенгейм и Резике; от Пангерманского союза — Класс, генерал Гебзаттель, Груме-Дуглас и Нейман. В своем докладе Класс требовал «приобретения территорий перед нашими воротами в Европе до Бельгии включительно». Стиннес одобрил предложенную программу и обещал повлиять на Центральный союз промышленников, чтобы и он присоединился к ней. Барон Вангенгейм приветствовал «необходимость и возможность приобрести в большом масштабе землю для поселения». Все присутствовавшие в количестве около 30 человек одобрили основные линии доклада Класса².

В марте 1915 г. была одобрена окончательная редакция аннексионистского документа, известного под названием «меморандума шести хозяйственных организаций» монополистического капитала (Центральное объединение германских промышленников, Союз промышленников, Союз сельских хозяев, Германский имперский союз средних классов, Немецкий крестьянский союз, Объединение христианских союзов немецких крестьян). К меморандуму шести хозяйственных организаций, который был 20 марта представлен канцлеру, и, подобно пангерманскому меморандуму, распространялся по стране в тысячах экземпляров, присоединились затем десятки иных крупных и мелких капиталистических организаций: Немецкий купеческий союз во Франкфурте-на-Майне, Всеобщий союз христианских горнопромышленных акционерных объединений Германии, Союз немецких техников, Союз отечественных рабочих объединений, Союз рабочих католических объединений, Всеобщий союз евангелических рабочих объединений, Немецкий национальный союз торговых приказчиков и др.³ После «обращения» меморандума массовыми мелкобуржуазными, а с виду и «пролетарскими» организациями, он был повторно представлен 5 мая канцлеру в качестве выражения воли широких масс⁴.

Для поддержки и пропаганды требований меморандума шести хозяйственных организаций Пангерманский союз создал комитет, куда

¹ «Schulthess Europäischer Geschichtskalender», 1915, 2 Teil, SS. 1391—1395.

² Heinrich Glass. Op. cit., SS. 354—355.

³ «Vorwärts», 29 Juni, Beilage, S. 5.

⁴ «Текст меморандума шести хозяйственных организаций» см. Schulthess. Europäischer Geschichtskalender, 1915, 2 Teil, SS. 1400—1405.

вошли виднейшие ученые, профессора, дипломаты — Отто фон Гирке, Герман Шумахер, Рейнгольд Зееберг, Дитрих Шеффер, бывший посланник Рейхенау, Фридрих фон Шверин, промышленник Эмиль Кирдорф и др.

Немецкие ученые и профессора имели свои «особые» пожелания, которые перекрывали все аннексионистские программы пангерманцев. Они были конкретизированы и «научно» обоснованы в так называемом «меморандуме профессоров», дипломатов и высших чиновников в «Доме искусства» в Берлине¹. Аннексионистские требования этого меморандума, под которым подписалось 1347 «ученых», в числе которых были 234 представителя крупной промышленности, 168 служителей церкви, 18 генералов и адмиралов, были, по словам профессоров Германа Шумахера, Зееберга, Дитриха Шеффера и др., очень «скромными». На деле они превосходили по своей наглости даже требования шести хозяйственных организаций финансового капитала и пангерманцев. В нем были предвосхищены все те каннибальские «идеи», которые впоследствии пересадил Гитлер в свою историческую книгу «Моя борьба». В этом меморандуме мы находим рассуждения о заселении германскими крестьянами завоеванных земель, о выращивании на них крестьян-воинов, об очищении завоеванных земель от их населения, что получило впоследствии у фашистов название *Raum ohne Menschen*, о лишении политических прав всех жителей ненемецкой национальности в «расширенной Германии» и т. д. Там же проповедывалось, что население России якобы «не так прочно связано со своей землей, как население Западной и Центральной Европы». «Профессора» не забыли, конечно, и заморской колониальной империи². Там, наконец, была выражена мысль, что Германия никогда не должна в будущем допустить существования рядом с собой двух великих держав. Как раз эта «идея» нашла выражение в «политическом завещании» Гитлера, которое весь мир окрестил названием «Завещание каннибала».

Меморандумы пангерманских объединений и шести хозяйственных организаций монополистического капитала и германских «профессоров» являются обобщением всех хищнических требований имущих классов Германии.

Они сводились к следующему:

1. Безраздельное господство Германии для начала над четырьмя континентами.
2. Передел земного шара на основе передачи Германии всех мировых материальных, продовольственных и сырьевых ресурсов.
3. Будущий «мир» должен обеспечить Германии господство на вечные времена.

¹ На этом съезде образовалась постоянная «профессорская» организация для пропаганды в стране идей «германского мира»: «Der unabhängige Ausschuss für einen deutschen Frieden», во главе с Дитрихом Шеффером. См. Heinrich Claas. Op. cit., S. 398.

² S. Grumbach. Op. cit., SS. 132—140.

4. На границах Германии не должно быть ни одной сильной державы.

5. Будущая Германская империя будет делиться на коренную полноправную Германию — «колыбель германизма» и на «завоеванную Германию», жители которой будут лишены всех политических прав и всего их движимого и недвижимого имущества в пользу завоевателей — немецких господ.

6. Односторонний характер промышленного развития Германии будет устранен созданием обширной сельскохозяйственной базы для колонизации избыточного коренного немецкого населения из метрополии.

7. Сельскохозяйственная база должна снабжать метрополию «здоровыми крестьянами», «крепкими и выносливыми солдатами», продовольственными продуктами и промышленным сырьем и «усилить независимость Германии от заграницы»; иными словами — установить полную автаркию.

8. Единственно пригодные для этой цели земли находятся на Востоке — в России. Они должны быть присоединены к Германии потому, что крестьянское население России якобы не знает еще оседлости и «вовсе не так срослось со своей землей, как население Центральной и Западной Европы», т. е. земли там якобы «бесхозяйные», и, кроме того, на этих землях «германская культура усваивалась в течение 700 лет».

9. Россия отбрасывается далеко от Балтийского и Черного морей и должна впредь быть во всем зависимой от Германии.

10. Борьба между славянством и германизмом разрешается в пользу последнего тем, что Россия навсегда отделяется от западного и южного славянства, которые станут добычей победоносного германизма.

Такова была программа крайних германских аннекционистов. Но и более умеренные буржуазные группировки, которые считали нужным отмежеваться от пангерманских объединений, не мыслили себе мира без крупных аннексий: одни — на Востоке, другие — на Западе, а третьи ничего не имели против расширения во все стороны.

Несмотря на успехи немецких армий в 1915 г. на Восточном фронте, Германия, в конечном счете, потерпела здесь крупное военнополитическое поражение. Она перенесла в сентябре 1914 г. центр тяжести всей войны на Восточный фронт с целью разгрома и уничтожения русской армии и принуждения России к сепаратному миру. Эта цель не была достигнута. Русские армии устояли. Они отдали большую территорию, но фронт не был разорван, и русские армии не дали себя окружить. Немцы вынуждены были прекратить в сентябре 1915 г. наступление, и Восточный фронт снова сделался устойчивым. Приняв на себя главный удар германских и австро-венгерских армий и истощив их, Россия дала возможность Франции переоборудовать и построить новую промышленную базу, а Англии — мобилизовать и обучить многомиллионную китченеровскую армию. В результате гранди-

озных сражений в 1915 г. на Восточном фронте военно-политическое положение коренным образом изменилось в пользу союзников. Немцы, тем не менее, считали себя победителями.

Даже такой серьезный и трезвый знаток военного дела, как Ганс Дельбрюк, и тот писал в октябрьской книжке «Прусских ежегодников» за 1915 г.: «Мы победители, мы можем себе поставить положительные цели... Само собой понятно, что раз германский император освободил и прибрал к своим рукам старые немецкие города, как Митава и Рига, то он их так же не может вернуть обратно, как он не вернул Страсбурга в 1871 г.— об этом должно быть единодушие»¹.

В выпущенной в 1915 г. книге «Наследство Бисмарка» Дельбрюк следующим образом определил германские требования при заключении мира: «Создание большой колониальной империи, Германской Индии». При этом он не забывал о необходимости приобрести «порты и угольные станции»².

В выпущенной в том же 1915 г. книге «Срединная Европа» Фридрих Науман облек в мечтательно-философские формы завоевательные планы и требования германского империализма. В этом новом государственном образовании, обязанном своим существованием исключительно «творчески-созидательной немецкой душе», господство должно было принадлежать одним немцам, которым выпала на долю миссия дать Европе «новый порядок». В «Срединной Европе» стирались все грани между государствами и исчезали все малые государства. Призывая немцев к созданию своей «Срединной Европы» во время войны, Науман писал: «Точно так же, как Бисмарк создал Германскую империю в войне 1870 г., а не после войны, так должны наши государственные руководители заложить во время этой войны, когда льется кровь и народы пришли в движение, основы нового государственного образования. Позже, может быть, уже будет слишком поздно»³.

Война показала, писал Науман, что ни сейчас, ни в будущем маленькие и средние государства не могут делать большой политики. «Лишь очень большие государства еще кое-что означают, все малые государства живут использованием противоречий между великими государствами и обязаны получить разрешение, если они хотят совершить необычное движение. Суверенитет, т. е. свобода всемирно-исторических решений, сосредоточен в очень небольших местах на земном шаре. Еще не пришел тот день, когда будет одно стадо и один пастырь, но уже миновали те дни, когда многочисленные малые и средней величины пастыри гоняли без всякого контроля свои стада по пастбищам Европы. Дух крупнокапиталистической концентрации и надгосударственной организации овладел и политикой. Кто мал и хочет оставаться изолированным, тот все равно становится зависимым от изменяющегося положения великих держав. Это является последствием

¹ Preussische Jahrbücher, Oktober, 1915, S. 168.

² Hans Delbrück, Bismarcks Erbe, Berlin, 1915, S. 202.

³ Fr. Naumann, Mitteleuropa, Berlin, 1915, S. 1.

централизации транспорта и военной техники. Кто не связан союзом, тот изолирован; кто изолирован, тот в опасности»¹.

Германия и Австро-Венгрия, отдельно взятые, слишком малы для того, чтобы устоять в мировой войне. «Поэтому—вещал Науман,— среднеевропейский союз является в настоящее время не случайностью, а необходимостью». «Срединная Европа» под немецкой гегемонией— это «надгосударственная организация», хозяйственный комплекс. Малые государства не должны, как это было до сих пор, мешать большим государствам².

Объединенные Австро-Венгрия и Германия— это только «ядро» Срединной Европы, руководимой Германией. «Наши глаза,— продолжал Науман,— таким образом обращены в первую очередь на среднеевропейскую территорию, которая простирается от Северного и Балтийского морей до Альп. Возьмите карту в руки и посмотрите, что простирается между Вислой и Вогезами, что находится между Галицией и Боденским озером. Это пространство мы должны рассматривать как одно целое, как многочисленную братскую страну, как оборонительный союз, как экономическую область. Здесь должен в суматохе мировой войны исчезнуть всякий исторический партикуляризм, который мешает идее единства. В этом состоит требование данного момента, в этом задача этих месяцев»³.

Таким образом, в «ядро» Срединной Европы включались все западные и южные славяне, которые должны были служить орудием в руках немецких господ для завоевания мирового господства. К основному «ядру» «Срединной Европы» должны были быть присоединены: на востоке— Украина, Белоруссия, Литва, Прибалтика; на севере— Финляндия, Швеция, Норвегия и Дания; на западе— Голландия, Бельгия, Швейцария и Франция до Вогезов и р. Соммы включительно. Такая «Срединная Европа» должна была, по планам германских империалистов, составить обширную «хозяйственную территорию», заключающую в своих пределах достаточно продовольственных ресурсов, промышленного и стратегического сырья для германской индустрии и потребностей войны. Она должна иметь достаточно плодородных земель для расселения немецких крестьян, которые должны поставлять продовольствие для городов и солдат— для новых завоеваний. «Срединная Европа» не являлась самоцелью. Опираясь на нее, Германия присоединяет не насилем, а общностью экономических интересов большую часть Европы и значительную часть Азии, населенную 200 с лишним миллионами человек.

Таковы были требования «умеренных» аннексионистов, представителями которых являлись профессор Дельбрюк, Науман, Даниэльс и др. Передвигаясь чуть-чуть вправо, но не на крайний правый фланг,

¹ Friedrich Naumann n. Mitteleuropa, Berlin, 1915, S. 4.

² Ibid.

³ Ibid., SS. 2—3.

мы встречаем крупных германских профессоров истории, которые хранили добрые традиции «духовной лейб-гвардии Гогенцоллернов» и по мере своих сил разъясняли и убеждали общественное мнение Германии в необходимости и полезности крупных аннексий. Среди этой группы выделялись три имени, на требования которых сто́ит коротко остановиться.

Известный историк, профессор лейпцигского университета Эрих Бранденбург писал в предисловии к своей двухтомной работе «Образование империи», что необходимо «снова присоединить к нашему государству большие пространства территории, некогда подчиненные старой Германской империи и заселенные германскими (?) колоннами». Он желал так далеко отодвинуть германские границы, «как это требует наша будущая безопасность». Этот «благородный жрец науки» считал, что присоединенные к Германии народы должны быть лишены всяких политических прав до тех пор, «пока они не станут способными сделаться членами германского национального государства»¹.

Всемирно-известный Фридрих Мейнеке, профессор берлинского университета и редактор Журнала «Historische Zeitschrift», выставил в июле 1915 г. в «Предварительных целях войны» два требования: на Западе — присоединение Бельгии, чтобы она «не могла вредить усилению нашей базы на Северном море», на Востоке — «отбросить назад Россию и приобрести для колонизации германских крестьян новые земли»². В 1916 г. Мейнеке уточнил свои военные цели. «После уничтожения Румынии, — писал он, — линия по реке Серету уже может быть обозначена как будущая граница между Россией и средневропейской системой государств». «Мир с Россией на этой основе, — продолжал он, — создаст на Юго-Востоке, хотя и не идеальные, но все же сносные для нас отношения на длительное время». Переходя к определению «реальных гарантий» на Западе, к «трезвому уточнению пространства между идеально желательным и сносным», он требовал «лучше защищенной границы на Западе». Захват одной Бельгии его уже больше не удовлетворял. Он считал возможным в этом вопросе всецело положиться на Людендорфа и Гинденбурга. «Наши военные вожди и государственные деятели, — писал он, — добьются крайне возможной пограничной линии»³.

Историк Герман Онкен, также «умеренный» аннексионист, выпустил книгу под названием «Старая и Новая Срединная Европа», куда он включил значительную часть Западной и Восточной Европы, всю Юго-Восточную Европу и Турецкую империю. И для Онкена, как и для генерала Бернгарди, война — «творческий разрушитель». Она не только разрушила вражеские границы, — писал он, — но этим самым

¹ Erich Brandenburg. Die Reichsgründung, Band I, Leipzig, 1916, S. IX.

² Цит. по S. Grumbach. Op. cit., SS. 227—228.

³ Friedrich Meineke. Probleme des Weltkrieges, Berlin, 1917, S. 57.

«создала также новую Срединную Европу в широком понимании». Куда ни глянь, всюду немецкое достояние, немецкое творчество, всюду Срединная Европа немецкой нации. «Как 700 лет тому назад, — радовался Онкен, — вестфальцы, нижнесаксонцы и фризы вступили в немецкие города Курляндии и принесли родственным по крови освобождение; на Западном фронте они узнали с радостным изумлением, что на территории Фландрии все еще понимают родное нижненемецкое наречие». Шваб встречается не только в Семиградии, но и на Карпатах своих родственников, он на своем победном пути «встречает даже в Палестине родные общины»¹. «Новая Срединная Европа» Онкена включала на Западе Бельгию и Северную Францию, на Востоке — Польшу, Литву, Прибалтику, Финляндию и Украину, на Юго-Востоке — весь Балканский полуостров. «Этим самым, — пояснял Онкен, — великое умиротворяющее творение (Befriedungswerk), которое с 1871 г. строили Германская империя и Тройственный союз, расширено на Юго-Восток»². Балканский полуостров должен войти в «Новую Срединную Европу» потому, — доказывал Онкен, — что он имеет крупное стратегическое, военное, хозяйственное и политическое значение, и он должен служить для нее территориальной связью с Турцией, которой прежде нехватало»³.

«Новая Срединная Европа» в таком составе и под господством Германии, — уверял Онкен, — ничего общего не имеет с английским, русским или американским империализмом». Она является «детисцем совершенно другого духа», так как германская мировая политика не хочет завоевывать силой, а желает присоединять на началах свободы. Она стремится создать на пути Берлин — Багдад не Германскую империю-поместье по английскому образцу, а *свободное* политико-экономическое культурное товарищество, связанное общими интересами великих и малых держав»⁴.

Северное, Балтийское и Белое моря, Черноморский бассейн, ворота к входу и выходу в Средиземное море и Турецкая империя — так выглядела «Новая Срединная Европа» профессора Онкена в ее «естественных границах» и после вступления США в войну, когда разгром Германии являлся лишь вопросом времени. Не довольствуясь этим, он требовал дополнить ее «Центрально-африканской империей». Эта империя должна была объединить бывшие германские, французские и португальские африканские колонии с Бельгийским Конго. И тогда, — торжествующе писал Онкен, — «руководимая нами группа держав в совокупности с нашими колониальными владениями представляла бы собою международно-политическое производственное товарищество,

¹ Hermann Onken. Das alte und das neue Mitteleuropa, Berlin, 1917, SS. 90—91.

² Ibid., S. 113.

³ Ibid., S. 112.

⁴ Ibid., S. 118.

достаточно сильное к сопротивлению англо-саксонско-русской и японо-китайской мировым империям»¹.

Будучи принципиальными противниками принципа права самоопределения национальностей, германские «ученые» яростно защищали выдвинутую в 1870 г. Адольфом Вагнером и Трейчке «теорию», что правом самоопределения обладает нация в целом, но не ее часть. Профессор Конрад Борнгак в статье «Принцип национальностей и война» писал: «Германский мир не будет заключен под эгидой принципа национальностей, так как на него не должны оказывать влияния обманчивые миражи... Мы обязаны взять и вырвать у наших врагов все возможные гарантии и безопасность, так чтобы никто из них не осмелился больше меряться с нами, ни изолированно, ни в союзе с другими». Профессор Борнгак милостиво соглашался не возражать против присвоения этого права национальностям там, где вождения германского империализма могут быть достигнуты «на основании принципа национальностей, как, например, в балтийских провинциях и во Фландрии»². Всем памятно, как генерал Гофман и статс-секретарь по иностранным делам фон Кюльман, опираясь на толкование германскими профессорами принципа права нации на самоопределение, пытались им оправдать захват Литвы, Белоруссии, Курляндии и Лифляндии.

От профессоров-историков не отставали в шовинизме представители других отраслей науки — экономисты, юристы, антропологи, археологи, медики и др. Адольф Вагнер, например, в публичной речи, произнесенной в Германском военном союзе 20 февраля 1915 г., требовал, чтобы Германия компенсировала себя за счет всех стран, «где германский меч сделал немцев господами... Мы должны расширить наши границы, насколько это только возможно»³.

Кто противостоял аннексионистскому потоку в Германии и были ли такие общественные группы, которые боролись против этого аннексионистского безумия? Конечно, были. Это были, в первую очередь, левые оппозиционные группы в социал-демократической партии — «группа Спартак», которая решительно боролась против планов аннексии. На словах, но не на деле выступала против аннексий и социал-демократическая партия. В самом начале войны возникли небольшие группы буржуазных пацифистов: «Лига новое отечество» под руководством известного спортсмена барона фон Теппер-Ласки, «Лига германского мира» под руководством профессора Квиде и подобные им антианнексионистские группы интеллигентов. Эти группы пытались выступить против завоевательной политики с чисто пацифистских позиций, но они вскоре принуждены были под ударами репрессий прекратить свою деятельность.

¹ Hermann Onken. Op. cit., S. 118.

² «Grenzboten», № 8, 23 Februar, 1916.

³ Hermann Onken. Op. cit., S. 118.

Были и такие буржуазные группировки, которые не одобряли пангерманских аннексионистских бредней, но не по принципиальным, а по чисто практическим мотивам. Они полагали, что надо довольствоваться для начала меньшими захватами, так как на большие нехватит сил.

Все эти буржуазно-пацифистские и умеренно-аннексионистские группы объединяли видных профессоров и ученых, бывших дипломатов, некоторых промышленников, вроде Карла Фридриха фон Сименса, редакторов некоторых газет, как, например, «Берлинер Тагеблат» и «Франкфуртер Цейтунг, и др. Все они поддерживали, в противовес пангерманским требованиям, «мирные цели» Бетман-Гольвега, с которыми мы познакомимся ниже, но влияние этих групп на политику было крайне ничтожным. Решающий голос и влияние на политику и ведение войны принадлежал юнкерам и монополистическому капиталу, которые сформулировали германские цели войны задолго до нее и явились застрельщиками первой мировой войны. Эти военные цели активно поддерживали весьма влиятельные лица — военное руководство в лице Гинденбурга и Людендорфа, придворные круги, все буржуазные партии, большинство рейхстага, прусская палата депутатов и палата господ, владетельные князья и т. п.

Когда канцлер Бетман-Гольвег, опасаясь неблагоприятного впечатления за границей, увидел себя вынужденным запретить публичное обсуждение в печати этой «мирной программы» финансового капитала, то германский кронпринц Вильгельм, командовавший тогда одной из армий на Западном фронте, обратился 25 февраля 1915 г. к рейхсканцлеру с протестующим письмом. Кронпринц упрекал канцлера в том, что противники пангерманцев Дельбрюк и его последователи — эти «далекие от мира идиоты пишут невозбранительно длинные полосы вздора». Требуя свободного обсуждения в печати пангерманской «программы мира», кронпринц писал: «Либо все могут писать, либо никто. Так думает германский народ по этому делу и все мы, находящиеся перед лицом врага»¹.

Кронпринц нагло лгал, когда он писал, что германский народ и германские фронтовики поддерживают аннексионистские требования Стиннеса, Гугенберга и им подобных и возводил напраслину на группу профессоров во главе с Гансом Дельбрюком, приписывая им пропаганду антианнексионистских требований. И эта группа интеллигентов была, как выше показано, за «умеренные» аннексии и стояла на позиции Бетман-Гольвега.

Какова же была «мирная» программа последнего? На этот вопрос отвечают переписка графа Вестарпа с Бетман-Гольвегом в апреле 1915 г. и записи состоявшегося у канцлера в мае 1916 г. совещания лидеров буржуазных партий по выяснению основ «мирной программы».

¹ Graf Westarp. Konservative Politik, Bd. II, Berlin, 1935, S. 187.

V

Узнав от своего единомышленника Гирша, что Бетман-Гольвег против аннексии, но за экономическое присоединение Бельгии к Германии, граф Вестарп обратился к нему 17 апреля 1915 г. с письмом от имени юнкерско-консервативной партии, в котором он требовал «держат в наших руках военное господство над Бельгией, ее крепостями и ее северным побережьем, завоеванным нами»¹. Вестарп решительно выступал против восстановления независимости Бельгии, угрожал народным восстанием, бунтом солдат и роковыми последствиями для монархии, если правительство не примет во внимание ультрааннексионистских требований пангерманцев и их хозяев².

В ответном письме от 23 апреля 1915 г. Бетман-Гольвег, между прочим, писал: «Я не оставил никакого сомнения у депутата Гирша в том, что защищаемые им аннексионистские стремления, которые в Северной Франции распространяются на линию Верден — Бельфор и на линию Ченстохов — озеро Пейпус, находятся для меня за пределами практического обсуждения. Я могу себе представить, что также и в случае полного разгрома всех наших противников, когда подобная программа могла бы вообще сделаться предметом обсуждения, я все же буду бороться в духе Бисмарка против приверженцев подобных идей, за политику относительной умеренности»,

Бельгийская программа Бетман-Гольвега, по его собственному изложению, состояла в следующем: «Для достижения длительного мира Бельгия должна быть для нас, по крайней мере, обезвреженной. Мы должны создать политические и экономические гарантии против того, чтобы Англия и Франция могли во время политических противоречий в будущем использовать Бельгию против нас. Эти гарантии предполагают, по меньшей мере, военную и хозяйственную зависимость Бельгии от Германии»³.

Из этого письма видно, что Бетман-Гольвег, верный прусскому принципу, что договоры суть «кочки бумаги», а обещания стоят и того меньше, уже отказался от обещанного им же 4 августа 1914 г. восстановления независимости Бельгии; этого отказа от него давно требовали пангерманцы и правые политические партии. Несмотря на все видимое различие военных целей рейхсканцлера, с одной стороны, консерваторов и пангерманцев, с другой, все они были за аннексии: пангерманцы и консерваторы — за безудержные и недостижимые без превращения войны в постоянный институт, в бытовое явление, Бетман-Гольвег — за «умеренные» аннексии, за «реальные гарантии», которые можно, в зависимости от военного счастья, расширить и сузить, а то и вовсе от них отказаться.

¹ Graf Westarp. Op. cit., S. 47.

² Ibid., S. 48.

³ Ibid.

«Военные цели» канцлера не удовлетворили консервативную партию. Ее руководство совместно с Пангерманским союзом, хозяйственными организациями монополистического капитала и руководством национально-либеральной партии решило заставить Бетман-Гольвега изложить перед более широким кругом общественных деятелей свою точку зрения о войне и мире. 15 мая 1915 г. состоялась совместная встреча канцлера с Вестарпом — от консерваторов, Шпанном — от католического центра, Бассерманом — от национал-либералов и фон Гампом — от имперской партии. Беседа велась на основе требований Пангерманского союза, которые Шпанн защищал от имени всех делегаций политических партий. По резюме результатов этой встречи, записанному Вестарпом, которое целиком сходится и с записью помощника статс-секретаря Ваншафе, Бетман-Гольвег заявил: «Бельгия должна быть обезврежена: форма [обезвреживания.— Ф. Н.] является чрезвычайно трудным вопросом, но она на втором плане. Бельгия не должна оставаться в зависимости от Франции и Англии, но она должна сделаться германским вассальным государством. Несколько месяцев тому назад Гинденбург требовал одного только Льежа. Фалькенгайн требовал права оккупации всей Бельгии, включая и побережье». «Канцлер,— пишет далее Вестарп от себя, излагая мысли Бетман-Гольвега,— во всяком случае идет дальше: оккупация всей страны и всех средств, обеспечивающих экономическое господство». Канцлер в заключение изложил депутации программу «освоения» Бельгии, которая была первоначально изложена в записках фон Лебеля от 29 октября и Дельбрюка и Циммермана от 31 декабря 1914 г.

Требования канцлера к Франции, по записи Вестарпа, заключались в следующем: «Удержание Бриэ-Лонгви; улучшение границы в Вогезах, завоевание Бельфора очень трудно, но желательно. Во всем остальном Фалькенгайн вполне законно оставляет за собой право определить все данные подробности в зависимости от военного положения»¹.

О восточной «мирной программе» Бетман-Гольвега Вестарп записал: «Он согласен со Шпанном относительно обеспечения границ посредством их расширения. На Востоке военные соображения еще больше, чем на Западе, должны получить преимущество перед экономическими. В дискуссии фон Гамп особенно горячо защищал требование приобретения земледельческой области для колонизации; Бассерман соглашался, что нельзя будет провести эвакуацию; я указал, что мысль о поселенческой области следовало бы благожелательно взвесить и подробно обсудить совместно с хозяйственными организациями, годятся ли для этого Сувалки, Ковно и пограничные части Курляндии. Канцлер постепенно делался определеннее в заявлениях, что на Востоке решающими являются исключительно военные соображения, и прибавил, что предложения Гинденбурга предусматривают

¹ Graf Westarp. Op. cit., SS. 51—52.

также места для поселений... Экономические интересы в отношении России будут обеспечены хорошим и длительным торговым договором»¹.

Сравнение процитированных документов показывает, какой большой аннексионистский путь проделал канцлер между 23 апреля и 13 мая 1915 г. в сторону требований пангерманских организаций. В первых числах мая германская армия одержала крупную победу над русской армией под Горлицей. Это тотчас же сказалось в расширении «мирной» программы Бетман-Гольвега.

В результате обсуждения между канцлером и лидерами всех правых политических партий и католического центра военных целей, Бетман-Гольвег сделал 28 мая 1915 г. в рейхстаге заявление о внешней политике правительства, в котором впервые была выдвинута формула о «реальных гарантиях». «Опираясь на нашу чистую совесть, на наше правое дело и на наш победоносный меч», Бетман призывал «оставаться твердыми до тех пор, пока мы не завоюем и не создадим все только возможные реальные гарантии и полную безопасность, чтобы никто из наших врагов — ни в отдельности, ни совместно, — не осмелился опять начать вооруженный поход»².

Буржуазные партии были в восторге от заявления канцлера, и даже консервативная партия, находившаяся обычно в оппозиции к политике Бетман-Гольвега, предложила рейхстагу, в знак одобрения политики правительства, прекратить прения и закрыть заседание без обсуждения декларации. Формула «реальные гарантии» сделалась отныне официальной программой военных целей правительства до конца войны. Эта формула удовлетворяла пангерманские и юнкерские круги и финансовый капитал, так как она поддавалась различным толкованиям и в нее можно было вложить любое содержание.

«Военные цели», выраженные в меморандумах пангерманцев, шести хозяйственных организаций монополистического капитала и в «записке профессоров», постепенно отодвинули на задний план все иные, более умеренные аннексионистские требования, в том числе и «мирные цели» самого Бетман-Гольвега.

Эту завоевательную программу германского финансового капитала и юнкерства крупно-капиталистическая, юнкерская и вся зависимая от финансового капитала печать, вплоть до осени 1918 г., пропагандировала на все лады и старалась привить германскому народу. Повальное ультрааннексионистское движение, охватившее все имущие классы и зависимые от них прослойки германского общества, является прекрасной иллюстрацией всемогущества финансового капитала. «Факты говорят, — писал Ленин летом 1915 г., — о повальном присоединении к империалистам всех имущих классов вплоть до мелких буржуа и «интеллигенции». Ленин дал классическое объяснение этих фактов и доказал, почему они неизбежны и «законны» при импери-

¹ Graf Westarp. Op. cit., S. 52.

² Verhandlungen des Reichstags, Stenographische Berichte, Bd. 306, SS. 141—143.

ализме: «Империализм есть подчинение всех слоев имущих классов финансовому капиталу и раздел мира между 5—6 «великими» державами, из которых большинство участвует теперь в войне. Раздел мира великими державами означает то, что все имущие слои их *заинтересованы* в обладании колониями, сферами влияния, в угнетении чужих наций, в более или менее доходных местечках и привилегиях, связанных с принадлежностью к «великой» державе и к угнетающей нации»¹.

VI

Когда Бетман-Гольвег обсуждал программу территориальных захватов с лидерами консервативной партии, он надеялся, что лето 1915 г. принесет Германии решительную победу над Россией, которая вынуждена будет заключить сепаратный мир ценой уступки обширных территорий «для немецких поселений». Как известно, эти надежды не сбылись, и осенью 1915 г. германское верховное командование вынуждено было признать, что невозможно выбить Россию из строя воюющих держав. Поражение германской армии под Верденом, победы Брусилова в 1916 г. и англо-французские успехи на р. Сомме летом и осенью того же года коренным образом изменили военную и политическую обстановку в пользу стран Антанты. Новое верховное командование в лице Гинденбурга и Людендорфа признало осенью 1916 г., что «нельзя закончить войну посредством нанесения ударов одними силами сухопутной армии». Обширные аннексионистские программы повисли в воздухе; тем не менее, в народе подогревалась вера в достижение «немецкого мира».

Германская и австро-венгерская армии перешли в 1916 г. на всех фронтах к обороне. Война затягивалась. Линейный и крейсерский флот отсиживался в отечественных гаванях и не смел показываться оттуда без риска быть уничтоженным. Оставался последний резерв — вновь выстроенный подводный флот с большим радиусом действия. Вновь встал, уже не в первый раз, на очередь дня вопрос о беспощадной подводной войне. Однако, прежде чем пускаться в ход это крайнее и опасное по своим политическим последствиям для самой Германии средство борьбы, она попыталась испробовать иное средство: поставить на колени своих противников «мирным» путем. «Мирное» наступление центральных держав было продумано и разработано во всех деталях в октябре — ноябре 1916 г. Ему предшествовало одно мероприятие, заранее предрешившее отрицательное отношение к «мирному» предложению со стороны царского правительства, которое вместе с царицей, как всем известно, тайно склонялось к сепаратному миру с Германией.

5 ноября 1916 г. германское и австро-венгерское правительства объявили аннексию Русской Польши, прикрытую актом о создании из областей бывшего Царства Польского «самостоятельного государ-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 256.

ства с наследственной монархией и конституционным правлением» под протекторатом завоевателей и с «собственной» польской армией. Этим «освободительным» жестом Германия надеялась получить в виде «благодарности» не менее полумиллиона польских солдат и хотела поставить Россию перед совершившимся фактом еще до вступления в «мирные» переговоры¹.

В согласованных между Германией и Австро-Венгрией в конце октября и начале ноября 1916 г. «мирных» предложениях² оба правительства обязались требовать на будущей мирной конференции: 1) возвращения всех территорий Германии, Австро-Венгрии и Турции, которые им принадлежали до войны, включая германские колонии, и отмену аннексии англичанами Египта и Кипра; 2) подчинения Бельгии Германии под видом «обеспечения безопасности» последней; если бы сепаратные переговоры с королем Альбертом не привели к этой цели, тогда «аннексия полосы территории, включая Льеж, для обороны нашей промышленной области»; 3) присоединения к Германии Лонгви и Бриэ и Люксембурга; 4) отделения от России Польши с тем, «чтобы получить хорошую, проходящую с севера на юг, стратегическую границу против России»; 5) «свободы морей» и свободы судоходства на Нижнем Дунае³; 6) стратегического улучшения границ Австро-Венгрии за счет России (Украина), Румынии, Сербии (включая Белград), присоединения Черногории к Австро-Венгрии и объявления австро-венгерского протектората над Албанией; 7) увеличения Болгарии за счет Румынии и Сербии и присоединения к Греции Северного Эпира в виде вознаграждения за нейтралитет; 8) контрибуции за военные расходы⁴.

Эта официальная «мирная» программа германского и австро-венгерского империализма означала полное господство Германии в Европе, с передачей ей и Австро-Венгрии наиболее богатых сельскохозяйственных и промышленных областей и всех наличных в Европе месторождений угля, железной руды и нефти. Улучшение австро-венгерской границы за счет России, Румынии и Сербии означало в расшифрованном виде, как это теперь известно из других документов, присо-

¹ Германия потерпела полную неудачу. Поляки отказались воевать за интересы германского империализма. Всего около 3000 польских «добровольцев» пошло в армию. Царское правительство публично заявило 25 ноября о недействительности австро-германского акта, имевшего целью «провести в Русской Польше рекрутский набор для пополнения своих армий». Оно, в свою очередь, еще раз подтвердило свое собственное намерение «образовать целокупную Польшу из всех польских земель... под державным скипетром государей российских».

² Die Deutsche Nationalversammlung 1920/21, Stenographische Berichte des Untersuchungsausschusses, Bd. 2, Beilagen zu den Stenographischen Berichten. Teil II, № 75—77, SS. 79—84, Berlin, 1920 (ниже этот источник будет обозначаться сокращенно: «Stenographische Berichte»).

³ Под «свободой морей» германские империалисты понимали свободу для германских подводных лодок разбойничать на всех морских просторах, а под свободой судоходства на Нижнем Дунае они понимали свободу одной Германии устанавливать нужные ей режимы на Черном море.

⁴ Stenographische Berichte, № 78, SS. 84—85.

единение под разными видами Украины и Румынии к центральным державам. «Мирные» предложения Германии означали далее отстранение России от Балтийского и Черного морей и полное экономическое подчинение России Германии, а также присоединение большей и лучшей части Балканского полуострова к Австро-Венгрии и установление ее господства на Балканах.

Эта программа в целом даже превосходила проект «Срединной Европы» Фридриха Наумана. Такой программы можно было добиться только после полного разгрома России, Англии и Франции. Тем не менее, она, по видимому, казалась реальной даже умеренному Бетман-Гольвегу. Он только полагал, что австро-венгерские требования несколько «завышены» в отношении России, притязания же Австро-Венгрии в Румынии, Сербии на Черногорию и Албанию и, уже само собою понятно, германские требования он считал вполне реальными. Гинденбург также считал австро-венгерские требования «завышенными», но зато он полагал, что требования Германии «занижены», и, в свою очередь, потребовал 5 ноября их «исправления» в сторону значительного увеличения по всем перечисленным выше пунктам¹. Бетман-Гольвег в общем согласился с заключением Гинденбурга и успокоил его насчет Бельгии. Она уже уплатила, сообщил канцлер фельдмаршалу, 1 миллиард марок контрибуции; от нее взимается ежемесячно 40 миллионов марок, и эта сумма будет поднята до 50 миллионов марок в месяц. «Мы, кроме того,— писал Бетман-Гольвег,— хотим еще потребовать от Бельгии передачи Конго»². Заявление канцлера удовлетворило Гинденбурга. Он потребовал лишь включения в «мирную программу» требования с предоставлением Россией «экономических выгод Германии»³.

7 ноября 1916 г. Бетман-Гольвег составил новый список требований с учетом замечаний Гинденбурга. В них фигурировали три новых пункта: 1) приобретение Конго или его части; 2) «предоставление заграничным немцам компенсации за потерянную собственность и за разрушенную немецкую собственность за границей»; 3) «торговый договор с Россией, предоставляющий экономические выгоды»⁴.

8 ноября кайзер Вильгельм одобрил новый, расширенный список требований и предложил включить еще одно требование, а именно: «Английские горные концессии в России переходят к нам»⁵.

Имелись ли какие-либо шансы для принятия этих «мирных» условий Германии противной стороной? Конечно, никаких. Однако германское верховное командование, кайзер и даже осторожный Бетман-Гольвег считали их «приемлемыми» для Антанты. 27 ноября Бетман-Гольвег писал Гинденбургу, что виды на возможный мир путем пере-

¹ Stenographische Berichte, № 79, SS. 85—87.

² Ibid., № 80, S. 87.

³ Ibid., № 81, S. 88.

⁴ Ibid., № 82, SS. 88—89.

⁵ Ibid., № 83, S. 89.

говоров попрежнему остаются «неопределенными», но тут же прибавлял, что миролюбивые настроения во Франции усиливаются, внутреннее положение в России свидетельствует «о дезорганизации правительственной власти», а Англия в тревоге относительно продовольственных затруднений и из-за «недостатка доверия к благонадежности России». Канцлер полагал, что «падение Штюрмера изменило положение к нашей невыгоде», но, в конечном счете, приходил к выводу, что «мирное предложение будет иметь для Германии благоприятные последствия» и оно едва ли будет отвергнуто¹.

Каким путем рассчитывали германские империалисты добиться осуществления такой чудовищной захватнической программы, когда военное положение центральных держав ухудшилось настолько, что само верховное командование не верило больше в победоносное окончание войны силой сухопутного оружия? Большие надежды возлагались на обман, интриги, угрозы по адресу одних, «ласки» для других — все это было заранее разработано и должно было, по мнению германской дипломатии, оказать благотворное действие. 4 января 1917 г. канцлер раскрыл свои козыри в письме к Гинденбургу.

«Когда мы усядемся за один стол с нашими противниками на конференции,— писал он,— то, наряду с достижением наших отдельных военных целей, наша главная задача должна будет состоять в том, чтобы в процессе переговоров использовать все те моменты, которые могут привести к расколу враждебной нам коалиции. Тогда выяснится, откроется ли надежда вызвать путем уступок одному из наших противников разногласия в лагере наших врагов и возможно ли добиться сепаратного мира с одной из держав. Будет ли это Франция или Россия, будет ли это Англия, что менее всего вероятно, этого еще сейчас нельзя предвидеть. Умеренность наших требований по отношению к одной стороне даст нам, конечно, возможность увеличить наши требования по отношению к другой стороне»².

Владимир Ильич Ленин писал в январе 1917 г., не зная, конечно, о письме Бетман-Гольвега, что «Германия *откалывает* от своего главного врага, Англии, ее союзников... тем, что как раз не Англии, а именно этим союзникам нанесены... самые тяжелые удары»³.

Германское и австро-венгерское «мирное» предложение ничего общего не имело с миром. Это была программа установления политической и экономической гегемонии германского империализма в Европе за счет России, Франции, Бельгии, Румынии и Сербии, создания колониальной империи и переложения всех военных издержек на эти же страны. Дипломатия Антанты правильно оценила «мирное» предложение как ловушку и не пошла в расставленные сети. Предложение Германии было отвергнуто.

¹ Stenographische Berichte, № 86, SS. 92—93.

² Ibid., № 119, S. 118.

³ В. И. Ленин. Соч., т. XIX, стр. 380.

VII

Февральская буржуазно-демократическая революция в России окрылила новыми несбыточными надеждами германских империалистов. Уже 27 марта 1917 г. германский канцлер и новый австро-венгерский министр иностранных дел граф Чернин договорились о том, что в случае победоносного исхода войны, в чем они, повидимому, теперь уже не сомневались, раздел добычи будет произведен «согласно затраченным усилиям». Принципиально было договорено: «Для Германии речь идет, главным образом, о Востоке, для Австро-Венгрии; главным образом, — о Румынии»¹.

Коронный совет в верховной ставке в Крейцнахе 23 апреля 1917 г. уточнил и конкретизировал принципиальное австро-германское соглашение. Было решено, что:

1. Германия присоединит к себе Курляндию и Литву и будет добиваться аннексии других прибалтийских русских территорий и островов в Рижском заливе. Граница должна проходить южнее Лиды по линии Белосток — Неман. «Беловежская пуца должна быть приобретена в качестве государственного домена».

2. От уже аннексированной Русской Польши, которая составляла австро-германский кондоминиум, перейдет к Германии вся линия Нарева, линия Остроленка — Млава, местность впереди Торна, местность севернее Калиша, Дембровский бассейн и местности, необходимые «для обороны Верхнесилезской промышленной области». Взамен ампутации Польши «необходимо направить стремления Польского государства к расширению на восток».

3. Австро-Венгрия получит Молдавию по реке Серет, Западную Валахию и часть Сербии. «Остальная Сербия, Черногория и Албания будут присоединены к ней же, но в качестве югославского государства». Болгария получит незначительную часть Добруджи. Все, что остается от бывшей Румынии, включая² линию Черновода — Констанца, образует Румынское государство, в котором «должны быть обеспечены германские нефтяные интересы».

4. Германия аннексирует бельгийское побережье Фландрии с Брюгге, Льеж с Тангереном и железнодорожную линию Льеж — Ставло — Мальмеди.

Юго-восточная оконечность Арлон также будет присоединена к Германии «в предположении, что там имеется железная руда».

Переход этих территорий к Германии являлся «непременным условием мира с Англией». Остальная Бельгия останется под германским военным контролем до тех пор, «пока она не созреет для оборонительного и наступательного политического и экономического союза с Германией».

5. Люксембург будет аннексирован «в качестве союзного германского государства».

¹ «Die Ursachen», Anlage 14, S. 200.

6. Французские железорудные бассейны Лонгви и Бриэ присоединяются к Германии.

Кайзер Вильгельм предложил компенсировать Францию за отнятые у нее территории бельгийской областью Мариенбург, к западу от Живе.

Коронный совет предложил начальнику морского генерального штаба представить список морских баз и стратегических опорных пунктов, которые необходимо получить для обороны расширенной Германии.

Этот протокол коронного совета, первый из известных опубликованных документов, в которых зафиксирована официальная программа ограбления мира, подписали Гинденбург, Людендорф, начальник морского генерального штаба адмирал Гольцендорф, Бетман-Гольвег и статс-секретарь по иностранным делам Циммерман¹.

Во исполнение поручения коронного совета, морской генеральный штаб тщательно обсудил с министерством колоний вопрос о морских базах и представил в особом меморандуме от 18 мая за подписью адмирала Гольцендорфа пожелания обоих ведомств. Меморандум исходил из «непреложного факта», что Германия создаст после войны Среднеафриканскую колониальную империю, для чего необходимо иметь опорные пункты, позволяющие «удержать в будущей войне колониальную империю и быть готовым к торговой войне и защите торговли». Для выполнения этой задачи морской штаб требовал присоединения к Германии Дакара и Азорских островов на Атлантическом океане; Валоны и Катарро на Адриатическом море, Александретты в Средиземном море, португальского Тимора в Индийском океане; Новой Каледонии «из-за нахождения там месторождений никеля и кобальта», Новой Гвинеи, островов Яп и Таити на Тихом океане. В Китае морской штаб и министерство колоний рекомендовали получить Циндао в Шаньдуне, Уху на р. Янцзы и «пункт в Южном Китае, который должен быть выбран исключительно с точки зрения торговых интересов».

В заключение этого любопытного официального документа адмирал Гольцендорф верноподданнически просил кайзера «принципиально разрешить ему действовать согласно этому плану при подготовительных работах к заключению мира»².

Пожелания министерства колоний и морского генерального штаба были одобрены и сделались составной частью официальной захватнической программы германского правительства. Эта программа, сформулированная коронным советом в апреле и дополненная в мае 1917 г., оставалась, кроме восточной ее части, неизменной, вплоть до разгрома Германии в 1918 г. Что же касается «восточного варианта», то он постоянно изменялся в сторону увеличения, и в 1918 г. он слился в объеме с восточной программой пангерманцев.

¹ «Die Ursachen», Anlage 14, SS. 200—202.

² Ibid., Anlage 18, SS. 209—210.

На чем основывало германское правительство свои необузданные гребования в середине 1917 г., когда внутреннее положение в Германии ухудшалось, страна экономически слабела, а военная фортуна давно уже повернулась к ней спиной? Оно строило все свои планы в этот период времени на неизбежном временном ослаблении России. Яркий свет на затронутый вопрос проливает переписка Бетман-Гольвега с графом Черниным, которого революция в России напугала, и он ожидал такого же революционного взрыва в Австро-Венгрии.

В письме от 4 мая 1917 г. Бетман-Гольвег в очень розовых красках оценивал ближайшие военные перспективы центральных держав. Он считал, что революция в России исключает наступление больших масштабов против немецких и австро-венгерских войск на Восточном фронте, а это, в свою очередь, изменяет соотношение сил на Западном и Итальянском фронтах. Он даже считал, вопреки действительности, что беспощадная подводная война настолько ослабила Англию, что выступление США, когда оно произойдет, уже не улучшит общего положения Антанты. Не закрывая глаз на тяжелое продовольственное, экономическое и внутриполитическое положение центральных держав, канцлер все же полагал, что им удастся справиться с положением «без большого кризиса и не подвергая угрозе государственное здание».

Анализируя международную и военную обстановку, а также внутриполитическое положение центральных держав, руководитель германской политики пришел к выводу, что события в России развиваются в пользу Германии и Австро-Венгрии. Из всего видно,— писал он,— что в России «лишь та партия сможет удержаться у власти, которая вступит на путь к миру с центральными державами». Задача последних,— продолжал рейхсканцлер,— должна состоять во внимательном наблюдении за процессом разложения в России, в его поощрении и деловом рассмотрении мирных предложений, когда таковые поступят, «чтобы они привели к действительным мирным переговорам»¹.

Это было мнение не одного Бетман-Гольвега. Так думали верховное командование и кайзер. Отныне германский империализм поставил ставку на ослабление и «разложение» России. По мере развития и углубления революции в России, они все больше укрепляются в своем убеждении, что могущественный восточный сосед безнадежно «болен», что полная победа обеспечена, и начинают еще больше расширять свою захватническую программу.

Намеченная коронным советом 23 апреля 1917 г. восточная часть «мирной» программы была согласована 17—18 мая в Крейцнахе с австро-венгерским союзником, причем граф Чернин потребовал, чтобы обобранная «маленькая новая Сербия без порта», Черногория без

¹ Erich Ludendorff. Urkunden der Obersten Heersleitung über ihre Tätigkeit im Jahre 1916—1918. Berlin, 1921, SS. 380—383.

Ловчена и Северная Албания «образовали три государства, в военном, политическом и экономическом отношениях зависимых от Австро-Венгрии». Германия принципиально согласилась с этим, но потребовала для Болгарии сербский левый берег Моравы и Приштину, а себе эксплуатацию недр новой Болгарии и Валону. Германия далее согласилась передать Австро-Венгрии остаток Румынии, как это определено в протоколе коронного совета от 23 апреля, «при условии обеспечения экономического преобладания Германии в Румынии... во владении и эксплуатации недр (минеральные масла), в судоходстве на Дунае, железных дорогах». Но взамен Румынии германское правительство потребовало отказа Австро-Венгрии от права на участие в польском кондоминиуме и отказа ее от вмешательства в военные, политические и железнодорожные дела польского королевства.

На приведенной выше «принципиальной» основе Германия и Австро-Венгрия. обязались вступить в переговоры для урегулирования отношений на Востоке и на Балканском полуострове¹.

Как известно, оба союзника так и не сумели полюбовно размежевать свои империалистические интересы в Восточной и Юго-Восточной Европе до разгрома обоих. Главным яблоком раздора была Польша. За месяц до капитуляции союзники спорили между собой по поводу носителя польской короны. Один требовал вручения ее Гогенцоллерну, другой — Габсбургу.

После свержения царизма революционные рабочие России выдвинули лозунг справедливого мира без аннексий и контрибуций. Настаивать после этого на завоевательных планах было невозможно не только по внешнеполитическим и военным, но и по внутривнутриполитическим причинам, так как лозунги русской революции имели много приверженцев в самой Германии и Австро-Венгрии. Руководящие круги этих стран тотчас же решили приспособиться к создавшейся политической обстановке, прикрыть свои империалистические планы одинаково звучащим лозунгом: «Мир на основе восстановления *status quo ante bellum*» (восстановления территориального и иного положения 1914 г.). С этого момента слова «*status quo*» очень усердно повторялись в официальной переписке между канцлером и верховным командованием, а их юристы усердно занимались изобретением такой формулы, которая могла бы, не нарушая формы, позволить вместить в нее аннексионистские требования. Формулу «*status quo ante bellum*» часто повторяют в дипломатических документах и австрийские министры. В мемории о военных целях Австро-Венгрии, представленном в июле 1917 г. императору Карлу, Чернин писал, что Германия и Болгария выйдут из войны с значительным расширением своей территории. Поэтому и Австро-Венгрия не может остаться с пустыми руками. В противном случае, писал Чернин, народы монархии сказали бы о политике австро-венгерского правительства, что сотни тысяч их

¹ «Die Ursachen», Anlage 15, SS. 202—204.

сынов погибли «во славу Германии», и это вызвало бы такое «настроение, которое задело бы жизненный нерв монархии и корни династии».

Политические соображения, продолжал Чернин, побуждают Австро-Венгрию увеличивать ее территориальные владения. Но так как Германия не даст ей возможности расширяться на Восток и приберет к своим рукам всю Русскую Польшу, то монархия должна компенсировать себя на Юге. Уходя с Востока, Австро-Венгрия должна заявить германской союзнице, что она очистит занятую часть Польши лишь в том случае, если Германия отдаст ей Румынию. Балканы являются тем полем деятельности, где Австро-Венгрия должна получить компенсации за принесенные ею жертвы. И в Берлине понимают, что монархия «имеет преимущественное право на Балканы».

Чернин следующим образом конкретизировал захватнические планы австро-венгерского финансового капитала и феодальной знати: «От Черногории мы должны получить по стратегическим соображениям Ловчен; уменьшенная Сербия должна быть включена в нашу таможенную и торговую черту и принуждена искать свое будущее спасение и благосостояние во все более тесном присоединении к нам. И, наконец, Румыния. Румынию мы должны получить; мы должны получить Валахию и всю Молдавию до Серета... Старая Добруджа пусть отойдет к Болгарии, а маленький оставшийся остаток образует новую маленькую Румынию, которая выполнит двойную цель: служить в качестве клина между Болгарией и Россией и обладать устьем Дуная, удержать которое представит большие трудности»¹.

У многих установилось довольно прочное представление, что Австро-Венгрия была только сателлитом и вассалом Германии, что она воевала лишь ради сохранения целостности монархии, что она будто бы не имела своей собственной, империалистической программы захватов, да и не желала будто бы никаких территориальных приращений, так как они могли усилить славянские народы и соответственно ослабить политический удельный вес господствовавших в государстве наций — немцев и мадьяр. Факты опровергают эти ошибочные суждения. Документальные данные показывают, что Австро-Венгрия, даже накануне своего развала, была таким же империалистическим хищником, жаждавшим территориальных захватов, как и другие империалистические государства, но более слабым хищником с гнилыми зубами.

После Февральской революции в России крайнее империалистическое крыло в Германии с Гинденбургом и Людендорфом настолько было убеждено, что ему удастся навязать германское господство всему миру, что оно серьезно опасалось, что Бетман-Гольвег может «продешевить» на мирной конференции и погубить «немецкую победу». В июле 1917 г. Бетман-Гольвег был свергнут, а на его место по-

¹ Karl Nowak. Der Sturz der Mittelmächte, Dokumente, München, 1921. SS. 420—428.

ставлен послушный и безличный чиновник Михаэлис, во всем подчинявшийся верховному командованию.

При нем и при третьем канцлере во время войны, графе Гертлинге, «восточная программа» росла, как снежный ком. После падения Бетман-Гольвега впервые появилось в официальных документах и в официальных формулировках военных целей слово «Украина».

На состоявшемся 9 августа 1917 г. совещании Михаэлиса с Гинденбургом в Крейцнахе было договорено, что Германия присоединит к себе всю Литву и Курляндию и в целях успешной борьбы против английского влияния будет стремиться к подчинению себе всей Прибалтики с Финляндией. Канцлер и фельдмаршал договорились, что необходимо внести ясность в устремление Украины, использовать ее националистическое сепаратистское движение «в германских целях». Для того чтобы расположить украинских сепаратистов к Германии, Михаэлис и Гинденбург решили «выяснить у Австрии, нельзя ли предложить украинцам Восточную Галицию».

Относительно Польши было решено ничего не давать Австро-Венгрии и заставить ее «добровольно» отказаться от кондоминиума в пользу Германии; если же австро-венгерская союзница не согласится это сделать, или же сами поляки будут сопротивляться присоединению Польши к Германии, то на этот случай было решено «произвести четвертый раздел и присоединить к Германии часть Польши по линии Нарева».

Было далее условлено, что предыдущие решения о Румынии останутся в силе лишь в том случае, если курляндский, литовский и польский вопросы будут разрешены в желаемом для Германии духе. Однако ни при каких условиях «Румынская Добруджа не должна быть отдана Болгарии»¹.

Таким образом в августе 1917 г. германская официальная захватническая программа на Востоке включает под разными видами господства Польшу, Белоруссию, Литву, Курляндию, Лифляндию, Эстляндию, Финляндию и Украину. Что касается последних двух стран, то тогда еще не было полной ясности, какова будет «правовая» форма их зависимости от Германии. Одно было ясно и твердо установлено: Украина и Финляндия должны быть отделены от России, а остальное все приложится.

Австро-венгерская дипломатия готовила в это время встречу австрийского и английских агентов в Швейцарии для выяснения возможности начать переговоры. В связи с этим граф Чернин запросил у Михаэлиса, может ли формула «status quo ante bellum» служить подходящей базой для начала мирных переговоров. В ответном письме от 17 августа 1917 г. Михаэлис сообщил Чернину, что Германия примет эту формулу за основу для переговоров, но сделал пояснение, которое ее целиком опрокидывало. Формула «status quo ante bellum»,

¹ «Die Ursachen», Anlage 16, SS. 204—206.

писал Михаэлис, позволяет Германии сохранить довоенные границы, но она вовсе не исключает того, чтобы Германия подчинила себе вражеские области, в частности Курляндию, Литву и Польшу, гарантировала себе свои границы и «обеспечила жизненные интересы на континенте Европы и за морем». Из дальнейшего изложения видно, что германское правительство ничего не имело против того, чтобы на той же основе «восстановления» «status quo» «подчинить Германии также французские области и всю Бельгию»¹.

VIII

Через три дня после подписания советско-германского соглашения о перемирии, 18 декабря 1917 г., коронный совет в Крейцнахе постановил, кроме Литвы, Курляндии и Польши, о которых уже были вынесены неоднократные решения, присоединить также Эстляндию и Лифляндию, включая Ригу и острова в Рижском заливе, на основе персональной унии с Пруссией. Тогда же было решено предложить Советскому правительству эвакуировать Лифляндию и Эстляндию «с тем, чтобы эстонцы и ливонцы могли использовать их право на самоопределение»².

Как известно, германское правительство приняло советские условия о мире без аннексий и контрибуций и о праве наций на самоопределение в качестве основы для переговоров, но вложило в эти условия свое, немецкое содержание.

По толкованию немцев, советские мирные условия означали, что все русские территории, оккупированные немецкими войсками, не подлежат освобождению на том основании, что Советское правительство признало за народами России право на самоопределение и на выход из состава государства, если они этого пожелают. Области, не занятые немецкими войсками, но которые германские империалисты решили захватить,— Эстляндия, Лифляндия, Финляндия и Украина,— также подлежали, по утверждению германского правительства, отторжению от России и присоединению к Германии, так как они будто бы уже изъявили такое желание.

На совместном совещании австро-венгерских и германских руководящих министров и верховного командования 5 февраля 1918 г. в Берлине, на котором были намечены общие политические линии для делегаций на мирной конференции в Брест-Литовске, Карл Гельферих следующим образом сформулировал официальную точку зрения на status quo ante bellum: «status quo» означает в моих глазах сумму владения не только в Европе, но также и в отношении наших материализованных интересов за границей. От этого зависит не только прорыв через переходную эпоху, но вся будущность Германии, например, обеспечение доставки сырья. Наше народное хозяйство для 60 миллионов

¹ Ottokar Czernin. Im Weltkriege, Berlin — Wien, 1919, SS. 214—218.

² «Die Ursachen», Anlage 20, S. 215.

человек построено большей частью на деловых отношениях с заграницей. Территориальный вопрос ясен, но другое не менее важно».

Таким образом *status quo ante bellum*, т. е. сохранение территориальных владений до войны, Гельферих заменил «суммой действительного владения» в Европе в начале 1917 г. и включил сюда еще сумму всех материальных интересов, которые Германии понадобятся в будущем. Против этой формулировки возражал Чернин, поскольку она «охватывает миллион вопросов», за которые можно бороться до скончания света. Но Людендорф решительно поддержал точку зрения Гельфериха. «Мир, обеспечивающий лишь «*status quo*», — заявил он, — будет означать, что мы проиграли войну. Такой мир на Востоке никогда не дискуссировался. На Западе еще нет ясности. Но если мы сохраняем там старые границы, то мы будем после войны, с военной точки зрения, в худшем положении, чем до нее». «Для защиты угольного бассейна в Силезии, Саарской области и индустриальных центров, — указывал Людендорф, — необходимы лучшие границы; на иной мир верховное командование не согласится»¹.

Отправляя делегацию в Брест-Литовск для завершения «мирных» переговоров, германские руководящие круги твердо решили отторгнуть от Советской России Литву, Польшу, Курляндию, Лифляндию, Эстляндию и Финляндию под видом осуществления «прав наций на самоопределение». Отторжение Украины и других советских территорий было решено произвести иным способом. В Брест-Литовск приехала, как бы по собственной инициативе, украинская делегация австро-венгерских агентов, уже много лет находившихся на содержании австрийского и германского правительств. С этой «делегацией» собственных платных агентов, действовавшей от имени и по уполномочию мифического «украинского правительства», было решено заключить «мир», а затем разорвать переговоры с Советским правительством².

Своей предательской политикой в Брест-Литовске Троцкий, вероломно нарушив полученные им директивы, помог германо-австрийской делегации заключить 9 февраля «мир» с контрреволюционной украинской Центральной радой и дал повод для разрыва переговоров с Советской делегацией. Вслед за этим, 16 февраля, вероломным нападением и углублением немецких полчищ в пределы нашей родины началась интервенция германского империализма в Советской России.

Во время происходившего 20—22 февраля в Германии обсуждения мирного договора с украинской Центральной радой было продемонстрировано полное единство всех буржуазно-юнкерских партий и их всемерное одобрение грабительского мира. Защищая в рейхстаге «мирный» договор, его творец, статс-секретарь по иностранным делам фон Кюльман, заявил 20 февраля: «Украина, говоря в общих чертах, охватывает всю Южную Россию и заключает в своих естественных этнографических

¹ «Die Ursachen», Anlage 21, SS. 217—222.

² Erich Ludendorff. Urkunden, S. 468.

границах как богатейшие аграрные области прежней Российской империи, так и богатые возможности в отношении полезных ископаемых, залежей угля и железной руды, которые лишь отчасти известны и эксплуатируются». Фон Кюльман подчеркнул, что «в пределах Украинской народной республики имеются также и многообещающие зачатки собственной промышленности». «Помимо этих причин,— продолжал фон Кюльман,— играли немаловажную роль и причины продовольственно-фуражного и военно-политического характера. Украина, как многие полагают, обладает также и сейчас, после столь длительной войны, большими запасами хлеба и фуража, которые она частично в состоянии отдать». Договор с Центральной радой был первым «мирным» договором, который продиктовала Германия в войне 1914—1918 гг. Фон Кюльман выразил надежду, что все другие договоры, которые Германия заключит в ближайшее время, будут походить на германско-украинский. Это первый договор,— сказал он,— является в известной степени *прототипом для других договоров*, и он послужит «основой для восстановления правовых отношений с другими частями России»¹.

Расчленение Советской России и подчинение ее отдельных частей Германии было, таким образом, провозглашено с трибуны рейхстага статс-секретарем по иностранным делам в качестве официальной линии германской политики и поддержано с энтузиазмом всеми буржуазными и юнкерскими партиями.

Лидер национал-либеральной партии Густав Штреземан; представлявший наиболее мощные группы финансового капитала, приветствовал договор с Центральной радой потому, как говорил он, что договор этот отрывал наиболее богатый край от России и отдавал его в полную эксплуатацию германского капитала. «Украина,— заявил Штреземан,— колоссальный хозяйственный организм Российской империи, и надо радоваться тому, что германская политика добилась ее отделения от России и вступления в хозяйственные отношения с Германией».

Нарисовав широкими и сочными мазками картину германского благоденствия после хозяйственного «присоединения» Украины к Германии, Штреземан патетически продолжал: «В виду того, что экономическое значение отрыва Украины от России очень велико, я приветствую это еще и потому, что мы здесь *создали своего рода договор-модель для восстановления хозяйственно-правовых отношений*», который должен компенсировать все потери германского инвестированного капитала за границей. Штреземан требовал оформления аннексии Литвы, Курляндии, Домбровского угольного бассейна и других районов Польши, богатых железом и другими ископаемыми, и создания «германской Прибалтики». «Если мы,— сказал Штреземан,— оккупируем вместе с Финляндией также Лифляндию и Эстляндию, то тогда, надеюсь я, на-

¹ Verhandlungen des deutschen Reichstages. Stenographische Berichte. Bd. 311, SS. 4002—4004.

станет день, когда эта старая немецкая земля будет находиться в лоне великой империи»¹.

Граф Вестарп одобрил от имени консервативной партии отторжение Украины по тем же мотивам, что и Штреземан, и приветствовал «возобновление работы доброго немецкого меча» на русской земле, который создал ясность, что «большевизм — враг Германии». Вестарп также поддержал требование Штреземана о присоединении к Германии всей Прибалтики и, в свою очередь, потребовал от правительства, чтобы оно не возобновляло переговоров с большевиками до тех пор, пока большевистское правительство не признает, «что оккупированные нами области — Литва, Курляндия и Польша отделены от Русского государства и что мы сами теперь урегулируем отношения этих государств, не допуская никакого влияния большевиков на урегулирование этих вопросов». Возобновление наступления против большевистской России, — продолжал Вестарп, — вернуло Германии «свободу рук», и она устроит свои дела так, как того потребуют ее интересы. «Теперь слово опять принадлежит оружию, и теперь оружие опять сделает свое дело. Оно сделает свое дело на Востоке, оно нанесет, если это будет необходимо, нашим врагам и на Западе последние удары, которые приведут нас через немецкую победу к немецкому миру»².

В духе Вестарпа высказался представитель другой юнкерской партии, имперской фракции, Галем (Швец)³. От католического центра одобрили договор с Центральной радой патер Гребер и Ференбах. Последний потребовал, под общее одобрение консерваторов, депутатов немецкой имперской фракции и национал-либералов, расчленения России и оформления в договоре с Советской Россией отделения от нее, кроме Украины, также и Польши, Литвы, Курляндии и Эстляндии с целью их последующего присоединения к Германии⁴. От имени прогрессивной партии договор одобрили депутаты Фишбек и Дове⁵.

Лишь Ледебур и Кон от независимой социал-демократической фракции выступили с протестом против «мирного» договора и фактического отторжения Украины от России⁶.

Германская социал-демократическая партия критиковала договор с Центральной радой на словах⁷. Перед генеральной дискуссией по договору Шейдеман заявил от имени своей партии, что, хотя она имеет возражения против его отдельных пунктов, но социал-демократическая партия будет, несмотря на это, голосовать за мирный договор «в сознании того, что всякое заключение мира укрепляет волю народов к

¹ Verhandlungen des deutschen Reichstages, Stenographische Berichte, Bd. 311, SS. 4018—4024, 4086—4088.

² Ibid., SS. 4025—4032.

³ Ibid., SS. 4032—4033.

⁴ Ibid., SS. 4004—4007; 4078—4081.

⁵ Ibid., SS. 4016—4018; 4072—4073.

⁶ Ibid., SS. 4007—4013.

⁷ Ibid., SS. 4034—4040; 4081—4086.

всеобщему миру и... ослабляет позицию подстрекателей к войне во всех странах»¹.

Таким образом все буржуазные партии, представленные в рейхстаге, избранном на основе всеобщего избирательного права, были воодушевлены одним желанием: отторгнуть от России Финляндию, Прибалтику, Литву, Польшу, Белоруссию и Украину и подчинить их Германии под разными видами зависимости. Все они требовали расчленения России, удаления ее от берегов Балтийского и Черного морей, завладения ее угольными и железными бассейнами и приближения к кавказской нефти. И социал-демократическая партия, которая являлась во время войны главной опорой германского империализма в рабочем классе, критикуя на словах аннексионистскую политику правительства, по существу одобряла ее.

Вся захватническая восточная программа германского финансового капитала и юнкерства, в которой они сумели заинтересовать среднюю и мелкую буржуазию, значительную часть крестьянства, интеллигенции и даже некоторые слои рабочего класса, пустила прочные корни в народных массах. Эта программа была силой навязана молодой Советской России в Брест-литовском договоре от 3 марта и Румынии в Бухарестском договоре от 5 мая 1918 г.

Брест-литовский «мирный» договор, оформивший отторжение от Советской России всех упомянутых выше территорий, во время его обсуждения в рейхстаге 18, 19 и 22 марта был одобрен голосами всех буржуазных партий против голосов независимых социал-демократов. Социал-демократы большинства воздержались от голосования².

Считая себя бесспорным хозяином в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе, германский финансовый капитал начал «осваивать» богатую добычу, а германская армия начала наступление на Западном фронте с целью сокрушения англо-французской армии, закрепления захватов на Востоке и завоевания мирового господства.

Одновременно с наступлением на Западном фронте, Германия продолжала захватывать новые советские территории. В апреле 1918 г. германские империалисты были убеждены, что мартовское и апрельское продвижение на Сомме и на р. Лис во Фландрии окончательно решило великую тяжбу в пользу Германии, и они принялись «устраивать», пользуясь выражением Вестарпа, в своих интересах «немецкую Восточную Европу». В апреле германские войска заняли Финляндию, и в Берлине для нее заготовили немецкого короля. Для Литвы, Курляндии и Эстляндии были отлиты герцогские короны, и в Берлине, Мюнхене, Штутгарте горячо спорили о том, какую из них надеть на голову прусского короля и какие — на представителей других царствующих немецких династий. А до разрешения этого «важного» спора управление

¹ Verhandlungen des deutschen Reichstages, Stenographische Berichte, SS. 4424—4445; 4453—4491; 4536—4570.

² Ibid., S. 4072.

«спорными» территориями было подчинено имперскому министерству внутренних дел, что означало фактическую их аннексию.

В мае был произведен на Украине государственный переворот. Немцы распустили Центральную раду, арестовали ее «министров» и возвели в гетманы царского генерала Скоропадского. Из Украины немцы пошли в Крым, Донбасс, на Дон, в Закавказье, потянулись к бакинской нефти. По требованию финансового капитала, было решено «хозяйственно присоединить» к Германии донецкий уголь, криворожскую руду и марганец, кубанскую, донскую и северокавказскую пшеницу, бакинскую нефть, грузинский марганец. Был выработан обширный план немецкой колонизации русских областей и устройства юнкерских латифундий на Украине, Северном Кавказе и в Поволжье. Советской России германские захватчики милостиво соглашались отпускать небольшую толику угля, руды, нефти и пшеницы в обмен на необходимое для Германии русское сырье и лес. Все перечисленные выше мероприятия и предположения, — говорил 7 мая 1918 г. в главной комиссии рейхстага вице-канцлер и лидер прогрессивной партии фон Пайер, — направлены к установлению хороших отношений с «освобожденными» от России народами. «В наших и в их интересах, — продолжал Пайер, — установление политического, экономического, культурного и, насколько это возможно, военного сближения. Мы надеемся извлечь из этого пользу для обеспечения нашей продовольственной базы и заложить твердый фундамент колонизаций. Присоединение этих государств, от которых мы не можем отказаться, должно создать военное обеспечение против России»¹.

Все лидеры буржуазных партий одобрили планы и мероприятия правительства по «устройству» «немецкой Восточной Европы». Лишь некоторые ораторы критиковали правительство за то, что оно недостаточно умело проводило эту политику. Эту сторону правительственной политики в «присоединенных государствах» критиковал также лидер католического центра Эрцбергер. «Мы, — заявил он, — главным образом заинтересованы в расчленении Великороссии... Не надо теперь менять цели... События на Украине вызвали громкую радость в Париже и Лондоне и ведут к объединению восточных народов»².

Только независимые социал-демократы критиковали политику правительства в «немецкой Восточной Европе» с принципиальных позиций и требовали отказа от всяких аннексий.

Германские и австро-венгерские империалисты всерьез считали, что Советская Россия с ее колоссальными богатствами является их «жизненным пространством», что это их колония, которую они будут «оплодотворять» своей техникой, капиталами и культурой. Расположившись в необъятной России, — мечтали они вслух, — Германия расширит

¹ Wippermann. Deutscher Geschichtskalender. Der europäische Krieg, April — Juni 1918, SS. 842—845.

² Ibid., SS. 849—855.

в ближайшем будущем свои границы до Персидского залива и Владивостока.

Победные настроения передались также и господствующим классам Австро-Венгрии. Граф Чернин 2 апреля 1918 г. заявил в австрийской делегации, что центральные державы принудят Францию, Англию и США заключить мир на тех же условиях, какие они уже навязали русским, украинцам и румынам. «И прочие наши враги,— сказал Чернин,— начинают понимать, что мы хотим только упроченной будущности для монархии и своих союзников, но что мы хотим ее завоевать, можем ее завоевать и завоюем»¹.

Через месяц, 3 мая, австро-венгерское правительство опубликовало официальное коммюнике, в котором, между прочим, говорилось: «Мы находимся на последнем решающем этапе войны. На Востоке враг нам уже не угрожает, но необходимо принудить и других противников отказаться от враждебных намерений»².

Когда война действительно оказалась «на последнем решающем этапе», и Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция были разгромлены, германские империалисты продолжали цепляться за все свои захваты, за «status quo» в толковании Гельфериха, за все фактические владения на Востоке и на Западе. Уже накануне полного краха, 12 сентября 1918 г., вице-канцлер фон Пайер заявил, что Германия могла бы заключить мир на условиях «status quo» с одной поправкой: «Восстановление довоенных границ возможно всюду, только не на *нашем* Востоке (подчеркнуто мною.— Ф. Н.). Германия не может способствовать восстановлению России. Такая идея немыслима». «Немецкий мир» на Востоке,— продолжал южногерманский демократ фон Пайер,— отвечает интересам всего мира, и мы никому не позволим вмешиваться в это дело с точки зрения английского главенства; мы также не станем представлять Антанте на милостивое одобрение или изменение заключенные нами мирные договоры с Украиной, Россией и Румынией. На Востоке мы имеем мир, и он останется для нас миром, независимо от того, нравится ли он нашим западным врагам или нет»³.

Здесь не место рассматривать, какой «мир» германский империализм установил на Востоке в 1918 г. и как он им насаждался на территории Советской России. Достаточно лишь указать, что Германия вынуждена была держать на «умиротворенном» Востоке около 25% своих войск, отсутствие которых сильно давало себя знать на Западном фронте.

Из той же речи фон Пайера видно, что Германия еще в половине сентября 1918 г. не намерена была возвращать хотя бы один клочок захваченных ею Бельгии, Люксембурга и Северо-Восточной Франции.

¹ «Arbeiter-Zeitung», 3. April 1918.

² «Wiener Zeitung», 3 Mai 1918.

³ «Kölnische Zeitung», 13 September 1918, erste und zweite Morgenausgabe, № 852—853.

* * *

Таковы были германские захватчики в первой мировой войне. Между Тирпицами, Людендорфами, Вестарпами, Штреземанами и Гельферихами, с одной стороны, и Бетман-Гольвегами, Эрцбергерами, Ференбахами и фон Пайерами, с другой, было не принципиальное, а лишь тактическое отличие.

Достаточно беглого ознакомления с «теориями» о господстве немцев, с аннексионистскими программами и политической практикой германского империализма в 1914—1918 гг. и с программой захвата «жизненного пространства» и устройства «нового порядка» германского фашизма, чтобы сразу убедиться в том, что последняя была старательно списана с первых. Гитлер принял всю разбойничью программу пангерманцев и политические эксперименты германского финансового капитала 1914—1918 гг., облек их в мистическую и истерическую форму и выдал за свои собственные. Вся внешняя политика германского фашизма, все его разбойничьи акты в Европе и во всем мире, все его устремления на Запад и Восток предначертаны еще пангерманцами при последнем Гогенцоллерне. Германский фашизм и в этом отношении целиком и полностью усвоил «наследство» пангерманцев.

Гитлер полностью списал у пангерманских «профессоров» программу фашистской наднациональной «федеративной германской империи», куда должны были войти все славянские земли в Европе, очищенные от славян, и кавказские народы. Эта германская империя,— говорил Гитлер,— «будет, без сомнения, федерация, но ее члены не будут, конечно, равноправны с немцами. Союз второстепенных народов, не имеющих армии, не ведущих собственной политики, не имеющих собственной экономики,— вот чем будет эта федерация».

Это и есть та «Срединная Европа» немецкой расы, за создание которой кайзеровская Германия вела войну в 1914—1918 гг.

Гитлер ничего нового не выдумывал и лишь старательно копировал своих пангерманских предшественников, когда добивался завоевания для Германии «жизненного пространства» в Европе в качестве основы для завоевания мирового господства. Но для этого,— писал Гитлер,— Германия должна в первую очередь «увеличить необходимое нашему народу жизненное пространство в Европе». Именно в первую очередь в Европе,— пояснял Гитлер,— «ибо не в колониальных приобретениях мы должны видеть разрешение этого вопроса, а исключительно в приобретении территории для поселения, которая увеличит основную территорию самой Германии». Но как раз этого самого требовали Крупцы, Стиннесы, Гугенберги, Людендорфы и Гинденбурги в 1914—1918 гг. Ради достижения этой цели они залили мир кровью.

Гитлер повторял своих пангерманских предшественников и тогда, когда устремлял свои звериные взоры на Восток. «Приняв решение раздобыть новые земли в Европе,— писал Гитлер,— мы могли их получить в общем и целом только за счет России. В этом случае мы дол-

жны были, препоясавши чресла, двинуться по той же дороге, по которой некогда шли рыцари наших орденов». Все это уже было сказано предшественниками Гитлера, и все это уже было включено в боевую программу кайзеровской Германии и выражено в аннексионистских меморандумах разных организаций монополистического капитала.

Готовясь к войне, Гитлер развивал такую программу: «Если мы хотим создать нашу великую германскую империю, мы должны прежде всего вытеснить и истребить славянские народы — русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белоруссов. Бассейн Богемии и Моравии, территории, простирающиеся непосредственно к востоку от Германии, будут колонизованы немцами, а население этих территорий мы выселим в Сибирь... Мы думаем установить наше господство и укрепить его так, чтобы оно длилось по меньшей мере тысячу лет... Наша миссия заключается в том, чтобы подчинить другие народы. Германский народ призван дать миру новый класс господ».

И эта программа списана целиком и полностью с писаний идеологов пангерманизма в 1894—1918 гг., с программы 1914—1918 гг., с меморандумов немецких профессоров, книг Наумана, Онкена, Класса, Шеффера и др., в которых эта каннибальская программа германского владычества над миром варьировалась на все лады. За эту программу уже однажды воевала кайзеровская Германия и была разбита.

Гитлер и немецкий фашизм не выросли на пустом месте. Они уходят своими корнями в глубь десятилетий. То, чего не смогли добиться духовные отцы Гитлера — пангерманские «ученые» и публицисты, кайзер Вильгельм, Людендорф и Гинденбург, столь же безуспешно стремился недавно добиться немецкий фашизм. Тут нет никакой случайности. В этом имеется историческая закономерность.

«Всякая война,— говорил Ленин в 1917 г.,— нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот же самый класс продолжает во время войны, переменяя только форму действия»¹.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XXX, стр. 333.

Ф. Я. ПОЛЯНСКИЙ

ЦЕНЗУАРИИ И КОТТЕРЫ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

В настоящей статье сделана попытка документального выяснения одного из актуальных вопросов истории крестьянства средневековой Англии, в разрешении которого нет единодушия даже среди советских медиэвистов, что объясняется, в известной мере, его трудностью. Я имею в виду проблему социально-экономической характеристики цензуариев и коттеров, в разрешении которой историческая литература дает много контроверз и часто ошибочных заключений. При этом принцип локального исследования положен в основу всего изложения, и в качестве документального материала использован прекрасный сборник материалов по истории маноров Глостерского аббатства св. Петра, изданный W. H. Hart («Historia et Cartularium Monasterii Sancti Petri Gloucestriae». London, vol. I—III, 1863—1867; в дальнейшем сокращенно цитируется Cart. Gl.).

Связь с католической церковью была внешним моментом для социально-экономической структуры этих маноров, и она отнюдь не обесценивает научного значения этих материалов, не лишает их показания общезначимости. Это тем более следует подчеркнуть, что, как показывает последующее изложение, в церковных манорах Глостерского аббатства имелось не меньше цензуариев и коттеров, чем в светских владениях английских лордов XIII в.

* * *

В хозяйственной жизни маноров Глостерского аббатства, как показывают документы XIII в., крупную роль играли цензуарии и коттеры. Ее характеристика тем более необходима, что она явно преувеличивается Петрушевским, Гранатом и другими историками и неправильно оценивается ими как явление, стоящее за пределами феодального производства, не имеющее точек соприкосновения с ним, принципиально несовместимое с его специфическими тенденциями. Цензуариев и коттеров объявили «внеманориальным элементом» феодальной деревни, и самое их существование считается доказательством того, что натурально-крепостной манор не был в истории средневековой Англии определяющей, господствующей формой производства. Виноградов на них ссылался при обосновании тезиса о компромиссности развития и структуры английского феодализма. Гранат усмотрел в коттерах армию обычного пролетариата, характерного для капиталистической

Англии последующих веков, а Петрушевский выставил тезис, что вообще английский манор являлся капиталистическим предприятием.

Нижеследующая таблица (см. вклейку) дает опорную точку для обсуждения этого вопроса.

Таблица показывает, что численность «внеманориального элемента» (по терминологии указанных авторов) среди зависимого от аббатства населения была весьма значительной (816 домохозяев) и превышала количество вилланов, находившихся в распоряжении маноров (662 домохозяина). Однако среди них группа старосвободного населения являлась чрезвычайно малочисленной, хотя цифры таблицы (36 хозяйств), возможно, страдают неточностью и могут быть несколько увеличены за счет группы цензуариев, рассматриваемых в таблице как оброчники, коммутировавшие свои барщинные и другие повинности. Дело в том, что обособление этих групп — необычайно трудное дело, так как сами описи их не разграничивают, а состав повинностей и характер держаний иногда однороден у представителей обеих групп, что вполне естественно, так как коммутация барщин приближала положение бывшего ранее крепостным крестьянина к положению его соседа, вообще избежавшего закрепощения. В группу старосвободных держателей мы выделили тех цензуариев, которые, имея крупное земельное держание, платили за него меньше денег, чем обычно, посещали курию свободных (в Глостере) или выполняли другого рода политические функции.

Таким образом выделение этой группы произведено по признакам экономического и юридического порядка, с учетом хозяйственного и социально-политического положения каждого держателя. Это единственно правильный метод, если вообще трудная задача обособления старосвободных элементов населения от его групп, коммутировавших свои повинности, может быть решена и допускает свое разрешение. Например, о многих чистых цензуариях, т. е. обязанных только денежными платежами в пользу манора, говорится, что они посещают курию свободных в Глостере и галимот того манора, к которому относятся их держания. Однако по одному этому признаку их нельзя отнести к группе держателей, сохранивших свою свободу с давних времен, так как, несмотря на это, их денежные платежи за землю достигали уровня, обычного для платежей бывших вилланов. Ведь коммутация вовсе не означала освобождение виллана от эксплуатации и давала ей лишь иную экономическую форму. Поэтому высокий уровень денежных платежей за землю свидетельствовал о вилланском прошлом держателей.

Но если даже цифру 36 и пришлось бы увеличить при более детальном анализе группы цензуариев, бесспорным останется вывод, что количество старосвободных держателей земель Глостерского аббатства исчислялось немногими десятками, а в общей массе держателей (1478 хозяйств) они занимали весьма скромное место, составляя всего 2.4%. Экономическое значение их было ничтожно, и уже по одному этому они не могли изменить натурально-крепостную природу манора как определенную форму производства. Правда, площадь их землевладения

достигала 2438 акров (плюс 2 карукаты), но площадь чисто вилланского, крепостного землепользования была в 8 раз больше (19 351 акр). Они доставляли аббатству 15 ф. 18 сол. 4 ден. денег; однако в форме всякого рода вилланских денежных платежей маноры собирали с крепостного населения огромные суммы денег.

Вместе с тем, эти остатки старосвободного населения не могли изменить строй манора одним фактом своего существования еще, и особенно, потому, что само их экономическое бытие покоилось на феодальной основе, и они фактически несли чисто крепостнические функции в системе манориального производства.

В самом деле, их земельные держания представляли собою феодальное явление, а совсем не разновидность землеаренды капиталистической эпохи. В описях иногда указывается, что держатель этой группы пользуется землей «по наследственной грамоте»¹ или «только пожизненно» (*ad vitam suam tantum*)², или «держит полвиргаты свободно» (*libere*)³, а в некоторых случаях «за свободные службы» (*per liberum servitium*)⁴. По характеру и выполняемым их владельцами повинностям многих из этих держателей (представителей старосвободного населения маноров Глостерского аббатства) можно отнести к низшей ступени подвассального землевладения, известного под названием *sergantia*, *sergantija*, *serganteria*⁵ и выделяемого Мэтландом (и другими авторами) в особый разряд свободного землевладения, наряду с другими его разновидностями (военно-рыцарское, церковное на условиях милостыни, *free Socage*) и в противоположность вилланскому земледержанию⁶. Эта разновидность землевладения мелких служилых людей, выполнявших для лордов всякого рода специальные поручения (в качестве рассыльных, вооруженной охраны и т. п.) была повсеместным явлением и многократно засвидетельствована документами⁷. Они существовали и в системе маноров Глостерского аббатства: опись одного из них перечисляет 8 держателей этой категории, указывая, что их образец «держит карукату земли от господина аббата *per sergantiam*»⁸.

Поэтому хозяйство группы старосвободных элементов населения, верхушки крестьянства и, одновременно, служилых людей маноров, было феодализированным в формах своего землевладения, и последнее являлось существенным моментом его организации. Для него характер-

¹ Cart. Gl., vol. III, pp. 49, 134.

² Ibid., p. 170.

³ Ibid.

⁴ Ibid., pp. 187—188.

⁵ См. о названиях этого рода держаний у Стеббса «Select Charters», 4 ed., 1881, p. 549.

⁶ См. F. Pollock and F. W. Maitland. The History of English Law, vol. I, 1898, pp. 240, 282—290.

⁷ См. например, отрывки из Note Book Брактона и других документов в сб. «Engl. Econ. History», 1921, pp. 24—28, ed. by Bland, Brown and Tawney.

⁸ Cart. Gl., vol III, p. 149; vol II, pp. 207, 251.

но наследственное, пожизненное и служилое земледержание, а не срочная аренда капиталистической эпохи. Обратное этому заключение основывается обычно лишь на буквальном толковании слов «свободный держатель» и странном предположении, что терминология истечников и есть решение проблемы социально-экономической классификации крестьянства, его земельных держаний.

О том же самом говорит и перечень их функций в системе манориального производства. Главной повинностью старосвободных держателей был платеж денег, хотя и в меньшем размере, чем это приходилось делать другим цензуариям (бывшим вилланам). Если принять площадь карукаты за 120 акров (поскольку в маноре Barton Abbas ее держатель нес в два раза больше повинностей по сравнению с держателем виргаты в 64 акра), то за 2678 акров они платили ежегодно 15 ф. 18 сол. 4 ден., или 1.4 ден. с акра. Следовательно, положение этой группы надо считать весьма выгодным и прямо привилегированным. Владея значительной земельной площадью, они отдавали манорам аббатства лишь небольшую долю своих хозяйственных приобретений, выплачивая скромные денежные суммы их администрации. Ведь вилланские платежи (денежные и барщинные — по существующей оценке) стояли на много более высоком уровне.

Однако более характерным для них и многозначительным для понимания их роли в системе манориальной эксплуатации крестьянства следует считать те специальные функции, которые они несли на территории манора. Наряду с денежными платежами описи неизменно требуют от них посещения курии свободных в Глостере и галимота своего манора¹; иногда — «каждое заседание курии в Глостере и дважды в год галимот Бартона»². В описях можно прочесть, что Радульф de Eylestone держит 1 виргату земли в 48 акров и «посему не платит каких-либо ежегодных платежей, но посещает вместо господина собрания графства Warwici и сотни de Kingtone и курию в Cliffonde за все службы». Если его неблагоприятное поведение при этом наносило ущерб интересам лорда, ему приходилось давать возмещение³. Иногда говорится, что такого рода держатель должен «посещать графство и сотню» и выполнять другие «внешние службы (forinsea)⁴. В других описях указывается, что такой держатель должен посещать курию свободных в Глостере, галимот в Chirchekampe и «за манор он должен посещать графство и сотню»⁵. В одном маноре держатель этой категории за $\frac{2}{3}$ имеющейся у него земли платил деньги (10 солидов), а в счет повинностей остальной трети ему приходилось посещать собрания графства в Глостере и сотни Sugencestriae «за господина аббата». Сверх того, он должен был «за своей

¹ Cart. Gl., vol. III, pp. 150, 55, 77, 109, 133, 164, 180, 181, 184, 188, 196; 208.

² Ibid., p. 150.

³ Ibid., p. 49, 180.

⁴ Ibid., p. 77.

⁵ Ibid., p. 133.

счет присутствовать на судебных собраниях во время приезда разъездных королевских судей и оставаться в них до окончания заседаний». Посещение курии своего манора являлось обязанностью и этого держателя¹. Нередко опись делает оговорку, что посещать манориальную курию (галимот) свободный держатель обязан «по разумному вызову»². Опись манора Олдесуорс вообще ограничивается указанием, что держатели интересующей нас группы, кроме посещения курии свободных в Глостере и галимота этого манора, еще несут «внешние службы»³. В маноре Амепеуе такой держатель 48 акров «должен посещать каждое заседание галимота в Амепеуе и в другом маноре (in Mont), когда будет позван, и если даже будет извещен в полночь, обязан явиться в курию утром следующего дня»⁴. Вместе с тем и грамоты «картулярия» многократно отмечают посещение курии лорда как обязанность свободных держателей⁵, при характеристике повинностей того или иного держателя в некоторых случаях указывалось, что он должен посещать курию, как и другие свободные держатели⁶, т. е. судебная повинность его рассматривалась как норма, как нечто само собой разумеющееся.

Кроме того, в некоторых манорах они несли функции надзора за крепостными во время жатвенных помочей и обработки вилланами других барщин. Так, опись одного манора указывает, что держатель занимающей нас группы должен «с прутом (cum virga sua) присутствовать на жатвенных помочах среди работающих»⁷, требуя от них исправной работы. Аналогичным образом, опись манора Northlecche требует, чтобы подобный держатель «лично присутствовал с прутом в течение трех дней среди жнецов, наблюдая за тем, чтобы они работали хорошо и добросовестно», за что ему полагались в эти дни господские харчи⁸. Характерно, что эти функции надзора за крепостными отмечаются документами и других центров манориального производства средневековой Англии⁹. Они заслуживают самого пристального внимания.

В нескольких манорах главной обязанностью их была конно-востовая и охранная служба. Это прежде всего следует сказать относительно 9 держателей «per serganteriam» манора Barton Abbatis, каждый из которых должен был «по вызову беделя (bedelli) из Barton'a или монастырского конюха (stabularii abbatis) выставить одного верхового с лошадей (unum esquerum) и сбруей для поездок монахов и обязан выполнять все, что будет ему предписано господином аббатом

¹ Cart. Gl. vol. III, p. 180.

² Ibid., pp. 180, 187, 188.

³ Ibid., p. 184.

⁴ Ibid., p. 208.

⁵ Ibid., vol. I, p. 163; vol. II, pp. 87, 138, 179, 226, 247, 254; vol. III, p. 234 и

мн. др.

⁶ Ibid., vol. I, p. 221.

⁷ Ibid., vol. III, p. 110.

⁸ Ibid., p. 181.

⁹ См. P. Vinogradoff. Villainage, pp. 202, 285, 318, 407.

Экономические группы цензуариев и коттеров в манорах Глостерского аббатства

№	Название манора	Старо-свободные			Чистые невольники							Полусвободные цензуарии								
		Из количества	Площадь их земельных владений (в акрах)	Сумма земельной платы	Из количества	Площадь их земельных владений (в акрах)	Сумма земельной платы	Количество вольных коттеров	Количество полных земельных коттеров (1-2 акра)	Количество коттеров с земельными владениями 2-5 акров	Из количества	Площадь их земельных владений (в акрах)	Сумма земельной платы	Количество баронств-облигаций	Количество обрабатываемых или садоводческих земель (в акрах)	Количество облигаций-платежей	Количество облигаций-коттеров	Количество коттеров на земельных владениях (1-2 акра)	Количество коттеров с земельными владениями 2-5 акров	Количество коттеров с земельными владениями более 5 акров
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	
1	Lutlleton	—	—	—	1	—	0.0.12	—	—	—	4	10	0.3.8	4	3	4	1	2	1	3
2	Lunkenholte	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	6	0.9.0	1	1	1	—	—	1	1
3	Clifforde	6	336	2.8.0	—	—	—	—	—	11	21	1.12.0	11	—	11	3	7	—	—	
4	Hynetone	1	160	0.13.4	6	75	0.3.0	2	3	23	31.5	0.5.0	14	10	14	1	10	—	10	
5	Bockland	—	—	—	4	8	1.19.0	1	2	19	21	—	19	16	19	1	16	1	16	
6	Outinge	—	—	—	1	1	0.2.0	—	—	3	3	—	3	3	3	—	—	—	3	
7	Hardepsye	4	150	2.10.0	4	15.5	0.6.4	—	2	44	157	—	36	17	25	19	1	23	17	
8	Boxwell	1	96	0.10.0	3	48	0.17.4	—	—	25	497	7.4.0	15	10	23	—	4	—	—	
9	Froucester	—	—	—	1	1	0.0.8	—	—	29	159	1.6.2	23	15	28	3	17	2	13	
10	Hyneshamme	—	—	—	27	230	5.4.3	10	3	8	36	0.13.0	36	16	39	17	2	16	16	
11	Bockholt	—	—	—	—	—	—	—	—	38	193	2.12.0	38	20	38	—	20	8	20	
12	Leden	—	—	—	12	35.5	0.11.10	2	7	1	30	134	0.11.6	29	13	30	7	7	12	13
13	Chirchhamme	1	96	1.0.0	12	69	1.6.0	2	4	3	30	209.5	2.6.0	23	12	21	7	—	14	12
14	Broctharp	—	—	—	—	—	—	—	—	21	271	4.2.0	21	5	18	5	—	7	5	
15	Rugge	—	—	—	7	86	1.13.5	1	3	—	3	—	—	—	3	—	—	—	—	
16	Baron Abbatis	9	226+2 карукуаты 48	—	71	598	18.7.1	28	6	5	71	124	2.7.5	71	31	31	40	—	31	31
17	Abbelode	1	—	1.6.8	8	7.5	0.11.8	6	2	—	10	34	1.4.0	8	5	10	—	2	8	5
18	Mayesmare	3	62	1.12.4	7	57	2.9.5	1	3	1	24	120	0.2.0	23	19	20	—	4	20	19
19	Northleche	2	272	0.13.0	21+80 горожан	—	0.9.4	21	—	1	20	1.4.0	1	—	—	—	—	—	—	—
20	Aedesworth	3	288	1.12.0	3	—	0.5.0	3	—	4	2	0.5.3	3	3	4	3	—	1	—	—
21	Estleche	3	384	2.10.0	7	62	1.4.0	1	1	—	8	326	2.17.3	8	1	8	1	—	1	1
22	Dantesborne	—	—	—	—	—	—	—	—	6	74	0.15.0	6	2	6	—	2	—	2	2
23	Culne S. Aylwin	2	320	1.3.0	7	22	1.10.0	2	—	1	3	10	2.0.0	3	1	3	1	—	—	1
24	Culne Rogert	—	—	—	5	194	0.6.4	—	—	19	144	2.10.0	19	14	19	13	—	—	—	13
25	Ameneye	—	—	—	8	240	2.3.10	1	—	7	3	0.8.0	5	5	7	—	7	—	—	5
26	Cuthbrithleya	—	—	—	2	20.5	0.10.6	—	1	—	9	—	—	8	5	9	3	—	1	1
27	Bullea	—	—	—	—	—	—	—	—	3	7	0.8.0	3	—	3	—	—	—	—	—
		36	2438+2 карукуаты	15.18.4 ¹	217+80 ²	1680	40.2.0 ³	81	37	21	483	2662	35.0.3	434	227	386	128	101	146	209
								118									229			
								139										375		

¹ Фуфты — сойма — денари.
² Число держателей burgagium 80.
³ Плюс 4 ф. 7 сол. с держателей burgagium в Northleche.

или келарем»¹. Его сотоварищи, имея держания меньшей площади, должны были нести «конную службу (*servitium esquierii*) в течение полугода, или платить цену названных служб, соответственно тому, сколько потребует господин аббат»². Таким образом, «если господин аббат не нуждался в конной службе», этим держателям, по произвольному решению господской воли, приходилось выплачивать их эквивалент. Одна грамота второй половины XIII в. указывает, что, сопровождая монаха, верховой должен везти с собой постель монаха, «подушку, 2 *langelos*, покрывало, книгу, треножник, свечи, два хлеба и половину секстария вина или пива». Выполняя подобные функции внутри манора, он имел право на получение пива, 2 хлебов и закуски кухни³. Сопровождать монаха ему приходилось до окончания его поездки. По свидетельству другой грамоты, подобный держатель имел право на получение иногда овса и сена для лошади и обеда со стола аббата⁴. Это право он сохранял за собой и в том случае, если делался рыцарем; значит, некоторые из них добивались и этого почетного положения. Про одного свободного держателя опись говорит вполне определенно, что он несет «службу одного оруженосца (*armigeri*) по разумному (*rationabilem*) требованию», отправляясь на своей лошади в предписанное ему место, причем «названная служба оруженосца оценивается, по мнению присяжных, в 10 солидов в год»⁵.

Помимо этого, держатели анализируемой группы обязаны были платить гериет, отдавая лошадь со сбруей и оружие, если все это, как говорят описи, они будут иметь в день смерти⁶. Одна опись даже перечисляет то оружие, о котором в таких случаях шла речь⁷. Обычно описи указывают, что господин манора имеет право на получение с них рельефа и располагает правом опеки над их малолетними наследниками⁸. В грамотах иногда встречается фраза, что такой-то держатель несет королевские повинности, как и другие свободные люди⁹. То же самое говорится в некоторых грамотах о повинностях тех или иных держателей в пользу церкви¹⁰.

Только в единичных случаях держатели этой группы выполняли пашенные барщины¹¹ или другого рода работы на полях домена. Об одном из них опись манора *Hardepyrie* говорит, что он ежегодно «в день

¹ *Cart. Gl.*, vol. III, p. 149.

² *Ibid.*, p. 150.

³ *Ibid.*, vol. II, p. 207.

⁴ *Ibid.*, p. 251.

⁵ *Ibid.*, vol. III, p. 109.

⁶ *Ibid.*, pp. 49, 55, 77, 108, 109, 133, 149, 150, 164, 180, 181, 184, 188, 190, 208, 233.

⁷ *Ibid.*, p. 180.

⁸ *Ibid.*, pp. 49, 55, 77, 109, 133, 150, 163, 180, 181, 184, 188, 196, 208, 233, vol. II, p. 179.

⁹ *Ibid.*, vol. II, p. 226; vol. I, pp. 269, 386, 324.

¹⁰ *Ibid.*, vol. I, p. 180.

¹¹ *Ibid.*, vol. III, pp. 180, 187.

апостолов Петра и Павла должен доставлять одного барана ценой в 12 денариев или больше, привязав к его шее 12 денариев»¹.

Наконец, грамоты многократно отмечают, что обмер земель в спорных случаях или при земельных пожалованиях производился при участии *legalium virorum*², а всякого рода расследования происходили при участии «*bonorum et liberorum hominum*»³. Очевидно, в них речь идет не только о рыцарях, но и о тех свободных держателях, которые нас интересуют.

Таковы функции свободных держателей в хозяйственно-политической жизни аббатства. Они дают возможность утверждать, что даже наиболее привилегированная группа свободных среди населения маноров вовсе не была «внеманориальным элементом», «выпавшим из орбиты хозяйственно-политической экспансии манора. Наоборот, есть все основания утверждать, что она обслуживала натурально-крепостную организацию домениального производства и ее представители несли важные в системе последнего крепостнические функции. Ведь они ходили на заседания манориальных судов для того, чтобы там судить и штрафовать вилланов за плохую работу на домене, неуплату в срок меркета или гернета, за самовольную продажу волов или отправку сыновей в духовную школу, за поломку господского инвентаря или имущественный ущерб домену вообще, за непосещение господской мельницы, неявку на барщину и все другие формы их открытого и скрытого сопротивления крепостной эксплуатации, феодальному гнету.

Их именем крепостники осуществляли через манориальные суды свою карательную политику, направленную против вилланов, эксплуатируемого крестьянства вообще. Опираясь на них, крепостники выдавали крепостнический произвол, гнетущий вилланство, за требования справедливости, санкционированные мнением добропорядочных и свободных людей.

Фактически эти последние как функционеры манориальных судов служили крепостнической эксплуатации крестьянства, стояли на страже ее интересов.

Их сопротивление лорду могло быть только спорадическим и лишены серьезных последствий. Они сами бежали от неблагоприятной роли манориальных судей, штрафующих виллана за неисправную службу господину, так как иначе излишними оказались бы неизменно повторяющиеся требования описей, чтобы такие-то держатели не только платили деньги, но и посещали манориальную курию. Следовательно, это посещение рассматривалось ими как одиозная повинность, выполнения которой приходилось настойчиво требовать. Конечно, защищая права общины (при разрешении вопросов о заимках, общинных выгонах, распределении полос, изгородях, потравах и т. п.), свободные защищали

¹ Cart. Gl., vol. III, p. 77.

² Ibid., vol. I, pp. 180, 194; vol. II, pp. 16, 82, 117, 163.

³ Ibid., vol. III, p. 235.

вместе с тем и вилланов, коттеров. Но для последних главным был вопрос о степени эксплуатации (в форме барщины и всякого рода платежей), а в его разрешении как раз и не было естественной солидарности интересов между привилегированной группой свободных держателей и крепостными. Поэтому действительным источником народной свободы, свободы крепостного люда в феодальных условиях, являлась многообразная по формам классовая борьба эксплуатируемого крестьянства против крепостников, а защита его свободы именем закона, обычая или абстрактной справедливости играла лишь второстепенную роль. Нельзя забывать, что основным фактом манориальной действительности был процесс эксплуатации крепостных, а не вопрос о потравах и заимках.

Больше того, поскольку многие свободные держатели несли охранную службу, будучи сержантами аббата, они непосредственно осуществляли мероприятия и распоряжения господ, направленные против крепостных. Они появлялись на сцене тогда, когда староста или приказчик оказывались не в состоянии вынудить виллана к выполнению соответствующих повинностей или предписаний. Тем самым они выступали в качестве активных проводников карательной политики господ. И наиболее ярким выражением этого следует считать появление на домне «свободного» держателя в качестве погонщика крепостных жнецов, да к тому же еще с прутом в руках. Трудно придумать более убедительное и красочное подтверждение только что сказанному. Его прут был кнутом крепостника, гулявшим по спине виллана или коттера.

Суть дела заключается в том, что маноры для несения некоторых специальных функций хозяйственно-политического порядка нуждались в наличии соответствующих групп свободных и полусвободных держателей. Противопоставляя их как привилегированную верхушку крестьянства вилланам и коттерам, крепостники оказывались в состоянии парализовать сопротивление эксплуатируемого люда и организовать процесс домениального производства на натурально-крепостной основе. Поэтому сохранение старосвободных элементов среди крестьянства в значительной мере было побочным продуктом остроты общеклассовых противоречий между феодалами и крепостниками, их антагонизма. Но их самосохранение достигалось тем, что они приобретали явно крепостнические функции в системе манориального производства. Значит, сама свобода их фактически являлась функцией крепостничества, точно так же как повышенная зарплата администраторов капиталистического предприятия представляет собою лишь сопутствующий момент предельно жестокой эксплуатации наемных рабочих. Поскольку это так, то в «свободе» этих держателей следует признать крупную долю несвободы и отказаться от классификации средневекового крестьянства по терминологии документов.

Наконец, общественное положение «свободных держателей» явно определялось феодальной средой, поскольку они были обязаны всякого рода чисто феодальными платежами (гернет, иногда рельеф), и на их наследников распространялось право господ на опекуновство. Те из них,

которые несли конную и тому подобную службу в качестве сержантов, являлись просто служилыми людьми крепостников.

Свободные держатели, повторяем, несли крепостнические функции и по своему общественному положению вовсе не были «внеманориальным элементом». Это приходится сказать даже о верхушке свободного крестьянства. С еще большей определенностью это можно утверждать относительно всех тех, кто среди свободных держателей занимал менее выгодное положение и платил крепостникам значительные денежные суммы или даже отработывал барщину. К их характеристике мы и переходим, подчеркнув еще раз, что наличие старосвободных элементов населения в средневековой английской деревне не могло изменить само по себе натурально-крепостной структуры манориального производства и не может считаться выражением компромиссности развития английского феодализма или доказательством того, что натурально-крепостной манор не был определяющей формой производства в классическую пору своего развития (XII—XIII вв.).

Анализ остальных групп так называемых «внеманориальных элементов» населения деревень, зависевших от Глостерского аббатства, также необычайно труден, поскольку повинности цензуариев не всегда были полностью коммутированы и среди них имелось значительное количество коттеров. В графах 5—20 нашей таблицы собраны сведения о бывших вилланах, коммутировавших частично или целиком свои повинности (и о коттерах, как своеобразной группе крепостных). В противоположность старосвободным элементам, эта группа являлась весьма многочисленной — 780 дворов. Однако, если даже считать ее «внеманориальным элементом», выпавшим из сферы манориальной эксплуатации непосредственных производителей, то все же этого оказалось бы недостаточным для общего вывода, будто в истории владений Глостерского аббатства (как и всякого другого) натурально-крепостной манор никогда не играл решающей роли и не являлся определяющей, доминирующей формой производства. Ведь свобода и «внеманориальное» существование этой группы крестьянства были продуктом частичного разложения старой организации домениального производства, последующего перерождения его тканей. В таком случае пришлось бы сделать лишь тот вывод, что уже в XIII в. коммутация вилланских повинностей зашла весьма далеко. Всякий другой вывод следует считать неправомерным.

Фактически в таком предположении нет нужды, так как из этих 780 дворов только три сотни (именно 297 дворов) могут рассматриваться как относящиеся ко внеманориальной территории, да и то с целым рядом оговорок. Само собой разумеется, что тот, кто держал *burgagium* в *Northlesche*, имел с манорами аббатства весьма своеобразную и тонкую, легко рвущуюся связь, а таковых насчитывалось 80 держателей. Ремесленно-торговый поселок уже обособился от манора, но даже эти 80 ремесленников и мелких торговцев экономически обслуживали манориальное производство, доставляя ему специальные виды средств

производства и потребления, которые доменальному хозяйству были столь же необходимы, как и пиво или сошники домашнего изготовления, мука наряду с зерном и соль вместе с доморощенной свининой. Ремесленное производство этого поселка так же дополняло хозяйство маноров, как мельницы — их зерновое производство. Абсолютной натуральности хозяйства не могло быть, и какой-то минимум рыночных связей являлся условием разрешения противоречий манориального воспроизводства. Поэтому не следует считать каждый ремесленно-торговый поселок свидетельством того, что натурально-крепостной манор не господствовал в экономике Англии XIII в., в феодальном строе вообще. Кроме того, эти 80 держателей эксплуатировались манорами в качестве обычных цензуариев, так как платили в пользу аббатства ежегодно 4 ф. 7 сол.

Остальные 217 держателей из группы чистых цензуариев, т. е. полностью коммутировавших свои повинности, в значительной мере состояли из коттеров (139 дворов) и насчитывали только 78 дворов, каждый из которых располагал участком земли свыше 6 акров, на условиях чисто денежных платежей. Это показывает, что чисто денежные ренты среди типично крестьянских хозяйств (отличая их от коттерских) имели весьма скромное распространение. В самом деле, на 662 барщинные держания вилланов приходилось всего 78 держаний чистых цензуариев (исключая коттеров). Нет основания считать их остатком некогда свободного крестьянства, так как вместе со 139 коттерами все чистые цензуарии платили за 1684 акра земли 40 ф. 2 сол. денежной ренты, или по 5.7 ден. с одного акра. Такая норма почти совпадала с оценками вилланских барщин и других повинностей, падавших на акр земли (они сами были разнообразны) и поэтому должны считаться результатом их коммутации. Следовательно, интересующие нас 78 чистых цензуариев в прошлом относились к группе обычных вилланов, обязанных барщиной и тому подобными повинностями.

Если из группы полусвободных цензуариев (см. графы 10—19), т. е. достигших лишь частичной коммутации (483 двора), вычесть 380 держателей-коттеров, то всех цензуариев типично крестьянского образца, имеющих держания больше 6 акров, можно определить в 179 дворов. На землях маноров Глостерского аббатства существовал, следовательно, 841 двор обычного крестьянского типа (держания свыше 6 акров, но исключая охарактеризованную выше группу привилегированных старосвободных держателей). Из этого количества (841) только 78 дворов полностью коммутировали свои повинности, что составляет 9.3%, и только 179 дворов вообще коммутировали их частично (101 держатель) или полностью (78 держателей), что составляет 21%. Значит, до 1265 г. только 20% вилланов добилось частичной или полной коммутации своих барщин и натуральных платежей, а 80% вилланов продолжали и после этого года нести все барщины и выполнять все специфически вилланские платежи. Да и из тех, кто добился коммутации, многие (101 держатель) оставались обязанными всякого

рода вилланскими платежами и барщинами. Именно 54 двора (больше половины) этой категории участвовали (в той или иной форме) в отработке барщины, а 18 дворов вообще несли еженедельные барщины, хотя и менее значительные, чем обычные вилланы-виргатарии и полу-виргатарии. Почти все полусвободные цензуарии (101 двор), т. е. добившиеся частичной коммутации своих повинностей, были обязаны обычными вилланскими платежами (меркет, пошлины за продажу пива и скота, гермет и подмога, хотя последняя платилась всеми, т. е. и чистыми цензуариями и старосвободными держателями).

Если отбросить (приблизительно подсчитанную) площадь коттерского землепользования в 968 акров, то окажется, что 179 чистых и полусвободных цензуариев имели всего 3378 акров земли, или по 18.8 акра на каждый двор. Следовательно, в среднем держание цензуария было на 30% (приблизительно) меньше среднего вилланского держания (29.2—31.6 акра). Отсюда следует, что площадь землевладения цензуариев составляла еще меньший процент в общей площади крестьянского землевладения, чем число цензуарных дворов среди всей совокупности крестьянских хозяйств. Кроме того, это дает основание для вывода, что коммутация в XIII в. скорее захватывала малоземельных вилланов, чем большеземельных, которые являлись для маноров технически наиболее полноценными барщинниками. Это бросает свет на причины ранней коммутации барщин: она стимулировалась желанием манориальной администрации освободиться от технически недееспособных (в силу своей экономической необеспеченности) вилланов, с которых все равно нельзя было получить всю совокупность барщинных работ, требующих использования их инвентаря и рабочего скота. В денежной форме оказывалось возможным выжать значительно больше, и потому коммутация становилась вполне приемлемой, особенно если учесть, что деньги приобретались с трудом, а манору они были нужны для покупки остро необходимых вещей. Суть дела состояла в том, что обеспечение манора деньгами перекладывалось на плечи хозяйственно-малоценных вилланов, становившихся в силу этого цензуариями. В итоге такой политики аббатство получало ежегодно 75 ф. 2 сол. 3 ден. денег, а с помощью их — все то, что можно было приобрести на рынке XIII в. Противоречивое развитие маноров приводило к тому, что часть обязанных барщинами вилланов переводилась на денежный оброк для того, чтобы достигнуть разрешения натурально-крепостнических противоречий воспроизводства и тем самым сделать возможной барщинную эксплуатацию основной массы крепостного населения (виргатариев и полувиргатариев). Значит, та частичная коммутация, которая имела место в манорах Глостерского аббатства уже в XIII в., имела свое экономическое значение на почве и в рамках натурально-крепостной организации доменального производства.

Для держания цензуариев характерно количественное разнообразие и пожизненность владения. В описи манора Froucester говорится, что Вильгельм Брунге, «выкупившийся от *servitute* господина аббата, пла-

тит ежегодно 1 фунт тмина к празднику св. Михаила»¹, а два других оброчника «держат некую крепостную землю (*terram servilem*) от господина аббата и посему ежегодно платят 3 солида в 4 срока»².

В описи манора *Hunehamte* указывается, что «Вальтер Вауреге держит одну усадьбу и 3 акра луга и половину виргаты крепостной земли по воле лорда, и посему ежегодно платит 10 солидов в 4 срока»³. В заключение опись подводит итоги денежным платежам цензуариев и дает характерное определение природы их земельных держаний: «Сумма платежей свободных держателей и тех, которые держат по воле лорда на срок жизни за определенные службы, 7 ф. 13 сол. 9 ден...»⁴. Опись манора *Leden* о большинстве цензуариев говорит, что они держат землю «по воле лорда»⁵. Опись манора *Chirchhamte* заключает один список цензуариев замечанием, что «все вышеназванные держат по грамоте и наследственно (*in perpetuum*)»⁶, а другая — указанием итога «платежей по воле лорда» в 45 солидов⁷. Опись манора *Abbelode* характеризует цензуариев как держателей «по воле лорда», а при поведении итогов говорит о сумме «*redditus forlondorum*»⁸. Интересно добавление описи манора *Mayesmare* к списку свободных держателей и цензуариев, некоторые из которых держали «по воле лорда»: «все эти вилланы держат от господина некий луг, который называется *Нау*, и посему ежегодно платят 23 сол. 3 ден.»⁹. В маноре *Northlesche*, как отмечает опись, оброчник «*Иоанн de Hasele* держит 20 акров земли и 2 водяные мельницы до конца своей жизни, и жизни одной жены, и первородного сына или дочери»¹⁰. В другой описи о цензуарии, имеющем 1 виргату, говорится, что он держит землю до конца своей и жены жизни¹¹.

Таким образом по природе своей держания цензуариев были еще далеки от обычных арендных отношений капиталистической эпохи. Преобладали пожизненные держания, хотя наряду с ними существовали и держания «по воле лорда». Характерна неустойчивость терминологии в определении держания и то, что описи даже держание цензуариев «по воле лорда» иногда называют крепостной землей (манор *Froucester*, *Hunehamte*), а самих цензуариев — вилланами (манор

¹ Cart. Gl., vol. III, p. 90. См. аналогичное замечание описи другого манора (p. 190).

² Ibid., p. 90.

³ Ibid., p. 112.

⁴ Ibid., p. 115.

⁵ Ibid., pp. 127, 135, 136, 165.

⁶ Ibid., p. 134.

⁷ Ibid., p. 137.

⁸ Ibid., p. 165. Опись манора *Northlesche* под рубрикой «*forlonde*» перечисляет 19 держателей (явно ремесленников), мелких участков (*unam partem placam*), видимо, подворков (pp. 173—179).

⁹ Ibid., p. 171.

¹⁰ Ibid., p. 180.

¹¹ Ibid., p. 189.

Mayesmare), хотя они также являлись держателями «по воле лорда». Объяснения этому следует, конечно, искать в том, что процесс коммутации еще только развивался и держания цензуариев не успевали принять ко времени составления описей строго определенные формы. Не случайно в описях иногда определение держания заменено указанием на то, что держатель выкупил свои повинности и поэтому платит манору лишь такое-то количество денег. Все же опись манора Hupenhamme, видимо, наиболее точно выражает особенности держания цензуариев, когда она указывает, что они держат «по воле лорда, пожизненно и за определенные службы», т. е. фиксированные денежные платежи. Характерно это совмещение формул «пожизненно» и «по воле лорда»; что показывает неосновательность отождествления держателей «по воле лорда» с краткосрочными арендаторами последующих веков. Следовательно, землевладение цензуариев еще не оторвалось в XIII в. от своей феодальной основы, не обособилось от нее достаточно определенно.

О том же свидетельствует и состав повинностей цензуариев. 78 чистых цензуариев доставляли манорам только деньги, но из сотни (101) полусвободных цензуариев 18 отработывали еженедельные барщины, работали на помочах и т. д., а 36 участвовали в одних лишь помочах или иных временных барщинах. Зато почти вся сотня полусвободных цензуариев была обязана вилланскими платежами.

В описи манора Froucester относительно полусвободного цензуария говорится, что «все платежи на нужды господина короля и господина названного манора и другие он должен платить, как нижеперечисленные обычки»¹. Это являлось нормой для целого списка держателей этого рода. Некоторые цензуарии выполняли все вилланские платежи и барщины, за исключением еженедельных², причем отработывали даже повозные и пашенные барщины³, а не только участвовали в помочах и т. п. Опись манора Atepeue считает нужным отметить право аббата наказывать «по своей воле» цензуария, скрывшего свой скот для уменьшения причитающихся с него платежей в счет подмоги⁴. Кроме того, те 27 мельниц, которые имелись в манорах Глостерского аббатства, почти все находились в руках цензуариев, как особого рода держания⁵. Поэтому многие цензуарии несли специальные повинности в качестве мельников. Затем много цензуариев было среди держателей, обязанных доставлять манорам сошники и выполнять для них оковочные работы при починке плугов и т. п.⁶. Особая производственная роль мельниц и кузнечных работ очевидна. Наконец, цензуарии занимали видное место в многочисленной группе держателей, обязанных достав-

¹ Cart. Gl., vol. III, p. 89.

² Ibid., p. 197.

³ Ibid., p. 204; t. I, pp. 193, 259.

⁴ Ibid., vol. III, p. 208.

⁵ Ibid., pp. 42, 64, 120, 101, 108, 77, 193, 196, 197, 151, 180, 49, 203, 209, 211.

⁶ Ibid., pp. 86, 193, 95, 112, 114, 115, 136, 142, 165, 171, 184, 214, 213.

кой в распоряжение аббатства меда¹. Повинности одного викария за держание в 8 акров заключались в том, что он каждую ночь ставил свечку в местной церкви².

Грамоты картулярия свидетельствуют случаи освобождения аббатами своих крепостных³. Перечисляя права получившего свободу виллана, одна грамота 1277 г. указывает, что он может свободно появляться на землях аббата и уходить с них, причем это распространяется и на его потомство; вместе с тем он получает и право свободно распоряжаться своей движимостью⁴. Иногда держателя по грамоте аббат освобождал от платежа подмоги и сбора за выпас свиней⁵.

Таким образом повинности цензуариев были весьма разнообразны. Некоторые из них снабжали маноры только деньгами (78 чистых цензуариев), зато другие доставляли рабочую силу в горячие дни хлебоуборки, кормили монахов медом, мололи господское зерно, подковывали домениальных лошадей, приносили в нужное время готовые сошники и чинили поломанные плуги. Следовательно, с помощью цензуариев маноры разрешали многие специальные задачи, связанные с организацией их производства на натурально-крепостной основе. Эта последняя еще не была изменена в XIII в. той частичной коммутацией вилланских барщин, которая имела место и в манорах Глостерского аббатства, так как цензуарии лишь дополняли обычных вилланов в специальных отраслях манориального хозяйства, обслуживая маноры в осуществлении хозяйственных задач особого рода. В итоге этого цензуарии и после коммутации оставались полукрепостными. Из них 18 дворов несли еженедельные барщины, 36 — жатвенные (главным образом), а большинство остальных 47 дворов (из сотни полусвободных) отрабатывали барщины в качестве мельников и кузнецов или платили продуктовую ренту (медом и т. п.). Правда, наряду с ними существовало 78 чистых цензуариев, но их число было столь незначительно, что на каждый манор приходилось всего 2—3 цензуария этого рода. Да и распределены они были весьма неравномерно, и если из 78 вычесть 32, т. е. количество чистых цензуариев в маноре аббата Барсен, то на остальные владения аббатства их останется только 46. Это значит, что в среднем каждая из зависимых от Глостерского аббатства деревень имела меньше двух чистых цензуариев. Аналогичным образом, если из 101 (числа полусвободных цензуариев) вычесть 33 (их количество в маноре Voxwell и Hynetone), то окажется, что в каждой деревне того же аббатства жило в среднем меньше трех полусвободных цензуариев.

Точно так же своеобразен и состав общей суммы денежных рент, взимавшихся с цензуариев и коттеров. В самом деле, если из 75 ф. 2 сол. 3 ден. вычесть 38 ф. 15 сол. 1 ден., т. е. сумму этих рент, полу-

¹ Cart. Gl., vol. III, pp. 78, 128, 136, 166, 86.

² Ibid., p. 135.

³ Ibid., vol. II, pp. 265, 209.

⁴ Ibid., p. 265.

⁵ Ibid., p. 266.

чавшихся с цензуариев и коттеров мансров Hunehamme, Brochtharp, аббатов Barton и Voxwell, то, как показывает результат, с остальных 23 деревень получалась скромная цифра в 36 ф. 7 сол. 2 ден., или в среднем по 1.5 ф. с деревни. А ведь на каждую из них в среднем приходилось по 25 вилланов, обязанных всеми барщинными работами (и платежами), и повинности, например, виргатария часто оценивались в 21 солид. Значит, обычная деревня отдавала аббатству в форме денежной ренты цензуариев не больше труда, чем полтора виллана из 25, отработывая свои барщины, и т. д. А в маноре Chirchehamme повинности даже полувиргатария оценивались в 21 солид.

Повторяем, общий тезис о цензуариях как «внеманориальном элементе» средневековой деревни явно тенденциозен и является результатом слишком поспешных обобщений.

К тому же заключению ведет и анализ роли коттеров в организации домениального производства. Правда, в манорах Глостерского аббатства их было довольно много — 519 дворов. В это число пришлось включить не только тех, которые называются в описях коттерами или лундинариями, но вообще все безземельное крестьянство и держателей, участки которых не превышали 6 акров. Это оправдывается тем, что терминология источников не всегда точно отражает даже юридические особенности держаний этой категории, а тем более экономического положения и производственной роли их держателей. Поэтому среди, например, цензуариев имелось много безземельного и малоземельного крестьянства, которое в описях не именуется коттерами, хотя по своему экономическому положению оно приближалось к ним. Такой общий учет малоземельных и безземельных крестьян важен потому, что они являлись потенциальным резервом рабочей силы для маноров и, независимо от юридических различий своего положения, одинаково делают настоятельным вопрос о том, насколько широко домениальное хозяйство пользовалось наемным трудом.

Таблица показывает, что из этой многочисленной группы (519 дворов) только 139 коттеров (или 26.7%) являлось чистыми цензуариями, обязанными одними денежными платежами. Остальные 380 коттеров отработывали барщины и были обязаны всякого рода вилланскими платежами (меркет, пошлины и т. п.), причем 209 человек, или 40.3% из общего состава, несли еженедельные барщины (обычно 1 день и во время жатвы 2 дня в неделю), другие же работали только на хлебоуборке (часто по 16 дней в сезон). Следовательно, даже повинности коттеров в XIII в. выполнялись в натуральной форме, и коммутация захватила ко времени составления описей только одну четвертую часть их общего состава. Все же показателен тот факт, что среди коттеров чистых цензуариев отмечено в 3 раза больше (26.7% их состава), чем среди землеобеспеченного крестьянства (9.3%). Это еще убедительнее подтверждает вывод, что коммутация начинала свое шествие с территории малоземельного крестьянства, которое деньгами и специальными службами могло дать манорам больше, чем в виде обычных барщин,

для отработки которых оно не имело нужного технического снаряжения. Это вполне естественно, так как природа коммутации не оставалась одной и той же на протяжении веков. Ведь прежде чем она сделалась формой разложения феодализма, она являлась при своем частичном осуществлении, и только среди особых групп малоценных барщинников, формой укрепления феодализма, снятия натурально-крепостнических противоречий манориального воспроизводства. Само собой разумеется, что важную роль при этом играла и частая связь необеспеченных земель держателей с рынком, поскольку они искали заработков за пределами своего хозяйства в качестве ремесленников, слуг и наемных рабочих. Манор искал деньги и, естественно, брал их у того, у кого они имелись. Однако обобщать это не следует, так как и обеспеченный землей виргатарий в получении денег имел преимущества, не известные коттерам (наличие значительных масс сельскохозяйственной продукции).

Про коттеров-цензуариев описи обычно говорят, что они являются пожизненными держателями своих клочков земли¹ или держателями «по воле лорда»², а иногда и по грамоте (*per cyrographum*)³ или договору. Крепостные же коттеры в них перечисляются как лундинарии (*lundinarij*), имеющие 4—6 акров⁴, или коттеры (*coterii*), каждый из которых держит *cotagium*⁵. Опись манора *Mayesmare* при подведении итогов включает лундинариев в общий список оброчников⁶. Опись манора *Culpe Rogeri*, отвечая выморочные держания коттеров, указывает, что «четыре *lundinaria consuetudinaria* находятся в руках господина»⁷. Чаше же всего о держаниях коттеров в описях говорится только то, что такой-то Вильгельм или Вальтер держит 2—4—6 акров земли или «усадьбу с городом», даже одну усадьбу⁸.

Таким образом коттерские держания распались на те же два подразделения — цензуарных и вилланских, как и держания обеспеченного землей крестьянства. Поэтому описи и приравнивают землю крепостного коттера к вилланскому держанию. Наоборот, держания коттеров-цензуариев разделяют особенности цензуарных держателей вообще (пожизненность, «по воле лорда» или грамоте). Следовательно, держания коттеров не были чем-то «внеманоральным», так как по своей экономической природе они являлись тождественными с вилланскими виргатами (земля крепостных коттеров) или с держаниями коммутировавших свои повинности вилланов. Они отличались от них лишь количественно, а не принципиально. Территория коттерских держаний не

¹ *Cart. Gl.*, vol. III, p. III.

² *Ibid.*, pp. 146, 164, 170.

³ *Ibid.*, p. 146.

⁴ *Ibid.*, pp. 163, 169, 175.

⁵ *Ibid.*, p. 164.

⁶ *Ibid.*, p. 176; см. также p. 164.

⁷ *Ibid.*, p. 207.

⁸ *Ibid.*, pp. 33, 213.

стояла вне манора, она — составная его часть и обычная сфера манориальной эксплуатации крестьянства.

С этой точки зрения показателен и состав повинностей тех коттеров, которые обрабатывали барщины или были обязаны продуктовыми платежами (380 дворов). Так, повинности некоторых коттеров заключались в починке моста и сборе мостовых пошлин¹, доставке 3 галлонов меда к 1 августа², 3-дневной работе на сеноуборке и 16-дневной на жатве³, доставке 8 кур⁴, фунта тмина⁵, сборе тростника⁶, доставке сошников⁷ и т. п. Иногда описи говорят, что на сеноуборке коттер должен работать как и полувиргатарий, именно в течение 6 дней и «больше, если будет необходимость»⁸, а платимые им деньги специально предназначались «на исправление сошников»⁹. В маноре Cutbrithleya один коттер обязан был относить в Глостер «гусей, кур, голубей, яйца и сыр»¹⁰, а другой выполнял оковочные работы для доменiallyных плугов¹¹. Коттер манора Амепеуе ежегодно относил в Глостер цыплят к рождеству и корзины с яйцами к пасхе¹². Вместе с тем почти все описи напоминают коттерам, что нетаксированные повинности они обязаны выполнять так же, как виргатарии¹³, причем под этими повинностями подразумевались всякого рода вилланские платежи и некоторые барщинные работы.

Таким образом производственные функции коттеров состояли в выполнении всякого рода подсобных работ, не требующих использования сложного инвентаря или рабочего скота, и в доставке на домен нужного количества рабочей силы во время уборки сена и хлеба. Поскольку коттеры являлись ремесленниками, на них возлагались кузнечные работы, а от пчеловодов получался мед. В итоге коттеры оказывались втянутыми в систему манориальной эксплуатации и использованными для разрешения специальных задач доменiallyного производства. Виноградов правильно указывает, что коттеры служили резервом рабочей силы, с помощью которого маноры преодолевали сезонные затруднения годового цикла доменiallyного производства¹⁴. Именно сочетание работы коттеров во время хлебоуборки и сенокоса с регулярными и экстраординарными барщинами виргатариев и полувиргатариев давало

¹ Cart. Gl., vol. III, p. 51.

² Ibid., p. 78; см. также pp. 166, 86, 128, 136.

³ Ibid., pp. 87, 113, 131.

⁴ Ibid., p. 88.

⁵ Ibid., p. 90.

⁶ Ibid., p. 118.

⁷ Ibid., pp. 136, 142, 171.

⁸ Ibid., p. 145.

⁹ Ibid., p. 165.

¹⁰ Ibid., p. 212.

¹¹ Ibid., p. 213.

¹² Ibid., p. 211.

¹³ Ibid., pp. 64, 131, 133, 136, 192.

¹⁴ P. Vinogradoff, English Society, p. 458.

манорам возможность выполнить срочные и неотложные полевые работы, требующие большого количества рабочей силы. Лишенные земли или имеющие ее в незначительном количестве коттеры, однако, не отпускаясь за пределы манора и не выпадали из заколдованного круга крепостной эксплуатации. Даже голодая, они должны были оставаться внутри манора, чтобы обслуживать спазматическое движение его производства. За их счет последнее приобретало ту минимальную степень приспособляемости и ограниченную способность маневрирования, которые давали ему возможность разрешать острые противоречия своего воспроизводства, обусловленные его аграризмом, и т. д.

Огульно объявлять коттеров «внеманориальным элементом» населения средневековой деревни, а формы их эксплуатации манорами «нефеодальными» — нет никаких оснований. Далекое не все коттеры были наемными сельскохозяйственными рабочими, и только в угоду своим антимарксистским тенденциям Гранат отождествил их с обычным пролетариатом капиталистической эпохи, утверждая, что в средневековой английской деревне 30% населения жило наемным трудом батраков, за счет своей заработной платы. Однако это неосновательно уже потому, что коттеры отработывали еженедельные и экстраординарные барщины. Затем таблица показывает (см. графы 3—10 и 17—19), что из 519 коттеров 167, или 32%, имели земельные участки в 3—6 акров. Следовательно, засевая ежегодно 2—4 акра, пользуясь общинными пастбищами, огородом и имея по крайней мере одну корову, свинью и несколько овец, получая от них приплод и т. п., коттер этой группы мог обеспечить себя минимумом средств существования, хотя оно, вероятно, часто было полуголодным. Только случайно коттеры этой группы оказывались батраками соседей или наемными рабочими маноров.

Потенциальным резервом наемной рабочей силы для маноров являлись прежде всего 209 безземельных коттеров (из них 81 чистый цензуарий), имевших только усадьбы с огородами, и 138 малоземельных коттеров (среди которых было 37 чистых цензуариев), располагавших земельными участками меньше трех акров (наряду с усадьбой и огородом). Но из этих 347 держателей-коттеров 229 являлись крепостными, обязанными отработкой еженедельных или экстраординарных барщин и обычными вилланскими платежами. Они находились во власти администрации, и, очевидно, за их счет пополнялась та армия дворовых, о наборе которых подробно говорит инструкция об управлении манорами¹. Вряд ли в дворовые зачисляли вилланов-виргатариев, так как от этого страдали не только они, но и манор, теряя технически полноценного барщинника. В таком случае, коттеров этой категории (229 домохозяев) хватало только для того, чтобы обеспечить манор дворовыми, поскольку на каждый из них приходилось всего лишь по 8 человек. Отчеты приказчиков, как правило, указывают, что в манорах имелись следующие работники: сторож, пастух, доярка (молочница), свинопас,

¹ Cart. Gl., vol. III, p. 213.

возчик и 3—4 плугаря. Поэтому названная цифра (8 дворовых) не может считаться преувеличенной. Вопреки Петрушевскому (см. его введение к «Восстанию Уота Тайлера»), дворовые не могут быть названы наемными рабочими, так как коттеры становились ими в силу гнетущего их крепостничества, получали содержание продуктами и оставались на положении крепостных. Их крепостничество принимало лишь своеобразную форму и душило их еще сильнее, чем обычных вилланов. Что же касается их жен, то они тратили свою рабочую силу на обработку 1—2 акров земли, огороды, уход за птицей, свиньей, иногда коровой и домашние дела.

Следовательно, только 118 безземельных и малоземельных коттеров, являющихся цензуариями, представляли собою возможный резерв наемного труда для манориального производства на землях Глостерского аббатства. Однако нельзя всех их зачислять в категорию наемных рабочих, так как среди них было много ремесленников. В описях многие фамилии держателей имеют в своей основе название ремесленной профессии их носителей. В качестве держателей земли отмечаются плотники¹, кузнецы², мельники³, рыболовы⁴, медники⁵, красильщики⁶, свинопасы⁷ и т. д. Конечно, указание на состав фамилий еще не исчерпывает вопроса, поскольку они приобретались иногда совсем случайно. Поэтому следует отметить другой достопримечательный факт — необычайную концентрацию ремесленников в двух манорах, которые одновременно являлись ремесленно-торговыми поселками. В Northlesche и аббатовом Barton'e имелось 55 безземельных и малоземельных коттеров, являвшихся чистыми цензуариями. Конечно, не все они были ремесленниками, но, вероятно, большинство их занималось ремесленной деятельностью. Поскольку же в других манорах среди коттеров этой категории также были ремесленники, можно считать, что общее их число по всем манорам вместе взятым приближалось к этой цифре. Тогда получается, что из 118 держателей интересующей нас категории только 63 коттера являлись фактическим резервом наемного труда. Если предположить, что только 10 человек из них добывали свое пропитание нищенством, то можно утверждать, что в каждой деревне, зависимой от аббатства, лишь 2 домохозяина являлись действительно наемными рабочими, и из них лишь один работал на домене, так как другой был батраком соседа. Что на столь узком базисе капиталистическая организация домениального производства была невозможна, это очевидно. Антимарксистские построения Граната покоятся на шатком основании, заключающемся в предположении, что всякий нищий уже в силу факта

¹ Cart. Gl., vol. III, pp. 63, 50.

² Ibid., pp. 62, 113, 115, 136.

³ Ibid., p. 59.

⁴ Ibid., pp. 113, 119.

⁵ Ibid., vol. II, p. 195.

⁶ Ibid., pp. 195, 196.

⁷ Ibid., vol. III, p. 495.

своей нищеты является наемным рабочим и тождественен ему (прямо по Бакунину).

Таким образом типичный манор Глостерского аббатства располагал 8 дворовыми (за счет крепостных коттеров — малоземельных и безземельных) для охраны имущества, организации потребления и выполнения таких функций, которые нельзя было доверить обычному самостоятельному виллану и для которых дворовый человек был более подходящим, поскольку он все время находился под контролем манориальной администрации. Вместе с тем в его распоряжении имелись рабочая сила, инвентарь и рабочий скот 26 вилланов (10 виргатариев, 9 полувиргатариев и 7 держателей $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ виргаты), составлявших основной костяк доменального производства. Для сезонного хозяйственного маневрирования он имел рабочую силу 2 полусвободных цензуариев и 6 крепостных коттеров, выполняя с помощью их срочные сеноуборочные и хлебоуборочные работы. Кроме того, они выполняли для него некоторые специальные работы, не укладывавшиеся в общий регламент вилланских барщин. Из двух других полусвободных цензуариев один молот господское зерно, будучи держателем мельницы, другой доставлял сошники или мед. Помимо этого, на его земле жили 2 безземельных (или малоземельных) коттера, из которых один был плотником, а другой сапожником или рыболовом. За свои огороды, или клочки земель в 1—2 акра, они платили деньги, но за счет последних у них можно было купить нужную в хозяйстве вещь или произвести починку полезных предметов. Отправление некоторых административно-политических функций манор возлагал на 1—2 свободных держателей из группы старосвободного привилегированного крестьянства, являвшихся кое-где просто служилыми людьми господ.

Наконец, 3 чистых цензуария (из них 1 коттер, имеющий 3—6 акров земли) доставляли манору 1.5—2 фунта денег (а вместе с другими держателями и целых 3 фунта) на покупку предметов производства и потребления, не допускавших домашнего изготовления. В случае же крайней нужды манор мог нанять одного из двух безземельных коттеров, являвшихся чистыми цензуариями. Правда, один из них предпочитал работать на зажиточного виргатария, но зато другой имел обыкновение работать на домене в качестве наемного рабочего.

Таким образом организация манориального производства была довольно сложна, но в качестве формы натурально-крепостнического, а не капиталистического производства. Многие слишком односторонне понимают манор, считая, что для натурально-крепостной организации его производства требовались лишь одни вилланы-полувиргатарии, и если среди населения манора имелись другие группы населения, то доменальное хозяйство следует объявить капиталистическим. На этом основании Виноградов делал вывод о компромиссности взаимоотношений феодальных и дофеодальных хозяйственных форм. Движение манориального производства знало свои специфические противоречия, классовые антагонизмы. Это и вело к усложнению его натурально-крепостной

организации, к необычайной дифференциации методов эксплуатации разных групп зависимого крестьянства, способов хозяйственного использования последнего.

Вышеприведенные подсчеты не теряют своего значения от того, что они используют материалы монастырских маноров. Ведь в них соотношение между разными группами держателей приближалось к общеанглийским нормам, и например, коттеров и цензуариев имелось вряд ли меньше, чем во многих светских манорах, описанных в «Сотенных свитках».

Д. С. ЛИХАЧЕВ

«УСТНЫЕ ЛЕТОПИСИ» В СОСТАВЕ ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

I

В составе Повести временных лет и в последующей Киевской летописи (в Лаврентьевском списке) встречается ряд летописных статей, содержащих в себе сведения о Добрыне Мстишиче — Добрыне Никитиче русского былевого эпоса.

1. Под 6478 (970) г.: «В се же время придоша людьє ноугородьсти просяще князя собе: «аще не поидете к нам, то налезем князя собе»; и рече к ним Святослав: «а бы ношел [Р. пошел] кто к вам». И отпресе Ярополк и Олег; и рече Добрыня: «просите Володимера». Володимер бо бе от Малуши, ключнице Ользины; сестра же бе Добрыни, отец же бе има Мальк Любечанин; [и] бе Добрыня уй Володимеру. И реша Ноугородьци Святославу: «въдай ны Володимира»; он же рече им: «воты вы есть». И пояша Ноугородьци Володимера к собе, и иде Володимер с [Д]обрынею, воемь [РА: уем] своимь, Ноугороду»¹.

В этой статье, следовательно, подробно рассказывается о родстве Добрыни и Владимира. Добрыня — уй (дядя) Владимира. Затем говорится о том, что Владимир I Святославич стал новгородским князем благодаря рекомендации Добрыни. Добрыня сделал Владимира новгородским князем.

По поводу этого рассказа Повести временных лет Шахматов замечает: «Не может быть сомнения, что перед нами народное новгородское предание. В нем сказывается и некоторый юмор сознающего свой перевес новгородца и гордость по поводу сделанного выбора, ибо Владимир оказался победителем Ярополка и могущественнейшим князем русским. Кроме того, здесь в активной роли выступает Добрыня — один из популярных посадников новгородских»².

2. С этим рассказом о Добрыне явно связано сообщение Повести временных лет, помещенное под 6488 (980) г., о сватовстве Владимира к Рогнеде: «И седе в Новгороде. И посла ко Рогъволоду Полотьску, глаголя: «хочу пояти тьчерь твою собе женє». Он же рече тьчери

¹ Цитирую здесь и ниже по Лаврентьевскому списку (изд. 1926 г.): орфографию несколько модернизирую.

² А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 173 (в дальнейшем цитируется: Разыскания).

своей: «хочеши ли за Володимера?» Она [РА: она] же рече: «не хочю розути робиича, но Ярополка хочю». Бе бо Рогъволод пришел и-за-морья, и имяше власть свою в Полотъске, а Туры Турове, от негоже и Туровци прозвашася. И придоша отроци Володимерови, и поведаша ему всю речь Рогънедину и дъчерь Рогъволодоу, князя Полотъскаго. Володимер же собра вои многи: Варяги и Словени, Чюдь и Кривичи, и поиде на Рогъволода. В се же время [хотяху] Рогънедь вести за Ярополка. И приде Володимер на Полотеск, и уби Рогъволода и сына его дъва, и дъчерь его [Рогънедь] поя жене».

Рассказ этот о сватовстве Владимира к Рогнеде, дочери полоцкого князя Рогволода, об отказе Рогнеды пойти замуж за сына рабыни, о последующем походе Владимира на Полоцк и о захвате Рогнеды в то самое время, когда ее уже хотели вести к Ярополку, явно связан с другим рассказом Лаврентьевской летописи под 6636 (1128) г., тоже о сватовстве Владимира к Рогнеде, в котором в активной роли выступает Добрыня «храбор и наряден мужь». Рассказ этот связан и с предшествующим, приведенным нами выше рассказом о приглашении Владимира в Новгород: Рогнеда укоряет здесь Владимира, именем робиича, а там, в предшествующем рассказе, указано на рождение Владимира от ключницы Ольги. Затем, и тут и там Владимир оказывается впереди своего брата Ярополка. Ярополк выше своего брата Владимира по рождению, но Владимир, хоть и сын рабыни, удачливее его. Преимущества рождения Ярополка не имеют особого значения.

3. Под 6488 (980) г. имеется в Повести временных лет и другое известие о Добрыне: «Володимер же посади Добрыню, уя своего, в Новгороде; и пришед Добрыня Ноугороду, постави кумира над рекою Волховом, и жряху ему людье Ноугородьстии аки богу». В рассказе этом важны два момента: во-первых, поставление Добрыни посадником в Новгороде и, во-вторых, еще новое упоминание о том, что Добрыня приходился дядей Владимиру («уем»).

4. В связи с тем, что в рассказе этом говорится о поставлении Добрыни посадником, А. А. Шахматов, думается правильно, признает связанным с ним и предшествующий рассказ той же погодной статьи 6488 (980) г. о том, как Владимир выгнал из Новгорода посадников Ярополка¹: «Приде Володимер с Варяги Ноугороду, и рече посадником Ярополчим: «идете к брату моему и рцете ему: Володимер ти иде[ть] на тя, пристра[и]вайся противу биться». Это известие объединено тематически с предшествующим известием; вместе они составляют цельный рассказ о смене посадников Ярополчих на Владимирову Добрыню. Отметим небезынтересную деталь: «соперник» Владимира по рождению — Ярополк — в третий раз оказывается посрамленным, и кем же? — дядею Владимира по матери-рабыне — Добрынею.

5. Под 6493 (985) г. рассказывается о походе Владимира на болгар с Добрынею, «с уем своим»: «Иде Володимер на Болгары с До-

¹ Разыскания, стр. 173—174.

брыною, с воём [РА.: уем] своим, в лодьях, а Торьки берегом приведе на коних; и победи Бол[г]ары. Рече Добрыня Володимеру «съглядах колодник, оже суть вси в сапозех; сии дани не даяти, поидем искат лапотников». И створи мир Володимер с Болгары, и роте заходиша межю собе, и реша Болгаре: «толи не будеть межю нами мира, елико камень начнеть плавати, а хмель почнеть тонути». Вновь Добрыня выступаст в активной роли; покровительственно относится к пасивному Владимиру. Вновь подчеркивается, что Добрыня приходился дядей («уем») Владимиру.

Таковы известия Повести временных лет о будущем герое русского народного эпоса Добрыне. Однако известия эти не стоят в Повести временных лет одиноко и обособленно, они связаны и с другими известиями: либо тематически, либо по своей тенденции. Поэтому, чтобы выяснить происхождение известий о Добрыне, необходимо выделить в Повести временных лет и эти примыкающие известия. Испорченный текст известия 6525 (1017) г.: «Ярослав иде и погоре церкви А. А. Шахматов на основании росписи князей новгородских в поздних новгородских сводах, имеющей запись «и идя к Киеву, и посади в Новгороде Коснятина Добрынича», предлагает читать с известной долей вероятности следующим образом: «Ярослав идя Киеву, посади Новгороде Костянтина Добрынича»¹.

Речь, следовательно, снова возвращается к новгородским посадникам; на этот раз к сыну Добрыни — Константину.

В следующих новгородских известиях посадник Константин, сын Добрыни, играет в новгородских событиях ту же активную роль, что и его отец. Отношения Константина к Ярославу во многом подобны отношениям Добрыни к Владимиру. Видим в этом признак сознательно проведенной точки зрения на роль новгородских посадников; точка зрения, во всяком случае, не киевская, а новгородская.

Эта точка зрения на значение новгородских посадников особенно ясна в следующем известии Повести временных лет под 6526 (1018) г., рассказывающем о бегстве Ярослава после победы Болеслава: «Ярославу же прибегшу Новугороду, и хотяше бежати за море, и посадник Коснятин, сын Добрынь, с Новгородьци расekoша лодье Ярославле, рекуще: «хочем ся и еще бити с Болеславом и с Святополкомъ». Вспомним аналогичное обращение новгородцев к Ярославу после избияния на Ракоме: «аще княже, братья наша исечена суть, можем по тебе бороти». В дальнейшем новгородцы «начаша скот събирати от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен; и приведоша Варягы [и], вдаша им скот, и совокупи Ярослав воя многы». Силами, собранными новгородцами во главе с посадником Константином Добрыничем, Ярослав побеждает Святополка.

Выделив в Повести временных лет летописные статьи, касающиеся новгородского посадника Добрыни и его сына Константина Добрынича,

¹ Разыскания, стр. 178.

обратим внимание, что они составляют собой основное ядро тех известий Повести временных лет, которые А. А. Шахматовым были возведены по своему происхождению к новгородским летописям, использованным на Юге летописателем Киево-Печерского монастыря. Представляется поэтому целесообразным для решения вопроса о происхождении этих известий о Добрыне и его сыне Константине выделить в Повести временных лет и другие из оставшихся в ней новгородских летописных статей.

Перечислим новгородские известия Повести временных лет в том их составе, в котором они обнаружены в последней наблюдательным глазом А. А. Шахматова.

Пропускаю известие 6496 г. о распределении волостей между сыновьями Владимира, которое А. А. Шахматов считает новгородским. Новгородское происхождение его сомнительно, и аргументация А. А. Шахматова в этом вопросе неубедительна.

Явно новгородский характер носит отмеченное А. А. Шахматовым известие 6522 (1014) г.: «Ярославу же сущю Новегороде, и урокомъ дающе Киеву две тысяче гривне от года до года, а тысячу Новегороде гридем раздаваху; а тако даяху посадници Новѣгородьстии, а Ярослав сего не даяше отцу своему. И рече Володимер: «требите путь, и мостите мост», хотяшеть бо на Ярослава ити, на сына своего, но разболеся».

Отметим, что известие это также связано с новгородскими посадниками и явно примыкает к статье 6523 г., где сказано о том, что Ярослав, «бояся отца своего», послал за море за варягами. Дальше в той же статье рассказывается про этих варягов известная история их избиения восставшим населением Новгорода «во дворе Поромони», гнев Ярослава, который «пед на Роком, седе въ дворе», избиение новгородцев и примирение с ними Ярослава на вече: «и реша новгородци: «аще, княже, братья наша иссечена суть, можем по тебе бороти». Обратим внимание на топографическую точность этого рассказа, указывающую на то, что она принадлежит новгородцу. Замечу, кстати, по поводу этого сообщения Лаврентьевской летописи, что нельзя считать на основании случайного искажения в ней слов «На Раком» — «на роком», что текст аналогичного рассказа новгородских летописей, где это искажение отсутствует, имеет самостоятельное происхождение, как это думает А. А. Шахматов¹. Искажение в Лаврентьевской летописи могло быть сделано либо самим Лаврентием, либо кем-либо из сравнительно поздних летописцев, предшественников Лаврентия.

Обратим внимание на типично новгородскую формулу веча обращения народа к князю: «Аще, княже, братья наша иссечена суть, можем по тебе бороти». Формула эта встретилась нам уже в новгородских известиях Повести временных лет под 6526 (1018) г.

Следующее известие, с новгородским происхождением которого

¹ Разыскания, стр. 177.

можно согласиться, под 6524 (1016) г.: «Ярослав же седе Кыеве на столе отъни и дедни. И бы тогда Ярослав Новегороде лет 28».

Опускаем известие 6529 г. о нападении Брючислава на Новгород и о победе Ярослава над Брючиславом на реке Судомире. Новгородский характер этого известия возможен, но не обязателен.

Погодная статья 6532 (1024) г. чрезвычайно многозначительна для того решения вопроса о новгородских известиях в Повести временных лет, которое мы намерены предложить ниже. Рассказ о новгородских событиях и о лиственской битве искусно соединен здесь с предшествующим рассказом о единоборстве Мстислава с Редедю в Тмутаракани, с рассказом о восстании волхвов в Суздале. Непосредственно после рассказа о тмутараканских событиях сообщается: «Ярославу сущю Новегороде, приде Мьстислав ис Тьмутороканя Кыеву, и и [в РА одно «и»] не прияша его Кыяне; он же шед седе на столе Черниговѣ: Ярославу сущю Новегороде тогда». Затем идет рассказ о восстании волхвов в Суздале, подавлять которое отправился Ярослав из Новгорода. Рассказ этот представляет собой как бы схему пространного повествования Яна Вышатича о восстании волхвов в Белозерье, помещенного под 6579 (1071) г.

После подавления восстания Ярослав снова возвращается в Новгород: «И възвративъся Ярослав, приде Новуногороду, и посла за море по Варягы...»

Затем следует известный рассказ о Лиственской битве и о Якуне: «и бе Якун слеп, [и] луда бе у него золотомъ истькана». Обратим внимание на то, что рассказ о Якуне и о его золотой луде имеет все признаки устного происхождения. Шахматовым приведены справедливые соображения о том, что смерть Якуна не могла произойти в 6532 (1024) г., а произошла не раньше 1030 г. «Судя по Печерскому Патерику, Якун изгнал своих племянников Фрианда и Шимона по смерти брата своего Африкана; это событие едва ли имело место раньше 1030 г. (года рождения Всеволода Ярославича, на службу к которому Ярослав определил прибывшего к нему после смерти Африкана Шимона)»¹. И в Лаврентьевской летописи, и в Печерском патерике упоминается «златая луда» Якуна, причем в Патерике в такой форме, которая явно заставляет предполагать наличие каких-то хорошо известных рассказов о ней: «Бысть в земли Варяжьскои князь Африкан, брат Якуна Слепаго, иже отбеже от златые луды»². Не можем согласиться с А. А. Шахматовым в том, что упоминания в этом рассказе «златой луды» — позднейшие вставки.

Наконец, к числу новгородских известий в Повести временных лет А. А. Шахматов относит по ряду признаков и пространный рассказ 1042 г. о неудачном походе Владимира Ярославича на Царьград, в котором, как известно, принимал участие Вышата, все упоминания о котором А. А. Шахматов считает позднейшими.

¹ Разыскания, стр. 511.

² «Киево-печерский патерик», под ред. Д. И. Абрамовича, 1930, стр. 1.

Мы перечислили все главнейшие известия Повести временных лет, которые А. А. Шахматов возводит к новгородскому источнику. Сделаем теперь суммарную характеристику приведенных выше новгородских известий Повести временных лет.

Во-первых, они не носят характера систематического обзора событий новгородской истории. Они рассказывают главным образом о событиях, связанных с двумя лицами — посадником Добрыней и его сыном, посадником Константином, роль которых в исторических событиях постоянно подчеркивается.

Во-вторых, отметим, что рассказы об этих двух лицах носят устный, а не письменный характер. Устный источник рассказов о Добрыне неоднократно подчеркивался исследователями, связывавшими их с позднейшим эпосом о Добрыне Никитиче. Не отрицается этот устный характер и А. А. Шахматовым, высказавшим по этому поводу ряд весьма интересных гипотез. Однако А. А. Шахматов относит этот устный источник к Новгороду, считая, что он был использован Новгородской летописью, хотя Новгородская летопись никогда на протяжении всех веков, вплоть до XV в. (точнее, до свода 1448 г.) не пользовалась ни устными преданиями, ни рассказами старожилов. Использование эпического материала — черта Киевской летописи. Вс. Миллер считал предания о Добрыне киевскими. А. А. Шахматов полемизировал с Вс. Миллером, считая предания о Добрыне новгородскими¹. Действительно, Добрыня принимает участие только в новгородских событиях, но в Новгородской летописи он не отмечен, а отмечен лишь в Киевской. Примирить это противоречие мы могли бы только предположив, что новгородские предания о Добрыне были записаны киевским летописцем. В таком случае нам стало бы понятно, что биографические сведения о новгородском герое Добрыне, в особенности данные о его родстве с Владимиром Святославичем через Малушу, поставлены в ближайшее отношение к преданиям Киевской летописи о Люте-Мстише Свенельдиче².

В-третьих, характер новгородских известий обнаруживает, что все они стоят в прямом отношении к известиям Киевской летописи. «Новгородский свод,— пишет А. А. Шахматов,— стоял в прямой зависимости от Древнейшего Киевского свода... киевское известие о распределении волостей между сыновьями Святослава вызывает новгородскую статью о том, как новгородцы добыли себе в князя Владимира; киевское известие о поставлении Владимиром кумиров в Киеве вызывает известие новгородское о поставлении кумира в Новгороде Добрыней; киевское известие о походе Владимира на болгар вызывает новгородское предание о спутнике Владимира в его походах, Добрыне; киевский рассказ об убиении Бориса и Глеба и последовавшем столкновении Ярославом с Святополком вызывает новгородские подробности об этом столкнове-

¹ Разыскания, стр. 173.

² Там же, стр. 371 сл.

нии и некоторых предшествовавших ему обстоятельствах. Такого рода известия Новгородского свода наводят на мысль, что он представлял из себя переработку Древнейшего Киевского свода; новгородский редактор этого свода дополнил Киевский свод новгородскими подробностями и известиями; быть может, он и продолжил этот свод»¹. Таким образом Шахматов предлагает сложное объяснение происхождения новгородских известий в Повести временных лет. Думается, что тесная связь новгородских известий с киевскими, их хронологическая «прикрепленность» к последним легче и проще может быть объяснена не сложной работой новгородского летописца, пользовавшегося якобы Киевской летописью как основой, а тем, что одним из сводчиков киевской летописи были использованы устные рассказы о новгородских событиях. Эти устные рассказы киевский летописец, хронологически распределяя их, «прикрепил» к событиям киевской летописи.

Итак, А. А. Шахматов отметил ту связь, которая существует в Повести временных лет между новгородскими известиями и киевскими событиями. Отметим также и ту связь, которая существует между рассказами о Добрыне и тмутараканскими известиями Повести временных лет. Предание о Добрыне под 6493 (985) г. явно связано с тмутараканским преданием о добровольном отказе хазар от дани. Рассказ о новгородских событиях 6532 (1024) г. поставлен в связь с рассказом о единоборстве Редеди с Мстиславом в Тмутаракани же под 6530 (1022) г. Наконец, вне сомнения связь тмутараканской по своему происхождению Корсунской легенды² с преданием о сватовстве Владимира к Рогнеде через Добрыню. Связь эта подробно прослежена исследованием Н. Серебрянского³ и не вызывает сомнений. Немногочисленные новгородские известия Повести временных лет трижды, следовательно, стоят в связи с известиями, касающимися Тмутаракани.

Таким образом, новгородские по своему происхождению известия Повести временных лет тесно связаны с киевскими известиями, с одной стороны, и тмутараканскими, — с другой.

Обратимся теперь к вопросу о том, кто мог быть новгородским корреспондентом киевского летописца.

Определить новгородского корреспондента южного летописца помогает нам сама хронология новгородских известий в Киевской летописи. Новгородские известия имеются в Повести временных лет только до 60-х годов XI в. «После указанной статьи 6574 (1066) года, — пишет А. А. Шахматов, — мы не находим более в Повести вр. лет (Начальном своде) ни одного известия, которое можно было бы возвести к нов-

¹ Разыскания, стр. 181—182.

² Тмутараканское происхождение «Корсунской легенды» о крещении Владимира I Святославича доказано В. Л. Комаровичем (История русской литературы, Институт литературы АН, т. I, 1941, стр. 268—270).

³ Н. Серебрянский. Древне-русские княжеские жития, М., 1915, стр. 71 — 78 и др.

городской летописи»¹. Дату, приводимую А. А. Шахматовым, — 1066 г. — следует отодвинуть назад еще на два года. Известие 6574 г. («Заратися Всеслав, сын Брячиславль, Полочьске и зая Новъгород») и известие 6573 г. («в се же лето Всеслав рать почал»), как это признано и В. М. Истриным, нельзя считать безусловно новгородскими. Они касаются Новгорода в той же мере, как и Киева, Полоцка, Чернигова и других городов Руси.

С 1064 по 1066 гг., как известно, летописец Никон находился в Тмутаракань. На основании тмутараканских рассказов были составлены многие летописные статьи в своде Никона. Никон широко и смело пользовался народными преданиями и устными рассказами. Народные предания использованы Никоном в рассказах о поединке Мстислава Храброго с касожским князем Редеди, о хазарской дани и т. д. Несомненно, с чужих слов² записаны Никоном неточно датированные известия об уроде, выловленном в Сутомле (под 6573 г. вместо 6574 г.), о солнечном затмении (под 6573 г. вместо 6572) и др.

После всех сделанных нами наблюдений обратим внимание на известие 6572 (1064) г.

Никон записал: «Бежа Ростислав Тмутороканю, сын Володимерь, внук Ярославль, и с нимь бежа Порей и Вышата, сынъ Остромиръ, воеводы Новъгородского»³.

Ростислав прибыл в Тмутаракань не только с двумя спутниками (об этом свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что сразу же по прибытии в Тмутаракань Ростислав оружием свергает Святослава)⁴, однако только этих двух спутников отмечает летописец. Кто был Порей, мы не знаем, о Вышате же отмечено «сын Остромиръ, воеводы Новъгородского» и впоследствии неоднократно упоминаемый в летописи Ян называется «сын Вышатин» (6573 г.), что указывает на то, что и Вышата был знаком летописцу.

Итак, вот ясное свидетельство о возможном источнике новгородских известий киевской летописи: новгородец Вышата — отец Яна Вышатича, рассказами которого, как это доказано А. А. Шахматовым, пользовался Никон⁵, прибыл в Тмутаракань, когда там находился Никон в 1064 г. Как раз на 1064 г. в Повести временных лет прерываются новгородские известия. Нашему предположению будто бы противоречит то обстоятельство, что Вышата в последние годы перед прибытием в Тмутаракань не жил в Новгороде. Однако, как новгородец, Вы-

¹ Разыскания, стр. 181. Подчеркнуто мною. — Д. Л.

² См. там же, стр. 453.

³ Текст, данный в разрядку, читается в Ипатьевском списке.

⁴ «Как видно, около Ростислава собралось немало число искателей счастья и недовольных, — пишет С. Соловьев; — он имел возможность, пришедши в Тмутаракань, изгнать оттуда двоюродного брата своего, Глеба Святославича, и сесть на его место» (С. Соловьев. История России, кн. I, изд. Общ. польза, стр. 291).

⁵ «В числе лиц, сообщавших Никону материалы для летописи, можно с уверенностью назвать боярина Яна Вышатича» (Разыскания, стр. 531).

шата мог интересоваться событиями новгородской жизни и передать тот же интерес Никону.

Пожалуй, самым важным в решении вопроса о том, кто был новгородским корреспондентом киевского летописца, является для нас то обстоятельство, что в двух случаях новгородские статьи Повести временных лет рассказывают о событиях, участником которых был (в одном случае несомненно, а в другом случае вероятно) именно Вышата. Мы имеем в виду рассказ о неудачном походе новгородского князя Владимира Ярославича на Царьград и известие о конском море во время похода того же Владимира Ярославича на Емь. Не случаен также интерес новгородского рассказчика к восстаниям волхвов (см. выше об относительном сходстве новгородского рассказа о восстании волхвов в Суздале под 6534 (1026) г. с аналогичным рассказом под 6579 (1071 г.), объясняемый тем, что Вышата сам участвовал в подавлении восстания волхвов.

К новгородскому князю Владимиру Ярославичу, в дружине которого состоял Вышата, в Повести временных лет относятся еще два известия, определяемые А. А. Шахматовым как «новгородские». Под 6558 г. сообщено о кончине жены Ярослава — матери Владимира Ярославича, а под 6560 г. — о кончине самого Владимира Ярославича в Новгороде, причем отмечено и место его погребения: храм Софии «юже бе сам создал».

Укажем также, что в ряде других случаев Вышата выступает как несомненный источник устных рассказов киевского летописца (отсылаю к «Разысканиям» Шахматова).

Мы выяснили выше, что устные сведения о новгородских событиях изложены, повидимому, киевским летописцем, искусно приурочившим рассказ Вышаты к рассказу о событиях Южной Руси. Кроме того, мы выяснили, что они, вместе с тем, носят новгородский характер: рассказывавший их выказывает близкое знакомство с топографией Новгорода и по преимуществу интересуется событиями, так или иначе связанными с новгородскими посадниками.

В последнее время новгородское происхождение Вышаты, несмотря на прямое указание летописца под 1064 г., подвергнуто некоторому сомнению. «Отмечу, как ошибку,— пишет М. Д. Приселков,— попытку истолковать этого Вышату как сына Остромира, воеводы Новгородского, упомянутого в «Повести» под 1064 г., едва ли известного в Киеве. Вышата, отец Яна, был сверстником Остромира. Ян родился в 1016 г. и ему было уже 27 лет, когда состоялся поход на Царьград»¹. Действительно, если Ян родился в 1016 г., то он никак не мог быть внуком Остромира. Либо ошибочно утверждение летописи, что Вышата был сын Остромира, либо ошибочно известие Повести временных лет под 1106 г. о том, что к моменту смерти Яну исполнилось 90 лет. М. Д. При-

¹ М. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., Л., 1940, стр. 18.

селков безоговорочно считает ошибочным первое известие летописи — о родстве Вышаты. Однако следует, очевидно, предположить ошибочность второго известия — о возрасте Яна Вышатича. В самом деле, летописцу естественнее было ошибиться в определении возраста Яна Вышатича, чем придумать, неизвестно с какими целями, родственные отношения Вышаты к Остромиру, которые в условиях еще далеко не отжившего родового быта должны были особенно прочно запоминаться современниками. Между тем, определение возраста Яна Вышатича тем более недостоверно, что число 90 обычно употребляется в качестве эпического определения преклонного возраста (ср. например, в былинне о Василии Буслаевиче «А и жил Буслай до девяноста лет»¹ или «Жил Святослав девяноста лет»²).

Следует помнить также, что число девяноста играло в русском счете, по свидетельству С. Герберштейна, совершенно особенную роль: «Способом счета они (русские.—Д. Л.) пользуются таким, что считают и делят все предметы по сорока или девяноста (*sogok ant Devuenosto*), т. е. или по сороковому или по девяностому числу, так же как мы по сотням»³. Естественно, что летописец, записавший от Яна Вышатича ряд рассказов о весьма отдаленных временах, несколько преувеличил возраст своего корреспондента и прибегнул к эпическому определению его преклонных лет. Исходя из указанного летописцем возраста Яна, мы должны были бы предположить, что в 50 лет Ян пользовался еще очень малой известностью, состоя дружинником черниговского князя; в 70 лет Ян достиг поста тысяцкого в Киеве; в 80 лет был в зените своей деятельности и вел чрезвычайно энергичную политику, и только после был отстранен от политической деятельности «уными» дружинниками Всеволода, а затем и Святополка по политическим соображениям, хотя и после стремился попрежнему вступить в политическую борьбу своего времени, а накануне своей смерти участвовал в походе против половцев, победил их и преследовал на огромном расстоянии от Заречьска и до самого Дуная: «Воеваша половци около Заречьска, и посла по них Святополк Яна и Ивана Захарьича, Козарина; и угонища половце, и полон от[ъ]яша» (Лаврентьевская летопись)⁴. Аналогичная ошибка в определении возраста идеализируемого князя имеется в «Слове о князех»: возраст Давида Святославича определен в «Слове» как девяностолетний⁵; на самом деле Давид умер, будучи гораздо моложе.

Отсюда ясно, что летописец ошибся не в определении отца Вышаты, а в определении возраста его сына — Яна. Будь Ян моложе на

¹ К. Данилов, № 9.

² Гильфердинг, № 73.

³ С. Герберштейн. Записки о московитских делах, СПб., 1908, стр. 90.

⁴ Ср. в Ипатьевской: «Повоеваша половци около Заречьска и посла по них Святополк Яна Вышатича и брата его Путяту, Иванка Захаровича и Козарина; и угонивше половце до Дуная, полон отьяша, а половце посекоша».

⁵ «Слово похвальное на перенесение мошей святых Бориса и Глеба», Памятники древней письменности, вып. ХСVIII, 1894, стр. 9.

15—20 лет, чем это указано летописцем, он вполне мог бы быть внуком Остромира.

Укажу еще на одно обстоятельство, подтверждающее новгородское происхождение Вышаты. Вышата участвовал, как известно, в походе Владимира Ярославича на Византию. Поход был организован Владимиром из Новгорода, где перед тем Владимир княжил. Как известно, организация походов на Византию постоянно занимала новгородцев. После этих походов новгородцы усиленно оседали в Киеве или по берегам Черного моря. Владимир, организовав с помощью новгородцев поход на Византию, вывез из Новгорода, в числе прочих новгородцев, и Вышату. Как обычно в таких случаях, после неудачного похода Владимира, возможно ослепленный, Вышата осел на юге, опасаясь своим возвращением в Новгород возбудить недовольство новгородцев.

На новгородское происхождение Вышаты указывает и само имя его. Сокращение Вышаты из Вышеслав типично новгородское, как Гюрята — из Георгий, как Жидята — из Жидислав, как Воята — из Воислав и т. д. Такого рода сокращения были широко распространены в Новгороде. Это типично новгородское имя Вышата продолжал носить и в Киеве, где оно вошло в отчество его сына (Ян Вышати ч). Наличие имени Вышаты в Новгороде доказывается следующим местом новгородской летописи: «ходиша на Емь молодьци о Вышате о Василевци» (Новг. 1, 19, 6).

Установив новгородское происхождение Вышаты, вопреки утверждениям М. Д. Приселкова, мы не можем одновременно не вспомнить весьма интересного соображения Д. И. Прозоровского об Остромире, как сыне посадника Константина и внуке, следовательно, Добрыни. Д. И. Прозоровский доказывает последнее припиской в так называемом Остромировом евангелии 1056—1057 гг.: «Написахъ же ейглие се рабу бжию наречену сушу въ крщении Иосифъ. а мирьскы Остромиръ. близоку сушу Изяславу князю. Изяславу же князю тогда прѣдръжашу обѣ власти и отца своего Ярослава и брата своего Володимера. Сам же Изяславъ князь правляше столь оца своего Ярослава Киевѣ. А брата своего столь поручи правити близоку своему Остромиру Новгород¹».

Итак, Остромир был «близок», т. е. дальний родственник, Изяслава. Остромир не князь и не мог быть князем, как посадник. Среди посадников мы вообще почти не встречаем людей княжеских фамилий. Поэтому, — утверждает Д. И. Прозоровский¹, — Остромир был сыном Константина и, следовательно, внуком Добрыни² — «уя» Владимира I.

Если Вышата был действительно потомком посадника Добрыни, то нам становится понятным включение в текст Киевской летописи ряда новгородских известий с участием Добрыни. Так же как и Остро-

¹ Д. Прозоровский. Новые разыскания о новгородских посадниках. СПб., 1892, стр. 3.

² Константин, как сын Добрыни, отмечен в Повести временных лет под 1018 г.

мир, подчеркнувший свое родство с князем Изяславом в приписке к евангелию 1056—1057 гг., Вышата подчеркивает родство Добрыни и Владимира. Отсюда понятна настойчивость в проведении этого указания во всех рассказах о Добрыне. Не один раз повторяется в этих рассказах, что Добрыня приходился «уем» Владимиру¹, и точно указывается, как это родство осуществлялось: «бе бо Володимер от Мальфеди [от Малуши — в Лавр. и Комм.], ключнице Ользины, сестра же бе Добрынина, отць же бе има Мьстиша Свенельдиць [Мальк Любечанин — в Лавр., Малко Любчанин — в Комм. и Радз.], и бе Добрыня уй Володимеру».

В рассказах о Добрыне подчеркивается всюду, что Владимир слушается советов Добрыни, последний же выполняет его наиболее сложные поручения.

Тот же эгоцентрический характер носят и вставки в статью 1043 г. о поражении сына Ярослава — Владимира — греками. В отношении этих вставок можно считать прочно установленным, что события, изложенные в них, рассказаны были Никону Яном Вышатичем или, может быть, самим Вышатой. В этих вставках подчеркнуто воеводство Вышаты, причем так, точно Вышате принадлежало главное воеводство, хотя в первоначальном рассказе воеводой значился Иван Творимиричь.

В новгородских известиях киевской летописи определенно чувствуется нарочитое внимание к истории новгородских посадников по преимуществу. Эти посадничьи и одновременно семейные воспоминания носят явно тенденциозный характер.

Можем ли мы, однако, считать, что новгородские известия были записаны в южную летопись именно Никонем? Прекращение их на 1064 г. не указывает ли на то, что именно в этом году прервались связи Вышаты и его сына Яна Вышатича, а что самый рассказ их о новгородских событиях был записан значительно позднее. Думается, что нет. Дело вовсе не в том, что только у одного или двух лиц на Юге могли быть тесные связи с Новгородом и что эти связи могли затем внезапно прерваться — связь Киева с Новгородом поддерживалась постоянно, и ни о каком перерыве в ней говорить нельзя. Дело, как нам думается, в том, что все сообщения о новгородских событиях до 1064 г. носят характер рассказа одного лица, доведшего его до своего времени.

Только Никон мог связать рассказ о Добрыне с Тмутараканью, как это явно чувствуется в статье 6493 г. о Добрыне, который, осмотрев взятых в плен болгар, сказал Владимиру: «съглядах колодник..., поидем искать лапотников». Рассказ этот связан общим мотивом добровольного отказа от дани с тмутараканским преданием о казарах, также добровольно отказавшихся брать дань с полян. Может ли это быть случайностью? Может ли быть случайностью связь принадлежащей Никону Корсунской легенды с преданием о сватовстве Владимира через

¹ «И иде Володимер с Добрынею, уемъ своимъ, Новугороду» (6478): «в посади Добрыню, уя своего, Новегороде» (6486); «иде Володимер на българы с Добрынею, с уемъ своимъ в лодиях» (6493).

Добрыню, а также связь рассказа о новгородских событиях 6532 (1024) г. с рассказом о единоборстве Редеди с Мстиславом Тмутараканским — 6530 (1022) г.?

Интерес к Новгороду вообще характерен для Никона. Кроме Вышаты, у Никона был, несомненно, и другой источник сведений о новгородских событиях. В 1067 г. Никон, по просьбе жителей Тмутаракани, ездил в Чернигов просить на тмутараканское княжение сына Святослава — Глеба, бывшего одно время новгородским князем. Вторично побывав в Тмутаракани с Глебом, Никон вернулся в Печерский монастырь. Рассказ о появлении волхва в Новгороде при князе Глебе, как справедливо утверждает А. А. Шахматов, записан Никоном от Глеба. «Никон, посадивший в 1067 г. Глеба на тмутараканский стол, мог поддерживать с ним так или иначе сношения и по переходе его в Новгород в 1068 или 1069 г.». Так же точно, по устному рассказу какого-то новгородца по 1071 г., дано описание бесов со слов кудесника из племени Чуди. Итак, вполне в духе Никона было пользоваться устными рассказами близких ему лиц. Особенно много этих рассказов записано им в Тмутаракани: очевидно, и в силу отсутствия у Никона письменных источников, и в силу особых условий жизни Никона в Тмутаракани, где он находился в самом центре политических событий и общался с большим числом лиц из самых разнообразных областей Руси.

Итак, корни близких впоследствии отношений между Вышатой, Яном Вышатичем и летописцами Печерского монастыря — Никоном, Иоанном и Нестором — восходят еще к тмутараканскому периоду жизни Никона. Здесь, в Тмутаракани, в 1064—1066 гг. отец Яна — Вышата, сообщал Никону недостававшие ему новгородские известия. Возможно, впрочем, что многие из внесенных Никоном в свою летопись известий были записаны им позднее, но в целом надо думать, что новгородские известия, встречающиеся в Киевской летописи только до 1074 г., были собраны Никоном приблизительно около этого же времени.

Если встреча Никона с Яном Вышатичем произошла в год приезда в Тмутаракань его отца — Вышаты, то это могло бы объяснить и помещение рассказа о ростовских волхвах, начинающегося неопределенным указанием на время «бывши единою скудости в Ростовьстей области», именно под 1064 г., годом встречи Никона и Яна.

II

Итак, мы можем проследить в Повести временных лет на протяжении пяти поколений судьбу новгородского посадничьего рода, переехавшего в Южную Русь и здесь занявшего видное положение при дворе киевских князей. Добрыня, Константин, Остромир, Вышата, Ян — таковы представители этого рода, сведениями о котором снабдили летописца два последних его представителя. Однако этими именами родовое предание не ограничивалось, оно уходило вглубь времен еще на два поколения, с которыми связан ряд значительнейших эпизодов киевской истории.

Глава XIV «Разысканий» А. А. Шахматова — «Мстиша Свенельдич и сказочные предки Владимира Святославича», чрезвычайно ценная по своим материалам и выводам, целиком посвящена отцу и деду Добрыни — Мстише-Люту Свенельдичу и Свенельду. Выводы этой главы «Разысканий» А. А. Шахматова дают важный материал, подтверждающий и обогащающий новыми данными все изложенное нами выше.

В своем исследовании А. А. Шахматов пришел к выводу о резком расхождении между Древнейшим Киевским сводом 1039 г. и Начальным Киево-Печерским сводом 1095 г. в сведениях о Мстише-Люте и Свенельде. В обоих этих сводах отразились два различных ряда исторических преданий о Свенельде и его сыне.

Первоначальный вариант исторических преданий о Свенельде тесно связывал имя Свенельда с убийством Игоря. Игорь дал Свенельду право сбора дани в Деревской земле. Повидимому, в Древнейшем своде читалось об Игоре: «И бе у него воевода именемъ Свенельд. И иде Игорь... И примучи Угличе и възложи на ня дань и въдасть Свенельду; и дасть же дань Деревскую Свенельду; и имаше по чърне куне от дыма. И реча дружина Игореви: се дал еси единому мужеви мьного; отроци Свенелжи изоделися суть оружием и пьрты, а мы нази» и т. д.¹

Побуждаемый ропотом дружины, Игорь идет походом в Деревскую землю. Свенельд не отказывается от прав на деревскую дань. Игорева дружина сражается с дружиной Свенельда и подданными Свенельда — древлянами. В произошедшем столкновении Игорь убит сыном Свенельда — Мстиславом Лютым.

Этот ход событий резко изменен в Начальном своде — в том самом своде, к которому восходят, по Шахматову, все новгородские известия Повести временных лет. Изменения эти любопытны своею тенденциозностью. Исключено начало рассказа об уступке Игорем дани Свенельду. Иному освещению подвергся самый ход столкновения Игоря с древлянами. Исключено имя Мстиши, однако сохраненное для ближайшего определения Святослава воеводы Свенельда, как отца этого Мстиши. В противоположность Древнейшему своду, в Начальном своде Свенельд воевода Ярополка, а не Игоря; Мстиша-Лют находится на службе у киевского князя; не он убивает киевского князя, а его самого убивает древлянский князь, когда он зашел на его землю. А. А. Шахматов так характеризует произведенные в Начальном своде изменения: «Исключен всякий намек на то, что убиение Игоря возникло в конце концов на почве соревнования дружины Игоревой с дружиной Свенельда; для этого опущено сообщение о том, что Игорь уступил своему воеводе Свенельду Угличскую и Деревскую дани; правда, в речи дружины Игоревой сохранена фраза «отроци Свенелжи изоделися суть оружием и порты, а мы нази», но из этой фразы не видно, чтобы Свенельд

¹ Разыскания, стр. 106 сл.

² Там же, стр. 365.

и его дружина кормились именно Деревскою данью и чтобы поход Игоря нарушил интересы Свенельда; опущение фразы: «се дал еси единому мужеви много» в начале той же речи Игоревой дружины доказывает стремление редактора Нач. свода устранить всякую мысль о неудовольствии между Игорем и Свенельдом. Редактор Нач. свода вместо этого исключенного им начала вставляет в свой рассказ фразу: «И приспе осень, и нача мыслити на Древляны, хотя примыслити большую дань», и его не смущает то обстоятельство, что он приписал в этой фразе инициативу похода на Деревскую землю Игорю, а в нижеследующем тексте выставил виновником похода дружину Игореву, а не самого Игоря. Итак, Игорь пошел в Дерева в дань. Редактор, устраняя мысль о столкновении Игоря со Свенельдом, спешит тотчас же к изображению таких данных, которые объясняют развязку Игорева похода. Игорь «примышляше к первой дани»; здесь брошен намек или на то, что Игорь стал брать лишнее, большую дань, или на то, что он стал брать вторую дань; если, действительно, мы имеем намек на то, что Игорь брал вторую дань, то ясно, что составитель Нач. свода исходил не из предложенного им самим текста, а из текста своего источника, из которого можно было заключить, что Игорь пошел за данью, уже отданной другому, и, может быть, уже собранной этим другим. Но от намека редактор Первонач. свода переходит уже к прямому изображению тех обстоятельств, которые, по его мнению, могли послужить причиной недовольства древлян: Игорь «насиляше им и мужи его». Итак, дело близится к развязке: древляне восстали и убили Игоря. Так хотел рассказать редактор Нач. свода. Но он во-время спохватывается: и в Древн. Киевском своде Игоря побеждают древляне, но с ними, во главе их, Свенельд и лютый Мстислав (Мистища-Лют); этим объясняется поражение Игоря и его убиение; в Нач. своде названные герои устранены из рассказа — они не враждебны киевскому князю, они его верные слуги; как же понять перевес древлян и несчастный исход Игорева похода? Мы видели, к какому приему прибег редактор Нач. свода: Игорь побит вследствие малочисленности своей дружины. Составитель Начального свода так прямо и говорит в конце рассказа: «Убиша Игоря и дружину его: бе бо их мало»; малочисленность же дружины объясняется тем, что большую часть ее Игорь отпустил от себя; отпустил же он ее от себя для того, чтобы поживиться данью с древлян в свою пользу. Нужды нет, что редактор впал в противоречие: Игорь идет на древлян для своей корысти, между тем как выше к походу его побуждают жалобы той самой дружины, в угоду которой предпринят поход и которая потом оказывается помехой для наживы самого князя; редактор нечувствителен к этим противоречиям: и выше Игорь выставлен инициатором похода («хотя примыслити большую дань», ниже: «желая больша именья»).

Для редактора важно одно: благополучно довести до конца свой рассказ, отступивший от основного источника и устранить мысль о

том, что Игорь убит Свенельдом и Мистишей — этими народными героями, а не самими древлянами». ¹

Все изменения в тексте свода, касающиеся Свенельда и Мстиши, А. А. Шахматов считает сделанными на основании какого-то устного источника, героизировавшего Свенельда и Мстишу, подчеркнувшего их преданность роду киевских князей и устранившего всякое участие и Мстиши и Свенельда в убийстве Игоря.

«Устраняя из лагеря противников киевского князя Свенельда и Мистишу,— пишет А. А. Шахматов,— составитель Нач. свода руководствовался таким источником, который прямо называл их слугами и приверженцами этого князя» ². Именно для этого в рассказе о погребении Игоря и о вокняжении Ольги «с детским» Святославом редактор Начального свода к словам «и кормилец его Асмуд» прибавил: «и воевода бе Свенельд, ть же отец Мистишин».

Нам знакома тенденция данных переделок, стремящихся подчеркнуть роль представителей этого древнего киевско-новгородского рода при дворе киевского князя, их верность роду последнего. Знакома и сама манера прибавки одного имени к имени другого: этим же самым способом Вышата сделан главным воеводой в походе Владимира Ярославича на Константинополь, а настоящему воеводе Владимира — Ивану Творимиричу придано второстепенное значение. Нельзя не отметить того же стремления подчеркивать родственные отношения по нисходящей линии. Подобно тому, как Вышата определяется, как отец Яна (под 6551 г. и др.), здесь в рассказе о Свенельде этот последний определяется как отец Мстишин. Подчеркивание родственных отношений играет существенную роль в рассказах как о Свенельде и о его сыне Мстише, так и в рассказе о Добрыне, Константине, Вышате и Яне. Мы видим и тут, и там одну и ту же тенденцию возвеличивания рода, тенденцию подчеркивания его политической лояльности и феодальной преданности роду киевских князей.

Обратим внимание на еще одну тенденциозную вставку, сделанную в рассказе о возвращении Святослава на Русь, из Болгарии: «И рече [Святослав]: поиду в Русь и приведу больши дружине; и поиде в лодьях. Рече же ему воевода отень Свенельд: поиди, княже, около на коних: стоять бо Печенези в порозех. И не послуша его, нъ поидоша в лодьях».

А. А. Шахматов считает вставленными слова «рече же ему... в лодьях» ³ и остроумно доказывает это рядом соображений. Тенденциозный характер этой вставки также ясен: Свенельд выступает главным советчиком Святослава, подобно тому, как Добрыня являлся главным советчиком Владимира, а Константин — Ярослава. Ослушание Святослава ведет к его гибели.

Нет надобности приводить другие факты, доказывающие, что все

¹ Разыскания, стр. 367—369. Курсив мой.— Д. Л.

² Там же, стр. 369.

³ Там же, стр. 370—371.

вставки и изменения в летописных известиях о Свенельде и его сыне Мстише-Люте сделаны под влиянием все того же родового предания, которое снабдило позднейших летописцев сведениями и о других представителях этого рода.

Кем и когда были подсказаны летописцу эти изменения? Мы знаем, что и Вышата и Ян Вышатич — два последних представителя этого рода, — имели тесное общение с тремя поколениями киевских летописцев. Рассказами Вышаты и его сына Яна пользовался составитель свода 1073 г., свода 1095 г., Повести временных лет. А. А. Шахматов считает, что вставки эти принадлежат редактору Начального свода 1095 г.: редактор Начального свода охотно пользовался устными сведениями от Яна Вышатича. Однако одно обстоятельство заставляет нас склониться в пользу того мнения, что все изменения в рассказе о Свенельде сделаны в Тмутаракани Никоном. В самом деле, нельзя не обойти вниманием того поразительного факта, что составитель новой редакции сведений о Свенельде и Мстише-Люте упорно стремится отождествить сына Свенельда Люта с тмутараканским князем Мстиславом Лютым и дать новое имя Люту — Мстиши (сокращенное от Мстислав) ¹.

Мстиша-Лют, как убедительно показывает Шахматов ², не кто иной, как Мстислав Владимирович Лютый — князь тмутараканский, известный по Киево-Печерскому патерику (в рассказе о Якуне «иже от беже златы руды [вм. луды], бяся полком по Ярославе с лютым Мстиславом») и по Соф. I под 6532 (1024) г.: «Ярослав Владимирович в Суздали изби вълхвы, а брат его Лютый Мьстислав седе в Чернигове».

Летописец явно слил в одно лицо тмутараканского князя Мстислава и сына Свенельда. Сделать это мог, конечно, Никон, проведенный в Тмутаракани годы изгнания и обогативший летопись тмутараканскими преданиями.

III

Итак, судьба семи поколений предков Яна Вышатича отмечена составителями Киево-Печерских сводов на основании рассказов двух последних представителей этого рода. Эти рассказы, неточные хронологически, иногда несущие в себе следы влияния сказочных мотивов, отмечены, тем не менее, единой тенденциозной мыслью, героизирующей этот род, подчеркивающей его весомость в общем раскладе сил Киевского государства. Определить основы этой тенденциозности помогает выяснение политических взглядов Вышаты и Яна Вышатича, отраженных летописью.

Служебная карьера Вышаты и его сына Яна может быть раскрыта на основании данных Повести временных лет следующим образом. Сын новгородского посадника Остромира, Вышата участвовал, повидимому,

¹ Разыскания, стр. 358.

² Там же, стр. 357.

в 1042 г. в походе сына Ярослава — новгородского князя Владимира на Емь. В следующем году он участвовал в неудачном походе Владимира Ярославича на Константинополь, был взят греками в плен и, по-видимому, ослеплен вместе с другими участниками похода. В греческом плену Вышата пробыл три года и после своего освобождения не решился вернуться в Новгород, боясь своим возвращением возбудить недовольство новгородцев. Вышата осел на Юге, но здесь его служебная карьера не удалась. В 1064 г. мы видим Вышату в Тмутаракани в свите князя Ростислава.

Если считать, что сын Вышаты — Ян умер в девяностолетнем возрасте, то год рождения его должен быть определен, как 1016 г. Однако выше мы привели уже ряд соображений о том, что Ян Вышатич родился, по-видимому, несколько позже и умер более молодым, чем это указано летописцем. Если наше предположение правильно, то понятно, почему ранние годы его службы в дружине киевского князя остались нам неизвестны. Впервые летописец приводит сведения о Яне Вышатиче только под 1071 г., где рассказывает со слов самого Яна об усмирении им восстания волхвов в Белозерье. «Туда Ян прибыл с юга со своею небольшою дружиною (12 отроков и поп) для сбора «полюдья» от князя Святослава, — пишет М. Д. Приселков. — Определить точно год этого факта трудно, так как летописатель, приводя под 1071 г. ряд известий о волхвах, дает умышленно неопределенные указания на время, подчеркивая тем, что эти известия не относятся прямо к этому году, так, для первого известия он употребил выражение: «В си же времена», а для второго (рассказ Яна) еще более расплывчатое: «однажды» («единою»). Вероятнее всего, впрочем, думать, что эта поездка Яна относится ко времени после 1067 г., когда трое Ярославичей, заманив и арестовав семью полоцких князей, перedelили свои владения в связи с захватом в свое обладание Полоцкого княжества. Старый текст этого рассказа Яна, сохраненный нам Лаврентьевскою летописью, не оставляет сомнения, что в этом Белозерском крае, где только что установилась власть Святослава Ярославича, Ян получил от князя зимний прокорм для себя и своей дружины и сбор «полюдья», почему Ян называет жителей Белозерья на языке Киева своими смердами и смердами его князя («выдайте волхва та семо, яко смерда еста моя и моего князя»), но волхвы, как известно, не признавали себя смердами Яна и требовали над собой суда князя»¹.

Святослав Ярославич, у которого служил в это время Ян, был черниговским князем. Надо думать, что Ян Вышатич попал на службу к черниговскому князю, пользуясь издавними связями Тмутараканского княжества с Черниговом. В дальнейшем мы видим Яна в Киеве, куда он переехал, очевидно, вместе со Святославом Ярославичем черниговским, когда последний овладел Киевом. Здесь Ян прочно оседает, успешно выдвигаясь в первые ряды киевских дружинников. После

¹ М. Приселков. Указ. соч., стр. 18—19.

смерти Святослава он пережил в Киеве короткое княжение Изяслава, а при Всеволоде достиг поста киевского тысяцкого (см. под 1089 г.: «воеводство Киевская тысяща»).

«Смерть Всеволода,— пишет М. Д. Приселков,— была концом служебной карьеры Яна, хотя еще в последние годы жизни Всеволода положение Яна, видимо, пошатнулось. Указание летописи (несомненно, со слов Яна), что Всеволод стал «любить смысл уных» дружинников и отодвигать «первых» (т. е. прежних), которые могли на это только негодовать, надо сопоставить с дальнейшим известием летописи (со слов того же Яна), что основным принципом построения киевской дружины нового князя Киева Святополка, севшего на стол после смерти Всеволода, был тот же набор и приближение юных и отстранение дружинников старых. Такое единомыслие в дружинном вопросе двух князей, представителей двух враждебных ветвей княжеского дома, представителей двух сменяющих друг друга поколений, нельзя, конечно, отнести к личному капризу их, как казалось это Яну, а проистекало из того, что условия жизни круто менялись, и новые условия требовали новых исполнителей. Легко догадаться, сопоставляя этот факт с «Правдою» Ярославичей, что князья Русской земли переходили от сборов полюдья и даней к феодальной эксплуатации, что, конечно, существенно меняло весь строй жизни и князей и дружинников, из которых «первые» не умели и не могли приспособиться к условиям новой жизни, упрекая князей в том, что они «вирами и продажами» разоряют население, забыв о былых покорениях чужих земель, как лучшем средстве содержания себя и дружины. Ян, как и все старики, срывал свой гнев на «юных» дружинниках тем, что в рассказе о заседаниях боярской думы Святополка (1093 г.) делил дружину (как, смягчая выражения Яна, записал летописец) на «смысленных» (т. е. стариков) и «несмысленных» (т. е. новых дружинников)»¹.

Служебные неудачи Вышаты и его сына Яна Вышатича, их воззрения на политические события своего времени превосходно объясняют характер сообщенных ими сведений о своих предках. С упорством обиженных подчеркивают Вышата и Ян Вышатич свое родство роду киевских князей. Выяснение этого родства через Малушу составляет один из существенных моментов летописных известий о Добрыне. Свое родство с Изяславом подчеркивает Остромир; напомнить о своих родственных отношениях входило в задачи Вышаты и Яна. И Вышата и Ян упорно говорят о тех мудрых советах, какие давали их предки киевским князьям. Нежелание послушать совета Свенельда послужило причиной гибели Святослава. Владимир неоднократно исполнял советы Добрыни и даже добился руки полоцкой княжны Рогнеды благодаря содействию Добрыни. Владимир — вообще любимейший князь этих устных преданий. Неоднократно подчеркивается его большая удачливость сравнительно с братом от другой матери — Ярополком. Это и

¹ М. Приселков. Указ. соч., стр. 19.

понятно: именно Владимир, а не Ярополк был племянником Добрыни по матери Малуше. Владимир же изгнал из Новгорода посадников Ярополка, посадив на их место Добрыню. Слушается советов сына Добрыни Константина и Ярослав. Именно Константину был обязан Ярослав своей победой над Святополком и дальнейшим вокняжением в Киеве. Тенденциозность этих рассказов ясна: в них подчеркивается, что киевские князья не гнушались советов «смысленных людей», как гнушаются ими нынешние, предпочитающие им молву «несмысленных».

Наконец, нельзя не обратить внимания на то, что в деятельности всех решительно представителей рода Вышаты и Яна отмечаются их дальние походы, их сборы даней и полюдья, что должно было служить косвенным упреком современным им князьям, которые не думают о сборе дани с соседних народов, предпочитая «вирами и продажами» разорять собственное население. О походах за данью повествуется в известиях о Свенельде и Мстише-Люте. С сборах дани с болгар рассказывается в летописных статьях о Добрыне. В собственной деятельности Вышата и Ян отмечают именно эти далекие походы, участниками которых они были: на Емь, на Константинополь (Вышата), за сбором полюдья в Белозерье (Ян).

Исследователями давно отмечена связь былинных сюжетов о Добрыне с летописными известиями о нем же. Обратим внимание на некоторые стороны этой связи, на которые до сих пор не обращалось достаточного внимания. Добрыня и в былинах и в летописи занимается сбором дани с соседних народов. Как в тмутараканском предании о хозарах, Добрыня заставляет платить киевскому князю дань даже те народы, которые раньше сами собирали дань на Руси (ср. Лавр. летопись под 6493—985 г.). Так и в былинах Добрыня вместо того, чтобы отвезти дань Идолищу, сам собирает ее и привозит Владимиру.

Вместе с тем былины подчеркивают родство Добрыни и Владимира, подобно тому, как это делает летопись. В былинах Добрыня «племянник» Владимира, т. е. его родственник «соплеменник». Старое народное значение слова «племянник» означает дальнего родственника (см. Даль). Значение этого слова в древнерусском также не вызывает сомнений: это родственник, соплеменник (см. Срезневский, Материалы для словаря древне-русского языка, т. II). Наше значение слова «племянник» передавалось в древней Руси словом «сыновец».

Итак, нельзя не заметить ту связь, которая существует между некоторыми моментами современных эпических сказаний о Добрыне и тенденцией Вышаты и Яна. Что же могло послужить причиной широкого распространения в народной среде родовых преданий старого киевского дружинника Яна и его отца Вышаты?

Летописная статья 1093 г., заключающая собой Начальный свод, подробно повествует о борьбе с половцами. Летописец стремится указать общие причины неудач русских и заключает свою статью поуче-

ннем Феодосия: «О казнях божиих», отдельные части которого имели затем широкое распространение в последующем летописании. Эта заключительная статья Начального свода полна высокой скорби о бедах русского народа. В полных трагизма словах описывает летописец страдания русских пленников в половецком плену: «стражюще, печални, мучими, зимою оцепляеми, в алчи и в жажи, и в беде, опустневше лица, почерневше телесы, незнаеми [в IX: незнаемую] страну, языком испаленым, нази ходяще и боси, ноги имуще сбодены тьрнием, со слезами, отвещеваху друг к другу глаголюще: «Аз бех сего города» и другыи «А аз сея вси». И тако соупрошаются со слезами»¹.

Летописец всячески пропагандирует в этой статье необходимость согласованного отпора степи соединенными усилиями князей. С уважением рассказывает летописец о Владимире Мономахе, который после смерти отца своего Всеволода не занял киевского стола, но послал за своим братом Святополком: «яко есть стол преже отца его был». Многое в этой статье было написано летописцем под влиянием суровых речей Яна Вышатича. Трижды ссылается летописец на речи «смысленных людей», состав которых определяется самим летописцем так: «Янь и прочии». В уста этих «смысленных людей» летописец влагает совет Святополку не выступать против половцев в одиночку, а предварительно соединиться с войсками Владимира (Мономаха): «и не всхотеша Половци мира, и ступиша Половци воюючи. Святополк же поча сбирати вое, хотя на не. И реша ему мужи смыслени: «не кушаися противу им, яко мало имаши вои». Он же рече: «имею отрок своих 800, иже могут противу им стати». Начаша же друзии несмыслени глаголати: «пойди, княже»; смыслени же глаголаху: аще бы пристроил [их] и 8 тысяч, не лихо то есть: наша земля оскудела есть от рати и от продаж; но послися к брату своему Володимеру [Мономаху] да бы ти помоглъ». «Смысленни мужи», и между ними Ян, обращаются к русским князьям с призывом: «почто вы распря имате межи собою? а погани губять землю Русьскую; последи ся уладита, а ноне пойдита противу поганым, любо с миром, любо ратью».

Эти призывы «смысленных мужей» к согласованному отпору степным кочевникам роднят заключительную статью Начального свода со Словом о полку Игореве. Не может быть сомнения в том, что речи этих «смысленных людей» записаны летописцем со слов Яна Вышатича, пожелавшего заявить свое мнение в летописи от лица многих («Янь и прочии»), явиться выразителем «смысленных людей», отстраненных Святополком.

Не может быть сомнения и в том, что записанные летописцем со слов Вышаты и Яна рассказы о походах Святослава со Свенельдом, Владимира с Добрыней, Ярослава при содействии Константина, Владимира Ярославича с Вышатой, наряду с родовой тенденцией, служили

¹ Цитирую здесь и ниже по изд. 1926 г., несколько модернизируя орфографию.

этой же цели пропаганды активной политики по отношению к врагам Русской земли. Именно эти-то идеи, думается нам, и привели в результате к широкому распространению в народе отдельных эпизодов этого первоначально узкого родового предания.

Уже в 1128 г. летописец привлек историческое предание о Добрыне для объяснения родовой вражды полоцких князей — рогволодовичей с ярославичами. Изложив под этим годом некоторые события в Полоцком княжении, летописец (повидимому, составитель летописца Изяслава Мстиславича, впоследствии через ряд сводов включенного в состав Лаврентьевской летописи) переходит к изложению исторического предания о Владимире I Святославиче и Рогнеде, в котором в активной роли выступает Добрыня — «храбор и наряден мужь». Историческое предание это летописец передает не со слов какого-либо представителя рода Добрыни, а как народную молву. На это прямо указывают первые же слова рассказа: «О сих же Всеславичих сице есть яко сказаша ведущии прежь». Далее летописец рассказывает, как Владимир, княживший еще в Новгороде, послал своего воеводу Добрыню к Рогвальду просить руки его дочери Рогнеды. Рогнеда не пожелала выходить замуж за «робичича» — сына Малуши («она же рече: «не хочю розути робичича»). Владимир гневается и жалуется Добрыне. Добрыня же «исполнису ярости» идет походом на Полоцк, берет город приступом, а Рогвальда, жену его и дочь — в плен. Владимир убивает Рогвальда и женится на Рогнеде, назвав ее Гориславой. Эпизод этот сохранен русским героическим эпосом в ближайшем сюжете о Добрыне-свате. Но рассказ на этом не прерывается, и дальше сообщается легендарная история ссоры Владимира и Рогнеды, во время которой малолетний сын их Изяслав вступает за мать с мечом в руках.

Приведя это историческое предание о Владимире и Рогнеде-Гориславе, летописец замечает: «и оттоле мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярославлих внуком», мотивируя тем самым вставку в летописный текст народного сказания.

Итак, перед нами ясное свидетельство того, что уже в начале XII в. предания о Добрыне, выделившись из родового предания потомков Свенельда, получили широкое распространение в народе и большую сюжетную законченность, чем это имело место в предшествующих известиях Повести временных лет.

IV

В русский былевой эпос проникли из родовых преданий Вышаты и Яна Вышатича не только воспоминания о Добрыне. В разное время в нем отразились следы каких-то припоминаний об отце Добрыни — Мистише, его сестре Мальфредь Мистинишне, брате Яна Вышатича — Путяте, о самом Яне Вышатиче и др.

На исторический прообраз Никиты Залешанина в лице Мистиши Древлянина было указано еще А. А. Шахматовым в «Разысканиях»:

«...былины сохранили отчество Добрыни, вытекавшее из первоначального о нем рассказа в Древнейшем Киевском своде: они называют его Никитичем, а Древнейший Киевский свод указывал, что он был сыном Мистиши. Ввиду этого мы вправе искать в былинах воспоминаний и о самом Мистише, которого ждем между прочим в виде Никиты. Предполагаю, что образ Никиты Залешанина (Заолешанина) отразил в себе образ Мистиши Древланина¹; замечательно, что он богатырь не киевский, — поэтому, когда Илья Муромец выдал себя за Никиту, его никто не узнал в княжеском тереме, кроме, впрочем, Добрыни Никитича, очевидно, не в пример другим киевским богатырям, знавшего Никиту Залешанина. Впрочем, в некоторых былинах он назван в ряду других киевских богатырей². Мальфредь Мистинищну или Мстиславну следует, быть может, видеть в Марфиде Всеславьевне, хотя, повидимому, самый свой образ Марфида заимствует у Запавы Путятичны»³.

В числе воевод, разбивших в 1106 г. половцев у Заречьска, Ипатьевская летопись упоминает брата Яна Вышатича — киевского тысяцкого Путятю, двор которого был разграблен во время восстания киевлян против Святополка. Это известное в свое время лицо Вс. Миллер считал возможным отождествлять с былинным Путятиним Путятювичем⁴ в былине о Даниле Ловчанине⁵, возводить к нему отчество Запавы Путятичны и некоторые отголоски народных сказаний о Добрыне и Путяте в истории Татищева⁶. Иоакимовская летопись, как известно, делает Путятю сотоварищем Добрыни и современником Владимира I Святославича. Нельзя видеть в этом исторического свидетельства существования какого-то второго Путяты, отличного от Путяты времени Владимира Мономаха, так как сама Иоакимовская летопись использует народные предания, в которых объединены в единое лицо Владимир Святославич и Владимир Всеволодович Мономах.

Характерно, что Запава Путятична называется иногда племянницей князя Владимира, чем подчеркивается принадлежность обеих к одному роду (о слове племянник, -ца см. выше).

С Путятой Вышатичем связан и другой герой русского эпоса — Казарин, которого Вс. Миллер не без оснований отождествляет с летописным воеводой Казариным — сотоварищем Путяты Вышатича и Яна Вышатича по походу на половцев 1106 г.⁷

¹ Ср. Песни Киреевских, ч. IV, 46, (прим. А. А. Шахматова).

² Например, Песни Киреевских, ч. IV, 44 (прим. А. А. Шахматова).

³ Разыскания, стр. 378.

⁴ Вс. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. II, 1910, стр. 28 и сл.

⁵ Песни Киреевских, ч. III, стр. 29.

⁶ Вс. Миллер. Указ. соч., стр. 28 и сл. Необходимо отметить, что время княжения Владимира описано в Иоакимовской летописи «со многими пирами и веселием» (В. Татищев: История Российская, кн. I, М., 1768, стр. 38) и подверглось, очевидно, значительному влиянию со стороны былины.

⁷ Вс. Миллер. Указ. соч., т. II, глава «К былине о Казарине», стр. 1—31.

Ближайшее отношение к указанным былинным сюжетам имеет также и былина о Глебе Володьевиче (Марков, №№ 50 и 80) и былина «Поход на Корсунь» (Астахова, № 15). Как это установлено Марковым¹ и подтверждено Вс. Миллером, сюжет этих былин отражает поход Глеба Святославовича и Владимира Всеволодовича на Корсунь в 1077 г. Глеб был впоследствии тмутараканским князем, дважды сидевшим в Тмутаракани при Вышате. Впоследствии Яну Вышатичу сам Глеб рассказывал о подавлении восстания волхвов в Новгороде (см. Повесть временных лет под 1061 г.). Ряд совпадений мотивов при этом рассказе Глеба Вышате с былиной несомненен (например, мотив загадывания загадки и последующего убийства отгадчика и др.)².

* * *

Наличие в XI в. развитого родового предания, проникшего в летопись и отраженного в русском былевом эпосе,— факт большого историко-культурного значения. Перед нами своеобразная устная летопись. С разрушением родового быта часть родовых преданий этих устных летописцев переходит в состав письменной летописи — хранительницы исторических преданий русского народа в целом.

Думается, что те многочисленные родовые, семейные и личные летописцы, которые возникают в практике летописания в XII в. и держатся в течение всего XIII, XIV и отчасти XV вв., составляя существенную и отличительную особенность русского летописания в эти века, возникали так легко на русской почве именно потому, что форма их была подсказана летописцам изустной практикой родовых и семейных преданий. Во всяком случае, Византия не знала ни родовых, ни семейных, ни личных хроник. Эта летописная форма, с которой так обстоятельно знакомят нас исследования А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, вполне самобытная, русская, возникшая под влиянием потребности русской жизни, а возможно и подсказанная практикой родовых преданий.

¹ А. Марков. Из истории русского былевого эпоса, вып. I, 1905, стр. 30—66.

² Вс. Миллер. Указ. соч., т. III, 1924, стр. 57—58.

М. Н. ТИХОМИРОВ

О ЧАСТНЫХ АКТАХ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

В 1937 г. вышел в свет сборник «Вспомогательные исторические дисциплины», в котором помещена статья С. Н. Валка «Начальная история древнерусского частного акта»¹. Рассматривая дошедшие до нас акты XII—XIII вв., С. Н. Валк приходит к очень печальным результатам. Из рассмотренных им документов 5 актов (духовная и купчая Антония Римлянина, вкладная Варлаама Хутынского, духовная Лазаря, данная княгини Марины) признаны С. Н. Валком подложными. Подлинными частными актами XIII в. он считает только духовную Климента и рядную Тешаты. «Первый из актов относится к Пскову, либо, как предполагал Напьерский, к Полоцку, второй — к Новгороду, т. е. к тем двум центрам, развитие которых в эти века шло несколько иным путем, чем развитие остальной феодальной Руси», — пишет С. Н. Валк. Для центральной России временем появления частного акта С. Н. Валк считает еще более поздний период — вторую половину XIV в.² Таким образом из числа наших исторических источников выпадают ценнейшие документы, которыми пользовались и продолжают пользоваться многие исследователи. В особенности важное значение как исторический источник имела для историков вкладная Варлаама Хутынского. Ведь это единственный документ, рисующий вотчину знатного землевладельца конца XII — начала XIII в. Между тем, заключение С. Н. Валка о подложности вкладной Варлаама Хутынского нашло уже последователей. В самом Новгороде незадолго до войны вкладная Варлаама была убрана из витрин ризницы и одно время спрятана среди второстепенных исторических документов как поддельная грамота.

Нельзя сказать, чтобы вопрос о подложности некоторых древних русских грамот был поставлен впервые. Уже Н. П. Лихачев отрицал подлинность некоторых грамот, включенных в издание А. И. Юшкова «Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ». На подложность древнейшей грамоты Троицкого монастыря указывал Арсений. Вопрос о подлинности купчей и духовной Антония Римлянина был поднят Е. Е. Голубинским. Н. П. Павлов-Сильванский убедительно доказывал подложность известной местнической грамоты XIV в. и т. д. Но, в отличие от других исследователей, С. Н. Валк произвел не только

¹ С. Валк, Начальная история древнерусского частного акта, сб. «Вспомогательные исторические дисциплины», М.—Л., 1937, стр. 285—318.

² Там же, стр. 310 и 316.

дипломатический анализ заподозренных актов, но и выставил ряд общих положений о времени появления древнерусских частных актов, которые он для центральной России приурочивает к XIV в. Таким образом время появления частных актов на Руси, по мнению С. Н. Валка, относится к несравненно более позднему времени, чем в какой-либо другой культурной стране Европы и Азии. Между тем, вопрос о подлинности тех частных актов, которые признаны С. Н. Валком подложными, не может считаться окончательно решенным. Так, вопрос о подлинности духовной Климента Новгородца разрешен С. Н. Валком положительно на том основании, что Сахаров, в собрании которого был найден этот документ, не мог подделать денежный счет XIII в. Но ведь духовную Климента мог подделать не Сахаров, а кто-либо другой, признает же автор подложность вкладной Варлаама Хутынского, хотя и относит время подлога к концу XIV — началу XV вв. Нелогичность аргументировки С. Н. Валка в данном случае бросается в глаза, а это заставляет с особенной осторожностью отнестись и к другим его построениям.

В данной статье я предполагаю рассмотреть вопрос о подлинности только четырех документов: вкладной Варлаама Хутынского, данной Марины, духовной и купчей Антония Римлянина, имея в виду, что рядная Тешаты и духовная Климента признаны подлинными самим С. Н. Валком, а духовная Лазаря требует особого исследования.

І. ВКЛАДНАЯ ВАРЛААМА

С. Н. Валк считает, что время появления этой грамоты надо отнести «скорее всего к концу XIV — началу XV века» (стр. 306). Возникновение вкладной Варлаама он связывает с существованием ряда «поддельных» предметов, приписываемых Варлааму. Так, ссылаясь на мнение Толстого и Кондакова, С. Н. Валк относит поручи Варлаама Хутынского к XIV в. и даже к более позднему времени: концу XIV — началу XV вв. Уже одно это замечание вызывает недоумение, так как Толстой и Кондаков сравнивали шитье и рисунок поручей с молдавскими облачениями XIV в., но относили их к более раннему времени, вернее всего к XIII в. Вот что эти исследователи пишут о поручах Варлаама: «Рисунок и все орнаменты носят византийский характер, тяжелого пошиба, в типе шитых облачений XII—XIII века, притом скорее последнего, чем первого»¹. Можно только удивляться, каким образом это точное указание исследователей могло быть переделано на конец XIV — начало XV вв. Нет никакого сомнения, что многие монастырские «реликвии» нередко бывали подложными. Таковы многочисленные вериги, кресты, ризы и прочие вещи основателей разных монастырей. Но это еще не дает права огульно признать подложными предметы, связанные с именем Варлаама Хутынского и других новго-

¹ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, вып. VI, стр. 171.

родских игуменов. Поручи и епитрахиль Варлаама представляли значительную материальную ценность и могли сохраняться в ризнице монастыря с XIII в.

Элементы подлога С. Н. Валк находит и в известных печатях Варлаама Хутынского. Он рассматривает их как подделку под имя Варлаама, но смысла этой подделки так и не объясняет. С. Н. Валк ссылается на мнение крупнейшего знатока сфрагистики А. В. Орешникова, что «палеографические признаки подписи не допускают возможности видеть такую искусную подделку букв XIV или начала XV вв., к которому я бы отнес печать». Из этого замечания С. Н. Валк делает совершенно неожиданный вывод, что печати являются «прямою подделкою под имя Варлаама» (стр. 304). Но речь может идти вовсе не о подделке печати, весьма распространенной (известно 7 экземпляров) в XV в., а об ее культовом назначении. Русская сфрагистика изучена так слабо, что было бы поспешно делать выводы о значении того или иного памятника без детального исследования.

Перейдем, однако, к основным доказательствам подложности грамоты Варлаама. Этих доказательств в сущности два: 1) формат вкладной; 2) употребление восьмиконечного креста в начале грамоты. Рассмотрим первое доказательство. С. Н. Валк пишет: «При несомненной дороговизне пергамена неудивительно, что, за единичными исключениями, пергаменные акты, даже акты первостепенной государственной важности, не имеют полей; их обрез совпадает довольно точно с краями записанного текста. В противоположность этому, нижний неиспользованный край варлаамовой грамоты равен более четверти ее высоты; левое поле тоже достаточно широко, но оно, как увидим, заполнено» (стр. 305).

Что пергамен как писчий материал был очень дорог, — это известно, но дороговизна не мешала возникновению пергаменных рукописей из многих сотен листов, какой является, например, Новгородская Кормчая конца XIII в. (Синодальная № 132). Дороговизна не мешала и тому, чтобы целые листы пергамена в рукописях оставались чистыми (например, Чудовская Кормчая XIV в.). Чистые листы вовсе не редкость в пергаменных сборниках. Этим объясняется существование подложных рукописей, написанных в XIX в. на чистых листах, вырезанных из древних книг. Как бы ни был дорог пергамен, стоимость земли, подаренной Варлаамом Хутынскому монастырю, во много раз превосходила стоимость маленького куска пергамена, а небольшая полоска пергамена, оставшаяся незаписанной, не могла иметь практического применения. На оставшемся чистом поле вкладной поместилось бы не более 4 строк. Ясно, что первая «палеографическая» примета, выдвинутая С. Н. Валком, не имеет никакого значения, тем более, что древнейшие грамоты писались на кусках пергамена разного размера.

Другим доказательством подложности вкладной С. Н. Валк считает употребление восьмиконечного креста, поскольку И. А. Шляпки

утверждал, что восьмиконечные кресты появились в Новгороде не раньше XIV в. Но сам же С. Н. Валк говорит, что замечание Шляпкина нуждается в дополнительной проверке, так как на одной из фресок церкви Спаса в Нередице мы находим уже восьмиконечный крест, который имеется и на антиминсе 1149 г. И все же восьмиконечный крест на вкладной Варлаама окончательно заставляет С. Н. Валка отнести эту грамоту «скорее всего к концу XIV — началу XV вв.». Как мы видим, вывод совсем не вытекает из доказательств, тем более, что уже Шляпкин считал восьмиконечный крест на вкладной Варлаама переправленным из четвероконечного. Действительно, очертания креста на вкладной говорят в пользу того, что современный восьмиконечный крест был переправлен из четвероконечного, что ясно видно на подлиннике и хороших снимках документа. Вместе с тем употребление креста перед началом грамоты характерно для новгородского памятника XII в. Такой же четвероконечный крест мы находим в начале грамоты Мстислава Юрьеву монастырю.

Казалось бы, С. Н. Валк должен был с особой тщательностью изучить другие, более бесспорные палеографические приметы, которые дает почерк вкладной. Ведь вкладная Варлаама Хутынского написана уставом, который не вызвал никаких сомнений в его принадлежности к концу XII в. у таких знатоков палеографии, как И. И. Срезневский¹, В. Н. Щепкин², Е. Ф. Карский³. Вкладная Варлаама не была заподозрена в подложности и со стороны языка. Ф. И. Буслаев, А. И. Соболевский, в последнее время С. П. Обнорский⁴ одинаково пользовались этой грамотой. При этих условиях детальное палеографическое исследование грамоты было обязательным, и совершенно непонятно заявление С. Н. Валка, что «для XIV века и даже для XV века существуют рукописи и акты с теми же начертаниями букв, что и в варлаамовой грамоте» (стр. 305). Это решительное заявление следовало бы подтвердить ссылкой на определенные акты, а не голословным утверждением.

В действительности письмо конца XIV — начала XV вв. резко отличается от почерка вкладной Варлаама, имея особые яркие и характерные признаки. Можно прямо сказать, что письмо конца XII — первой половины XIII вв. не может быть спутано с характерными почерками конца XIV — начала XV вв.

По словам В. Н. Щепкина, «русский XIV век завершает эволюцию XIII века; среди почерков остаются в употреблении по большей части только новообразования». Между тем, почерк, которым написана

¹ И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.), СПб., 1882, стр. 72.

² В. Щепкин. Учебник русской палеографии, М., 1918, стр. 98.

³ Е. Карский. Славянская кирилловская палеография, Л., 1928, стр. 52.

⁴ С. Обнорский и С. Бархударов. Хрестоматия по изучению русского языка, часть 1, Л., 1938, стр. 24.

вкладная Варлаама Хутынского, не противоречит ее датировке концом XII — началом XIII вв.

Интересные результаты дает сравнение палеографических показаний трех новгородских памятников: грамоты Мстислава Юрьеву монастырю около 1130 г., вкладной Варлаама Хутынского и духовной Климента Новгородца второй половины XIII в. В Мстиславовой грамоте буква «ж» имеет еще древнюю форму, во вкладной Варлаама «ж» отличается более нервной формой, верхушка «ж» явно укорачивается и нижняя половина удлиняется. По словам В. Н. Щепкина, в XIII в. устанавливаются новые и различные способы написания этой буквы¹. Любопытные изменения происходят с буквой «и». Первоначально она пишется наподобие современной буквы «н». Такое начертание, сохраняющееся в XI и XII вв., мы находим в Мстиславовой грамоте. Во вкладной Варлаама перекиладина в букве «и» порой начинает делаться в виде косой черточки слева направо, в духовной Климента перекиладина в букве «и» явно поднимается выше середины и проводится в виде косой черточки. По наблюдениям В. Н. Щепкина в XIII в. «прибывают новые типы [и]: «и» с лежащей перекиладиной вверху, «и» с косой перекиладиной в середине и наконец «и» с косой перекиладиной вверху»². Наши наблюдения над палеографией вкладной Варлаама подкрепила своими наблюдениями М. В. Щепкина, много лет работающая над рукописями Исторического музея.

В подлинности грамоты убеждает нас и ее орфография, типичная для конца XII — начала XIII вв. (въдале Варламе, рьль, Вълос и т. д.). Эта орфография находит аналогию в орфографии списков Смоленского договора 1229 г., в котором «е» нередко употребляется на месте «ь» и даже «ъ», что находит объяснение в известном факте падения глухих. Невозможно предполагать, чтобы в конце XIV — начале XV вв. новгородцы столь блестяще умели подделывать почерк и орфографию XII—XIII вв., что даже такие ученые, как И. И. Срезневский, не сумели бы отличить позднейшей руки, а разоблачение многочисленных подделок XIX в. показывает, что подлоги являются и в наше время делом нелегким.

Нельзя также не удивляться утверждению автора, что «с точки зрения дипломатической, вкладная написана по формуляру, сходному с тем, который характеризует новгородские позднейшие частные акты XV в.» (стр. 305), причем никаких примеров опять не приводится. В действительности дипломатический анализ вкладной также не противоречит признанию ее подлинным документом конца XII — нач. XIII вв. Вкладная Варлаама имеет прямое сходство с известными нам новгородскими памятниками XII—XIII вв. Таково прежде всего начало грамоты, где имя Варлаама поставлено в третьем лице. Подобное же начало читаем в рядной Василия Матвеева на земли Шенкурского пого-

¹ В. Щепкин. Указ. соч., стр. 102—104.

² Там же, стр. 103.

ста, датируемой 1315—1322 гг.: «се били чолом староста Азика и Хар-агинец и Ровда»¹. Такое же начало находим в более раннем документе — рядной Тешаты, написанной, до 1299 г. («се порядися Тешата с Якымомъ про складство») ². Конец грамоты с заклѣтием («ще кто дияволом... и злыми человеки наважен цѣто хочет отъяти» и т. д.) совершенно сходен с такими же заклѣтиями грамоты Мстислава около 1130 г., грамоты Всеволода Юрьеву монастырю на Мячино до 1137 г. и т. д. Совершенно иное наблюдается в новгородских данных и вкладных XV в., где подобные заклѣтия обычно отсутствуют³. Эта важная дипломатическая особенность грамот XII—XIII вв. осталась почему-то вне поля наблюдений С. Н. Валка. Ряд слов, употребляемых во вкладной Варлаама Хутынского, также говорит за ее древность. Таково слово «божница», употребляемое в значении церкви. Характерно, что в таком значении слово «божница» упоминается в новгородской летописи («испѣсаша божницу Антонову»), а также в хождении архиепископа Антония в Царьград («въ божницы святаго Самсона»). В новгородской летописи XIV—XV вв. православные храмы обычно именуются церквами. Позднейший подделыватель конца XIV — начала XV вв., вероятно, поставил бы более употребительное в его время слово «церковь». Точно так же обозначение «гоголиных» ловищ, упоминаемых во вкладной, для позднейшего времени являлось анахронизмом, тогда как в XII в. ловля гоголей на Волхове еще являлась важным промыслом. Наконец, подделыватель конца XIV — начала XV вв. не назвал бы Варлаама просто «Варлам Михалев сын», а наверняка приписал бы ему прозвище «преподобного», как Варлаам именуется уже в житиях и летописи.

Но и помимо палеографических и дипломатических указаний, за подлинность вкладной Варлаама Хутынского говорит еще одно обстоятельство — само содержание грамоты. В известном нам виде вкладная Варлаама явилась бы для конца XIV — начала XV вв. совершенно беспредметной подделкой прежде всего потому, что она не обозначала границ Хутынской земли. Характерно, что в громадном большинстве новгородских вкладных и данных имеются указания на такие границы даже для XII в. Прекрасным примером являются грамоты Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю и Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю, в подлинности которых не сомневается и сам С. Н. Валк⁴.

Построения С. Н. Валка, объясняющие причины предполагаемой подделки грамоты, мало обоснованы. Ссылаясь на Е. Е. Голубинского, автор относит начало почитания Варлаама к концу XIV — началу

¹ Г. Кочин. Памятники истории Великого Новгорода и Пскова, М.—Л., 1935, стр. 125.

² Русско-ливонские акты, СПб., 1868, стр. 15.

³ Акты юридические, № 110 (1, 2, 3, 5, 6, 7).

⁴ См. Г. Кочин. Указ. соч., стр. 46 и 49.

XV вв., когда это почитание послужило, по его словам, «мотивом не только к построению церкви имени Варлаама и к сочинению его жития, но и к поискам реликвий, которые частью были собраны среди вещей XIV—XV вв., как поручи, и, возможно, крест, частью же были тогда же фальсифицированы под XII век, как, несомненно, фальсифицированы были в то время печати и, вероятно, фальсифицирована грамота» (стр. 306).

К сожалению, С. Н. Валк не дал себе труда подробнее рассмотреть вопрос о жизни Варлаама Хутынского и его посмертном почитании, а рассмотрение этого вопроса может дать для историка довольно значительный и интересный материал. Древнейшее свидетельство о жизни Варлаама Хутынского находим в его житии, встречающемся уже в пергаменных рукописях. В. О. Ключевский относил это житие к концу XIII в. С. Н. Валк считает, что мнение Ключевского «теперь должно быть оставлено», так как А. И. Пономарев указал, что это житие впервые появляется только в прологах XV в. (стр. 303). Нельзя не подивиться этому заявлению почтенного ученого, который прекрасно знает, что время появления списка еще не решает вопроса о времени появления того или другого памятника, дошедшего в данном списке. Известно, что древнейший список начальной летописи относится ко второй половине XIV в., а краткой редакции «Русской правды» — даже к половине XV в., хотя никто не сомневается в подлинности этих памятников. Ведь и Ключевский аргументировал свое мнение не древностью списка жития Варлаама, а его содержанием. Между тем, в древнем проложном житии Варлаама есть сведения, любопытные для исследователя древней русской письменности.

По словам жития, Варлаам получил некоторое образование, «и грамоту извыче, и книги вся и пслѣмская толкования извыче». Житие точно называет ближайших наставников Варлаама, который ушел «в пусто место», имея наставника «бога и отца Перфирья и брата его Феодора и иную братью». Постриг принял Варлаам «въне града в пусте месте от прозвутера мниха некоего». Во вновь построенном монастыре он воздвиг «клетку малу» и жил здесь, «древо посекая и нивы творя». Слова жития о возделывании нив и рубке леса, возможно, следует относить к обычным житийным шаблонам, но в конце XII в. монастырь был уже построен. По словам того же проложного жития, Варлаам «възградив церковь малу во имя Преображения святаго спаса и бысть монастырь честен и черньци быша мнози молитвою его». О построении этой церкви сохранилось указание в Новгородской древней летописи под 1192 г.: «постави церковь вънизу на Хутине Варлаам църнець, а мирьскимь именем Алекса Михалевиць во имя святаго Спаса Преображения; и сватию владыка архепископ Гаврила на праздьник и нарече манастырь»¹. По словам проложного жития, Вар-

¹ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, СПб., 1888, стр. 164—165.

лаам умер вскоре после того, как «приде ис Костянтиняграда сверстникъ его Аньтонию». В 4-й Новгородской и 1-й Софийской летописях 1193 г. показан годом смерти Варлаама. Рядом с этим стоит известие позднейшего жития, что Варлаам умер, успев достроить церковь только до верха дверей. Но древнее житие связывает смерть Варлаама с приездом Антония из Царьграда, о чем так сообщается в Новгородской летописи под 1211 г.: «пришъл Добрына Ядрейковиць из Царяграда и привезе с собою гроб господень, а сам пострижесе на Хутине у святаго Спаса...» Более доверяя указанию жития и летописи, как свидетельствам древнейшим, приходится признать, что Варлаам умер около 1211 г., так как еще в 1207 г., по летописи, Прокша Малышевич постригся на Хутыни «при игумене Варламе»¹. Следовательно, вкладная Варлаама должна датироваться примерно 1211 г., а не 1192 г., как обычно.

Показания древнего жития, как мы видим, подтверждаются новгородской летописью, и притом в ее древнейшем списке, написанном не позднее половины XIV в. Следовательно, у нас имеются все основания думать, что житие было составлено вовсе не в конце XIV — начале XV вв., как думает С. Н. Валк, а гораздо ранее, возможно, при жизни Антония. Вместе с тем житие и летопись позволяют установить, до некоторой степени, тот круг общества, из которого вышел Варлаам. Сам он в миру звался Алекса Михалевиць и принадлежал, во всяком случае, к богатому роду. В летописи под 1176 г. упоминается Михаль Степановиць, поставивший церковь на Чудинцеве улице. О нем же как о посаднике говорится под 1180 и 1186 гг. О посаднике Михалке, а не Михале Степановиче сообщается и под 1203 и 1206 гг. Характерное отчество Варлаама «Михалевиць» сближает его с посадником Михалем Степановичем. В таком случае Варлаам был сыном виднейшего новгородского боярина — родоначальника целого рода посадников. Антоний, сверстник же Варлаама, впоследствии Новгородский владыка, в миру Добрыня Ядрейкович, был сыном воеводы Ядрея, ходившего в 1193 г. на Югру. В монастыре Варлаама постригся Прокша Малышевич, в иночестве Порфирий — тоже новгородец знатного рода. Все это цвет тогдашнего новгородского общества, и это обстоятельство в немалой мере способствовало славе и процветанию Хутынского монастыря. Эти знатные новгородцы были связаны между собою тесными узами. Прокша Малышевич постригся на Хутыни и умер в 1207 г. В 1211 г. сын его Вячеслав Прокшиниць создал каменную церковь 40 мучеников. Вячеслав также постригся на Хутыни в 1243 г. На Хутыни постригся Добрыня Ядрейкович, позже Новгородский архиепископ Антоний, снова вернувшийся в монастырь в 1228 г. «по своей воле». В 1223 г. на архиепископство был введен чернец Арсений «с Хутына». К этой среде знатных новгородцев принадлежал и Варлаам Хутынский. Поэтому нет

¹ Новгородская летопись по Синод. харат. списку, стр. 189.

ничего удивительного в том, что после Варлаама остались некоторые дорогие предметы. Сохранился же, например, крест его друга архиепископа Антония. Тот же Антоний, по крайней мере, два раза был в Царьграде и оставил описание своего «хождения», в котором он без удивления замечает о монастыре Иоанна Предтечи в Константинополе: «а сел не держат, но божию благодатию и пощением и молитвами Иоанна питаеми суть»¹. Замечание очень типичное для русского монаха, привыкшего питаться за счет сел. Следует ли удивляться тому, что в подобной среде могла возникнуть мысль о закреплении монастырских прав на землю особым письменным документом?

Таким образом палеографические, орфографические, дипломатические и исторические показания неопровержимо свидетельствуют о подлинности вкладной Варлаама Хутынского, составленной около 1211 г. и являющейся ценнейшим документом по истории земельных отношений Руси XII—XIII вв.

II. КУПЧАЯ И ДУХОВНАЯ АНТОНИЯ

Вопрос о подлинности купчей и духовной Антония Римлянина, дошедших в поздней копии XVI в., является весьма трудным. Е. Е. Голубинский и В. О. Ключевский считали купчую грамоту поддельной, а духовную — древней, но подновленной. С. Н. Валк считает оба памятника поддельными и возникшими в конце XVI в. в связи с тяжбой посадских людей с властями Антониева монастыря. История возникновения этих подложных, по мнению С. Н. Валка, памятников можно представить, примерно, следующим образом: «Ко времени Макарьевских соборов 1547 и 1549 гг. не было почитания памяти Антония ни общего ни местного, и потому-то Антоний не попал в число святых. Несомненно, что это и послужило толчком к ариографической работе. Уже в 1550 г. «находят» в Новгороде тот камень, на котором Антоний «приплыл» сюда из Рима. Только с этого времени его начинают называть Римлянином; в 1573 г. Ивану IV предъявляют духовную уже как «чудотворцеву» грамоту, чего в 1549 г., повидимому, сделать не могли бы еще. Таким образом вслед за камнем чудотворца была обретена его духовная и еще через несколько лет составлено житие» (стр. 300).

Попробуем действительно рассмотреть, к какому времени относится появление купчей и духовной Антония Римлянина. В 1573 г. эти документы уже существовали, как показывает правая грамота 1573 г., на которую ссылается С. Н. Валк и которая вместе с другими документами напечатана в «Истории Российской иерархии».

В грамоте 1573 г. говорится, что игумен Мисаил с монахами «с духовной список Онтонья чудотворца клали, что деи была чудотворцова купля Онтоньева, пашенная земля и луг под монастырем, и ту де

¹ Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12 столетия, СПб., 1872, стр. 41.

землю и луг отняли новгородцы при прежних диаках без моего царева и великого князя ведома насильством, а не ведомо почему припустили к пасьбе; а купил деи ту землю Онтоней чудотворец пречистые в доме (!) у Семена да у Прокша у Ивановых детей посадничь, а дал на той земле и на лугу сто рублев».

Посадские люди ссылались на свои правые грамоты, о которых имеются сведения в грамоте царя Федора Ивановича 1591 г., где указывается, что игумен Антониева монастыря Кирилл жаловался на то, что посадские люди завладели «старою их пашенною землею и лугом релью, что им тое землю купил у Смехна да у Прохна у Ивановских детей посаднича при себе в дом Онтоний чудотворец». Пятиконецкие старосты, представлявшие интересы людей Софийской и Торговой сторон, называли эту землю городovým пастбищем. Обе тяжущиеся стороны представили оправдательные документы: посадские люди положили «правые грамоты, что им дали судьи Григорий Волынской да Иван Соколов в 68 (т. е. 1560) году», а монастырские власти — списки «с духовных, купчих, с ободных грамоты Онтония чудотворца» и жалованную грамоту Ивана IV. Дело было решено в пользу монастыря. При этом в грамоте 1591 г. характеризовались документы тяжущихся: «В списке с духовных грамоты Онтонья чудотворца написано: купил землю Онтоней чудотворец при себе в дом Рожеству Пречистые богородицы у посадников новгородских у Семена да у Прокофья у Ивановых детей посадничьих, и дал на той земле сто рублей новгородских, а обод той земли написан... И хто на сию землю наступит, и то управит божия мати, или хто сию духовную преступит и начнет творити насильство на месте сем, да будет проклят тремя сты святых отец и осмию на десять и буди ему со Иудою причастие». В числе же доводов, выдвинутых против доказательств посадских людей, фигурировал следующий мотив: «Да и потому новгородских посадских людей приговорили обинити, что правая у новгородских людей драна, верх у ней отодран». Посадские люди говорили, что грамоты у крепости были, да утерялись в новгородский разгром, но и до разгрома в правой грамоте 1560 г. на ту землю и рель ничего не было написано, кроме обысков посадских людей¹.

Замечательно, что посадские люди не оспаривали подлинности купчей и духовной, хотя споры о подлинности документов вовсе не редкость в тяжёбных делах XVI в. Спор шел не о праве владения землей, а касался обвода спорной межи. Поэтому обвод земли и был сделан в 1560 г. обыском посадских людей, а в 1591 г. этот же обвод производили заново при помощи представителей от посадских людей и попов, так как показания купчей Антония были очень неопределенны, что говорит само по себе, конечно, больше в пользу подлинности, чем подложности этого документа, так как поддельватели были бы заинтересованы в установлении постоянной межи.

¹ Амвросий. История Российской иерархии, т. III, стр. 144—162.

В тех же документах имеются указания на спорную землю. Так, грамота 1591 г. отметила, что «в том же обODE, что Антоней чудотворец в своей духовной грамоте обод земли написал,— живут изстари новгородские посадские черные тяглые люди, солодожники и кузнецы и котельники». Эти тяглые люди платили подати с новгородским посадом вместе, а поземом и судом тянули вместе с монастырем¹. Действительно, в Новгороде XVI в. существовал особый Антоновский конец. В 1541 г. «бысть пожар в Антоновском конце... выгорело 100 дворов да полмонастыря у Пречистой в Радоговицах по смой ручей»².

В 1549 г. «в Антоновском конце и Молодожниках» («Молодожник» — по-олонецки молодой лес) снова произошел пожар. Упомянутый монастырь в Радоговицах стоял за внешним валом по береговой дороге в Антоново. Здесь же протекает река Витка, упоминаемая в грамотах 1573 и 1591 гг. и в купчей Антония Римлянина³. Таким образом подтверждаются слова грамоты 1591 г. о том, что на земле Антоньева монастыря сидели посадские люди. Следовательно, монастырь пользовался своими правами на землю задолго до предполагаемой С. Н. Валком даты возникновения купчей Антония Римлянина. Купчая вовсе не внезапно появилась в 1573 г., а существовала раньше.

Теперь обратимся к вопросу об отношении купчей и духовной к житию Антония Римлянина. Прежде всего возникает вопрос, когда было написано житие. Известно, что Е. Е. Голубинский приписывал составление этого жития монаху Нифонту, написавшему в 1598 г. похвальное слово Антонию и принимавшему деятельное участие в открытии мощей Антония в 1597 г. К этому мнению безоговорочно, без дополнительной проверки, присоединяется С. Н. Валк. Но вопрос вовсе не решается так просто, как думают названные ученые. Житие помещается в рукописях обычно вместе с похвальным словом и сказанием о преложении мощей и о чудесах Антония. Эти составные части одного целого возникли явно в разное время. Так, некоторые описания чудес относятся к первой половине XVI в. Заметна и разница между стилем жития и сказания Нифонта. Поэтому надо думать, как это высказывалось уже в литературе, что житие возникло ранее сказания об открытии мощей и было только переделано Нифонтом. Следы переделки заметны в том, что в житии об игумене Андрее говорится в третьем лице, а в надписании житие приписывается его авторству. В рукописях житие обычно помещается вместе со сказанием об обретении мощей Антония, написанном в 1597 г. и очень любопытном по своему панегирическому тону в отношении Бориса Годунова. В одном из лучших списков жития и сказания, помещенном в Чудовских Минях 1600 г. (Собрание Исторического музея, январская книга) находим ссылку на автора жития:

¹ Амвросий, История, т. III, стр. 175.

² Новгородские летописи, СПб., 1879, стр. 70, 78.

³ В. Передольский. Новгородские древности, Новгород, 1898, стр. 88—89.

«Списано тоя же обители учеником священноиноком Андреем, иже бысть отець его духовный» (л. 755). Ту же ссылку находим в другом списке конца XVI в. (Чудовское собрание, № 21/323). Андрей, упомянутый в летописи под 1147 г., конечно, не мог быть автором жития, носящего все черты позднейшего сочинительства. Но автор жития имел под руками не только легенды, но и текст купчей и духовной. Так, в житии сказано: «Имения же преподобный ни от кого же не восприял, ни от князь ни от епископа». В духовной читаем: «Не приях ни имения ото князя, ни от епископа». Ниже в житии говорится: «Аще лучится избрати игумена, но избирати от братии, иже хто на месте сем трьпит» (л. 772). В духовной: «А кого изберут братья и от братьи ниже хто в месте сем терпит». Далее, в житии Антоний говорит: «О братия моя, егда седох на месте сем, купил есмь село сие и землю и на реци сей рыбную ловитву... и аще хто начнет обидити вас или наступати на сию землю, ино им судит мати божия». В купчей: «А кто на сю землю наступит, то управит мати божия». Во всех приведенных случаях в житии встречаемся с более новым текстом, чем в купчей и духовной. Таким образом с несомненностью выясняется, что житие пользовалось купчей и духовной Антония Римлянина как источниками. Следовательно, эти документы уже существовали ко времени возникновения жития. Не житие вызвало появление купчей и духовной, а наоборот.

По своему характеру житие Антония напоминает известную повесть о белом клобуке и написано было: «римлянном на угрозу и проклятие», а своим сказочным характером перекликается с такими памятниками конца XV — начала XVI вв., как сказание о князьях владимирских, повесть о граде Вавилоне и т. д. В этих условиях принимает особый смысл указание на Андрея как автора жития, так как известен Андрей, игумен Антонова монастыря в 1499 г.¹ Нифонт мог уже не знать, о каком Андрее шла речь, и сделал автора жития современником Антония. Действительно, некоторые черты жития говорят, что автор его, кроме купчей и духовной Антония, пользовался некоторыми другими источниками. Так, в житии указывается, что Антоний приплыл в Новгород при епископе Никите и князе Мстиславе Владимировиче. Эта дата совпадает с записью в Летописце новгородским церквам божим под 1106 г.: «Приплыл в Великий Новград из Рима преподобный отец наш Антоний, жил 40 лет»². Между тем, житие сообщает, что Антоний жил «до игуменства лет 14, в игуменстве же бысть лет 16 и всех лет поживе во обители 30». По ранее же приведенному счету, он должен был со времени пришествия прожить 40 лет. Такая путаница легко объясняется тем, что Нифонт сделал поправки к житию на основании летописи, из которой он выписал сведения об Антонии, так как Антоний по 1-й Новгородской летописи умер в 1147 г., а впервые упоминается в 1117 г.

¹ Новгородские летописи, стр. 60.

² Там же, стр. 187.

Поправки, внесенные в житие, создали полную хронологическую путаницу, ибо источники жития связывали прибытие Антония с епископом Никитой, а в 1117 г. был уже не Никита, а Иван. Но в источниках жития была другая, и притом точная, дата прибытия Антония в Новгород; цитируем ее по похвальному слову: «Бысть же в лето шесть тысящное шестьсот четвертое на десять, месяца сентября в пятый день на память святаго прорска Захария, отца Предотечева, во дни княжения благовернаго и христоролюбиваго во православии всеа вселенныа на концах восиявшему, наипаче же во царех присветлейшему и преславному государю великому князю тогда Святополку Изяславичю, внуку премудраго великаго князя Ярослава киевскому и всеа Русии, в Великом же Новеграде бе у них тогда князь Мстислав Владимиричь Монахов сын, внук Всеволодов; правящу же тогда кормила церковная святейшему господину епископу Никите чудотворцу»¹. При всем хитросплетении словес автора похвального слова перед нами выясняется точная дата прибытия Антония — 5 сентября 6614, т. е. 1105 г., когда в Киеве действительно княжил Святополк, в Новгороде — Мстислав, а новгородским епископом был Никита.

Так похвальное слово внезапно обнаруживает перед нами какой-то письменный и притом достоверный источник, которым оно пользовалось. Из этого источника и попала цифра 40 лет монашества Антония в некоторые летописи. Не менее интересно и другое обстоятельство. Похвальное слово написано было на основании жития, так как начинается словами: «Сего преподобнаго отца житие ясно сказахом». Между тем, в похвальном слове говорится, что мощи Никиты были обретены через 450 лет и три месяца после его смерти, которая произошла в 1108 г. Сложение (1108+450) дает 1558 г., время начала Ливонской войны, что объясняет нам выражение похвального слова: «Воинство ж его во всех языцех супостатых укрепи, агарьяньский язык и германьский род покори под нозе его»². Значит, житие существовало уже до 1558 г. Не является доказательством позднего происхождения жития и то обстоятельство, что Антоний не был канонизирован в 1547 и 1549 гг., так как на этих соборах не были канонизированы и другие святые, даже Иосиф Волоцкий, хотя существовало по крайней мере два жития Иосифа.

Есть указание, что празднование памяти Антония происходило уже в 1533 г. Именно, в отрывке новгородской летописи под 1533 г. сообщается следующее: «Того же лета, месяца августа в 2 день, основана бысть церковь камена Сретение Господа нашего Исуса Христа во Антониеве монастыре, ту же престол и преподобнаго отца Антония, трапеза камена, при игумене Геронтии». Еще яснее говорится об освящении этих церквей в 1537 г.: «В лето 7045 (1536) сентября в 8 день, на

¹ Житие Антония Римлянина, лл. 61 об.—62, по рукоп. Востряжковского собрания № 1053, полууст. XVII в., в Историч. музее в Москве.

² Там же, л. 74.

честный праздник Рождества святей Богородицы, освящена бысть церковь каменная в Онтонове монастыре, в трапезе Сретение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, того же дни преподобнаго Антония, то то же служба, единого дни оба храма священы»¹. Известно, что другого Антония (египетского) всегда именовали Антонием Великим. С этим согласуется сведение о том, что в монастыре в XIX в. было еще цело евангелие с припискою: «Лета 7045 (1537) евангелие сие дал в дом рождества пречистой и к преподобному отцу Антонию»². С большим вероятноем можно думать, что ко времени празднования существовало и житие. А так как купчая и духовная были источниками жития, то, следовательно, эти документы существовали уже в первой половине XVI в., задолго до 1573 г., предполагаемой даты их «подделки».

Что автор жития мог пользоваться древними источниками, видно из его пояснения к непонятному термину «готфин», которого он считает гречином. В более раннее время в Новгороде жители острова Готланда были постоянными гостями и имели свой готский двор. Таким же древним воспоминанием являлось прозвище Антония «Римлянин». Со свойственной ему категоричностью Голубинский отверг мнение о западноевропейском происхождении Антония: «Монахи монастыря современные Нифонту (и во главе их он сам) заключили по сим вещам [т. е. реликвиям, оставшимся после Антония.— М. Т.], что он был иностранец западного латинского языка». Но слово «римлянин» применялось не к одному Антонию и в XII—XIII вв. имело определенный смысл. Так, в житии Александра Невского, которое, по общему мнению, является памятником XIII в., ярл Биргер назван королем «части Римския от полунощныя страны»³. «Часть Римская» — это часть Священной Римской империи (в широком смысле слова все католические земли), о существовании которой было известно в Новгороде и к которой могли причислять и Швецию. Римлянин — латынянин, — это прозвище не было выдуманно монахами, а наоборот, дало толчок к созданию легенды о приплытии Антония из Рима. Недаром же и лиможские эмали, хранившиеся в монастыре, относятся к XII в., а фрески Антоньева монастыря, в отличие от других новгородских росписей, особенно близки к западным (указание члена-корресп. Академии Наук СССР В. Н. Лазарева).

Житие Антония возникло не в конце XVI в., а значительно раньше, в начале этого столетия. Это мнение не опровергается отсутствием жития Антония в Макарьевских Четвях-Минеях. Теперь ясно, что Четвяминеи включили далеко не все жития, известные в то время. Достаточно сказать, что древнее житие Ефросина Псковского, написанное в XV в., не попало в Четвяминеи, как и некоторые другие памятники.

¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 291 и 300.

² Филарет. Русские святые. Червигов, 1863, август, стр. 19.

³ Чтения в Обществе истор. и древн. рос., 1915, кн. III, Приложение, стр. III.

Обратимся теперь к личности автора купчей и духовной. Для биографии Антония у нас есть памятник краткий, но зато вернейший — 1-я Новгородская летопись.

В летописи Антоний появляется впервые под 1117 г.: «Игумен Антон заложи церковь камяну святыя Богородица монастырь». В 1119 г. церковь эта была построена, в 1125 г. «исписьаша божницу Антонову», а в 1127 г. «обложи тръpezницю камену Антон игумен Новгороде». В 1147 г. сообщается уже о смерти Антония¹. Другие летописи добавляют еще одну дату: в 1131 г. архиепископ Нифонт поставил Антония игуменом². История монастыря, при всей ее краткости, позволяет все же говорить об его основателе, Антоний, по словам духовной, каково бы ни было ее происхождение, «не приял имения ото князя, ни от епископа», следовательно, строил монастырь на свои средства. Тем более следует удивляться великолепию монастырских строений и предполагать, что в лице Антония мы встречаемся с монахом из богатого рода. Вероятно, он вышел из новгородских бояр, связанных с иноземной торговлей, откуда возникло предание об его римском происхождении. Большое значение Антониева монастыря уже в XII в. доказывается тем, что монастырь упомянут в известной грамоте Всеволода церкви Ивана Предтечи на Опоках, наряду с Юрьевым монастырем: «а на третей день пети игумену святей богородици из Антонова монастыря, взять ему полгривне серебра». Как видим, личность Антония привлекала к себе достаточно внимания еще в XII в., за несколько столетий до предполагаемой подделки реликвий, связанных с его именем.

Обратимся теперь к непосредственному изучению купчей и духовной Антония Римлянина.

Купчая Антония Римлянина обычно заподозревается в подложности на том основании, что денежный счет ее ведется на рубли, тогда как древний счет шел не на рубли, а на гривны. Однако такая поправка древнего текста вовсе не редкость в наших источниках. При переписке купчей денежный счет в ней был подновлен и переведен на рубли, из ста гривен (в духовной — «на селе есмь дал гривен сто») получилось сто рублей. На ряду с этим в купчей имеются черты, указывающие на древность первоначального текста. Таково начало купчей: «се труд, госпоже моя, пречистая богородица». Слово «труд» в значении работы, труда, деятельности, старания, заботы, встречается в древних памятниках³. Так, в поучении Мономаха читаем: «А се вы поведаю, дети моя, труд свой». В вступительном поучении к Мерилу Праведному, в списке XIV в., которое, повидимому, восходит уже к XII в., читаем: «Се труд мой пред тобою».

¹ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, стр. 121, 123, 124, 137.

² Новгородские летописи, стр. 6.

³ И. Срезневский. Материалы для словаря древне-русского языка. т. III, СПб., 1912, стр. 1007—1008.

В той же купчей находим слово «обвод той земли», или обод, которое в других грамотах заменяется словом «завод». В данной Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю читаем: «а завод той земли», т. е. совершенно ту же формулу, что в купчей Антония. Добавим здесь же, что сама купчая является в сущности не купчей, а вкладной («се труд, госпоже моя, пречистая богородица»), в которую внесен другой документ, собственно купчая, со слов «купил есми». В купчей говорится, что Антоний купил землю у Смехна да Прохна у Ивановых детей у посадничих. Термин «дети посадничих» появляется сравнительно поздно, примерно в XIV в., но ранее этот термин мог просто обозначать родство. Под новгородской формой имен Смехна и Прохна, т. е. Семена и Прокопия, могут скрываться действительные лица XII в.¹ Нелишне отметить, что заклятие в конце грамоты («а кто на сю землю наступит, а то управит мати божия») является типичным для XII—XIII вв. Устав церкви Ивана на Опоках закликает именами Ивана и Захарии (в храме был его придел), данная Мстислава Юрьеву монастырю — св. Георгием, данные Всеволода тому же монастырю — также св. Георгием, данная Изяслава Пантелеймонову монастырю — св. Пантелеймоном. Стоит только проглянуть новгородские купчие XIV—XV вв., чтобы увидеть в них отсутствие подобных заклятий². Что касается купчих XVI в., к которому С. Н. Валк относит подделку документа, то они еще более отличны от примитивной формы документов XII в. Здесь мы опять подходим к вопросу, каким образом предполагаемый «составщик» XVI в. мог так ловко подделать купчую, что сохранил некоторые особенности документов XII века, — вопрос, на который и не пытается ответить С. Н. Валк.

Что касается духовной Антония, то она еще меньше может быть заподозрена в подложности, так как в ней даже денежный счет ведется на гривны. Этот документ, впрочем, представляет гораздо больший интерес для историка, чем обычно думают. Мы знаем уже, что духовная совершенно правильно называет имя епископа Никиты, при котором Антоний начал строить монастырь. Для подлинности грамоты характерно титулование Никиты просто епископом, а не архиепископом, что, вероятно, сделал бы позднейший поддельватель, знавший, кроме того, о канонизации Никиты, о чем в духовной нет и намека, тогда как житие Антония уже называет Никиту чудотворцем.

Отдельные выражения духовной также не противоречат ее древности. В ней говорится, например, о сиротах в смысле холопов или зависимых людей («и братии и сиротом и zde крестьяном досажая»). В поучении новгородского архиепископа Илии читаем: «а сиротам не мозите великой опитемы давати; пишеть бо в заповедех: сущим под игом работным на полы даяти заповеди». Чрезвычайно интересно упо-

¹ Новгородские летописи, стр. 126.

² Акты юридические, № 71.

требление в духовной слова «свобода» — «и даю в свободу и поручаю место се на игуменство». Уже церковный устав Владимира в числе церковных имений называет «свободы» («и по свободам, где нъ суть христиане») в одинаковом смысле слова с духовной Антония. Характерно, что слово «свобода» по словарю И. И. Срезневского показано лишь для XI—XIII вв. и не заходит далее 1333 г. Наоборот, «слобода» упомянута впервые под 1237 г., да и то в позднем академическом списке Суздальской летописи; это слово господствует в XIV—XV вв., на место старого термина «свобода». Здесь предполагаемый подделыватель XVI в. опять обнаруживает непостижимое знание терминов XII столетия, а не более позднего времени. Характерно, что и слово «терпеть» («хто в месте сем терпит») типично для ранних памятников XI—XII вв., как это видно из подборки в материалах И. И. Срезневского.

Итак, текст духовной ничего не дает в пользу признания ее подложным документом и, наоборот, полон архаизмами. Таковым является и заветное 318-ю святыми отцами (Никейского собора). Наконец, и слово «причастье» в смысле соотношения, связи, характерно также для ранних памятников XI—XII вв.¹

Резюмируем все сказанное: 1) Житие Антония Римлянина было составлено не в конце XVI в., а значительно раньше (в конце XV или начале XVI вв.) на основании легенд и письменных источников; 2) в числе этих источников были купчая и духовная Антония; 3) оба эти памятника были составлены в XII в. и являются подлинными, а не подложными.

III. ДАННАЯ ЧЕРНИЦЫ МАРИНЫ

С. Н. Валк считает подложной и данную «рабы божией Марины черницы» суздальскому Васильевскому монастырю, так как особенности этой грамоты внушают некоторые сомнения в ее подлинности. Грамота сохранилась только в списках XVI в., причем на обороте ее показано «рукоприкладство духовного села Романовского попа Семена». С. Н. Валку эта грамота известна по копиям XVI в. из собрания Головина и Румянцевского сборника. Однако существовала третья копия, хранившаяся в библиотеке Васильевского женского монастыря в Суздале. Копия написана «красивым старинным скорописным почерком с титлами и без знаков препинания, на столбце» и засвидетельствована подписью архимандритом Феодосием².

Основное доказательство, которое приводит С. Н. Валк к мысли о подложности данной, заключается в несоответствии ее содержания с датой. В списках грамота датирована 6761 (или 6760), т. е. 1253 г., в грамоте же упомянут князь Дмитрий Константинович Суздальский.

¹ И. Срезневский. Материалы для словаря древне-русского языка, см. соответствующие слова.

² Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. Владимир, 1913, стр. 235—236.

С. Н. Валк считает, что в грамоте идет речь о суздальском великом князе Дмитрие Константиновиче, умершем в 1383 г. и названном в монастыре не Дионисием, как указывает грамота, а Федором. Таким образом, не помогает и попытка считать дату грамоты (6761—1253 г.) испорченной (из 1353 г.). Следует отметить, что и другие историки считают дату грамоты испорченной, но относят ее к XIV в., впрочем не сомневаясь в ее подлинности. Так, в учебнике истории СССР для вузов эта грамота отнесена к 1353 г.¹ Кроме того, по мнению С. Н. Валка, «дипломатические признаки грамоты, наличие датировки и рукоприкладств, относят грамоту ко времени не ранее конца XV века» (стр. 307). Нельзя отрицать, что доводы для признания грамоты Марины подлогом относительно убедительны, но эти доводы тотчас же начинают рушиться, если мы откажемся от необходимости связать имя Дмитрия Константиновича с XIV в. Уже в упомянутой статье «Спутника по древнему Владимиру» князем Дмитрием Константиновичем нашей данной признается углицкий князь, умерший в 1249 г.

Углицкий князь Дмитрий Константинович в наших летописях зовется также Владимиром. Мы можем именами этого Дмитрия Константиновича и его жены Марины объяснить происхождение нашей данной. В известии о смерти Дмитрия Константиновича в 1249 г. говорится, что он умер «в Володимери декабря 27»². Таким образом устанавливается непосредственная связь этого князя с Владимиром и соседним с ним Суздалем. Жену этого Дмитрия (Владимира) Константиновича звали Евдокией³, но она могла носить и второе, иноческое имя Марины, кстати распространенное в XIII в. в Суздальской Руси.

Но можно сделать и другую гипотезу, еще более удовлетворительно объясняющую происхождение данной Васильевского монастыря. Известна княгиня Марина, которая, по нашим летописям, умерла в 1279 или 1280 г.⁴ Она была женой убитого в 1238 г. князя Всеволода Константиновича Ярославского. Против этого можно сделать возражение, что грамота знает не Всеволода, но Дмитрия Константиновича, однако обычай носить двойные имена общеизвестен. В роде суздальских князей вторым именем Всеволода обычно было Дмитрий. Таков был Всеволод-Дмитрий Большое Гнездо, Всеволод-Дмитрий Юрьевич (ум. в 1237 г.). Тогда мы находим обоих искомым лиц: князя Всеволода-Дмитрия Константиновича и его жену Марину. Во всяком случае, поиски княгини Марины и ее мужа Дмитрия Константиновича не могут быть бесполезными. Грамота упоминает не вымышленных, а действительных лиц, и уже это указывает, что к ней надо относиться осторожнее, чем это делает С. Н. Валк. Придумать же в XVI в. имена Дмитрия Константиновича и его жены Марины, как это полагает

¹ История СССР, т. I, под ред. В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова и С. Б. Бахрушина, М., 1939, стр. 202.

² ПСРЛ, т. XVIII, стр. 69.

³ Там же, стр. 76.

⁴ Там же, стр. 77.

С. Н. Валк, так, чтобы эти имена совпали с подлинными деятелями XIII в., во всяком случае, было трудно¹.

IV. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЗНАЧЕНИИ СЛОВА «РЯД».

Одним из решительных доказательств в пользу позднего появления русских частных актов является отсутствие, по мнению С. Н. Валка, документальных указаний на письменную запись частных актов, так как слово «ряд» в «Русской правде», как думает названный автор, обозначает только словесное действие. Конечно, статьи «Русской правды» не дают возможности сказать, имеем ли мы в «ряде» письменный документ или просто словесную сделку, но у нас есть способ узнать, что обозначал ряд в древней Руси: для этого следует посмотреть словоупотребление этого термина в древних источниках. «Ряд» принадлежит к числу слов, имеющих много значений: строй или ряд, строка, пространство между строками, боевой порядок, торговый ряд, порядок, черед, очередь, степень и чин, разряд, управление, благоустройство, устав, правило, распоряжение, завещание, дело, договор, уговор и условие, работа, назначение и пр.² Из этого длинного списка выделяются те термины, которые относятся определенно не к словесным действиям, а к письменным документам. Так, духовные грамоты московских князей XIV в. знают слово «ряд» в значении письменного документа. Иван Калита пишет в своей духовной: «Даю ряд сыном своим и княгини своей». Такое же значение этому слову придает гораздо более ранний документ — проект договора Смоленска с немцами первой половины XIII в.: «А ряд мой с немьци таков»³. Еще раньше то же значение этого слова находим в летописи по отношению к договору Олега с греками: «Посла Олег мужи свои построить мира и положити ряды межи Греки и Русью». Конечно, можно заявить, что термин «ряд» употребляется в значении письменного документа только в публичных актах, но и это в корне неверно. В известной «рядной» Тешаты читаем: «а кто сий ряд переступить, Яким ли, Тешата ли, тот даст 100 гривен серебра»⁴. В том же значении письменного договора термин «ряд» употребляют другие документы⁵.

В свете подобного значения слова «ряд» по новому представляются и некоторые статьи «Русской правды». «А второе холопство,— читаем мы в ней,— поиметь робу без ряду, поиметь ли с рядомъ, то како ся будеть рядил, на том же стоять; а се третье холопство: тивунство без ряду или привяжетъ ключь к себе без ряду; с рядом ли, то како

¹ Недавно нами найден еще один список данной Марины (в архиве Исторического музея). По почерку он относится к XV веку. Цифра 700 (Ф — пси) в дате написана так, что напоминает 900 (ц). Не является ли настоящей датой 6961 (1453 год); тогда Марину надо искать в XV веке.

² См. И. И. Срезневский. Материалы, т. III, стр. 231—235.

³ Русско-ливонские акты, стр. 451.

⁴ Там же, стр. 15.

⁵ И. Срезневский. Материалы, т. III, стр. 235.

ся будет рядил, на том же стоять»¹. Если Тешата и Яким могли рядиться о складстве, нет ничего невероятного, что «ряд» о холопстве в «Русской правде» представлял собой письменную запись. В статье о малых детях дается предписание передать их на руки родственников «с добытком и с домом», «а товар дати перед людьми», в конце же добавляется: «аче же и отчим принять дети с задницею, то тако же есть ряд». Так как возвращение детям имущества мыслится после их совершеннолетия, т. е. спустя много лет, то слово «ряд» в данном случае лучше всего подходит к письменному документу.

Что «Русская правда» знала уже письменные записи, доказывается тем, что в числе расходов («накладов») включены были пошлины в пользу писца: «писцою 10 кун, перекладнаго 5 кун, на мех две ногате».

Подведем некоторые итоги нашему исследованию. Русские уже в XII в. производили запись частных актов. Драгоценным свидетельством этого являются вкладная Варлаама, дошедшая в подлиннике, купчая и духовная Антония, сохранившиеся в поздних и поновленных по языку копиях. Древняя Русь была не бесписьменной страной и знала публичные и частные акты уже в XII в., а, вероятно, и ранее — в XI столетии, что вполне совпадает с нашими представлениями о высоте русской культуры в киевское время.

¹ «Правда русская», под ред. Б. Д. Грекова, изд. АН СССР, стр. 452.

Е. И. ЗАОЗЕРСКАЯ

СКАЗКИ ТОРГОВЫХ ЛЮДЕЙ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА 1704 г.

В архивном фонде Монастырского приказа сохранились дела, не имевшие, по существу, отношения к Приказу,— это сказки о торгах и промыслах, подававшиеся верхами торгово-промышленного населения Московского государства в 1704 г.¹

Сказки подавались согласно указу от 1 февраля 1704 г. Самый указ не сохранился, и единственное беглое упоминание о нем в литературе мы имели у С. М. Соловьева². В настоящее время об указе и его содержании мы узнаем из выписей, сделанных в Монастырском приказе по тому или другому случаю в период подачи сказок «В прошлом 1704 году февраля в 1 день,— читаем в одной из них,— по имянному в. г. указу велено у гостей и у гостиной сотни взять скаски с подкреплением, а московских сотен и слобод к старостам послать памяти — велено написать им списки и в тех списках подписывать именно: в прошлых в 1701, 1702 годах на Москве и в городех и в иных государствах насколько у кого тысячь всяких товаров торгового промыслу в покупке и в продаже был, а писать им истинную правду, а ничего не таить, а подать те скаски и списки в Монастырском приказе в три дни».

Узнаем также, что вследствие задержки поступления сказок в Приказ указ 1 февраля был подтвержден 5 и 20 марта и позднее 7 августа того же года³.

Надо сказать, что практика подачи сказок того или другого содержания не раз применялась в первые годы XVIII в.⁴ На этот раз в порядке, вероятно, личного поручения Петра все дело по сбору сказок

¹ ЦГАДА, фонд Монастырского приказа, в. 219, 220, 221, 222.

² С. Соловьев. История России с древнейших времен, изд. «Общественная польза», кн. 3, стб. 1342.

³ ЦГАДА, указ. фонд, в. 221, д. 66, л. 45—45 об.

⁴ В 1699—1702 гг. подавались сказки землевладельцами, ставившими даточных людей, о том, сколько у кого и где крестьянских, бобыльских и задворных людей (ЦГАДА, Сказки Генерального двора); указ 1 октября 1703 г. о подаче сказок служилыми и торговыми людьми о количестве у каждого дворовых и деловых людей (ПСЗ, т. IV, № 1944); указ 22 января 1704 г., т. е. за 9—10 дней до интересующего нас указа, о подаче сказок, касающихся недорослей (там же, № 1960); указ 1 февраля 1705 г. о подаче сказок дьяками, сколько у кого детей (там же, № 2023).

с торговых людей было отдано в руки И. А. Мусина-Пушкина, в начале XVIII в. возглавлявшего Монастырский приказ, а еще до этого зарекомендовавшего себя значительным «прибором» средств за время своего воеводства в Астрахани: недаром такой специалист по этой части, как Курбатов, именно его называл в 1700 г. в качестве лучшего кандидата для управления церковными делами и имуществом: «Из мирских,— писал он Петру,— для смотрения за казною и сбора ее хорош боярин Иван Алексеевич Мусин-Пушкин или стольник Дм. Петр. Протасьев»¹.

По указу 1704 г. непосредственно самому боярину, в Монастырском приказе давали свои показания московские жители; сюда же присылались сказки из городов — таким-то образом этот материал и оказался в делах Приказа.

Ближайшей целью опроса, повидимому, был сбор накопившихся недоимок, и не случайным кажется, что тому же Мусину-Пушкину по указу 11 ноября 1705 г. было велено «полтинные и двугривенные, и десятые деньги за прошлые 1702, 1703, 1704 годы из доимки и на нынешний 1705 год... взять все сполна»². Указ 1 февраля 1704 г. представляется первым звеном, а указ 11 ноября 1705 г. — вторым одной цепи мероприятий, вызванных финансовыми затруднениями правительства, остро сказавшимися в первые же годы Северной войны; недаром донятые деньги приказывалось присылать из городов «неотложно, чтоб в дачю в. г. жалованья драгунских полков ратным людям оскудения... не было»³.

Но поголовный опрос о торгах и промыслах, хотя бы верхних слоев торгово-промышленного населения Московского государства, предпринятый впервые, несомненно, преследовал и другие, более общие, задачи, хотя обусловленные, в первую очередь, теми же финансовыми соображениями. Уже в указе об учреждении Бурмистерской палаты 1699 г. сквозило беспокойство правительства по случаю упадка торгов и промыслов вообще, а в связи с этим — уменьшения денежных поступлений в казну. «Иные [торговые люди.— Е. З.],— читаем в указе,— от того [от разных злоупотреблений администрации.— Е. З.] торгов и промыслов своих отбыли и оскудели, а его, в. г., с них окладные многие доходы учинились в доимке, а пошлинным сборам и иным поборам большие недоборы»⁴. Через год, в 1701 г., в другом распоряжении правительства с тревогой отмечалось, что «в прошлых годех в сибирских городех збор десятой деньги был малой». Отсюда вставал вопрос о пересмотре торговых людей в целях более правильного обложения: «В Сибири торговых и промышленных всяких чинев людей ныне в зборе десятой деньги обложить вновь, смотря по пожит-

¹ С. Соловьев. Указ. соч., кн. 3, стб. 1359.

² ЦГАДА, указ. фонд, в. 227, д. 104, л. 1.

³ Там же.

⁴ ПСЗ, т. III, № 1674.

кам и всяким промыслам»¹. Но, конечно, мысль о переобложении возникла не только в отношении торгового населения Сибири; в 1705 г. она была осуществлена в масштабе всего государства; были введены новые оклады десятой деньги и новые статьи «о взимании с торговых людей пошлин»². Очень возможно, что и то и другое было сделано на основании тех сведений, которые дали сказки 1704 г.

Подача сказок в Москве началась в апреле 1704 г. и затянулась почти на целый год. По городам из Монастырского приказа в мае 1704 г. были разосланы грамоты с очень подробным изложением указа и перечнем вопросов, по которым торговые люди должны были дать сведения; сказки же подавались в июне (Калуга, Вязьма, Вологда, Севск, Юрьев-Польский), июле (Кострома, Ростов, Елец), августе (Владимир, Нижний-Новгород), сентябре (Коломна) и позднее. Вообще все иногородние сказки, сохранившиеся в фонде Монастырского приказа, относятся ко второй половине 1704 г. и только две — к началу 1705 г. В случае большого замедления в присылке сказок в города посылались памяти, а в некоторые — специальные подъячие, которые должны были взять с торговых людей сказки, а с воеводы — пеню.

По Москве показания собирались с гостей, гостиной сотни и жителей слобод; по городам — только с гостей и гостиной сотни. В Москве сказки подавались в Монастырский приказ и изредка — на братском дворе в слободе, в городах — воеводе и иногда земскому бурмистру. В Москву сказки посылались с нарочными людьми, из Архангельска и Астрахани — почтой. Задержку в присылке сказок в Москву воеводы чаще всего объясняли отсутствием в данный момент нужных торговых людей в городе в связи либо с государевой службой в других городах, либо с их собственными торговыми поездками. Да это и понятно: опрос совпал с летними месяцами, горячими в торговом деле. По той же причине некоторые подавали сведения не в своем городе, а в Москве или вообще там, где застала их грамота; эти сказки, оторвавшись от своего городского фонда, легко могли затеряться.

На степень количественной полноты сказок по городам могло повлиять и отношение самих опрашиваемых к данному мероприятию правительства. Судя по воеводским отпискам, торговые люди не только не спешили с подачей сказок, но и всеми мерами старались избавиться от этого. «А серпуховские, государь, жители гостиной сотни многие люди..., — пишет воевода Руднев, — сказок не дали, и я, в г., за теми* ослушниками посылаю многих посыльных людей, а они от посыльных людей многие укрываютца и в домех своих не сказываютца». Такое укрывательство продолжалось иногда месяцы, и виновный уличался в результате организованной слежки. Люди ярославца Ильи Лузина показали, что хозяин их с 25 мая уехал в Казань. В конце сен-

¹ Ф. Туманский. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях гос. имп. Петра Великого, ч. 2, СПб., 1787, стр. 191.

² ПСЗ, т. IV, № 2084.

тября воевода Щербатов, по наказу из Москвы, «для проведывания подлинного около двора Ильи Лузина приходских людей спрашивал и у двора ево был, и он, Илья, того числа был в доме своем». Позднее выяснилось, что Лузин никуда не уезжал, а скрывался четыре с лишком месяца. Особо упорных предписывалось высылать к допросу в Москву.

Сказку обычно подавал старший в семье, если она жила не в разделе. И этим обстоятельством пользовались, чтобы избежать показаний. Так, серпуховитин Вас. Шилов отказался дать сказку «для того: про торговые промыслы и про пожитки скажут братья ево большие — Григорий да Кузьма». Ярославцы отец и сын Носовы (отец был на службе в Астрахани) долго ссылались друг на друга, не подавая сказок ни в Ярославле, ни в Астрахани; только после многих усилий показания были взяты с них обоих уже в 1705 г. В силу всех этих обстоятельств по ряду городов сказки были собраны, во всяком случае на месте, неполностью. Так, в Чебоксарах из четырех — 3, в Казани из одиннадцати — 8, в Вологде из четырех — 3, в Вятке из четырех — 1. Вообще же в делах Монастырского приказа сохранилось 600 сказок тяглецов Московских слобод и 152 сказки гостиной сотни разных городов. Из слобод представлены в большом количестве: Садовая — 150 сказок, Мещанская — 134, Огородная — 150, Кадашевская — около 100. По Кадашевской слободе сохранились не подлинные сказки, а копии, без рукоприкладств и с сокращениями повторяющихся в каждой сказке начала и конца, воспроизводящих содержание указа 1 февраля. Сказки гостиной сотни сохранились по следующим 28 городам Московского государства: северные города — Архангельск, Вологда, Вятка; западные — Смоленск, Вязьма, Луки Великие; центральные — Владимир, Ярославль, Кострома, Суздаль, Ростов, Юрьев-Польский, Переяславль-Рязанский, Коломна, Касимов, Кашира, Калуга, Серпухов; Среднее Поволжье — Нижний-Новгород, Свияжск, Чебоксары, Казань, Симбирск; южные города — Рыльск, Брянск, Мценск, Елец, Севск. Все это подлинники с рукоприкладствами. В деле им сопутствует всегда отписка воеводы, излагающая содержание грамоты из центра, перечень людей гостиной сотни по городу и сведения, с кого и когда взяты сказки, с кого и почему не взяты. Отписка и сказки по каждому городу сшиты в тетради большого формата и скреплены рукой дьяка Монастырского приказа Гаврилы Окунькова. На первом листе — обложке — помета и надпись: «Казанские», «Симбирские» и т. п.

Объем содержания сказок определялся интересами правительства, и указ 1 февраля 1704 г. очерчивал круг вопросов, на которые должны были ответить торговые люди. Правительство требовало прежде всего указать размеры торга: на сколько тысяч куплено и продано товаров на месте и в отпуск, количество уплаченных пошлин, сколько у кого лавок, погребов и других «вотчин», сколько платят оброку с них и «найма себе емлют», сколько долгу на ком и сколько свободных де-

нег, каковы домовые пожитки и, наконец, сколько серебряной посуды в доме. Годы, интересовавшие правительство, — 1701 и 1702, но если за это время торгов не было, а были они в 1703—1704 гг., то надо было писать в сказке «ис тех годов один год, которой больши». На эти вопросы и обычно даже в такой последовательности и даются показания.

Но как сильно было желание избавиться от подачи сказки, так же сильно и обычно у торговых людей стремление при даче сведений укрыть что-нибудь, показать не все, не точно. Правительство предупреждало такие попытки, заканчивая каждую грамоту трафаретным требованием писать обо всем «вправду, без утайки» и обычными угрозами: «а буде кто... в сказках своих и в книгах что утаит, а утайка по чьему извету явна будет, и тех людей двory их и пожитки и торговые промыслы взяты будут на в. г. бесповоротно». Но эта угроза не всегда помогала выяснению точных данных. Чаще всего от полных и точных показаний торговые люди отговаривались, ссылаясь на незнание и забвение, на болезни и старческое «беспамятство», на свою неграмотность, на отсутствие или утрату «домовых записных книг» и таможенных выписей. Многие без объяснений, кратко и сухо, отсылали бравшего сказку к официальным документам: «А о том свидетельствуют таможенные книги». Эта законная и наиболее досадная отговорка часто встречается в сказках. Сохранившиеся же в фонде Монастырского приказа сыскные дела показывают, что торговые люди не только замалчивали, но и уменьшали и скрывали свои торги и промыслы.

Как же оценивать достоверность их показаний?

Мусин-Пушкин и его помощники должны были хорошо знать о неизбежности утаек. Поэтому заранее были приняты меры, дававшие возможность проверить сказки. Еще в 1703 г. староста гостиной сотни Филат Бачилов подал в Монастырский приказ список гостиной сотни с обозначением размера уплачиваемой каждой десятой деньги. Старосты и сотские московских сотен и слобод «подали за своими руками слободским людям имянные списки», в которых о каждом давалась короткая справка, например, такого содержания: «После мужа ее, — речь идет о вдове кадашевца Кузьмы Алмазникова, — ныне у нее торгуют сидельцы на 2 лавки, в наемной да в ее лавке товару у них по расписке у обеих на 600 рублей; долгу отдать колуженину Ивану Степанову 520 рублей, затем ее пожитку 80 рублей»; серебряной посуды в доме 47 золотников¹. Данными списков проверялись сведения, сообщенные при личном опросе, и наоборот, первые — вторыми. Кроме того, в Монастырский приказ были переданы окладные книги, а 4 февраля 1704 г. (через два дня после указа о подаче сказок) из приказа поступило требование: «Московской большой таможи, померной и мытной избы из записных зборных книг 1701 и 1702 гг. выписать гостей и гостиной сотни, сотен и слобод, у кого имяны на сколько тысяч рублей в явке

¹ ЦГАДА, указ. фонд. в. 221, л. 66, л. 46.

и в покупке и в разные города в отпуск всяких товаров». В делах сохранились выписи из мытной и померной изб и свидетельство о том, что в октябре 1704 г. Мусин-Пушкин «таможенные книги держит у себя»¹.

Боярин не только держал эти материалы при себе, но и пользовался ими для сверки поступивших в Приказ сведений. На отписке мценского воеводы, сообщавшего, что в городе нет людей гостиной сотни, наложена помета: «Выписать из окладных книг, кто имяны гостиные сотни во Мценску живут». В отношении каширянина Кондратия Чертова получилось разногласие: сам спрашиваемый отрицал свою принадлежность к гостиной сотне, а в списке Филата Бачилова он значился с окладом десятой деньги в 5 рублей. На сказке помета: «Допросить гостиные сотни старосту, в котором году тот оклад на Кондратье Чертове з детьми положен». В Тотьму был послан специальный запрос о том, кто владеет заводами и пожитками Осипа Палицына, значившегося в списке Бачилова, но умершего в 1704 г.

В городах воеводы иногда требовали документы, подкреплявшие показания. «И мы, холопи твои,— пишет из Ярославля воевода Ржевский,— велели складную тетрадь для подлинного уверения взять у Ивана Чукова в приказную палату, и он, Иван, тое окладную тетрадь подал нам».

Прибегали также и к другому обычному в то время способу проверки — изветам. В Москве, думается, они могли иметь большое значение, и, может быть, эта сторона дела даже была организована из Монастырского приказа. Сыскные дела, сохранившиеся в делах Приказа, возникали по инициативе одного изветчика — Садовой слободы Григория Иевлева. Возникает предположение, не была ли вообще поручена ему негласная проверка подававшихся сведений. Но бывали доносы друг на друга и по собственной инициативе: у Соловьева, например, приведено следственное дело Матвея и Фёдора Шустовых по извету гостиной сотни Михаила Немчинова².

По городам, где люди гостиной сотни были наперечет: 2—3—4 человека и у всех на глазах, утаить было труднее, да и там всегда могли найтись добровольные охотники уличить подававшего сказку. Коломенский житель Логинов, рассерженный на своих братьев, обещал в своей сказке: «А буде они, братья мои, скажут не в подлинно в своей сказке, и я на них, усмотря..., хотя самое чего не напишут, тебе в г. буду челобитчиком». Мог иметь значение перекрестный опрос: в вопросах о складных торгах, долгах и займах, сдаче лавок одни показания могли проверяться другими. Конечно, нельзя думать, что эти меры вполне достигали своей цели и что благодаря им сведения ска-

¹ ЦГАДА, указ. фонд, в. 222, д. 110, л. 2. К сожалению, в настоящее время мы не можем произвести сверку показаний торговых людей с записями таможенных книг в силу отсутствия последних за нужные нам 1701—1704 гг. по фигурирующим в сказках городам.

² С. Соловьев. Указ. соч., кн. 33, стб. 1342.

зок можно считать вполне достоверными и проверенными. Но, несомненно, известную сдерживающую роль они играли: скрывать могли и скрывали, но с осторожностью, оглядываясь. В этом отношении интересен случай подачи дополнительной сказки ярославцем Яковом Носовым. Подав первую сказку в Астрахани 13 декабря 1704 г., он явился уже в Ярославле к воеводе Ржевскому, заявив, что первые показания дал «подлинно не выправясь» и «не осмотрясь об отпуске на Караганскую пристань». На этот раз «осмотрясь и опаматовся», он дал дополнительные сведения об отпуске товаров на 300 руб. А для смягчения вины, «чтоб в опале не быть», он объяснял, что забыл показать «в той прежней своей сказке за многими суетами и за многоделием у государства астраханского и яицкого рыбного промысла, и за скоростью, и за старостию забвением, и за ловом на астраханских учюгах ямной матерой рыбы, и за строением арменской икры».

Сравнительная доброкачественность данных сказок подтверждается и результатами сыскных дел, которых имеется немного, потому ли что они не сохранились, потому ли, что их немного было возбуждено, — последнее, в случае подтверждения, могло бы само по себе быть показательным. В некоторых случаях изветы оказывались несостоятельными, и ответчикам удавалось доказать правдивость поданных сведений¹; в других обнаруживалась утайка, иногда значительная, но все же не искажавшая картины торгов и промыслов данного лица в данный момент. В этом отношении любопытно дело Шустовых. В своей сказке они указали пожитков на 2—3 тысячи, а при сыске обнаружилось «великое богатство» их «умерших дедов». В селе Дединове в палатах «меж сводов под полом» был заделан сундук, а в нем червонных весом 4 п. 6 ф., китайского золота в кусках 7 ф. 13 зол. да в гнилых кулках и мешках старых денег 76 п. 1 ф. Знали ли молодые люди, дававшие сказку, или нет, как они сами уверяли, об этом сокровище, но во всяком случае оно лежало мертвым капиталом и не использовалось ими для восстановления пошатнувшегося состояния: в 1704 г. за ними числилось недоимки 18¹/₂ тысяч, а в 1701 г. были опечатаны их московские двор и лавка о семи затворах. Немчинов в своем доносе Курбатову склонен был объяснять утайку в данном случае легкомыслием потомков когда-то рачительных московских купцов: Шустовы — люди «непостоянные», богатство «не брегут и пьянством своим истощают, а не умножают»².

Вообще утаить легче всего можно было в графе о домовых пожитках, как было в деле Шустовых, как случилось и с упоминавшейся Авдотьей Алмазниковой, при описи двора которой пожитков, лишних по сравнению со сказкой, оказалось на 780 рублей³.

Показания, касавшиеся разнообразных торговых сделок и опера-

¹ ЦГАДА, Указ. фонд, в. 222, д. 110, 121.

² ЦГАДА, Дела следственных комиссий, № 218, л. 202 об., 222.

³ ЦГАДА, фонд Монастырского приказа, в. 221, д. 66, л. 48.

ций, фиксировавшихся своевременно в официальных документах, торговых помещений и других видов недвижимой собственности, промышленных предприятий, сведения о характере и размерах ремесла были доступнее для проверки, а именно они являются основными и особо важными в сказках.

Учитывая вполне возможное уменьшение торгов и промыслов отдельных лиц, а отсюда и всей картины их по данным сказок, признавая эти данные не абсолютно точными и исчерпывающими, иногда требующими корректива на основании других материалов, мы все же должны сказать, что сказки являются первоклассным и единственным в своем роде материалом для характеристики торговли и промышленности, а также «нарождавшегося класса торговцев» Московского государства на грани XVII и XVIII вв.

Несмотря на чрезвычайное значение этих тем и давно направленнй на них интерес исследователей, до сих пор и для данного периода и для более раннего они остаются малоизученными прежде всего по причине отсутствия данных массового характера; поэтому исследования часто ограничиваются картиной торгов и промыслов отдельных городов¹ или даже отдельных лиц².

Сказки 1704 г. являются именно таким массивным материалом, наиболее ранним по времени, позволяющим окинуть взглядом, с точки зрения состояния торговли и промышленности, значительную часть и территории Московского государства и его торгово-промышленного класса. Большим дефектом является отсутствие сказок гостей и гостинной сотни по Москве, но зато исключительное значение имеют сказки этих категорий торговых людей по городам, состояние которых, даже очень крупных, совершенно не изучено. Правда, гостинная сотня составляла только верхушку часто многочисленной посады того или другого города, но зато в ее руках сосредоточивались наиболее крупные торговые дела и промышленные заведения; верхи в первую очередь располагали средствами и возможностями широко использовать как образовавшийся общероссийский рынок, так и местные природные богатства и выгоды положения своего города и района. Поэтому сказки, помимо общего значения для изучения экономики Московского госу-

¹ К. Базилевич. Торговля Великого Устюга в середине XVII в., Ученые записки Института истории при РАН ИОН, 1929, т. V; Н. Бакланова. Торги и промыслы Нижнего Новгорода в 60-х годах XVII в. (там же); С. Огородников. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении, СПб., 1890.

² Н. Бакланова. Торги нижегородцев Калмыковых. Доклад, прочитанный в 1927 г. в Обществе ист. и древн. росс.; С. Бахрушин. Торги новгородцев Кошкиных, Ученые записки МГУ, «История», вып. 41, 1940; его же. Промысловые предприятия русских торговых людей в XVII в., Исторические записки, т. VIII; его же. Торги гостя Никитина в Сибири и в Китае, Труды Института истории РАН ИОН, т. I; его же. Торговые крестьяне в XVII в. (там же, т. V); Е. Заозерская. Вологодский гость Гаврила Фетнев, зап. историко-бытового отдела Гос. русск. музея, 1928, т. I.

дарства, являются ценнейшим материалом для характеристики отдельных его районов.

Значение материала увеличивается свойствами его содержания — большинство сказок отличается полнотой и большой конкретностью данных.

Прежде всего сказки широко характеризуют торговлю во всех ее видах и формах, и здесь на первом месте стоит торговля «в отпуск» или «в отъезд». Крупные и средние торговые люди Москвы и городов показывали по годам, где, какие товары, на какую сумму, и в каком количестве — в пудах, на аршины — были куплены; в какие города или на какие ярмаки отправлены, сколько платилось за провоз, сколько заплачено пошлины, на какую сумму проданы или на какие товары выменены. Вновь купленные товары мы видим снова в пути в другие города, видим, какие новые операции были с ними произведены. И так мы можем проследить товарооборот не за один год, представлявший иногда сложную цепь последовательных торговых операций. Мы можем выделить пункты, привлекавшие к себе наибольшее число людей и наибольшее количество товаров; можем наметить, в каком направлении шли потоки различных товаров. Сказки дают возможность установить сеть торговых поездок отдельных лиц, степень их специализации на определенном виде товара и на определенном торговом маршруте или, наоборот, отсутствие таковой, раскиданность и универсальность торгова; в сказках говорится об организации отправки товаров: едет ли сам хозяин, посылает ли своих приказчиков и людей, посылает ли свой товар с соседом, с торговой оказией. Для торговли в отпуск интересен вопрос о складных торгах, и для этого сказки дают материал: кто с кем вступал в компанию, для ведения каких торговых операций, из каких паевых частей или долей.

Так же обильны и конкретны данные о местной торговле в пределах города и ближайшего к нему района. В сказках очень точны указания о числе собственных лавок, погребов и амбаров с указанием, в каком ряду они находятся, иногда какого размера, сам ли владелец в них торгует или сдает; если торгует сам, то каким товаром, на какую сумму товара в лавке, есть ли у него сидельцы. Если лавки сдаются, указывается, кому и за сколько в год. Если торгует в наемном помещении, говорится, в чьем и сколько платит найма. Для характеристики местного торгова особенно ценны массовые показания тягловцев московских слобод, вскрывающие чрезвычайно разнообразие московского торгова как в отношении видов товара, так и в отношении размеров торговых операций. В частности, интересен самый мелкий вид торгова с рук, с лотков: какими товарами, кто, где торговал «походя», сколько денег вкладывалось в такую торговлю, каково ее процентное соотношение с торговлей в лавках. Сказки по Москве дают, с одной стороны, сведения для статистической обработки, например, о преобладающих видах торговли, о количестве и размерах лавок, а с другой — бытового характера, где, например, в каких местах города тор-

говали разными товарами — сеном, лесом, крупами и пр., кто у кого брал товар «по спуску» (калачники — у мучников, мучники — у струговщиков), кто у кого был сидельцем в лавках. И те и другие сведения, относясь к определенным годам, значительно дополняют имеющиеся в других источниках данные по Москве.

В сказках много данных не только о размерах денежных сумм (начиная от нескольких алтын и кончая десятками тысяч рублей), на которые велся торг, но и о составе этих сумм, т. е. были ли это собственные, «свои» деньги или занятые в долг. В частности, чрезвычайно обильны сведения о роли кредита для всех категорий торговых людей. Если в отношении других показаний опрашиваемый часто бывал скуп, молчалив и иногда недостоверен, то в вопросе своих займов он бывал очень точен. В редкой сказке не встретится перечень собственных долгов: у кого, какая сумма, в каком году была занята, и иногда — в каком году выплачена — и такой же точности поименного списка собственных, должников, если они были. На основании этого можно выяснить размеры займов, кабальных и бескабальных, где чаще они производились, в своем ли городе или во время отъездов, кто из русских людей являлся кредиторами, какую роль играл иностранный кредит и можно ли наметить имена ранних капиталистов-ростовщиков. В сказках крупных торговых людей постоянно мелькают имена известных в Московском государстве иностранных купцов — Любса, Лойде, Ник. Фаруфы и др., ссужавших чаще всего в Архангельске тысячи рублей или дававших в долг большие партии товаров. Эти данные позволяют установить соотношение заемных денег и собственных средств в торговом обороте отдельных лиц и иногда притти к заключению о финансовой слабости, отсутствии сколько-нибудь значительного и прочного капитала, о действительной неизбежности долгов, о чем, между прочим, часты признания в самих сказках, вроде: «И есть ли мне долгов на себе не иметь, и мне такими торгами своими пожитками торговать невозможно». Встречающиеся же в сказках экскурсы в прошлое позволяют говорить вообще о неустойчивости торговых предприятий или «фирм» того времени, о быстром разорении и крушении одних и быстром, но иногда кратковременном, подъеме других.

Но сказки подавались не только о «торгах», а также о «промыслах». Правда, в последнее понятие в то время входил и торговый промысел, но не он один. Сюда крупные торговые люди Москвы и городов включали связанные с их торговой деятельностью казенные подряды. Ушаков, Микляев, Твердышев, Зубков и многие другие показывают в своих сказках десятки тысяч пудов хлеба, десятки тысяч ведер вина, пуды серебра и ефимков, которые они ставили индивидуально или «вопче» с компаньонами в казну с указанием, когда, куда, иногда на какую сумму были эти поставки, выполнено ли было обязательство.

Чаще же под «промыслами» понималось то, что характеризовало промышленность, т. е. владение промышленными заведениями и заня-

тие ремеслом. В этом отношении московские сказки дают много сведений для характеристики ремесла. Не единицами и десятками, а пожалуй, сотнями, выступают ремесленники самых разных специальностей, показывая, сколько денег они вкладывают в свое маленькое дело, сколько платят тягла и десятой деньги, сколько получают себе на прокормление. В сказках гостинной сотни есть сведения о тех мелких, типа кустарных, предприятиях — кожсвнях, мыловарнях, мельницах, винокурнях, которые интересны с точки зрения первых шагов частного предпринимательства в области промышленности. Симбирские и свияжские мукомолы, казанские, чебоксарские и суздальские кожевники, архангельские лесопромышленники конца XVII в. уже успели уловить благоприятные условия района для развития нового дела как источника наживы и прибыли. В своих сказках такие промышленники указывают вид предприятия, иногда его размер: мельница на столько-то поставов, винокурня с таким-то количеством котлов, собственное оно или арендуемое, например, если мельницы арендуемые, то у кого и за сколько в год; иногда указывают получаемый доход, обычно с мельниц, и оценивают оборудование предприятия.

Но «промыслы» понимались и в еще более широком смысле как вообще источник существования, было ли это содержание бани, харчевни, сдача торговых или жилых помещений — изб, подклетов, работа ли по найму — в сидельцах, сторожах; все эти виды «промысла» также фигурируют в сказках. Наконец, среди посадских людей и даже внутри гостинной сотни были люди, не имевшие никаких торгов и промыслов, разорившиеся, впавшие в нищету, кормящиеся «христовым именем». Численное соотношение различных групп в составе московского посадского населения представляет несомненный интерес, а главное сказки, будучи массовым материалом, дают живую картину посада в его необычайной пестроте, разнообразии занятий и состояний, где по соседству в слободе, в одинаковом звании посадского человека, мы встречаем и будущего фабриканта Турчанинова, и бездомного нищего. Но та же пестрота еще любопытнее в отношении высшей категории торгово-промышленного мира Московского государства — гостинной сотни, среди которой, наряду с крупнейшими дельцами своего времени, есть и такие, у которых в «промыслишке» 2—4 рубля, и скитающиеся «меж двор», стоящие на правеже, сидящие за караулом. В этом отношении сказки вносят корректив в обычное представление о гостинной сотне.

Но кроме этих основных сведений о торгах и промыслах, сказки дают другие, дополнительные. На основании их может, например, ставиться вопрос, что получала казна, вообще государства, с торгов и промыслов частных лиц, а отсюда — насколько она была заинтересована в их развитии из чисто фискальных соображений. В сказках обычно указываются размеры разных сборов или их общая годовая сумма, количество уплаченных пошлин по разным городам, наконец, говорится о службе, которую несли представители торгово-промышлен-

ных верхов на кружечных дворах, таможнях, у разных казенных промыслов.

Наименее достоверной в сказках представляется оценка домовых пожитков и наличие серебряной посуды, которой особо интересовалось правительство, требуя ее выделения из домашнего скарба. И хотя торговые люди точно указывают вид и вес этой посуды, трудно, однако, было проверить, сколько действительно в доме, в сундуке или коробье чарок и стоп. Рукоприкладство можно использовать для попытки определить процент хотя бы умевших подписать свою фамилию.

Характеризуя состояние гостинной сотни и московского посада в целом или в их значительной части, их участие и место в торгово-промышленной жизни страны, торговую и финансовую силу или слабость отдельных лиц и групп, сказки, распадаясь по городам и районам, являются одновременно материалом для экономической характеристики и отдельных городов, и целых районов, их хозяйственных особенностей и возможностей для развития местных торгов и промыслов. Интересны и торговые связи между городами и районами и роль таких межрайонных пунктов и ярмарок, как Макарьевская, Свинская, Ирбитская, Архангельская и, наконец, Москва как центр всероссийского рынка.

Важно и то, что сказки, характеризую один очень короткий период, собственно 3—4 года, — с 1701 по 1704 — как бы схватывают на ходу торги и промыслы Московского государства и дают статически их картину. И годы эти интересны — рубеж XVII—XVIII вв. Данные сказок являются, с одной стороны, как бы итогом развития торгов и промыслов за предыдущий XVII в., а с другой — могут служить исходным материалом при характеристике роста и укрепления купечества в XVIII в. В отношении использования сказки представляются очень благодарным материалом: цельным, однородным, вполне обозримым, прекрасно сохранившимся, четко и тщательно записанным.

Приложение

Для иллюстрации прилагается текст девяти сказок: четырех по двум крупным и богатым слободам Москвы — Кадашевской и Садовой, четырех — гостинной сотни Казани, Симбирска и Свияжска и одной — гостя Афанасия Олисова. Отбор сделан по двум признакам: 1) показать различную полноту самих показаний и 2) показать представителей разных слоев торгово-промышленного класса: крупных (Турчанинов и Иван Андреев), средних (Иван Полуектов и Алексей Крюков), мелких и оскудевших — Алексей Марков, Викула Котов.

Сказка Кадашевской слободы Андрея Турчанинова

1704-го июня в... день по указу в. г. в Монастырском приказе перед боярином Иваном Алексеевичем Мусиным-Пушкиным с товарищи Кадашевской слободы Андрей Федоров сын Турчанинов сказал.

В прошлых 701-м и 702-м годах было у него, Андрея, торгового промыслу малое число для того, что отец его умре, а в 703-м году было у него на Москве и в городех в промыслу и в отпусках и в котельном ряду в лавках на двенадцать тысяч на сто на пятьдесят рублей, да лежачих денег триста рублей, да из долгов взять ему на госте Василье Грудцыне тысяча семсот тридцать рублей, гостя на Володимеровой жене Воронина вдове Федосье Васильевой дочери пятьсот девяносто рублей, на кадашевце Антоне Соловецком триста рублей; и ис тех вышеписанных долговых денег на госте Василье Грудцыне он, Андрей, взятку не чаеет для того, что на нем Василье государева долгу многое число.

Да лавок в котельном ряду четыре лавки с четью, в верхнем железном ряду три лавки, в новом щепетильном ряду на шалашном месте два места квасных да лавка с четью, в масленом ветчинном ряду пять лавок, в ветошном ряду лавка, в овощном книжном ряду лавка, в старом суровском ряду поллавки, в верхнем медовом две лавки, в москотильном ряду в верхнем две лавки, в оконешном ряду две лавки, в подошевном ряду поллавки, в нижнем медовом ряду две лавки, за Москвою рекою на Балчюге изба. А с тех вышеписанных лавок найму он, Андрей, берет по двести по осмидесят рублей на год, а оброку с них платит в государеву казну по дватцети по осми рублей на год, да мостовых против оброку вполы в пять лет.

Да домовного заводу, серебряной посуды в крушках и в стопах, и в стаканах, и в чарках тридцетъ фунтов. А опричь вышеписанного за торговым моим промыслом золотых и ефимков, и серебряной иной посуды нет. Десятой дватцетъ рублей.

Андрей Турчанинов руку приложил.

ЦГАДА, фонд Монастырского приказа, в. 219, д. 67, л. 1.

Сказка Кадашевской слободы Ивана Константинова

Иван Костентинов сказал.

В прошлых 701-м и 702-м годех по нынешней 704-й год с Москвы в городы и в иные государства в отпуску и в продаже и в явке товаров никаких не было, а есть де у него, Ивана, вопче с братьями его с Яковом да с Михайлом, в мушном ряду на Балчюге две лавки, отданы в наем, а найму с них в год четырнатцетъ рублей, а оброку дватцать два алтына четыре деньги, да мостовых против оброку в пять лет вполы. У него же на дворе отданы внаем изба поземная, да два подклета, с избы наемных денег два рубли, а с подклетов с одного шесть рублей, а з другога два рубли, дватцетъ пять алтын, а иных никаких вотчин нет.

А сидит де он, Иван, с прошлого 702-го году октября с 1-го числа в наемной лавке в верхнем москатильном ряду, а в товаре у него своих денег тридцетъ рублей. А кабального долгу на нем нет, а бескабальных мелочных долгов врознь дватцетъ рублей, а его, Иванова, кабального и бескабального долгу ни на ком. И денег, и золотых, и ефимков, и золотой и серебряной посуды нет.

Десятой два рубли.

Там же, вязка 219, д. 11, лл 5—5 об.

Сказка Садовой слободы Алексея Маркова.

1704-го октября в... де[нь] по указу в. г. в Монастырском приказе перед боярином Иваном Алексеевичем Мусиным-Пушкиным с товарищи Садовой слободы Алексей Марков сын скорняк, слышав в. г. указ, каков состоялся о приполнении прописных пожитков и торгу, сказал. В прошлых де 701-м и 702-м и 703-м годех и в нынешнем 704-м товаров в покупке и в явке, и в продаже, и в отпуску не было, денег, золотых и ефимков, и серебряной посуды, и иных никаких вещей, лавок и амбаров, и шалашей, и отдаточных изб, и из долгов взять, и самому

отдать нет. А кормица де он работаю своею, делает скорнячное, от той де ево скорнячной работы пожитку рубль. Десятой плотит по гривне.

А буде он сю скаску сказал ложно, и за ту б ево ложную скаску указал в. г. 'взять животы ево на себя великого государя.

К сей скаске Василей Нестеров, дворянин, вместо Алексея Маркова по ево велению руку приложил.

Помета: 1704-го октября в 28 де[нь]. Буде писана по указу высмотря взяты к делу.

Там же, в. 221, д. 57, лл. 85—85 об.

Сказка Садовой слободы Ивана Полуектова

1704-го ноября в 13 де[нь] на Садовом братцком дворе Садовой слободы Иван Полуектов, слышав в. г. указы о приполнении прописных пожитков к торгу, сказал.

В прошлых де 701-м и в 702-м и в 703-м и в нынешнем 704-м годех на Москве и в городах и в ьных государствах в явке и в отпуску никаких товаров у него не было и в рядах на Москве лавок и амбаров, и шелашей, и наемных изб, и никаких вотчин нет. А на дворовой де своей земле в Садовой слободе отдаст горницу да два подклетга в наймы, что найма берет, и о том сказано в Семеновский канцелярии стольнику. Да у него же на дворе, на улицу лицом, стоит лавка в пусте, а оброку в казну в. г. платит де он по два алт. в год. А промысел де у него — торгует, походя, в юхотном ряду юхотным товаром, а в том ево торговом промыслу ходит у него своих свободных денег пять рублей шестнатцет алтын четыре деньги. А временно де того вышесписанного товару у рядовичь и в кожевниках в долг берет безисменно на малое время, до спуску и до выручки денежной, на неделю и на две, на месяц, а выручая ис того товару, деньги платит им понедельно и как лучитца. А долгов де ему доведетца на людех взять на кадашевце на Иване Матвееве по товарной записи десять рублей, да по жилой записи доведетца взять, что ныне кадашевец, на Василье Кореле за недожив сидельца пятнадцатя рублей, на нем же по росписке за товар тридцетъ рублей, в то число платил де он, Василей, ему, Ивану, пять рублей тринатцать алтын две деньги.

И те вышеописанные долги на них должниках, прошлых лет — как де он, Иван, сидел в юхотном ряду в лавке, и возмутца ль де те деньги на них или нет, про то он не знает, потому что ныне порутчики померли, а достальных в лицах нет и где живут, также и должников самих в лицах нет же и где живут, про все вышеписанное он не знает, а есть ли кто из иных в живых или нет, про то он сказать не знает же. Да ему же, Ивану, доведетца взять и велено выдать из Судного дворцового приказу данные ево деньги за двор сто десять рублей. И о том явно о всем в Судном дворцовом приказе, и по се время те деньги ему, Ивану, ис приказу не выданы и выдадут ли де те денеги или нет, про то, он, Иван, не ведает. Да в прошлых де годех, как он, Иван, сидел в юхотном ряду в лавке за торговым промыслом юхотного товару, и в то время бежали от него, Ивана, пократчи ево двое сидельцев, и о том записано де у него, Ивана, на них в приказе Большого дворца и в Судном дворцовом приказе явочное челобитье. И за вышеписанною де из Судного дворцового приказу за невыдачею данных за двор денег и для тех денег за многию ево волокитою и от покражи сидельцев в торговом де своем он промыслишку разорился и оскудел.

А на нем де, Иване, кроме вышеписанного, что берет временно в долг юхотного товару до спуску, иных никаких ныне долгов и за торговым промыслом наличных денег, золотых, ефимков, серебряной и золотой посуды, кроме домашние всякие рухляди и что пристойно держать в доме про свою домашнюю нужду, а не на продажу, ничего нет.

А буде он, Иван, сказал ложно, и за ложную ево скаску указал бы в. г. двор ево и животы взять на себя великого государя.

К сей скаске садовник Макар Иванов вместо отца своего Ивана Полуектова по ево велению руку приложил.

Там же, в. 221, д. 57, лл. 93 об.—95.

Извлечения из сказки симбирянина гостиной сотни Ивана Андреева

Сказка подана 20 августа 1704 г. в Симбирске в приказной палате

В 1701 г. в Симбирске в таможене бурмистру Кузьме Каменеву «по трем выписям с товару с привозу прошлого 700 году с осталого товару с цены со ста з дватцети рублей дватцети девяти алтын четырех денег по десяти денег с рубли платил шесть рублей один алтын две денги. Того же числа ему ж Кузьме Каменеву с товарищи плачено с астраханского привозу 700-го году домового харчу с тысячи тешек межукольных, дву тысячь сазанов вялых с цены з дватцети пяти рублей по десять денег с рубля—один рубль восемь алтын две денги; с астраханской остаточной соли 700-го году з дву тысячь семисот с пядьдесят пуд с цены со ста дватцети трех рублей з дватцети пяти алтын по гривне с рубля двенатцеть рублей двенатцеть алтын две денги.

В апреле и в августе месяцах с явленных денег с тысячи со ста дватцети семи рублей з дватцети семи алтын четырех денег по пяти денег с рубля—дватцеть семь рублей дватцеть три алтына з денгою.

А на те же явленные денги «покупаны хлебные запасы, и те хлебные запасы стпущены были в Астрахань. В Синбирску-ж Кузьме Каменеву плачено с покупного хлеба за уездных людей, которой хлеб покупан на винное сиденье по подряду ратушскому на Самару четыре тысячи ведер, да с припасу с хмелю и з дроз пошлин сорок рублей полшесты денги. А хлебные запасы по синбирским выписям в Астрахани в продаже, и с тех хлебных запасов астраханской бурмистр гос. сотни Герасим Шелехов пошлин по своему окладу провежом с прикащика моево с Семена Молодова взял с тысячи с четырехсот сорока с трех рублей по десяти денег с рубля платил семдесят два рубля пять алтын две денги, а синбирских явленных выписей не зачел».

«В Астрахани ему ж Герасиму Шелехову з городского товару со ста девяносто аршин агленских суконов с цены со ста семидесят семи рублей по десети денег с рубля восемь рублей дватцеть восемь алтын две денги».

На деньги за проданный хлеб «куплено рыбы коренных сазанов, и поднят гребной струг на Макарьевскую ярманку, и бурмистр Герасим Шелехов с того гребного струга и с рыбы и с ряды работных людей по своей оценке з девятисот с пятидесят з дву рублей з гривною по пять денег с рубля взял дватцеть три-рубли дватцеть шесть алтын полпяты денги».

На Царицыне, «за осенним временем зазимовало шестьсот белуг коренных астраханского отпуску 700-го году» (рыба продана на Макарьевской ярмарке на 276 руб.).

«На Макарьевской же ярманке по астраханской выписи с пятисот ансырей шелку да по казанской выписи с яловочных кож беля, безлисины, с цены с шти сот рублей пошлин плачено тридцать рублей».

«А в Казане того яловочного беля по цене плачено с осмидесят рублей по пяти денег с рубля—два рубли».

«В Астрахани куплено триста сорок три кожи сырых яловочных, сто пядьдесят семь опойков, с цены со сто пядьдесят з девяти рублей з дватцети шти алтын пяти денег пошлин по дять денег с рубля—три рубля тридцеть три алтына с полденгою. И те кожи и опойки проданы на Костроме,—пошлин деветь рублей востм алтын две денги».

«По Синбирской выписи з дехтя и золы, и с явленных денег с тридцети семи рублей с полтиною по пяти денег с рубля — тридцетъ один алтын полторы денги. И тот деготь и зола проданы на Костроме».

«В Нижнем-Новогороде по астраханской выписи с пятисот шездесят девети рыб белуг пошлин плачено бурмистру Якову Пушкинову с товарищи десять рублей дватцетъ два алтына две денги».

«Того же 701-го году на Ирбицкой ярманке с персицкого и с юфотного товару пошлин плачено с штисот рублей по гривне с рубля-шездесят рублей; а на те вышеписанные товарные деньги куплено в Синбирску с торгу кож сырья яловочного и зделано красного юфотного товару и отпущено из Синбирска к городу Архангельскому двести девяносто шесть тюков кож, а в тюке по шти кож да десять тюков конин по шти кож в тюке, сто восемдесят четыре юфти мостовья да десеть конин. И тот юфатной товар у города Архангельского сменен на сукна, а весом того юфатного товару по городскому весу явилось пятсот дватцетъ три пуда дватцетъ один фунт. А у города по торгу взято на те юфти три кипы галанских суков, мерою семьсот восемдесят шесть аршин и сменены те сукна в Астрахане на заморской персицкой товар в 1702 году».

В 1702 году в Симбирске бурмистру г. с. Ивану Лихонину «по городским и макарьевской, и костромской, и верхотурской, и астраханской по девети выписям с проданого всякого товару с цены со штисот з девяти рублей з дватцети с трех алтын з дву денег-пошлин по десяти денег с рубля — тридцетъ рублей шестнатцать алтын две денги; да декабрь в 31 день с проданые соли астраханского привозу прошлого 208-го году с трех тысяч пуд с цены со ста тридцети пяти рублей по 3 алтына по две денги с рубля тринатцетъ рублей шестнатцетъ алтын четыре денги».

Далее приводятся такие же подробные сведения о торговых операциях 1702 г. в разных городах.

«...В Синбирском уезде построены мельницы по Свяге реке под деревнею Новоприписною Сингилеевскою, да Свяжского уезду под деревнею Сюлдяковою, да в Сенгилявской слободе, да выше города Синбирска на Свяге ж реке да на Сызране... А строены те мельницы на порозжих землях своими харчами, а ныне те оброчные мельницы по указу в. г. из Семеновской канцелярии в городех и в уездах списаны на в. г. и оценены. А строены те мои оброчные мельницы на порозжих местех своими харчами, а из казны в. г. за то мелнишное мое строение по оценке ничего не дано. И ныне с торгу разных чинов с оборотчики отданы мне по указу в. г. в оброк на два года из большого оброку» — с трех мельниц на Свяге оброку 130 руб. 3 алт. $\frac{1}{2}$ д. в год.

В 1701 г. отведено в Казанском у. под мельницу порозжее место, и в 1702 г. «на том порозжем месте построил тое мельницу своими харчами наемными работными людьми, а в строении та мельница мне стала слишком в пятьсот рублей. А ныне по указу в. г., которые мельницы на государевых ясачных землях построены из оброку, и те мельницы велено переоброчивать, и хто с торгу больша даст, тому и отдавать. И тое мою мельницу торговал москвитин Василей Тимофеев и на торгу мой работник поставил сверх старого оброку вновь платить по полутору рубли». И стольник Никита Кудрявцев «тое мою мельницу отписал на в. г. без оценки и прислал на тое мою мельницу к помольному збору дву человек целовальников и ту мою мельницу со всяким мельнишным и дворовым строением и с мельнишными припасы взяли» и за строение «ничего не выдано». На мельнице «засыпки и кузнец наемные и рядные деньги по договору даны наперед все и ныне те мои засыпки и кузнец на той же мельнице в работе».

В Пензенском уезде построена мельница «на помесной земле своими харчами... а ныне, по указу в. г. с тех мельниц, которые на помесных землях, велено на в. г. иметь четвертая доля по збору».

«В Синбирску в казну в. г. плачу с сених покосов по четыре рубли, что преж сего владели синбирские пушкари безоброчно, да с оброчной землц, что

преж сего бывала земля Свияжского уезду дер. Малой Карланги по их татарской даче з бортных угожьев и с рыбных ловель, с пустовых мельничных мест по три-натцеть рублей четыре алтына три денги на год, а бортным угожьем не владею, потому что татарские знамена бортных угожьев все вырублены и построилась на том лесу деревни Свияжского уезду ясашные русские крестьяне, что словеть Фролов ясак».

«...В Симбирску на горе и под горою с оброчных мест с семидесят с трех сажен плачу по десети рублей и по трицети одному алтыну по пяти денег на год. На горе лавка на дву саженьях, в мясному ряду на четырех саженьях под горою в соляном ряду в анбаре сидят за своею солью, анбар на пять сажен, а шесть анбаров стоят впусе, и в наем никто не берет, а на горе место впусе ж, никакова строения нет».

«По указу в. г. ... велено мне отдать в Сергееве городе, что на Соку, пять тысяч ведер простого вина и за то уговорное вино в Москве ис приказу Казанского дворца деньги две тысячи пятьдесят рублей выданы наперед сполна».

«По ратушскому подряду на Самарской кружечной двор велено мне отдать по уговору тысяча пятьсот ведр, в Надеино Усолье пятьсот ведр... деньги наперед сполна по девети алтын за ведро».

«...«А пожитков у меня в торговом промыслу соли астраханского привозу на двести рублей, в посылке к городу Архангельскому красного юфатного товару восемьсот трицеть три тюка кож яловочных и с конинами, а в тюке по шти кож, и есть естли божию помощью тот мой посылной товар до г. Архангельского в целосте милостью своею управит и продастся буде тот товар, и с продажи того товару по указу в. г. пошлина заплатит, а есть ли тот товар на мену сменяетца, и с того меновного товару провозу и с продажи пошлина ис того ж вышеписанного товару платит».

«В Синбирску в ряду в дву лавках московинного и городского и персицкого товару на двести рублей.. А на оброчной мельнице винокурня для винного подряду». На винокурне котел и 30 казанов с трубами, лошадей, коров и мелкого скота «для прокорму домовного и для работных людей» и дров на поварне на 150 р. Серебряной посуды 3 фун., медной и оловянной 4 пуда. Свободных денег за торговым промыслом 100 р. Долгу отдать саратовцу Алексею Шахматову 100 р. Там же, в. 222, д. 104, лл. 3 об.—7.

Сказка гостя Афанасия Олисова

1704 году октября в 17 день по указу в. г. [т.] и по грамоте из Монастырского приказу в Нижнем Новгороде в приказе монастырских дел перед стольником перед Гаврилом Андреевичем Суворовым гость Афанасий Олисов сказал:

В 701-м и в 702-м годах сколько было у меня торговых промыслов и с тех промыслов сколько в моем году пошлин плачено, того я в скорбех и в безпамятстве своем и в старости сказат не упомяну, а явно о том тех годов в нижегородских таможенных книгах. А в пожитке вотчин у меня в Нижнем Новгороде на торгу в разных рядах и на гостине дворе четыре лавки, да в старом рыбном запустелом ряду лавочное пустое место, и с того пустого места найму ничего не емлю, а оброку я плачу в казну в. г. лет с пятьдесят на год по шестнадцати алтын. Да на нижнем посаде два анбара да дворовое и лавочное пустые места, и тех пустых мест никто у меня не наймует, и найму я ничего с них не емлю, а с вышеписанных лавок и анбаров збирается наймов по сороку по четыре рубли с полтиною на год и меньши, а оброку в. г. плачу в Нижнем Новгороде в земскую избу по два рубли по пятнадцати алтын по пяти денег на год. А после пожарных разорений те лавки и анбары я вновь строил по многое время и теми наемными деньгами того нового строения и оброчных денег я не окупил и по се время. А в вышеписанной лавке, что на гостине дворе, сидит от меня сиделец, и в той лавке астраханских товаров у меня по цене на семьдесят рублей. Да у меня ж четыре

пожни, а с тех пожен сено у меня изходит на мой домовый скотской корм, а оброку в казну в. г. с тех пожен плачу я в Нижнем в земскую избу по два рубли и по два алтына по пяти денег на год. Да на Москве у меня дикова стручкового перцу по астраханской цене на шестьдесят на три рубли на одиннадцать алтын. Да в нынешнем 704-м году в Ярославле остальные пшеницы и ячменю по цене на четыреста на одиннадцать рублей. А в долгах взять мне по кабалам денег с пятсот з двенадцать рублей, а из того числа кон должники от пожаров и от потопов разорились, и на них будет ли мне что тех долгов взять, про то бог весть. А ныне я при конечной старости и в скорби своей и тех долговых денег, что на ком возьмется, и я те деньги после смерти своей приказываю роздат по церквам и нищим на поминование души своей, а которые прежних лет были долги, и те люди померли, и я те деньги в поминование душ их из своих пожитков роздал нищим.

А за торговым промыслом денег и золотых, и ефимков, и золотые посуды, и закладного ничего у меня нет. А в дому моем серебряные посуды три чарки серебряные, весу в них тридцать пять золотников.

А в прошлых годах, как на Москве у гостей был оклад, и прежние оклатчики-гости, не применясь к окладам моей братьи к гостям, заочно без меня положили меня в большой оклад — во всякой побор по сту по тридцети рублей, а тех поборов бывает в году по два побора и больше и по тому их большому окладу платил я на Москве и в Нижнем многие десятые деньги и в корабельное строение и в ыные расходы и в струговое строение и до Шлюсенбурха под воинские припасы по два года нанимал я на Москве подводы и с того прежнего большого окладу от многова правежю те деньги платил я через мочь свою.

А в прошлом 701-м году в Нижнем Новгороде был великий пожар, двор мой и з деревянными хоромами, и с анбары, и мыльня поварня; и в тех анбарах и в поварне был у меня всякой товар и хлеб, и соль, и хмель, и иные товары, и домовая всякая рухель, и платье, и струговые всякие заводы и припасы, и всякое домовое строение все згорело, и от того пожару и от прежнего большого окладу, от податей и ото всяких ыных многих убытков я ныне в недостатке.

А будет я сказал неправду или что утаил, и за тое мою утайку указал бы в. г. взять двор мой и животы на себя в. г.

К сей скаске Афанасей Олисов руку предложил.

Там же, в. 221, д. 9, лл. 20—20 об.

Сказка казанца гостинной сотни Алексея Крюкова

1704-го июня в 25 день в приказной палате гостинные сотни Алексей Петров — сын Крюков сказал... [далее следует общее место для всех казанских сказок — изложение указа 1 февраля 1704 г.]. И у меня, Алексея, в 701-м и 702-м годах на Москве и в ыных городах в покупке и в явке, и в продаже, и в отпусках торговых промыслов не было. У меня, Алексея, в торгу в Казани было з дворовыми своими людьми персицких товаров в 701-м году в лавке у меня, Алексея, на сто на десять рублей, а в другой лавке у человека моево в завязошном ряду на тридцать рублей, в третьей лавке в пушном ряду на семьдесят рублей; всего на двести на десять рублей. А в 701-м году в торгу у меня, Алексея, в Казани з дворовыми своими людьми персицких товаров в лавке у меня, Алексея, было на полтора ста рублей, в другой лавке у человека моево в завязошном ряду на пятьдесят рублей, в третьей лавке в пушном ряду на сто рублей, — всего на триста рублей. А товар покупаю в Казани, а сию, я, Алексей, и с людьми своими в государевых оброчных лавках, а плачу в его, в. г. казну оброку с тех лавок по семи рублей по десети алтын на год.

У меня ж, Алексея, в татарском большом ряду две лавки, оброку с них плачу в. г. в казну по рублю по двенадцать алтын по четыре денги на год, а себе емлю с тех же лавок сверх оброку найму по рублю по дватцети алтын по че-

тыре денги на год. Да в том же ряду у меня три лавки, да лавка в мясном ряду, от пожарного времени з 202-го году стоят впусе, а оброку с тех лавок плачу в. г. в язну по рублю по семнатцети алтын на год. А в долгах денег, золотых и ефимков ничего и кабального и бескабального моих, Алексеевых, и на мене, Алексее, кабальных и бескабальных долгов нет. А за торговым промыслом денег золотых, ефимков и золотые посуды у меня нет, а серебра в посуде сто восемьдесят пять золотников, да домовых всяких пожитков по сто рублей.

А буде, я, Алексей, в сей скаске что сказал ложно или в торговых промыслах и во всяких пожитках что утаил, и за то-б указал бы в. г. взять у меня, Алексея, двор и животы и всякие торговые промыслы на себя, в. г., бесповоротно.

К сей скаске Алексей Крюков руку приложил.

Там же, в. 222, д. 109, лл. 11—12 об.

Сказка свияженина гостиной сотни Сергея Антипина

1704 году июня в 28 день по указу в. г. [т.] и по грамоте, какова прислана из Монастырского приказа, в Свияжском приказе перед стольником и воеводою Иваном Андреевичем Шепотевым гостиной сотни Сергей Антипин по святой евангельской заповеди господни сказал:

В прошлом 702-м году и в нынешнем 704-м году торгов у меня, Сергея, и промыслов никаких в отъезде и в лавках за товарами в Свияжску и в иных городах за скудостию моею и за разорением нет. В прошлом 701-м году воры кубанцы под Царицынскую заставою в моровое астраханское поветрие разорили меня без остатку, пограбля товару и денег на стругу взяли на четьреста на девяносто рублей, и от того оскудал и одолжал, свободного моего торгового пожитку нет.

А в прошлом 701-м году займывал я у свияженина Александра Михайлова сына Матюнина шездесят пять рублей, и на те деньги купили мне в Астрахани сто пять кумачей, и те кумачи продал я в Свияжску в том же году, взял за них всемдесят четьре рубли. И с той продажи платил в твою государеву казну пошлин четьре рубли пять алтын четьре деньги. А заемные деньги в том же году ему, Александру, платил. Да в том же 701-м году ис тех прибыльных денег платил в твою государеву казну в корабельное строение с своею братьею двенатцеть рублей. Да в том же 701-м году послано было ко мне из Астрахани, недля продажи, ради домовые нужи, Иван Михайлов сын Воронин шездесят один собол, и по таможенным книгам с Москвы из ратуши велено у меня те соболи взять в твою государеву казну, и у меня те соболи взяты и посланы к Москве в ратушу.

Да в прошлом же 703-м году займывал я свияженина у Ивановской жены Болтина у вдовы Овдотьи Родионовы сто рублей, и на те деньги купил я в Казани вялые сухие низовые рыбы судаков и посылал я тое рыбу на Вятку и с той продажи на Вятку и с явленных в Казани пошлину твою государву платил в том же 703-м году. И те заемные деньги, приехав с Вятки, ей, Овдотье Родионове, платил.

А для прокормления себя я, Сергей, держу мельницу из оброку в Свияжском уезде на реке Анише на два постава, а оброку с нее в государеву казну плачу по шти рублей по четьре алтына на год. А с той мельницы приходитца мне в год по сороку по пяти рублей, да хлеба, лопатшной муки пятнадцат четьртей. Да ис тех помолных денег даю в год мельнику и засыпке шесть рублей на год; да на сало и на деготь по шестнатцать алтын четьре денги; да в поделку вешнюю исходит по сороку алтын. Да ис тех же денег плачу в государеву казну с пустых четьрех лавок дедовских оброчных денег по рублю по тринацети алтын по две денги на год. А в тех лавках моих сидельцев нет, и в наем с товары никто не наймывают и не сидят, плачу с пуста.

А пожитку моему в доме моем серебряные две чарки весом двадцеть восемь золотников, да оловяные и медные посуды и всякого домового пожитку и с теми двумя чарками на тридцать три рубля.

А ныне у меня, Сергея, за скудостью моею и за разорением и за скорбею моею торгов и промыслов у меня, Сергея, нет, а золотых и ефимков у меня, Сергея, нет же.

А буде я, Сергей, в сей скаске...

К сей скаске Сергей Антипин руку приложил.

Там же, в. 222, д. 105, лл. 3 об.— 4.

Сказка казанца гостинной сотни Викулы Котова

1704-го июня в 24 день в приказной палате гостинные сотни Викула Сергеев сын Котов сказал... [далее излагается содержание указа 1 февраля 1704 г.]. И у меня Викулы Котова в прошлом 701—702-м и в 703-м и в нынешнем 704-м годах в привозе и в явке, и в отпусках в Казани и в иных городах никаких товаров не было, потому: в прошлых годах разорения от воровских людей да в прошлом 205-м году в пожарное время дворишко мое и всякие пожитки згорели, и от того я оскудал. А в Казани за мною лавок в рядах две лавки в щепетильном ряду да в сырейном ряду четыре лавки, в том числе одна перегорожена надвое, да лавка в сапожном ряду, да три лавки в мясном ряду на одном бруску. И с тех своих лавок в казну в г. оброку плачу по пяти рублей по двенадцать алтын по четыре денги на год. Да в лавочных же оброчных книгах переписных написано на мое имя порозжее анбарное место, и тем местом я не владею, и впредь мне то место не надобно, а найму с тех вышеописанных лавок сходитца мне, Викуле, по двадцати рублей по десяти алтын по четыре денги на год; в коих годах те лавки бывают не все в отдаче в наймы, и в тех годах с тех лавок найму приходится меньше того. А ис тех лавочных наймов денег исходит на строение тех лавок, на полки в мясном ряду и на всякие лавочные починки по три рубля с молтиною в год, да ис тех же лавочных денег плачу я по окладу на Москве-десятые деньги в приказ военных дел по три рубля на год, да в корабельную палату по три ж рубля да в Казани по рублю по шти алтына по четыре денги, да в Казани-же з двора своего плачу сошных денег по рублю по тринадцати алтын по две денги на год. И всего ис тех лавочных наймов денег исходит в год на те вышеописанные дачи по двенадцати рублей по три алтына по две денги.

Да теми же лавочных наймов депгами ныне я промышляю скудным соляным промыслишком, покупаю привозную соль в Казани и продаю врознь в Казани ж, а в том моем соляном промыслишке тех лавочных наймов денег четыре рубли. И что у той соляной продажи и у лавочных наймов за теми вышеописанными расходы придет, тем и кормлюсь. И за тем промыслом денег золотых и ефимков: серебряной и золотой посуды и закладного и бескабальных долгов ни на ком нет, только у меня серебряные две чарки, весу двадцать четыре золотника; да медные и оловянные домовые посуды и всякого домашнего пожитку и с тою посудю по цене на тридцать на два рубли. Да мне-ж доведетца взять старого кабального долгу недоплатных денег казанского митрополита на домовых ево села Ягодного крестьянх на Якове да на Дорофее Григорьевых детях да на Афанасье Васильевне сыне Горшковых сорок восемь рублей двадцать пять алтын.

А буде, я, Викула, что сказал ложно...

К сей скаске Викула Котов руку приложил.

Там же, в. 222, д. 109, лл. 13 об.— 14.

ЗАПИСКИ АЙРМАННА О ПРИБАЛТИКЕ И МОСКОВИИ

1666—1670 гг.

Рукопись Айрманна о его путешествии в Прибалтику и Россию, относящаяся к 1666—1670 гг., до последнего времени оставалась совершенно неизвестной. Вместе с другими бумагами семейства Айрманна она хранилась в Прусской государственной библиотеке в Берлине (Ms. Germ. Fol. 1031), под названием «Айрманновские фамильные бумаги». Материалы эти впервые обработаны Куртом Шрейнертом и с его вводной статьей в части, относящейся к Прибалтике и России, изданы на немецком языке в трудах Тартуского университета¹.

Ряд бумаг Айрманновского архива позволил издателю выяснить биографические данные об авторе записок и его семье; дополнительные справки в шведских и германских архивах более подробных материалов не дали. Приводим вкратце наиболее нас интересующие сведения об Айрманне.

Автор записок Ганс-Мориц Айрманн (Augmann) родился в Нюрнберге в 1641 г. Отец его Георг Айрманн был крупным лейпцигским негоциантом, оказывавшим своим большим состоянием деятельную помощь ряду германских князей; в 1623 г. ему было пожаловано дворянское достоинство. Во время Тридцатилетней войны он примкнул к шведскому королю Густаву-Адольфу и получил ранг генерал-провиантмейстера и ротмистра. В 1639 г. он переехал в Нюрнберг, где был членом Великого совета. Скончался он около 1650 г.

Ганс-Мориц (автор записок) был третьим ребенком от второго брака. Он получил хорошее домашнее воспитание; с 1652 г. посещал школу в Кобурге, в 1657 г. перешел в гимназию; в 1662 г. поступил в университет в Иене, где изучал богословие. В 1664 г. он вступил в полк Фридриха фон Вольфрамсдорфа, чтобы сражаться против турок, но, повидимому, дело до этого не дошло, и он покинул военную службу в поисках иной карьеры. Он побывал в Австрии, Богемии, Моравии и, вероятно, в 1666 г. устроился, наконец, на шведской государственной службе, чему, очевидно, способствовали прежние заслуги его отца.

В 1666 г. Айрманн морем отправился в Ревель (Таллин), где пробыл около года, затем побывал в Риге и попал в Копенгаген. В ок-

¹ Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis), Humaniora, vol. XL, Tartu, 1937. Размер опубликованной части записок — около 3 печатных листов (стр. 17—61). Публикация сопровождается репродукцией одной из страниц рукописи Айрманна.

тябре 1667 г. он снова отправился морем в Ригу, но сильные бури затянули путешествие на семь недель. Из Риги он сушей перебрался в Нарву, оттуда в июле 1668 г. отплыл на английском судне в Голландию, но уже в конце сентября вернулся на голландском судне в Ревель, откуда в ноябре через Або проехал в Стокгольм. Весной 1669 г. Айрманн побывал в Померании и летом 1669 г. вернулся в Стокгольм.

В августе 1669 г. началось его наиболее продолжительное, интересующее нас путешествие. В составе свиты графа Христиана Горна он проехал в Ригу и оттуда — на сейм в Варшаву к выборам короля. Одним из кандидатов на польский престол был выставлен московский царевич Алексей Алексеевич. По другим сведениям, свои претензии на польскую корону заявил и сам царь Алексей Михайлович. Русские кандидатуры успеха не имели, и, повидимому, не без поддержки Швеции избранным оказался князь Михаил Вишневецкий. Шведскому правительству надо было дипломатическим путем восстановить хорошие отношения с царем Алексеем Михайловичем, разгневанным неудачей, и в Москву с большой поспешностью направлено было посольство во главе с графом Христианом Горном. Айрманн с радостью примкнул к посольству, между тем как его другие товарищи всячески, и даже за деньги, старались отделаться от этого поручения.

Посольство пробыло в Москве около трех месяцев и в феврале 1670 г. отправилось в обратный путь через Новгород и далее санным путем через Финляндию в Стокгольм. Путешествие длилось шесть недель, путники болели лихорадкой и чесоткой; восемь членов посольства, а также посланник граф Горн не выдержали тягот пути и умерли, не доехав до родины. Сам Айрманн долгое время не мог оправиться от последствий тяжелой дороги.

В феврале 1671 г. он вновь отправился морем в Амстердам. Кораблекрушение прервало путешествие; Айрманн спасся, ухватившись за доску. После этого он вернулся на родину в Нюрнберг, где тяжкая болезнь обрекла его на полгода неподвижного образа жизни. Очевидно, за это время и были составлены его записки.

Дальнейшая судьба Айрманна мало освещена. В 1686 г. он женился и поселился в Лейпциге, получил интендантскую должность при саксонской армии и скончался в 1710 г. в г. Торгау.

Сын его Христофор-Фридрих (1704—1744) избрал более спокойную научную карьеру и состоял профессором истории в Гиссене. Повидимому, с его деятельностью и связано то собрание документов, которое в 1885 г. поступило в Берлинскую библиотеку.

Записки Айрманна не являлись связным повествованием, предназначенным для опубликования. Излагая пережитое, он лишь намеревался зафиксировать свои воспоминания, как он пишет, «для себя и для своих дорогих». Неоднократно он ссылается на ограниченность своей памяти, на отсутствие времени и возможности рассказывать. о

всем виденном, отмечает ненужность подробного изложения, в виду наличия изданной литературы о посещенных им странах. Действительно, знаменитое описание Олеария, вышедшее в свет впервые в 1647 г., давало настолько богатые сведения, что Айрманну, проведенному в России всего около трех месяцев, трудно было рассчитывать на соперничество с голштинским путешественником. Для этого у Айрманна не хватало бы и умения, по сравнению с большой ученостью Олеария. Хотя он и обучался в университете, но образованность его проявилась почти исключительно в обильном применении латинских терминов и выражений, по существу искажающих текст. Слог Айрманна довольно тяжел — фразы нанизываются в длинные, плохо согласованные периоды, изложение неровное. Проезжаемый путь характеризуется им относительно кратко; более подробно останавливается он на описаниях городов и городской жизни. Интересующие его факты — преимущественно бытового и анекдотического характера. Последовательность повествования довольно случайна: начиная излагать один факт, он нередко переходит к другому, потом снова возвращается к первому и т. д.; так, например, о русских банях, особенно поразивших его воображение, он рассказывает в трех местах; о сельских занятиях населения повествует в разделе, посвященном Москве, московские впечатления вставлены в разных местах и т. д., и т. п. Действительно, его текст представляет ряд довольно бессистемных воспоминаний, изложенных, очевидно, без каких-нибудь предварительных записей, без определенного плана и последующей обработки.

Служебная сторона деятельности Айрманна мало отразилась на его записках: он ничего не говорит ни о цели, ни о результатах шведской миссии 1669 г., совершенно не касается официальных вопросов и не упоминает конкретных лиц, с которыми приходилось иметь дело. Надо полагать, что его положение в составе шведского посольства в Москву было третьестепенным и к деловой стороне он имел мало касательства. О царе Алексее Михайловиче он говорит только в отношении его внешности, очевидно не имея случая участвовать в какой-либо аудиенции. Можно думать, что посольство графа Горна и не было удостоено приема царем; по крайней мере, никаких сведений об этом посольстве ни в «царских выходах», ни в иных документах нам обнаружить не удалось. Отсутствие каких-либо упоминаний о посольстве Горна в числе других «шведских дел» заставляет предполагать, что посольство существенных последствий не имело. Вообще, отношения России со Швецией, как и внутренние дела русского государства, стоявшего на пороге крестьянской войны под предводительством Степана Разина, оставались вне интересов Айрманна, записки которого заключают преимущественно описания бытового порядка.

Публикация Тартуского университета воспроизводит только тексты, относящиеся к Лифляндии, Курляндии, Польше, Литве и России; первые части довольно кратки. Описывая природу Прибалтики, Айрманн особенно останавливается на рыболовстве. О Риге он пишет немного,

неодобрительно отзываясь о чрезмерной внешней «светскости» и любви к нарядам ее обитателей. Более пространное описание посвящает он Ревелю (Таллину), где прожил больше года. Он рассказывает о местных гильдейских установлениях и о своеобразном братстве «черноголовых» — остатке старинной полурыцарской организации, объединявшей неженатых горожан. В обоих случаях отзывается он с возмущением о второстепенном положении ремесленников, которые зачислялись в одну только «малую» гильдию, а в состав «черноголовых» не допускались совершенно. В этом отношении, очевидно, сказалась его природа нюрнбержца, воспитанного на уважении к высоким достижениям ремесленного труда; и в дальнейшем его внимание к предметам декоративного искусства и к внешней красавости может быть объяснено теми же свойствами. Далее он рассказывает о Нарве, преимущественно останавливаясь на описании ее укреплений, и о Дерпте (Тарту), в то время еще не оправившемся от военных действий 1656—1661 гг. и большого пожара 1667 г.; здесь особенно интересно описание сессии коронного суда, происходившей в Тарту в январе каждого года. Во многих городах отмечает он наличие русского населения. Записи о Курляндии, Польше и Литве имеют лишь характер кратких путевых заметок.

Наиболее детальные и пространные записи Айрманна, относящиеся к России. Как указывалось выше, они охватывают период конца 1669 и первой четверти 1670 гг. По времени они близки к запискам Коллинса 1659—1667 гг., Стрюйса — 1668—1670 гг., Рейтенфельса — 1671—1673 гг.; Кильбургера — 1674 г., ван Кленка — 1675 г., но, конечно, не могут быть сопоставлены по полноте с этими значительными и более проработанными сочинениями, являвшимися либо официальными отчетами, либо предназначенными для печати. Можно отметить, что Айрманн касается ряда вопросов, затронутых также и у Рейтенфельса; возможно, что их сведения были основаны на общих источниках.

Записки Айрманна представляют известный интерес, как непритязательное изложение непосредственных впечатлений иностранца о России XVII в. Автор не стремится дать полного описания страны, а воспроизводит на досуге и для собственного удовольствия то, что больше всего привлекло его внимание, поэтому наиболее интересными остаются те разделы его повествования, которые относятся к его личным впечатлениям. Его описания сельского хозяйства, жизни и обычаев крестьян довольно отрывочны, что вполне оправдывается поспешностью его путешествия, совершавшегося к тому же зимой. Хотя, очевидно, он не мог быть свидетелем полевых работ и писал о них с чужих слов, тем не менее сообщаемые им сведения о подсечной системе подготовки пахотной земли, о сельских промыслах, о печальных условиях быта подневольного крестьянства пополняют имевшиеся до сих пор сведения.

О тяжком положении закрепощенных крестьян как в Московии, так и в Прибалтийских странах, он пишет в нескольких местах, про-

являя несомненное сочувствие к их печальной судьбе. Отмечая некультурность и убогость условий жизни русских крестьян, Айрманн в то же время воздаст должное их упорству в труде и их изобретательности в использовании даров природы. Особенно поразило его умение русских крестьян извлекать из растений и корней «самые красивые краски». Способы замораживания рыбы и сохранения ее в свежем виде в продолжение нескольких месяцев описываются самым детальным образом. Так же подробно останавливается он на способах варки пива и приготовления других напитков; вообще, нельзя не отметить, что темы, связанные с вопросами питания, трактуются им особенно обстоятельно.

С упоением рассказывает он об устройстве русских бань и о связанных с ними обычаях; применение веника заставляет его вспомнить о тех скребках, которыми пользуются его соотечественники для удаления грязи со своего тела,—оказалось, что русские люди в таких энергичных мерах надобности не испытывали.

Москву Айрманн описывает относительно подробно. Надо отдать должное его наблюдательности, благодаря которой он метко установил характерные черты застройки кварталов по внешнему периметру, с оставлением внутренних пространств под дворы. Кремль обрисован им довольно сбивчиво, и, что всего поразительнее, он придает ему фантастический термин «стерлиц», очевидно, переименованный из обозначения не то «стрельниц», не то «стрельцов». О церквях Айрманн говорит немного, но, как истый нюрнбержец, отмечает качество колоколов и их перезвоны, вспоминая также и о других произведениях литейного производства.

На московском торгу его пленила экзотическая картина полуазиятского базара с красочной роскошью восточных товаров. Любопытно его упоминание о торговцах-китайцах, которые в это время представляли необычайное явление на московском торгу, если вспомнить, что китайское правительство крайне неохотно давало своим подданным разрешение на выезд в другие страны.

Относительно нравственных свойств русских людей оценка Айрманна не отличается от отзывов других его соплеменников, в первую очередь отмечавших дурные и порочные стороны, очевидно, тех категорий людей, с которыми им более всего приходилось иметь дело. Собщая по этому поводу о превратной судьбе и горестной кончине самозванца Тимошки Анкудинова, Айрманн безжалостно искажает все события, заставляя Тимошку выдавать себя за истинного царя Алексея. Описывая казнь Анкудинова, последовавшую в 1654 г., Айрманн рассказывает об употреблении раскаленного железного трона, на котором якобы изжарили злополучного самозванца и который будто бы демонстрировался в вышеупомянутом «стерлице». В действительности же Анкудинов выдавал себя за царевича Ивана, внука царя Василия Шуйского; кончил он свою жизнь, будучи четвертован, а не на раскаленном троне.

Искажает Айрманн и имя одного из участников поимки Анкудинова — любекского купца Иогана фон Горн, называя его фон-Гурен и приписывая пожалование ему от царя звания князя, а не гостя, как то было в действительности. Здесь любопытен факт, насколько исказились за 15 лет сведения о довольно крупном политическом событии¹.

Из других русских городов Айрманн упоминает лишь о Новгороде и Пскове и о Печерском монастыре. Но эти описания почти исключительно касаются внушительных оборонительных сооружений этих мест и настолько сжаты, что ничего нового не дают.

Айрманн слишком недолго побыл в России, чтобы дать серьезное описание жизни ее обитателей. Ряд его сообщений основан на дошедших до него слухах и на рассказах третьих лиц. Поэтому далеко не все даваемые им сведения могут послужить для дальнейших обобщений. Отметим, например, его настойчивые указания на исключительное распространение подсечной системы сельского хозяйства, на отсутствие умения унавоживать пашню, тогда как исторические материалы XVI и XVII вв. с полной достоверностью говорят о повсеместном преобладании трехполья, о широком распространении удобрения земли навозом и т. п.² По характерным чертам описываемых Айрманном сельских районов можно считать, что его сообщения относятся преимущественно к северо-западным областям страны, к обильным водой местностям Полесья, Озерного края и Карелии, по которым пролегал маршрут его путешествия. На некоторую поспешность обобщений, свойственную иностранцам, писавшим о России, указал Ю. В. Готье в отношении записок Коллинса по схожим вопросам. Не менее критической оценке подлежат и записи Айрманна.

При переводе текста на русский язык мы старались соблюсти речевые особенности слога Айрманна; местами, однако, приходилось изменять структуру предложений, затруднявшую их понимание. Латинские слова мы не выделяли, в отдельных случаях заменяя их подходящими выражениями, принятыми в русском языке: отдельные, необходимые для понимания вставки заключены в прямые скобки.

Н. Р. Левинсон

ЛИВОНΙΑ, ИЛИ ЛИФЛЯНДИЯ

Эту страну я поистине мог бы назвать полуостровом, ибо, как я наблюдал от Риги вплоть до Нарвы, таковая обтекается по нашу сторону Балтийским морем, а по направлению к Московии — твердая

¹ ДАИ, т. III, стр. 261 сл., т. IV, стр. 212 сл.; Г. Форстен. Сношения Швеции и России во второй половине XVII в., Журн. мин. нар. просв. 1898, февраль, стр. 224, 228; Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса, Чт. ОИДР, 1915, кн. II, стр. 71—76, 78 и др.

² Н. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси, М., 1899, стр. 110 и др.; Ю. Готье. Замосковский край в XVII в., М., 1937, стр. 298 и др.

земля, и я до самого города Москвы не был задержан никаким морем. Эта страна — совершенно ровная земля, покрытая большими лесами, а среди них большие и обширные болота и реки; ее изо дня в день все тщательнее обрабатывают, и на многих местах устроены большие поля; по сравнению с другими странами, она много производит зерна, которое ежегодно в больших количествах вывозится в далекие страны, вследствие чего вся страна может получать большую выгоду и некоторые [люди] наживают хорошие состояния. Там есть хорошее скотоводство и, по свойству отдельных мест, — отличные пастбища для скота. У них есть много овец, коз, свиней и крупного скота. Из диких зверей, служащих пищей человеку, имеется много зайцев, также — косули и дикие козы, но нет оленей; также имеются лоси и множество птицы, как тетерева, тетерки, глухари, дикие утки и гуси (которых во множестве стреляют на больших озерах), равно и лебеди и еще другие породы птиц, у нас малоизвестные. Мелких птиц, как жаворонков или скворцов или дроздов и т. п., они не считают заслуживающими ловли, и если бы они и были зажарены, то они остерегались бы есть их. Это множество птиц в известное время столь дешево, что я их мог покупать по более низкой цене, чем другое мясо, а местные жители так ими до пресыщения обжираются, что охотнее едят кусок солонины или копченой колбасы, или ветчины, нежели жареного тетерева или глухаря.

Что касается диких зверей, созданных во вред человеку, то их в стране тоже множество: например, медведей больших и малых, с которыми крестьяне ведут вечную, без перемирия, войну и которых должны постоянно остерегаться; волков также очень много, так что зимой их можно увидеть по 10 или 20 сразу, и они наносят большой вред людям и скоту. Рысей там тоже много ловят, их шкура составляет там обычную подкладку. Еще много есть лисиц, диких кошек, горноста и всякого тому подобного. Из птиц, причиняющих земледельцу большой убыток, я сам видел подстреленными таких больших хищных птиц, что у них было сил унести гуся, тем более — курицу, да и маленьких ягнят, и так как в этой стране как путешествующим иностранцам, так и местным жителям разрешается стрелять всякую вредную и полезную птицу и других зверей, то эта нечисть много убивается и истребляется, и нет ни одного крестьянина, который не был бы хорошим стрелком; и даже когда они отправляются в лес на работы, то у них постоянно при себе их заряженное ружье, которое им разрешается и допускается иметь вследствие опасности от диких зверей. У них также всегда подвешен на поясе вместе с ножом маленький топорик, который они так уверенно умеют метать, что на 30 или более шагов кидают его в цель величиной в ладонь и не часто дают промах; и топор всегда так отточен, как нож, который они тоже носят на боку для защиты от медведей и волков и ничего им не работают.

В рыбной ловле в этой Лифляндии также нет недостатка: близ Ревеля ловятся великолепные и обильные лососи, притом совсем без

труда и, так сказать, сами собой улавливаются в устроенных для этого приспособлениях. В море и также в Двине ловятся в чрезвычайно большом количестве маленькие рыбки, около одной или полуторы четвертей длиной, называемые «штермлинги» [кильки — *Н. Л.*], которыми никак нельзя пресытиться, ибо их можно на все лады парить, варить, жарить, а также сушить или солить и вкушать через годы, что является хорошим подспорьем и питанием для бедного крестьянина, так как когда я закупал их на 3 или 4 пфеннига на наши деньги, то я имел хорошее блюдо. Их можно просто отварить с солью, и они все-таки вкусны. Их они ловят в большом множестве, вследствие чего они сложили рифмованную поговорку:

Если б для нас штермлинги не нарождались,
То мы, шведы, бы пропали,
Вся добыча — для нас.

У Дерпта в Лифляндии, в протекающей под городом речке, называемой Эмпек¹, вытекающей из Пейпуса² (это большое озеро в Московии, длиной в 20 миль и шириной в 18), они в течение всего года и всех месяцев ловят свою особую рыбу и поэтому имеют там хорошее питание. Особенно в начале весны, в марте или апреле, когда зима покидает эти места, доставляет большое удовольствие смотреть (ибо в других странах это не бывает лучше), как в указанной речке близ самого города начинается рыбная ловля (*Приписка:* ловли тянутся вверх по реке на 8 или 10 миль, так как протяженность вод препятствует выбрасывать сети еще далее; да это и ненужно, так как рыба стремится из соленой воды в пресную и более ограниченную); часто, если счастье захочет, они в один прием вылавливают 30, 40, 50 прекраснейших и крупнейших щук или других известных и полезных местных рыб. Есть там особенно хорошая рыба, которую они называют язем.

Тогда отправляются туда хорошие друзья, парни, девушки, мужчины и женщины, или плывут по воде, и затем один за другим на счастье или на здоровье забрасывают сети (причем обычно надо отдать за такой заброс пол-, или если сеть очень велика, то и целый рейхсталер). Окажется счастье хорошим, то часто награждаешься за талер 6- или 8-кратно, а если нет, то нередко получишь очень мало или ничего; тут мужчины или даже парни должны для своих лифляндских девиц, которым хотят оказаться приятными, разомкнуть свою щедрую руку и дать им забрасывать сети столько раз, пока чего не уловят; тут они сразу набрасываются, вскрывают их, заранее готовят бочки и часть [рыбы] засаливают, а часть забирают для высушивания и вяления. И пока так развлекаются, то женки тоже не бездельничают и вытаскивают из принесенных корзин свои холодные

¹ Эмбах.

² Чудское озеро.

пироги; тогда располагаются в заранее приготовленных палатках или шалашах и потребляют, что бог дал, также можно при этом по желанию получить свежей рыбы. Тут уж надо привозить на рыбную ловлю с собой в погребцах испанского вина, рейнской водки и тому подобного для того, чтобы согреть остывшие желудки и чтобы не случилось бы никому какого повреждения при этих домоводческих работах и больших трудах, о которых впоследствии муж вынужден выслушивать от своей жены в течение года, как только он будет есть эту рыбу. «Да, говорят они, если бы я в прошлом году не выехала на рыбную ловлю, то что бы у нас было теперь для еды? Поэтому, мой милый муж, когда заблаговременно и умно всего заготовишь, то имеешь все, что надобно».

Независимо от того, что при такой рыболовной поездке в 4 раза более сожрано и выпито, и участвовавшие парни на обратном пути хорошенько наставляли мужу рога и несколько дней угощались за уплаченные при ловле деньги, муж должен все это одобрить, за это благодарить и признать это хозяйственной предусмотрительностью или тщательным домоводством; остальное указано в тексте.

Столько о рыбах. В раках здесь тоже нет недостатка, и в этих водах имеются вкусные и крупные раки. В общем эта Лифляндия — настоящая «обжорная страна» (Fressland), и если бы даже пришлось ходить с босыми ногами, то иной согласился бы это стерпеть, лишь бы не лишать чего-либо своего желудка и переносить голод, об этом много можно бы рассказать, чего я теперь не собираюсь делать.

Главнейшие места этой страны следующие:

РИГА

Это столица Лифляндии, широко известный морской и торговый город, куда из всяких мест, расположенных близ и при Балтийском море, а также из Голландии, Франции, Испании, Англии, Португалии прибывают корабли¹; с одной стороны его протекает Двина (которая является довольно широкой рекой, возникающей в Московии), впадает в двух милях от Риги в море, и там расположено укрепление, очень сильное, где все корабли при выезде и въезде должны уплачивать свои пошлины; называется Дюнамюнде², и при нем блокгауз.

Этот город имеет прекрасный вал, и ров с водой, и отличные бастионы, но стены в настоящее время мало полезны для фортификации города, за исключением того, что на стене имеется страшная башня, расположенная в сторону суши, которая может подвергнуть обстрелу [пространство] вокруг всего города, особенно там, где можно приближаться к нему с суши; и действительно, она могущественно помогала городу в последней Московитской войне³, тем более, что до сих пор

¹ В 1669 г. Ригу посетили 264 корабля.

² Даугавгрива, Усть-Двинск.

³ Осада Риги в 1656 г. Описана существующая Песочная, или Пороховая, башня, высотой 28 м, диаметром 15 м; построена в конце XV — начале XVI вв.

заметно, какими огромными ядрами неприятель обстреливал эту башню и намеревался ее разрушить; но все было тщетно, и он не причинил ей вреда; с этой башни можно наступать далеко в поле, что русские, вероятно, хорошо испытали.

Сам по себе город внутри украшен красивыми сплошь построенными из камня домами, включая 4 церкви, и некогда имел на главной церкви красивую башню. Таковая 7 лет тому назад точно расселась пополам, свалилась и вместе с собою разрушила полцеркви, без больших человеческих жертв, все же 3 человека были убиты, и в мое время ее начали воздвигать вновь¹.

Там есть прекрасный рынок, где стоит ратуша и еще другие благоустроенные дома, также и большая гильдейская палата. Около города и внутри вала расположен замок, сам по себе не укрепленный, но защищаемый городским валом. По одну сторону города и замка протекает Двина, и еще есть вал впереди города. В замке постоянно резидирует генерал-губернатор; так в мое время этот пост обслуживал его превосходительство мой милостивый господин граф Тотт; кроме того, есть еще губернатор для управления солдатней и страной, каковым в мое время служил шведский полковник Форстер. Но вследствие того, что королем Швеции Густавом Адольфом этот город был захвачен мечом и сделан собственностью, а до того издавна был польским, то до сих пор находишь на улицах сильную королевскую стражу как днем, так и ночью, и там еще ощущается сильная склонность к полякам, поскольку обитатели не отменяют большинства церемоний, танцев и тому подобных польских обычаев и там скрыт, хотя и втихомолку, весьма польский уклад.

Жители города из всех других лифляндцев весьма приветливо относятся к иноземцам и воздают каждому по достоинству большим уважением, но за это тоже охотно ждут ответных почестей и много уделяют внимания светскости и церемониальности. Особенно роскошествуют они в одежде и любят, чтобы тот, кто желает жить с ними в общении, также был хорошо облачен и не ходил бы обтрепанным. Если поступаешь против этого, то теряешь всякий респект и будешь мало или совсем не уважаемым; ибо они делают без всяких проверок вывод, что плохо одетый малый является пропойцей и не имеющим значения.

Более чем следует позволяют они своим женам и девицам бездельничать и заниматься светскостью (что там очень развито среди женщин), так что в летнее время до и после еды они презентуют себя и стоят перед дверьми, и когда с утра побывали в церкви, то говорят: «Сегодня, мой милый муж, надо нам немного поехать гулять», — и это желание общее среди них. То одна посещает другую, и это так

¹ Церковь св. Петра строилась в 1408—1491 гг.; башня обрушилась в 1666 г., причем было убито 8 человек. Восстановили ее к 1690 г. Айрманн неправильно называет церковь св. Петра «главной», так как первое место принадлежит соборной церкви, (Domkirche), начатой сооружением в XIII в.

продолжается изо дня в день. Зимой они прилежно пользуются санями для катанья по Рингу. (*Приписка.* В Риге надо отметить такое потешное: когда даже среди лета, а еще более осенью или в весеннее время, немного пройдет дождь и только лишь намокнут камни, то старые матроны или дети, а иногда и взрослые бабенки заставляют тащить себя из церкви или еще за город на запряженных лошадей санях, снабженных внизу большими и широкими полозьями, и чрезвычайно этим чванятся. Потому и говорится: по стране и обычаи.) Тамошние мужчины привыкли или приучаются женами, что они скорее сами под плащом принесут домой рыбу или что-нибудь подобное, чем утрудят свою супругу выйти за дверь и что-либо закупить, а тем менее отправиться на рынок, что было бы для почтенной дамы или девицы высшим позором.

Вокруг этого города приятно гулять, и есть прекрасные прежние и вновь устроенные сады. Там есть большой пригород, который они называют «Хакельверк» [укрепление], где живут многие ремесленники, а на окраине расположен Русский двор, где пребывают все торгующие там русские и продают свои товары. И этот пригород почти весь окружен палисадами и небольшим рвом, имеет порядочные ворота, где постоянно стоит стража. Еще более можно было бы об этом вспомнить, но из-за краткости ограничусь этим.

И надо отметить, что Лифляндия имеет три главных района или округа, среди них Рижский — главнейший, и эта местность, расположенная в сторону Курляндии и Литвы, отделяемая Двиной, называется Латвией. Этот язык почти подобен литовскому, и они могут друг друга понимать; в каковом округе еще расположен городок.

ВОЛЬМАР

Таковой расположен в 24 милях от Риги по пути, которым едут в Дерпт, находится на открытом поле; там есть порядочная крепость, и он может в случае нужды хорошо обороняться, имеет вокруг себя вал и ров, и по-крепостному хорошо устроен; есть в нем замок, а по прочим строениям это незначительное место, так как часто и много выгорал дотла.

РЕВЕЛЬ

Таковой после Рижского второй округ Лифляндии и называется Эстляндией; эстонский язык несколько сходится с финским, и они друг друга могут хорошо понимать. Этот город не меньше Риги, а по фортификации еще почти превосходит город Ригу, поскольку Ревель имеет не только великолепный вал и мощные бастионы, но также и глубокий ров, в котором местами вода, а местами он сухой; за валом передовые укрепления и затем городовая стена, идущая вокруг города, и очень много башен, встроенных в стену совсем близко, на расстоянии около броска камнем друг от друга. Он очень приятен с виду и еще пользуется славой быть девственным (то есть, пока он существует, не был врагами покорен и взят), вследствие чего на их городском гербе, ко-

торый у них высечен в камне над воротами и в других местах, они изображают деву с распущенными волосами и с венком на голове,— по происхождению основан и обстроен королем Дании. И когда много лет тому назад Москвитянин однажды жестоко осаждал и держал этот город под угрозой в течение двух или более лет¹ (*Приписка:* в память этой пережитой жестокой осады ежегодно в день отступления русских там торжественно справляется благодарственное и радостное празднество), и они из-за этой длительности почти претерпели беду, то они более не захотели признавать датского короля, который конспирировал с русскими, а решили на этот раз просить короля Швеции о помощи с обещанием впредь принять и признавать его за это своим покровителем, что и было удовлетворено королем, и им по суше и по морю доставлена помощь, вследствие чего и до сего дня Швед признается покровителем города.

Но в общем, однако, он не имеет иной власти в городе, так как совет сам нанимает и оплачивает городских солдат и оберегает ворота; а в замке (который расположен на высоте у самого города и укреплен природой вследствие того, что кругом находятся высокие скалы, на которых утверждён замок) король содержит своих солдат и охрану замка, где и проживает губернатор; там вверху имеется много места, и оно представляется маленьким городком, где расположены жилища, принадлежащие дворянам, проживающим в своих имениях, и там находится все, что более связано с королем².

Там также красивая большая церковь³ с многими эпитафиями, древностями, и висят великолепные праздничные и траурные знамена высоких офицеров, графов и господ, и в ней еженедельно проповедают по-немецки и по-шведски. Из города сразу через ворота, подымаясь в гору, попадаешь в замок; поэтому, когда в городе происходит что-нибудь по юрисдикции совета и связывается с королевскими или замковыми делами, то они обычно производят взаимные судебные передачи в этих воротах, принадлежащих пополам замку и городу.

Чтобы кратко и само по себе описать этот город Ревель: он хорошо украшен красивыми каменными домами, построенными по местным обычаям, и здесь более крепкий строительный камень, чем в Риге. В городе три церкви, из которых стоящая на рынке, называемая «Святого духа»⁴, является немецкой; при ней не приставлен немецкий священник, но еженедельно по понедельникам один [пастор] из большой городской церкви обязан проповедывать по-немецки. Они все красиво сооружены внутри и снаружи, и две наибольшие имеют каждая башню, покрытую медью, как и самые церкви покрыты медью. Неподалеку

¹ Осады города во время Ливонской войны Ивана IV в 1570—1571 и в 1577 гг.

² Аристократическое население Замковой горы имело свое обособленное от общегородского управление и подлежало особой юрисдикции.

³ Соборная церковь основана в начале XIII в.

⁴ Основана в XIV в.

от небольшой приморской пристани внутри города Московиты (состоящие под защитой короля и города и имеющие в городе свои лавки) имеют свои церкви, где они могут действовать по своей вере¹.

А вообще в этом городе, а также в Риге и по всей Лифляндии, существует в общем устройстве и в бюргерстве такой против нас обычай, что у них (против того, как мы в нашей стране знаем о цехах) имеются в каждом городе две гильдии, большая и малая, для чего существуют особые здания², называемые: одно — большой гильдейской палатой, а другое — малой гильдейской палатой. В большой гильдейской палате объединяются все купцы, лавочники и торговцы, как бы ни именовались, также туда принимаются люди ученого звания, которые здесь проживают, сочетались браком или имеют огонь и очаг, вольные художники, как ювелиры, живописцы и т. д., но таковые не так сильно жаждут этой чести вследствие крупных взносов. Но если некто стремится стать бюргером, то, будучи в указанных сословиях, должен он прежде всего хлопотать о приеме членом в эту гильдию и представить истинное подтверждение своего честного рождения и происхождения; если это не может быть сделано, то он не принимается, несмотря на свою честно проводимую торговлю и образ жизни. И если кто все-таки получит право гражданства в городе (например, по благоволению совета или по предписанию короля), но не будет одновременно вписан в гильдию, то его можно назвать покалеченным или едва половинным бюргером, ибо он не может употреблять той пищи, как другие, также не имеет права в больших количествах и не всяких товаров покупать и продавать с кораблей и на корабли, также не может питаться, как другие, пивоварением; в общем он во всем ограничен, о чем много бы рассказать можно было.

И что я здесь рассказал о большой гильдии, то я столь же хорошо могу сказать о малой гильдии, и от большого к меньшему сделать правильные выводы. Эта малая гильдейская палата включает в себя всех ремесленников, как бы они ни назывались, которые кормятся своим ремеслом (причем надо здесь отметить, что в этом месте против нашей страны существует непохвальный обычай, что разделением большой и малой гильдий торговые и иные люди так отгораживаются от своих ремесленников, что состоящий в большой гильдии почти стыдится выходить с кем-либо из малой гильдии, тем менее дружить с ним или покумиться, или еще менее жениться на дочери ремесленника; а если таковое случается, то примеры крайне редки, и во всяком случае приходится потом трудно и требуется много процедур, пока такой будет принят в большую гильдию и вписан в нее), да этих чертовских купцов тщеславие так вознеслось, что там какой-нибудь дрянной пес, способный предложить едва на 3 или 4 талера сельдей или

¹ См. Русские путеводители по Ревелю, например, Н. Р., СПб., 1839, стр. 38 сл., или путеводитель с рис. худ. Шпренгеля, Ревель, 1896, стр. 141 сл.

² В Таллине хорошо сохранилось здание Большой гильдии 1410 г., с характерным щипцовым завершением фасада.

масла, стыдится пройти по открытой улице с честным ремесленником, который имеет и двор и дом, и часто достаточно денег (ибо ремесленники против других людей там весьма преуспевают и могут богатеть) — понятно только мудрецу! Но там, как по привычке это уж так завелось, то каждый приноравливается по-своему поддерживать свое достоинство.

В описанных двух гильдиях имеются судьи или первенствующие, называемые старшинами, к достижению какого звания также требуются свое время и порядок. Когда же в городском совете что-либо должно разрешаться и приниматься, касающееся всего города, то обе гильдии обязательно должны быть привлекаемы на совещание и должны между собой обсудить и согласовать, так как малая зависит от большой гильдии, а та — от совета; и часто случается, что большая гильдия на законном основании возражает совету, и совет вынужден допустить отказ от своего мнения.

Из большой гильдии замещаются и дополняются указанными судьями вакантные места в совете, но никогда — из малой, ибо по обычаю страны ни один ремесленник, как бы умен и понятлив он ни был, не может когда-либо достичь звания, соответствующего бургомистру или советнику. В больших городах обычно бургомистрами бывают два из ученого звания и один или двое — из купеческого сословия.

Все свадьбы указанных сословий справляются в описанных гильдейских палатах, если это только не [браки] выдающихся персон, как духовных, так светских, совершающиеся обычно в частных домах. Можно и еще наблюдать в этом городе Ревеле кое-что замечательное, что редко или совсем не найдешь в других местах, о чем я несколько вспоминаю и хочу упомянуть.

С древнейших времен этого города можно там видеть хорошо выстроенный дом, так называемый «черноголовых»; имеет знаком голову арапа¹, которую можно видеть над входом в здание высеченной из камня вместе с другими изображениями. Внутри дом очень обширен, и там можно видеть много прекрасных древностей, именно — целые доспехи с оружием и всеми принадлежностями как для конных, так и для пеших, копыя, шпаги, древки, панцыри и т. д. невероятной тяжести, величины и мощности, из чего можно усмотреть, какие прежде были сильные люди и насколько в теперешнее время существа измельчали и ослабели. Сверх того, видны там снятые с природы изображения старинных властителей, королей, императоров, князей, великих князей, графов и господ, огражденные там завесами, которые можно раздернуть и задернуть. Все они в своей юности здесь лично записались братьями (о чем будет сообщено ниже), дали себя портретировать и почитать; и в прежнее время с этим домом так считались, что даже короли признавали честь совместно с другими властителями, а также менее высоко-

¹ Патроном «братства» считался св. Маврикий, бывший негром.

поставленными, состоять там братьями, что с полной достоверностью можно узнать из хроники, которая касается только дома и которую с бережением сохраняют в доме до сего дня и ежедневно продолжают в ней летопись. Так этот Дом черноголовых ведет свое происхождение от храбрых юношей из благородных и неблагородных [сословий], которые вначале, при построении города, мужественно и по-рыцарски выступали в поле против московитов и еще диких в то время племен, имели и выдержали много стычек и кровавых битв, и, когда такие молодые люди после одержанной виктории направлялись для некоторого отдыха в уже несколько укрепленный город, то почти все оказывались холостыми; поэтому для того, чтобы остаться в привычном храбром и сердечном единении и не дать себя ослабить или сделать трусливыми из-за женщин, они клятвенно учредили в своем холостяцком состоянии братство с условием, что если кто хочет вместе с ними воевать и быть в их обществе, то должен оставаться холостым и перед этим должен был не иметь жены. После хороших успехов их братства, они тогда для этих своеобразных собраний соорудили этот дом, снабдили его великолепными привилегиями и украсили и непреложно обязали всех своих потомков твердо соблюдать неограниченный закон безбрачия, а также и другие правила, что до сих пор подобным же образом выполняется. Кто добивается чести себя или свое имя записать или включить в старинную книгу черноголовых (в которой, как выше указано, вписаны имена столь многих высоких властителей и великих людей и храбрых героев за несколько сот лет), тот должен иметь такие качества или свойства, а именно:

Первое — что он еще состоит в холостом состоянии и никогда законным образом не венчался с женщиной, должен он подтвердить через свидетелей или посредством заверения, а в противном случае утрачивает свою честь и порядочность (так что, если бы оказалось, что некто имеет на чужбине жену и дал себя записать холостяком, то этот дом, в силу своих больших привилегий, мог бы объявить и провозгласить такового, где бы он ни находился, обманщиком и совершенно бесчестным и исключить его имя из книги).

Второе — он должен быть того сословия, из которого можно состоять дворянином, или рыцарского достоинства, или правомочным достичь этого, либо самому быть причисленным к дворянству, или купечеству, или ученого звания (*Literatus, Studiosus*), или же солдатом и из тому подобных вольных людей. Но подмастерья и все, которые живут в скудных условиях, совершенно исключаются уставом, не принимаются и никогда не признаются братьями.

Если кто-либо намеревается быть записан в указанное братство Дома черноголовых и в их книгу, то ему прежде всего преподносятся законы, преимущества, статуты, права, обычаи и все к этому относящееся, при этом дружественно просят или напоминают, чтобы он, сделавшись членом, верно бы следовал им и, пока будет длиться его холостое состояние, оказывал бы им повиновение.

Затем, после совещания и единогласия старших братьев, тому, кто хочет стать братом, подносится старшим исполнителем большой серебряный позолоченный бокал, наполненный вином, и одновременно — книга, в которую он заносит свое имя и то, что он в ознаменование хочет даровать дому (будь то наличные деньги, или серебряный кубок, или что по его усмотрению может назваться почетным даром), вписывает рядом с своим именем. Когда это совершено и новоизбранный брат готовится пить из кубка, который очень велик, то в честь его трижды открывается огонь из двух небольших пушек, стоящих перед входом или же в доме, на какие три раза должен он опорожнить кубок; при этом ради почести бьют во время и перед стрельбой из пушек в боевые литавры; после чего его поздравляют присутствующие господа братья, а старшего из них надо поблагодарить за честь, затем проводят там некоторое время и уносят с собой домой чистосердечное братское опьянение.

Преимущества, которые можно иметь или ожидать от этого дома, следующие: что дом и все братство обязаны и согласны такого принятого брата, если он попадет в несчастье или бедность вследствие убытка на море или иных случайностей и в своем холостом состоянии обратится к дому о помощи, не покидать такового, а оказывать ему содействие и помощь. Или, если таковой в своем холостом состоянии через некоторое время помрет и не оставит столько, чтобы его захоронить в землю, то дом обязательно должен о нем позаботиться и с честью похоронить его, и в других непредвиденных несчастных случаях брат может утешиться защитой дома.

Это почтенное братство зачастую приглашается к знатным выступлениям и всегда — с особой торжественностью, причем они, по мере состояния каждого, наряжаются и парадуют и соблюдают свой установленный порядок. Если случается, что они должны явиться к публичным выступлениям конными, то у них постоянно могут впереди их ехать трубачи, хорошо обмундированные и с литаврами, и могут с громкой игрой въезжать и выезжать, равным образом разрешается им нести с собой штандарт с своим знаком головы арапа, и т. д. И всем этим можно пользоваться и наслаждаться, пока остаешься холостым, как же только женишься, то вся эта приятность исчезает, и уже нельзя наслаждаться, присутствуя в их обществе. При моем частом пребывании в этом месте, я также посещал это достохвальное братство, и (не хвастаясь) был почтен, как указано выше, всеми церемониями, вписался там и оставил дому в знак памяти дар¹. Столько наспех об этих Черных головах.

Еще многое можно бы рассказать об этом знаменитом городе Ревеле и его обычаях, что в нашей стране совсем неизвестно, но не может быть моим намерением в спешке все в точности передать. Только поверхностно надо упомянуть о том, что относится к церемониям вы-

¹ По справке издателя записок, имя Айрманна не могло быть обнаружено в существующих документах дома.

боров в совет. Ко времени выборов собираются в ратуше (которая стоит красиво построенной на рынке) бургомистры и все члены совета и служащие. Там составляется список (Catalogus) нескольких подходящих лиц, которые могут быть посредством беспристрастных выборов привлечены к вакантным местам совета; по этому списку каждый член совета выделяет из состава большой гильдии одного, по его мнению дельного, человека, аннотирует его, пишет на записке, и все эти голосования передаются старшему бургомистру. Подобное повторяется второй и третий раз, и к тому, что решит большинство голосов, обычно примыкает и это утверждает главный избиратель — старший бургомистр; затем, когда все выяснено и избрано, то весь совет в установленном порядке выстраивается вверху перед открытыми окнами ратуши, так что, стоя на площади, их всех можно видеть. А одно окно у земли остается свободным, там стоит один из слуг совета, и перед ним лежат столько досок (около двух локтей длиной и в ладонь шириной), сколько ратманов избрано и должно быть объявлено. Когда младший бургомистр (который постоянно проводит сообщения и речи) сначала по обычаю после приказа о тишине прочтет городское положение, совершит поучение или речь и дойдет до провозглашения новых ратманов, то ратушный служка должен кувалдой бить по доске так, что все трещит и гремит, а затем выбрасывает обломки в окно, и сколько будет [избранных], столько досок разбивается. Тогда находятся люди, которые подбирают обломки и на радостях относят их к женам новоизбранных господ, которые за это дают им подарки. Что они делают с этими дровами, пекут ли они на них пирог для новоиспеченного ратмана, варят ли яйца и т. п. или еще что делают, я хорошенько не знаю.

Еще об одном вспомнить: ежегодно в день св. Фомы рано утром в церкви св. Духа, стоящей на рынке, совершается немецкая проповедь с хорошей музыкой; туда из ратуши шествует в процессии весь городской совет совместно со старшинами обеих гильдий, они присутствуют при богослужении и, по окончании такового, возвращаются указанной процессией в ратушу; там весь совет усаживается вдоль стола, и все горожане, один за другим, кладут свой взнос — один рейхсталер — на особый стол и уходят восвояси. В этот день совет выставляет внизу в ратуше несколько бочек пива и дает свободно пить любому, кому захочется без денег, причем, однако, горожане, не в обиду будь сказано, по случаю такого дарового угощения, во много раз больше выпивают в честь совета вина и пива за свои деньги, чем удовольствовались бы дареным.

В окрестностях этого города вообще очень приятно, у него большие пригороды, но плохо отстроенные из дерева, и, по местному обычаю, красивые сады. Открытое море расположено у самого города так, что можно далеко выйти по длинному мосту и развлекаться многими красивыми торговыми судами. Неподалеку от города расположена красивая увеселительная роща, называемая Большой выгон; туда можно

отправляться гулять, ездить верхом, кататься и иметь разные увеселения с сопровождающим обществом.

Жители города несколько грубее и не столь любезны, как в Риге, и по отношению к иноземцам не так почтительны и вообще самолюбиво-гордые люди. Это случилось по причине того, что после большой чумы, которая напоследок почти всех поголовно уничтожила и [в городе] мало осталось народу¹, там из разных мест обосновались новые жители, притом зачастую скверные лавочники, затем они женились, счастье им со временем фаворизировало, и они так дошли до принятия в гражданство. Таковые считают, что родились от плодоносного дерева и полагают, что они — большие господа. Поэтому они большей частью воспитали в таком мужицком высокомерии еще оставшихся девушек, взятых ими в жены, которые по своему разумению не лучше сумели воспитать и детей своих. Тем не менее (когда с ними познакомишься), они оказываются — без особых комплиментов — любезнее, чем можно было ожидать, и хотя они не считают нужным открыто выражать свою благодарность, но умеют частным образом проявлять свое благоволение и т. д.

Здесь более, чем в других округах этой страны, существует роскошнейшее и могущественнейшее дворянство, которое очень выделяется одеждой на свадьбах и при других событиях; по отношению к иноземцам они приветливы, и кто со временем научится применяться к их обычаям и поведению, тот вполне может с ними ладить. Ибо, по сравнению с нашими обычаями, там имеются большие отличия и, пожалуй, у них нужно приучаться к особой политике, но кто распознает все их приемы, тот у них может хорошо прожить.

Женщины и девушки тех мест, как благородные, так и неблагородные, заставляют за собой ухаживать, пожалуй, больше чем следует. Они очень коварны, но в то же время простоваты, и кто сначала сумеет представиться совсем тихоней и из него не будет выпирать любовный шеголь, и он дождетя, пока у женщин, наконец, оттают оледенелые уста и учтиво им ответит, тот может им понравиться. А в особенности, если кто хочет быть приятным для мужчин высокого или низкого звания, тот должен одновременно не иметь врагами их жен и должен уметь применяться к ним. Иначе далеко не уйдешь, и т. п.; и во всем этом округе таково.

Сюда относятся несколько малых городов и замков, как-то: Галсаль, Везенберг и т. д., в которых особо отмечать нечего.

ПЕРНОВ

Это тоже один из главных городов, расположенный в Лифляндии у моря между Ригой и Ревелем (которые удалены друг от друга на 50 миль) так, что указанный Пернов находится посреди их; ведет также значительную торговлю на море, и там пристают многие корабли из

¹ Очевидно, имеется в виду жестокая эпидемия 1602—1603 гг.

Голландии, Любека и других соседних мест на Балтийском море; хорошо защищен на случай нужды валами и рвами и в мое время еще непрерывно обстраивался. В городе нет ничего особенного перед другими, исключая того, что привилегии академии в Дерпте отныне переведены, по королевскому приказу, в этот Пернов и здесь снова приняты для процветания. Что я в мое время и видел — насколько усердно отстраивали коллегию и положили начало делу. Здесь говорят и понимают на обоих языках — как по-латышски, так и по-эстонски, а отчасти и по-шведски, как вообще во всей Лифляндии шведский язык не чужд, но хорошо известен, понятен, и все на нем говорят.

НАРВА

Этот город также знатный морской и торговый город, море от него расположено в двух милях, и оттуда мимо самого города большой поток ведет к морю, куда из Голландии, Англии и Франции, Испании и из местностей по Балтийскому морю ежегодно прибывают многие [суда].

Этот город некогда принадлежал московиту, а теперь он истинно шведский. Этот город ведет свое имя от реки Нарвы, разделяющей в этом месте Московию и Лифляндию, и так я 6 лет тому назад видел при некоторых переговорах, происходивших тут между московитами и шведами, как на этой реке которая не очень широка, точно в ее середине был возведен деревянный дом, внутри которого стоял стол, и площадь комнаты была шириной в 4 шага, туда надо было подниматься по нескольким ступеням и с обеих сторон был построен мост от суши до дома; таким образом шведский, а также московитский послы могли каждый от своей страны пройти в дом и друг другу подать руку, оставаясь каждый как бы на своей земле. Из этого видно, как близка граница от этого места. Когда в указанном доме переговоры благоприятно завершились, то всякий раз, не вступив на землю другого, каждый вновь мог возвратиться в страну своего повелителя¹.

Эта река Нарва истекает из большого московитского озера, именуемого Бейбас², и если бы у большого поворота близ Нарвы не было большого водопада (где эта река стекает по большому каменному ущелью), то суда могли бы из Московии, именно из Бейбаса, попадать в Балтийское море и могла бы производиться удобная торговля; но вследствие того они причаливают здесь и с трудом вывозят и ввозят свои товары по суше.

Этот город Нарва сам по себе представляет небольшое, но хорошо укрепленное место, с крепкой стеной, валом и рвом. Внутри города

¹ Об этом дипломатическом ухищрении сообщает в своей книге и Georg Adam 'Schleiszing (Derer beyden Czaaren in Reuszland Jwan und Peter Alexewiz, nebst dero Schwester der Princessin Sophia bisshero dreyfach — geführter Regiments — Stab, Zittau, 1693, SS. 41—43), прилагая довольно фантастический рисунок местности.

² Пейтус, Чудское озеро.

видны, среди вновь построенных за недавние годы, красивые дома, там имеются частично богатые люди, есть нарядная церковь, расположенная почти в середине города; имеется также в городе замок — там, где на окраине города вступают в него по мосту¹. Там резидирует губернатор, и этот округ Лифляндия называется Вирляндия, или по-латыни Вирландиа. Там легко понимают финский язык, а не немецкий (т. е. эстонский.— *Н. Л.*), применяют как в Ревеле, это почти одинаковые языки, в которых можно заметить разницу подобно тому, как в немецком различаются верхне- и нижне-немецкий или мейссенский и франконский, и все же являются немецкими, таков подобно тому и этот язык.

Напротив города, где переходят по деревянному мосту, расположен очень крепкий замок:

ИВАНГРАУ, ИЛИ ИВАНОВГОРОД,

получивший свое название от ужасного тирана и великого князя московитов, по имени Иван Базилибиц, который основал и соорудил этот замок². Город, или грав, означает по-московитски укрепление, или замок. Впоследствии он был отнят шведами; он построен по обычаю московитских крепостей, именно — кругом возведены высокие, равной высоты стены невероятной толщины, которые нелегко пробьет какое-либо орудие. На всех четырех углах стоят широкие башни, встроенные в стену, которые возвышаются еще выше стен так, что когда на них смотришь вверх снаружи, то делается страшно; там и сям много бойниц, через которые можно палить из пушек и другого [снаряжения]. Есть ров и не очень высокий вал, при коих незаметно никаких внешних сооружений, кроме единственных ворот, к которым подъезжаешь через мост. Туда нелегко впускают, почему я и не мог его осмотреть изнутри.

Вышеупомянутый город Нарва отдален от Ревеля на 30 миль, от Риги — на 74 мили, от Дерпта — тоже на 30 миль. Около него или со стороны, где я переходил через указанный нарвский мост, проживают вдоль большой длинной улицы по обе стороны реки русские, находящиеся под охраной шведов, для ведения своей торговли и дел, где им разрешается иметь свою церковь и совершать богослужение.

ДЕРПТ, ИЛИ ДОРПАТУМ³

Этот они также называют на своем языке Тарто. Собственно, центр всей Лифляндии и некогда был великолепным епископским пре-

¹ Также и Олеарий сообщал: «Недавно стали строить здесь дорогие великолепные каменные дома, а теперь все время строят из камня, тем более, что больше уже никому не дозволяется, как прежде, строить из одного дерева» (Описание путешествия... СПб., 1906, стр. 118). Значительное большинство этих хорошо сохранившихся старинных построек было разрушено немецко-фашистскими оккупантами при отступлении из Нарвы в 1944 г.

² Ивановгород построен в 1492 г. при Иване III, а не при Иване IV Грозном, как считает Айрманн.

³ Тарту, Юрьев.

столом. Этот город отстоит от Риги на 40 миль, от Нарвы — на 30 миль, от Пернова — на 36 миль. Но в сторону Московии он ближе: ибо если я хочу попасть в Псков, великолепный московитский город, то это составит 14 миль, и если в Печур¹ — тоже московитский город, то имею 12 миль расстояния. Этот город до этого был знаменитым и великолепным местом, о чем еще достаточно свидетельствуют имеющиеся там развалины. Хотя он часто был осаждаем, захватываем и жестоко разрушаем московитами, все же кое-что оставалось, где люди могли обитать, пока, к сожалению, в 1667 г. в июне нечаянным большим пожаром город настолько был истреблен и жалостным образом разрушен, что теперь можно видеть лишь малую часть сооруженных домов. Еще бывшая при моем первом приезде в хорошем состоянии шведская церковь утратила из-за огня свою башню, а прекрасные колокола свалились расплавленными; также и другие церкви (которые и без того изрядно пострадали от 5-летнего пребывания московитов)² претерпели от этого большие повреждения. Замок, поскольку после врага еще оставалось пригодное помещение для проживания там генерал-майора в качестве коменданта, вместе с многими расположенными до самого рынка благоустроенными домами, был в этот пожар низвергнут на землю в виде золы так, что в последнее мое пребывание в городе оказались неповрежденными не более, как немецкая церковь с немногими другими зданиями. В этом городе имелась красивая крепкая стена с мощными башнями, но она была сильно разрушена, и в мое время было употреблено много усердия на возведение нескольких вновь заложенных внешних укреплений, и, как говорят, он в будущем должен быть приспособлен в качестве генеральной крепости или же объявлен открытым и вольным городом, ибо как только между Москвой и Швецией возникнет война, то это перестает быть место, которое должно выносить нападение и должно опасаться его сдачи.

Жители этого места, как ни плохо и убого они живут, не признают своего злосчастия, а настолько преданы щегольству в одежде, что предпочитают навешать на себя целый ворох разных расцветок, тканей и лент, чем ограничить себя и избрать определенные оттенки; они очень любопытны во всех делах и ловко умеют всякого обойти. Действительно, надо удивляться, что в таком отдаленном месте они этого так достигают.

Там в новом году происходит королевский коронный суд (гофгерихт), или юрисдикция, к которому от всех округов всей Лифляндии вызываются и обязаны являться дворяне и недворяне. Каковой начинается в январе и открыто ведется до 8 дней перед пасхой, и этот суд осуществляется следующими судьями: именно, есть один президент и один вице-президент, обязательно — бароны. Затем следуют ландраты, которых 4, и ассесоры королевского коронного суда, которые должны быть постоянно в числе 8, и этот суд должен быть заполнен

¹ Печоры.

² С 1656 по 1661 г.

всегда и не меньше 10 или 12 персонами, и никто не может отсутствовать, иначе не выносится приговор; сверх того есть секретарь, имеющий свое место один за столом, затем протонотариус, к которому придан писарь, и 2 канцеляриста или копииста и фискал королевского местного и коронного суда. Перед этим судилищем все совершается открыто, адвокаты провозглашаются согласно заявлений их клиентов, затем они представляют свои жалобы и возражения, должны сами публично зачитать их и передать секретарю, там же потом опубликовываются приговоры и так же публично зачитываются секретарем; ученый или неученый, всякий может скромно пройти в помещение суда и беспрепятственно выслушать и проследить с начала до конца все выступления; вкратце столько об этом.

Этот город еще в настоящее время включен в «епископский закон Средиземья» (*Jus episcopatus Mediterraneae*), и так называемый епископ должен быть доктором богословия и не принадлежит к местной немецкой церкви; там имеются два особые священника, а по воскресеньям и на неделе в немецкой церкви ведется проповедь и совершается богослужение на их языке ординарным немецким пастором. Вышеуказанный епископ обязан и совершает в шведской церкви по воскресеньям и на неделе проповедь на шведском языке. Он там также является верховным консисторским советником.

Что же далее вообще касается этой Лифляндии и ее жителей, их обычаев, нравов, свойств и тому подобного, то об этом можно исписать много листов, но при моей краткости это было бы слишком пространно, и я лишь кратко скажу относительно простого народа или крестьян, что это большей частью очень убогие люди, все на положении крепостных, подчиненные своему начальству; всё же при этом есть вольные плуты; есть среди них и свободные крестьяне, способные возвыситься. Как ни плохо и убого они проживают, всё же они веселы и больше привыкли переносить скверные, чем хорошие, дни, ибо кто им хочет сделать много добра, тому они наверняка отплатят злом; всё это из-за того, что они постоянно пребывают в рабстве и не могли быть приучены ни к чему иному.

Совершенно краткое изложение польского и московитского путешествия

Когда я (как уже упоминал выше) отправился в посольстве с господином графом Тотт в Варшаву, мы выехали из Риги из Лифляндии, пересекли Двину, проехали Курляндию и миновали ее границу. Столицей там

МИТАВА

В это место мы хотя при указанном путешествии не попали, но я побывал там еще ранее, и однажды съездил туда из Риги; от Риги удалена она на 7 миль. Это большое просторное поселение, но за по-

следнюю войну оно было сильно разрушено; есть там замок, окруженный водяными рвами, валом, а также стенами. В нем проживает герцог курляндский, которого я не только видел, но вследствие некоторых дел, которые я должен был ему представить, лично приветствовал его и был пожалован глотком из серебряного кубка из его рук. (*Приписка*: здесь в Курляндии имеется хороший мед, который они называют курляндским; из всех он наилучший.) Он очень приветливый и образованный господин¹.

ЛИТВА, ИЛИ ЛИТУАНИЯ

Оттуда вступили мы в Литву, но на этот раз мы только огибали границу, которая у нас при этом путешествии оставалась слева, вообще же эта страна отделена от Лифляндии со стороны «белых руссов» рекой Двиной, часть ее в настоящее время принадлежит шведу и имеет большую общность с таковыми (т. е. с латвийцами.— *Н. Ш.*), поэтому язык на Рижской стороне «летш» коротко называется литовским и с последним, если не совсем, то все же имеет большое сходство, и они на этом языке друг друга могут хорошо понимать. Что касается расположения местности, то прежде это была большая, обширная страна, но с русской стороны много ее отобрано и лишено права носить свое имя. Также и со стороны Польши было таковое же обстоятельство; насколько я мог наблюдать по пути, местность эта болотистая, с многими водоемами, озерками, а также перегороженными прудами, притекающими и протекающими реками, содержит также много лесов и зарослей, в которых (как и в Лифляндии или Московии) гнездятся всякие вредные дикие звери, как то медведи, волки и пр.; равным образом при этом путешествии в Московию проезжали мы через лес протяжением мили в 3, который поддерживается, а местами обнесен оградой (как мы это заметили при въезде и выезде), в нем имелись в большом количестве дикие лошади², часть которых мы видели, и это место подчинено поляку; там ежегодно многие из этих коней вылавливаются и укрощаются настолько, что их можно использовать для верховой езды и в упряжке; они тут нередки; мы и тот раз ехали почтой через лес верхом на таких [конях], которые там пойманы и выращены; такие лошади не даются подковывать сзади. А иной большой разницы не заметить между лошадьми ручными и дикими. Люди в этой стране живут плохо — в деревянных избах, и уклад тут совсем такой же, как в Лифляндии или Московии.

Дальше путь наш направился в сторону Пруссии (которую мы лишь слегка задели) и в землю Мазовецкую, также называемую «Мазовия», где самый знатный город Варшава. Эта страна в общем расположена между Пруссией, Литвой и Польшей, но теперь причислена в собственность королевства Польши, и поэтому старое ее название

¹ Герцог Яков, правивший в 1642—1682 гг.

² Так называемые тарпаны, потомки которых содержались в заповеднике Беловежской пуши (см. «Беловежская пуша», Минск, 1941, стр. 25).

забыто. Этот город лежит на Висле, и через нее к городу перекинут деревянный мост.

Его королевское величество, правящего теперь в Польше короля — господина «Михаэль Михалибиц Висниобицки»¹, я в тот раз имел милость часто видеть лично; он, как теперь всему миру известно, очень любезный и разумный господин. По своему росту он не очень высок, скорее коренаст, крепок и прям телом, красив и приветлив лицом. Носит по немецкой манере бороду и волосы, как и его одежда тогда была немецкого покроя. Сколько тогда при великом съезде могущественных властителей, как послов императоров, королей и князей, господ и графов, благородных и неблагородных пришлось видеть, можно бы наскрести целую книгу, но из-за краткости я не могу здесь этого касаться.

Как мы выехали из Варшавы и приступили к своему спешному путешествию к Москве, то я совсем коротко сообщу, через какие страны мы проезжали, и так как мы в тот раз должны были находиться в пути почти дни и ночи, то иные места мы если и не совсем миновали, то оставались в них не подолгу и без осмотра, пока не прибыли в Москву. Так через указанную Мазовию или Польшу мы вновь прибыли в Литовскую землю, а оттуда вдоль берегов Двины — в Московитскую, которая здесь называется Белоруссией, после того как мы миновали отлично укрепленное место (Колонинки[? — Н. Л.] по имени), окруженное со всех сторон лесом, а вокруг себя имеющее открытое поле и болота. Тут мы около трех миль должны были с большой опасностью и затруднениями проехать верхом по мало обрубленным и еле ободраным бревнам, наложенным по трясине в виде помоста, так что наш покойный господин граф вследствие неудачного шага своего коня так свалился, что жалко было на него смотреть (такие небрежные дороги имеются в большом количестве как в Польше, Литве, Московии, так и в Лифляндии, вследствие чего по этим странам лучше путешествовать зимой, чем летом, ибо зимой все большие дороги столь же ровны и гладки, как в комнате); когда мы в конце этого пути были задержаны у одного блокгауза и на заставе должны были дать ответ о своих действиях, и господин наш граф предъявил свои полномочия, то была там оказана нам вся возможная почесть, и был послан курьер в указанную крепость, из которой, по извещении о несчастье, постигшем господина нашего покойного графа, была прислана в качестве почетного дара, вместе с прочими яствами, как то: испанское вино, рейнская водка, мед, вяленая и свежая дичь, — также и шкатулка для господина графа с разными мазями (что должно было называться аптекой) для внутреннего и внешнего употребления по случаю его падения; хотя добрый граф и принял это с благодарностью, но потом передал нам, а мы выкинули ее по пути из-за зловония. Тут оставались мы полдня и ночь, а на следующий день отправились дальше на свежих лошадях. На третий день прибыли мы к главной заставе у княжества Смоленского,

¹ Кн. Михаил Вишневецкий, сын разбитого Богданом Хмельницким кн. Иеремии-Михаила, король польский с 1669 по 1673 г.

и там, по просьбе господина нашего графа, комендантом городка был нам предоставлен сильный конвой для сопровождения между расположенными в ту пору по всей стране отрядами; вместе с другими почестями нас здесь торжественно угощали.

В этом месте нашему господину графу одним московитским князем, как раз охотившимся в той местности, была прислана отличная дичина — дикий бык вместе с другими деликатными птицами; господин граф пожелал его увидеть, и из-за этого подались мы на полмили в сторону; это животное ужасающих размеров наводило страх своим видом, особенно — головой и могучими рогами¹; там же было видно много рысей, пара медведей, несколько волков и три лося.

И вообще всюду вплоть до самой Москвы, принимали нас очень хорошо, и чего только можно было получить из местных продуктов, у нас никакого недостатка не было; только тамошние дороги, очень болотистые и еще ухудшенные дождем, были чрезвычайно тягостны, ибо, как ни трудно, но нам по ним надлежало путешествовать.

Великокняжество Московия, или Руссия

Об этой огромной стране имеется так много в публичной печати не только по старым, но и по новым описаниям путешествий, что я себя считаю совсем неспособным много о ней рассказывать и осмелиться предпринять ее описание; но так как это от нашей Германии все же довольно отдаленное место, которое нелегко посещается нашими нациями, а господь оказал мне милость и дал здоровья, чтобы побывать там и вновь здоровым выбраться оттуда, то я хочу вкратце сообщить о том, что еще сумел припомнить.

Здесь, как для Польши, Литвы, Лифляндии и Лапландии, я могу сделать сопоставления о свойствах местности, ибо все указанные страны расположены очень низменно, без отдельных высоких гор и скал; затем их можно сравнить по большим их озерам и многим впадающим и протекающим рекам.

Кому, кто хоть немного видел Польшу, не известно, какие великолепные проточные и неподвижные воды там встречаются; таковы же свойства в Московии и других этих странах. Такие большие, широкие и пространные болота видишь в Московии, что мы, проезжая по гати в 4—5 миль, не осмеливались отклониться на своем коне в сторону; и в других указанных странах то же. Что касается больших лесов и чащ, то где найдешь их больше в одной местности и в течение одной поездки, чем в этих странах? Всю Московию, сколько мы ее проехали, видел я все с теми же лесными дорогами, то же было и в других странах. В диких и ручных животных в стране Московии нет недостатка, а также имеется достаточно медведей, волков, рысей и подобных вредных зверей. Полезными дикими животными являются дикие

¹ Очевидно, речь идет о зубре.

быки, лоси, косули, зайцы, и из многих отличных и крупных диких птиц там много можно встретить (но ни оленей, ни кабанов не имеется ни в Московии, ни в Лифляндии; о Польше и Литве я этого не скажу, но все же они там редки). Ручные животные, как быки, коровы, овцы, козы, свиньи, составляют главное пропитание крестьян этой страны, и их можно найти достаточно. В рыбных водоемах нет недостатка при вышеупомянутых озерах и реках, и часть их настолько переполнена, что и другим странам ежегодно уделяют от своих избытков.

По земледелию и плодам земным в Московии таков способ обработки земли, что они вполне могут питаться силами своей страны и, хотя они не умеют готовить свое поле так тщательно и аккуратно, как у нас, но все бог дает им и в диком состоянии столько плодов, что у них имеется полный достаток; однако Лифляндия в этом значительно опережает Московию.

Говоря кратко, они вот как готовят свою землю: крестьянину дается помещиком участок дикой нетронутой земли, покрытый большими деревьями и кустарником; в таком окружении должен он устроить пашню. Такой крестьянин должен первый год приложить старания, чтобы прежде всего оголить сверху донизу большие деревья и лишить их ветвей так, что остается стоять голый ствол; когда все так оголено, то он подрубает понизу также мелкие стволы и весь низкий кустарник и раскладывает все аккуратно разостланным одним на другом по всей окружности, и это лежит весь первый год. На другой год, как сойдет снег, примерно в июне или в июле, он тут и там поджигает разложенный кустарник так, что весь кустарник превращается в золу и прах. Когда после того место станет несколько свободнее, и крестьянин получит простор для работы, то он срубает до корней меньшие деревья или совсем их удаляет и устраняет все, что может поднять и убрать. Затем берет он свою соху (она сделана с двумя железными зубцами, концы которых несколько расширены и выгнуты, притом заострены и так пристроены, что крестьянин и лошадь впряжены между двумя жердями), вдавливая железо в землю, и лошадь тянет, насколько земля поддается или взрыхляется. Если же где-нибудь бревно или камень недвижно задержат, то крестьянин должен приподнимать соху и вновь погружать ее, по возможности рядом, и так работать на всем участке, пока вся поверхность не будет поднята и видна только голая земля.

Тогда крестьянин вместе с своими людьми снова проходит по такой пашне и разбивает уцелевшие комья земли и делает это с тщанием, как только может; при этом пережженная зола смешивается с землей и дает земле лучшее удобрение по их способу (ибо ни один крестьянин не вывезет там на свою пашню ни пригоршни навоза)¹; иногда, если крестьянин действительно хочет быть усердным, то он мо-

¹ Айрманн ошибается — употребление навоза было в большом ходу в Московской Руси XVII в.

жет уже на следующий год после устройства пашни совершить на ней свой посев, и бог по своему всемогуществу дарует этим бедным людям такое благословение на их диких полях, какого мы на наших хорошо обработанных пашнях никогда не можем узреть. При этом надо отметить, что они в Московии, а также в Лифляндии, только в конце июня или в начале июля¹ начинают обрабатывать свои поля, и очень удивительно, как сильно и в короткое время солнце вызывает рост, и бог дает благословение так, что через 6 недель после посева уже все стоит во фронт; но возлюбленный хлеб не созревает на полях до конца, как у нас, а когда зерна со своими стеблями еще совсем зелены, они его в сентябре срезают и свозят в особые сушила, называемые ими ригой; эти здания, по обычаю их строительства, сделаны из длинных наложенных друг на друга бревен, внутри впущены двое- или троекратно вдоль и поперек длинные жерди, на них они послойно накладывают хлеб; а внизу сложена из булыжников очень большая печь, подобно тому, как мы устраиваем хлебные печи; туда они день и ночь закидывают целые бревна и большие деревья так, что в течение многих дней огонь там не затухает. (*Приписка:* дрова им ничего не стоят и имеются в изобилии.) Эта большая жара должна высушить зерно и произвести такое действие, что его можно будет молотить; надо бы еще много курьезного порассказать об их странном способе мслотбы, если бы я не решил быть кратким. Довольно об их земледелии.

Не безызвестно, какое большое количество льна и конопли из этой Московии ежегодно вывозится в другие страны; а также воску и меду, которых много направляется в другие страны; каковой мед, однако, не собирается в особо устроенных ульях, а без всякого усилия крестьян подготавливается в их больших лесах пчелами в дуплах деревьев, где его и находят.

Подобно тому как всякая страна не может иметь у себя всего и все сама производить, так и эта Московия, вследствие ее морозов, вполне разумно не приспособлена иметь плодовые сады и получать отсюда фрукты, которые там в свежем виде представляют редкость. Зато ежегодно из других стран торговцами вывозится такая масса яблок, груш, орехов, лимонов, померанцев и т. д., что я достаточно мог их приобретать за деньги. По тому можно понять, насколько распространено их плодоводство, что овощи и капуста являются там лучшими фруктами².

Далее, таков их способ собирать сено, что луга их расположены на больших заболоченных местах, и поэтому (как и у нас на подобных местах) дают высокую траву; чтобы срезать ее, они должны подвя-

¹ Столь же ошибочное уверение.

² Айрманн посетил Россию зимой, а гораздо лучше осведомленный Олеарий имел иные сведения: «В Москве имеются и великолепные садовые растения вроде яблок, груш, вишен, слив и смородины... всякого рода кухонные овощи, особенно спаржа... хорошие огурцы, лук и чеснок... дыни...» (Указ. соч., стр. 160—161):

зять себе под ноги широкие легкие доски около 3 локтей длиной и четверть шириной; на них они сбегают в заболоченные места и снимают траву, и не могут там погрузиться (*Приписка*: с такими подвязанными к ногам досками крестьяне зимой скользят по глубокому снегу, без чего они бы провалились, погибли и ничего бы не могли делать в поле или в лесу). Далее они устраивают на таких болотистых местах загородки из больших кольев так, что накиданное сено может на них сохнуть; после этого собирают его в большие стога и по размерам пространства оставляют их по 2, 3 и более стоять в поле до зимы; когда все болота замерзнут и уплотнятся, тогда они свозят сено на санях на свои дворы¹.

И потому, что они не могут выгонять скот на такие болотистые места, то они вынуждены летом блуждать с ним далеко по лесам и искать там корм; а так как они до десятой части (без права и закона) всех видов скота волей-неволей должны отдавать медведям и волкам, то они стараются заводить таких больших собак, которых приучают отправляться в лес со скотом и возвращаться, часто без участия человека; ибо в случае нужды они умеют так храбро защищаться от диких зверей; что иной пес не опасается медведя и кидается на него; а когда крестьянин услышит шум, он часто является третьим, и медведь бывает вынужден сдаться и оставить крестьянину свою шкуру; которая составит хорошую долю в хозяйстве бедного крестьянина, и на ней он вместе со своими детьми сможет лежать вместо постели (ибо крестьянин в Московии считает солому слишком роскошной, чтобы ложиться на нее или использовать для смягчения своего ложа)².

Что касается построек этой страны и образа жизни людей, то есть большая разница с нашей родиной. Их жилища можно скорее сравнить со стойлами для скота и свиней, чем с домами; на своем языке они называют крестьянский дом «ката»³. В них под одной крышей располагается скотина (как бы ни называлась) вместе с людьми и их детьми; они должны друг с другом согласоваться, и это приучает их к тому, что один другому предоставляет свои удобства и должен уступать. А для самых маленьких детей, чтобы им не повредили или даже их не сожрали свиньи или они не были бы раздавлены другими, они делают ящик из 4 досок или из содранной с дерева коры, вверху открытый; его они подвязывают лыком к жерди, приспособленной поперек жилья⁴, и туда они кидают бедных маленьких детей, сколько бы их ни было; а если хотят им сделать приятное, то бросают им туда медвежью лапу, или еще какой-нибудь кусок, или еще не дубленую овечью или козлиную шкуру, этим они могут развлекаться; а если они хотят кого успокоить (как мы своих успокаиваем покачиванием), то у

¹ Описания эти явно относятся к северным районам, по которым Айрманн проезжал на обратном пути.

² Едва ли солома ценилась выше медвежьей шкуры.

³ Хата.

⁴ Очевидно, речь идет о люльке.

них есть свисающий конец лыка, за него они дергают; это дает жерди размах, и ящик носится вверх и вниз так, что я думал, что ребята с восторга перекинутся через доски и сломят себе шею; таков их обычай успокаивать детей, и так как он им очень нравится и идет впрок (как я часто говорил им), то едва ли кто сумеет превзойти их в этом изобретении качать или успокаивать ребят.

Их одежда сделана из грубого войлока подобно тому, как мы здесь в Германии видим на рясах капуцинов; они сами изготавливают его; из лубка или сырой кожи, привязывая их к ногам веревками, делают они себе защитные приспособления [для ног]; сапоги также носят, но только более состоятельные люди; тело они препоясывают, подвешивая [к поясу] нож и точильный брусок; летом носят высокие остроконечные колпаки, а зимой — шапки и целые шубы из овчины, которые они сами умеют искусно делать.

Их женщины или взрослые девушки носят дома и летом в поле всего только рубаху из очень грубого холста, но без рукавов и без разреза спереди, только чтобы можно было просунуть вверху голову, длиной она до колен и на работе они летом и зимой ходят босиком. Волосы у незамужних девушек только заплетены косой, и сзади привешивают из чего-то сделанную кисть. Но когда они наряжаются, то носят длинные, сверху донизу, платья и т. д.

Пища их состоит из вяленой рыбы или мяса, которые они бросают с зеленью и капустой и еще с чем придется в общий горшок и варят все вместе; это им безразлично, лишь бы здорово наполнить большую деревянную миску, тогда они довольны. При всякой еде пользуются они своими ложками, которые сделаны с коротким черенком и большими лопастями.

Напиток их также плох; они бы охотно пили в иных местах воду, но там всюду болота. Я видел как у них стоит нечто выдолбленное из дерева (подобно, как у нас выдалбливается из дерева квашня для теста) и установленное на трех- или четырехножке, сбоку у него вырезано четырехугольное отверстие, перед которым устроена деревянная решетка, чтобы не вытекали зерна или гуща; туда они закидывают сверху свою породу солода, часто более пригодного для свиней, чем для людей, а вместо хмеля у них есть некоторые травы, которые для этого высушены; их тоже кидают туда для вкуса; и когда все смешано, то они заливают его теплой водой и дают остудиться; потом подставляют деревянную бочку и приоткрывают, чтобы могло стекать. На бочке висит большая ложка¹; кому хочется выпить, тот берет ложку и черпает оттуда; напиток совсем беловатый и слизистый, но они считают его наилучшим, называют на своем языке «тарра». Из этого можно судить об убогом состоянии и жизненных условиях бедных московитских крестьян, они все рабы или закрепощенные. Тоже и в Лифляндии.

¹ Очевидно, ковш.

Их богослужение по уставу должно соответствовать греческой вере, но они об этом мало знают; если их спросить, во что они веруют, то они отвечают, что чему их царь верит, тому верят и они. А спросишь их, чему же он верит, то они говорят: это уже его забота. И действительно, у простого крестьянина еще, к сожалению, можно увидеть не что иное, как чистое язычество, из которого у них есть много смешных и суеверных обычаев; среди других, существует суеверие в отношении своего тела, что во всю жизнь (? — Н. Л.) нельзя срезать ножом или ножницами ни одного волоска, ни ногтей на руках и ногах, вследствие мнения, что этим будет вызван огромный ущерб для их довольствия и что такой безбородый или стриженный впоследствии не будет иметь удачи в земледелии и скотоводстве и что все, что будет происходить через его руки, будет испорчено. Поэтому они изгоняют своих сыновей, которые, достигнув годов зрелости, останутся без бороды, и не используют их в крестьянстве, а вынуждают их искать свое пропитание иным образом¹. Своих совсем маленьких детей они обычно вскоре после рождения берут с собой в баню (ибо московиты, равно бедные и богатые, очень ценят баню); там у них есть веник, связанный из березовых прутьев с сухими листьями; они его окунают в теплую воду, и собственный отец и ближайшие друзья усердно хлещут ребенка, и таково их суеверие, что для успешной будущности его надо хорошенько хлестать и бить; поэтому, когда у них вырастают скверные дети, то видят в том причину, что его в первой бане не отхлестали как следует, и бранят тех, которые в этом провинились и так плохо отнеслись к их ребенку.

Своих покойников они обычно хоронят на возвышенном месте в лесу. И много бы еще можно было рассказать, чему я был свидетелем у этих бедных и ослепленных людей, если б я не должен был бы прервать для краткости. Поэтому достаточно и этих кратких сведений о бедном крестьянстве.

Примечание. С удивлением видишь у этих людей, чему природа может обучить человека. Вследствие того, что в то время, когда я был в стране, очень вздорожала соль и стала почти недоступной, и бедный крестьянин, для которого она составляла лучшую приправу, приведен был в отчаяние, и многие от этого померли, то они из-за этого недостатка нашли корень, который они высушивали, толкли и использовали вместо соли; я сам брал его в рот и с удивлением почувствовал, что он, точно ради этой нужды, обладает острым и соленым вкусом; мы его привезли с собой в город Москву и вызвали у многих большое изумление, поскольку они о подобном ничего не ведали. Также не безызвестно в этой стране, что они из сока и отвара трав и корней умеют извлекать прекраснейшие краски, которыми также поль-

¹ Снова фантазия автора.

зуются или от них научились лапландцы и лифляндцы. Также умеют они изготовлять превосходнейший порох для ружей, лучший, чем у нас здесь можно добыть.

ГОРОД МОСКВА, ИЛИ МОСКОВИЯ

Это главный город и резиденция великого князя и, как уверяют, расположен посредине России (*des Ruzs Landes*). Он красиво лежит на ровном, плоском месте и заключает много текучих вод; среди прочих одна называется «Моск»¹ и протекает через весь город. Величина этого города достигает, пожалуй, 4 немецких миль, и нигде не видно его предела, он все более удлиняется и расширяется, тем более, что в любой день можно купить целые дома, каковые крестьяне продают с саней зимой на площадях совершенно заготовленными в разобранном виде; часто в городе происходят большие повреждения от огня, поэтому курение табаку публично запрещено под большим штрафом, ибо вследствие этого по вине неосторожных людей возникали из их лачуг неописуемые беды и погорало ценное добро. Город и строения все одинаково возведены из дерева, обычно [дома] стоят рядом длинной вереницей по 30, 40, часто меньше или больше; позади этих снова столько же, так что их дворы на заводах соприкасаются, а промежду них домов не ставят, и таким образом обстраивают со всех четырех сторон; такая большая группа домов, так или иначе возведенная вышеуказанным образом, определяет различную длину и ширину улиц. И эта форма строго соблюдается во всем городе Москве; там не найти ни одного дома, расположенного обособленно или хотя бы трех-четырёх, стоящих сомкнуто, мимо которых проходила бы малая улочка или переулок; напротив, все выстроено по вышеописанной манере. По длинной реке «Моск» всюду спускаются сплошные дворы, а дома стоят напереди; позади у каждого устроена баня (кстати сказать, до чего охотно они моются: постоянно на третий или даже на второй день ходят они в баню, как простые, так и знатные люди. Подобных бань я во всю свою жизнь и не видывал, о чем я еще упомяну ниже).

Так же в этих местах, где мы зимой часто катались по льду, можно видеть потешные зрелища из-за тех голых людей, которые в сильнейший мороз прямо из бани бросаются в воду. Тут можно три или больше миль ехать среди непрерывных рядов домов. Далее видны укрепления и ряды сплошных лавок, в которых различные нации торгуют своими товарами: здесь много персиян, татар, киргизов, турок, поляков и других иноземцев из соседних и подвластных московиту земель, которые частью поселились здесь же, под защитой царя, частью проживают только ради торговли.

Далее, вроде особого городка расположен немецкий или шведский двор, называемый у них «заамок» (? — *Н. Л.*), в котором можно встретить из разных наций в качестве соседей москвитян — лифлянд-

¹ Москва-река.

цев, шведов, финляндцев, голландцев, англичан, французов, итальянцев, испанцев, португальцев, а также немцев из Гамбурга и Любека, Дании и т. д. и всяких иных, спускающихся сюда из Архангельска.

Эти нации, как бы они ни именовались, все имеют свои особые лавки, открытые ежедневно; там видны чудеса за чудесами, так что по непривычке к их странным обычаям или национальной внешности, часто более обращаешь внимания на их персоны, нежели на чудесные товары, и я хочу вкратце упомянуть об этих неизвестных у нас нациях, а также их товарах.

Что касается персиан, они широкоплечи и коренасты телом, как я заметил у многих, но не столь высоки, как московиты; у них обритые головы. (*Приписка*: над ртом у них усы, снизу же совсем голо), носят пестрые повязки, которые они весьма искусно связывают из шелковой ткани, и длинные до земли одежды, постоянно — по две, одна на другой, причем исподняя плотно опоясывается по телу полосой шелка. Их товар преимущественно состоит из ценных шелковых изделий, как, например, великолепные ковры с искусно вытканными фигурами; красивые покрывала с длинной свисающей бахромой, которыми умеют пользоваться московиты и лифляндцы на своих санях; очень красивые покрывала, искусно сделанные и стеганные бумагой, которыми в Москве знатные пользуются в качестве одеял, подобно тому, как это делают в Швеции и Лифляндии; всякие крашенные шелковые ткани, какие любят носить московитские женщины; еще у них есть весьма искусно отделанные бархатом и шелком стулья, которые можно употреблять сложенными или раскрытыми; их много закупают для своего пользования поляки. В общем я не могу так вдруг всего перечислить, что за великолепные вещи имеют одни эти персиане.

Что касается китайцев, на которых я принужден был глядеть с удивлением, то у всех у них широкие лица, малые рты и над ними — очень редкая торчащая растительность, которую они совсем не ценят, ибо есть среди них многие, которые совершенно не имеют бороды; у них очень малые, вверху широкие и книзу загнутые носы, маленькие и близко расположенные глаза. Волосы свои они хотя и отрачивают длинными, но наружу их не выпускают, считая это большим позором; зато умеют их так изящно сплести, что они поверх головы лежат, точно тщательно приготовленное из волос изделие; так как они редко покрывают свои головы, то я вначале предполагал не иначе, что это искусно сплетенная шапочка. Поэтому я однажды через толмача попросил одного дать мне рассмотреть это в точности и заметил, что они свои закрученные волосы прикрепляют сзади посредством тоненькой палочки; это было очень удивительно; к тому же, когда тот услышал мое восхищение, то он мне передал, что если б я увидел головные украшения их женщин, то это привело бы меня в еще большее изумление, и т. д. Эти люди торгуют замечательными пряностями, также всякими чужеземными кореньями, квасцами, рисом, просом и то-

му подобным. Из оружия у них есть луки и стрелы и разные подобные вещи, на которых я не хочу задерживаться.

Татары, сколько я их ни наблюдал, уродливые и устрашающие люди; у них широкие и полные лица, нескладные головы, на последних редкие и взъерошенные волосы, глубоко расположенные глаза, над которыми брови торчат на целый сустав длиной, вследствие чего они выглядят ужасающе. Над ртом у них длинные свисающие усы, снизу у них оголено. Они толсты и плотны телом. Они много предлагают в продажу коней, конской упряжи, седел, уздечек, плеток и что еще к этому полагается; также и тигровые шкуры и в общем разнообразные, непривычные для нас предметы.

Так как турки и поляки у нас по писаниям не столь незнакомы, то ограничусь этим немногим. О других нациях легко определить, чем каждый торгует по обычаям своей страны. Если кому захочется что-нибудь приобрести, тот во всякое время найдет в этом месте торгующих народов переводчика или, как они говорят, «долка»¹, который быстро сумеет навязать свои услуги. Многие говорят по-шведски, польски, фински, немногие — по-нижнегермански, из которых иные умеют объясняться с этими сильно отдаленными нациями (*Приписка*: по-немецки понимают немногие), и приходится им сообщать свои желания и разговаривать на указанных языках; так можно чего-нибудь добиться.

Сверх того в этом городе, как бы в его центре, имеется особое укрепленное место, где его царское величество имеет два великолепных дворца — один каменный и другой построенный из дерева; около каждого протекает вода, и постоянно видна сильная стража вовнутри и вовне. Они виднеются из-за окружающих мощных и высоких стен, при которых стоят огромные крепкие башни, и снаружи еще обведены большими земляными укреплениями по обычаю их страны; а изнутри настолько изукрашены и обвешаны персидскими коврами, столь восхитительно выработанными золотом, серебром и шелками, что не знаешь от удивления, куда направить свои взоры. Там можно видать такое собрание золота, драгоценных камней, жемчуга и великолепных ценнейших предметов, что нет возможности всего описать. Указанное место, укрепленное в центре города, называется «стерлиц» (? — *Н. Л.*), в нем проживают все высшие слуги великого князя и его лейб-гвардия, которых, как сообщают, имеется большое количество, но там ни одному иноземцу не разрешается ни торговать, ни проживать.

Его царское величество, царя «Алекси Михайловиц», великого князя на Москве, видел я несколько раз в его резиденции. По фигуре он высокий, крепкий господин, полный, очень серьезный лицом, носит, по обычаю русских, большую окладистую бороду, короткие волосы, и одежда его московитская. (*Приписка*: Одевание указанного царя настолько роскошно изукрашено драгоценными камнями, что смотришь

¹ Т. е. толмача.

на него, как на чудо; он носит вокруг шеи прядь жемчуга, которая неоценима) ¹.

Есть большое место в этом городе, в котором расположены и обитают многие тысячи московитских людей и солдат, называется она «шлапотти» ². Этот народ обязан всегда быть наготове для сопротивления нападению татар (как говорят, часто перед тем случавшемуся), ибо часто татарин жег и разрушал, прежде чем в городе успевали об этом узнать. Они частью конные или пешие и должны таким образом нести охрану во всем городе как днем, так и ночью. И хотя этот огромный город не имеет вокруг себя крепостных сооружений, но все же он неприметно укреплен то здесь, то там на много миль в окружности; а когда они обороняются от сильного врага, который собирается окружить их полностью, то они занимают своим народом те или иные заставы (которых имеется большое количество на далеком расстоянии вокруг города) и подобным образом так обороняются, что неприятель со всем войском и всем снаряжением нелегко, а то и совсем не сумеет к ним приблизиться. Внутри и ближе к городу виднеются многие тщательно изготовленные рвы, через которые устроены деревянные мосты и шлагбаумы. Кстати, в самом городе, где входишь в какую-либо улицу, сделаны всюду шлагбаумы, крепленные железом, а иные даже устроены на подобие испанских «всадников» ³.

В городе также есть большое множество церквей, которые все стоят обособленно от прочих домов на большой площадке, окруженной забором или насыпью. Они пользуются не столь высокими и заостренными башнями, как мы, имеют очень много малых и крупных колоколов, в которые они при помощи особых веревок умеют звонить поочередно так ловко, что получается поистине музыкальный тон. Особенно есть у них один большой, не имеющий равного во всем мире колокол, значительно превосходящий по размерам существующий в Эрфурте (который я тоже видел); его можно услышать только в большие праздники; он посвящен св. Николаю, как их высшему патрону ⁴. И так как теперешний царь или великий князь чрезвычайный любитель металлических произведений, то в память о себе он велел отлить и установить в своих дворцах много отличных колоколов, пушек и мортир. Он сам чуть было не погиб от этих орудий при пробе в слободе одной большой вновь отлитой мортиры, которая взорвалась и недалеко от него один из его слуг был убит куском металла.

В церквах своих они не пользуются ни стульями, ни сидениями,

¹ Данный абзац о царе Алексее Михайловиче находится в заключительной части рукописи, между описаниями Новгорода и Пскова.

² Слободы.

³ Т. е. рогаток.

⁴ Знаменитый кремлевский колокол в 8000 пудов, отлитый в 1654 г., изображенный в альбомах Мейерберга и Пальмиквиста, описанный Павлом Алеппским, Рейгенфельсом и др. (см. Н. Оловянишников. История колоколов, М., 1912, стр. 159 сл.).

как у нас, ни распятиями и картинами; также не хоронят они там и покойников. Церковную службу они большей частью выслушивают стоя, а самую большую свою набожность они исполняют на коленях и так, что преклоняются лицом совсем до земли. Впрочем, что относится к их религии и ее церемониям, я не хочу много повествовать, ибо это всему миру известно из печати. Я видел у них красивые обряды, какие в обычае у католиков; при этом, однако, надо следить, чтобы не оскорбить такое благочестие; и следует стоять зрителем наподобие другим.

Свои дома они перекрывают, как это в большинстве всюду можно видеть, сначала как и мы,—прибивают на стропила тесины; на них укрепляют длинные доски, на эти плотно накладывают кору берез или других деревьев, а поверх кладут большие куски дерна, свежесрезанные из земли — кусками около пяди толщиной и в полторы пяди шириной и длиной; и это они тщательно укладывают так, что оно от дождя срашивается и выглядит, как крепкий дерн или сплошной кусок земли, через подобное нелегко проникает дождь, и строение не гнивет. Их дома большей частью низки и построены в 2—3 этажа¹. Внутри у них большой и широкий очаг, которым они пользуются вместо печки для обогрева и для стряпни (это относится к простым людям), а печей у них нет. В каждом доме у них каморки и чуланы, устроенные прямо на земле, а для стряпни они не применяют глиняных горшков, а одни только котлы; сделанные из меди и железа горшки являются их лучшей утварью; обычно пользуются четырехугольными деревянными тарелками.

Пища их совсем отлична против обычаев нашей страны, и нам приходится приучать к ней свои немецкие желудки. Они предпочитают есть то, что либо пролежало перед этим некоторое время в соли или было засолено, как солонина или просольные рыбы, которых у них много разных сортов. Также и что коптилось, и все это им милее свежего мяса. В пище они употребляют много чеснока и луку.

Трапезу, свою — будь то в полдень или вечером — начинают они глотком водки, к этому у них имеется нечто вроде пряников, довольно скверного вкуса, а после еды также употребляют водку; у знатных людей из всех напитков более в почете испанское вино; рейнвейн у них не очень в ходу, но рейнскую водку они ввозят в большом количестве. Также пользуются в большом количестве медами, которых у них вследствие обилия меда много варится и дешево покупается. Есть у них также и пиво, но оно варено не по нашему способу, и я хочу вкратце рассказать об их приемах пивоварения. Сначала они заготавливают подобно нам солод, мелот его на мельницах и препарируют к варке; затем у них есть большие деревянные чаны, как у нас, которые

¹ Трехъярусные дома представляли в XVII в. редкое исключение. Айрманн мог принять за третий этаж те «чердаки» или «светелки», которые нередко надстраивались поверх основного «жилья».

мы употребляем для остужения или сливания пива, в них они кладут приготовленный солод и заливают наполовину горячей и наполовину холодной водой. А в это время у них уже заготовлено на большом очаге известное количество больших раскаленных булыжников; их они посредством трехзубой вилы ловко извлекают из раскаленных углей и кидают в залитый водой солод; каковые камни вскоре так доводят воду до кипения, как мы это у нас видим в котлах. Одновременно у них в большом котле кипятится хмель, и с ним варят пучки можжевельника; они добавляют в пиво хмель совсем как мы, и остальное делают по-нашему, и это все выполняется у них немногими лицами, так что редко встретишь у владельца слугу или служанку, которые бы не умели варить пиво—особенно в Лифляндии. В Швеции, Финляндии и соседних местностях существуют те же приемы готовить пиво, и во всей стране они не умеют пользоваться другим способом варить пиво, как теми, которые я описал. И это пиво не только так же хорошо, как наше, но часто еще гораздо лучше.

Еще об одном способе хочу я вспомнить, каким они пользуются для сохранения рыбы, которая не засолена и все же остается свежей свыше 5—6 месяцев и после этого идет в пищу. Именно, когда наступает октябрь, то в Москве возобновляется холод, так что воды к концу этого месяца или в ноябре уже совсем замерзают. Раньше чем это произойдет, рыбаки или кто имеет право на ловлю в больших озерах, соблюдают свою выгоду тем, что они, пока могут пользоваться своими большими сетями, или до ледостава, имеют достаточно открытой воды для своих челнов, с величайшим усердием ловят рыбу и за это время вылавливают ее в великом множестве; однако, чтобы сохранить рыбу свежей до того времени, когда она станет редкой и вздорожает, есть у них такое изобретение: коль скоро они вытряхнули свою рыбу из сетей на землю, они предоставляют ей весело скакать или кувыряться по снегу, а несколько человек к тому приставлены, которые непрерывно закидывают ее с лопат снегом и немного поливают водой: таким образом эти рыбы настолько покрываются и обмерзают снегом и льдом, что лежат, как поленья; тогда они свозят такую рыбу на свои дворы и оставляют ее под открытым небом на снегу, укладывая ее крест-накрест, как у нас поступают с дровами. А когда прошли 2 или 3 месяца зимы, когда всякие воды крепко замерзли и достать свежей рыбы нельзя, тогда они свозят свою мороженую рыбу на санных в ближние или дальние города и продают ее заместо свежей; и она в большом количестве покупается людьми, и ее так же готовят, как только что поступившую из воды. Они берут мороженую рыбу и кидают ее в холодную воду, тогда лед отстает, и рыба, хотя бы она в нем пролежала 5 или 6 месяцев, выглядит так же отлично, точно только что вынутая из воды. Подобную [рыбу] я много и часто ел, и она мне очень нравилась. Но это происходит по условиям их страны и вследствие длительного большого холода, ибо в Москве, если уж нач-

нет морозить и заляжет снег, то уже устанавливается непрерывная холодная погода на все время; и там не бывает зимой так часто, как в нашей стране, оттепели и снова замерзания, а так как это для нас редкость, то мне и захотелось рассказать об этом несколько пространно и подробно. Я также видел, как они брали парное мясо и валяли его по снегу с водой, давая ему обмерзнуть в большой кусок льда; это они часто делали в мое время, когда соль в Москве была так дорога, и мясо оставалось совсем свежим.

О банях москвитов или их привычках мыться я тоже хочу вкратце вспомнить, потому что у нас это неизвестно.

Те, которые располагают в Москве достатком и имеют благоустроенный по своим обычаям дом, особенно стараются соорудить при нем баню, каковые, как и их дома, все деревянные. Они строятся 4-угольными, окна располагаются вверху, а не по сторонам, хотя и делаются с хорошими стеклянными оконницами, а в середине небольшое отверстие, которое они могут открывать и закрывать по своему желанию — через него выпускается пар, когда они льют воду на раскаленные камни. Они внутри не пользуются печами, а имеют либо искусно выложенные камни, которые извне могут быть обогреваемы огнем, либо вносят на железном противне раскаленные камни, на них льют теплую воду, и это дает хороший жар; а которые знатны, то применяют для такой поливки замечательно приготовленные, перегнанные на всяких хороших травах воды, которые издают прекрасное благоухание, по их отзыву, очень целебное. Далее у них имеются, как и у нас, несколько возвышенные лавки для потения, притом так устроенные, что на них ложатся, как на постель, ибо они подкладывают длинные мягкие травы, вложенные в мешок из тонкого полотна — чтобы ничего не рассыпалось, а в головах устроено из приподнятой дощечки точно хорошее изголовье; на этот сенник они еще кладут белую простыню из чистого полотна. После того, как в бане от потения и мытья утомишься и уже хорошо обмылся, то ложишься на эту приготовленную постель или сенник и остаешься на ней по своему желанию сколько захочешь; тут еще можно иметь удовольствие приятно и легко потеть, заставляя лить воду на камни, а через верхнее отверстие бани можно так регулировать жару, как хотят, и всякий может к своему удобству пользоваться этим, как часто ему захочется. Но они не пользуются, как мы, скребком для счистки нечистоты с тела, а есть у них так называемый веник (они из прутьев березы, которые высушивают, и их летом, пока они еще зелены, на бесчисленных телегах привозят в города на продажу; каждый хозяин закупает их во множестве и развешивает для просушки так, что ему хватает их на целую зиму; они так связаны, что они толсты и с короткой рукоятью), ими они хлещут или бьют себя по всему телу или ложатся на лавку и дают себя хорошенько хлестать другим. Этот веник они предварительно размачивают в теплой воде, которая (у знатных людей) бывает благоухающей и

проваренной с хорошими травами; и когда они себя хорошо отхлестали, то берут этот веник и заставляют усердно гладить и растирать им себя по телу вверх и вниз, тогда вся пакость отстает от кожи, после чего они поливают себя по всему телу и хорошенько стирают с себя руками. Это они делают столько раз, пока не увидят, что совсем чисты; притом москвиты имеют в бане особо здоровое обыкновение — именно, когда они сверху донизу обмылись теплой водой и совсем чисты, то прежде чем выйти из бани (это касается знатных), они дают себя несколько раз обдать ледяной водой с головы до пят, и после этого они готовы. А простые люди, которые сообща строят свои бани на проточной воде (как это видно в городе Москве на протяжении около трех миль), лишь только они сильнее всего разогрелись, выходят, как их бог создал, в холодную текучую воду и усаживаются в нее на долгое время, безразлично, будь то летом или зимой. Летом они спускают в воду подобие лесенки из двух длинных бревен, между ними они поочередно повисают в воде; а зимой они пробивают во льду большие отверстия и накладывают поперек крепкие брусья, за которые они держатся, и также бросаются в ледяную воду. Они считают это очень здоровым. Удивительно смотреть, насколько эти люди природно закалены. Когда они выходят из бани, то они часто по всему телу красны, как раки, да еще усаживаются на изрядное время в снег. И так же они приучают к купанью своих совсем маленьких детей. Так как у нас этот обычай мытья неизвестен, а я часто участвовал в таком, что мне очень нравилось, то я захотел рассказать об этом несколько пространно. При этом надо еще отметить, что в знатных московских банях, кроме вышеописанных обычаев, я еще наблюдал, что они свою баню поверху и по стенам всю затягивают прекрасным белым полотном, что очень приятно видеть; так они постоянно устраивали для моего покойного господина графа. А на пол они постилают порубленные еловые ветки; как я уже рассказывал, это делают и в Финляндии, что при разогревании дает очень приятный запах. В общем ни в одной почти стране не найдешь, чтобы так ценили мытье, как в этой Москве. Женщины находят в этом высшее свое удовольствие; при этом я вспоминаю обычай москвитян, что ни одна женщина или девушка не может явиться пред лицо его царского величества, если накануне она не очистилась в бане; иначе ее лишают жизни (? — *Н. Л.*). Еще надо отметить, что они в бане не применяют передников и о них даже не знают, а для прикрытия срама пользуются веником.

Касательно самих москвитов: по своей фигуре это большей частью крупные, полные люди, с рослым телом, сильными и широкими плечами: притом, однако, очень неуклюжи и не так ловки и проворны, как поляки, которые также редко малорослы; это видно по их движениям и по походке, так как они выступают словно быки. Лица у них также крупные, сверху и снизу имеют сильную растительность, которую отпускают с юности и видят в этом особую авторитетность. Воло-

сы свои они отпускают несколько коротко на самые уши; летом пользуются большими остроконечными шляпами, а зимой большими шапками. Одежда их — длинный свисающий на икры кафтан; на боках он несколько сужен, носят его постоянно нараспашку, а под ним — другую одежду, доходящую до колен; сапоги, заходящие только на икры и подбитые снизу железом. Притом пользуются разными расцветками для своей одежды. (*Приписка:* на шее москвиты не носят ни ворота, ни платка, но по своему достатку прядь жемчуга или зимой прекрасный соболь.)

А в общем очень досадно, да и невозможно так коротко обо всем вспомнить, это и не было моим намерением, чтобы я захотел все описать, что, не похваляясь, видел об этой нации; например, я лишь решил вспомнить о том, как расположены и устроены эти страны, насколько, по моему разумению, память моя сохранила о каждой стране. И поскольку я ознакомился с нравами и природой москвитов, это нация коварная: они могут представиться столь покорными и почтительными, что можно полагать это идущим от чистого сердца, но когда они так поступают, то они несомненно замышляют обман. Если они чего просят у высокопоставленных лиц, то их первое приветствие таково, что они опускаются на одно колено, правой рукой касаются одной из его одежд или, по их обычаю, подола кафтана и подобострастно целуют; затем с глубокими поклонами, не оборачиваясь, отступают несколько шагов, снова совсем глубоко преклоняются всем туловищем, опускают правую руку до земли и вновь выпрямляются; надо отметить, что они не делают ногой скольжения назад или реверанса, как это делаем мы, немцы, также не подают они друг другу руки, как это в немецком обычае. Но вообще они умеют по-своему представиться очень вежливыми, и надо очень остерегаться, если в чем-либо с ними повздоришь, не давать этому стареть, а поскорее с ними помириться, ибо у них очень в обычае поскорее предлагать соглашение; в противном же случае можно опасаться коварной мести, так как они покушаются на жизнь того, кто не хочет с ними помириться, считая, что и он в своем сердце затаил подобное же. Поэтому знатные люди немецкой или иной нации нередко попадали у них в большую беду, ибо такой озлобленный или обиженный москвит не иначе может кого повергнуть в величайшее несчастье, как показав при помощи трех свидетелей (которые часто подкуплены) и навязав ему таким путем проступок против царского величества, по каковому обвинению приходится претерпеть и вынести экзекуцию или хотя бы штраф, как бы ни старавшись оправдать себя.

Таких примеров здесь знают много, и еще в мое время знатный купец из Любека, по имени Иоганн фон Гурен, по подобному же обвинению был отправлен в строгое заключение¹, каковой перед тем был у теперешнего царя в такой милости, что тот возвел его в князья своей

¹ Здесь Айрманн неверно излагает происшествие — см. предисловие.

страны, так как он заслужил милость царя из-за невинного человека, которого он помог царю изменническим образом переправить из Германии в Москву. И следовало бы много поведать об этой истории, но я надеюсь, что если и не печатно, то все же хорошо известно, что около 12 или более лет тому назад один москвит в Москве взбунтовался и выступил против царя под предлогом, будто он является прирожденным великим князем и наследником страны, а теперешний царь — якобы крестьянский сын и на него сменен (якобы мать родила его преждевременно, а москвиты не имеют большого повода для непримиримой ревности и мщения, как при преждевременных родах, и их нельзя убедить, что это может происходить естественным путем, чему медики с юристами располагают достоверными аргументами, приводимыми с положительной разумностью). А так как (о чем втайне в стране шепчутся) дело будто бы обстояло именно так, но он не мог осуществить своих намерений и бежал из страны, то швед тайно оказал ему протекцию и затем переправил его в Германию, где тот и проживал в поместьях, пока, к своему несчастью, не попал ко двору князя голштинского и там долго был в почете и уважении; но за это время не дремал его предатель — именно вышеуказанный Иоганн фон Гурен, который в это время имел незначительную торговлю и знакомства в Москве. Этот добился своей корреспонденцией столького, что великий князь ему обещал, если он предоставит того беглого москвита в его страну или сдаст в его руки, то выделит его своей милостью перед другими торгующими в его стране или освободит от налогов и даже сделает князем, после чего Иоганн фон Гурен конспирировал с голштинским князем; а для того, чтобы привлечь на свою сторону князя и чтобы тот выполнил его намерение, он переговаривался с ним, ибо ему было не безызвестно, что великий князь имел большую претензию к голштинскому владетелю по поводу посольства в Персию, организованного голштинским князем, начальником которого был Брухман¹ (*Приписка:* которому он выдал большой аванс). Речь шла о том, чтобы освободить голштинский дом ото всех требований, и на основании полученной царской доверенности он сделал такое предложение, получил великокняжеское подтверждение и привел голштинского господина к тому, что тот, подобно Пилату, умыл руки и передал ему этого неповинного москвита во время симулированной приятной прогулки на корабле; тот, скованный по рукам и ногам, был перенесен на приготовленное судно и отправлен водой в Нарву в Лифляндии, где был высажен и немедленно принят ожидавшими москвитами и отправлен в город Москву. Там он был присужден к казни, и экзекуция была над ним осуществлена таким образом, что был устроен большой и высокий трон или стул, сделанный издевательским и убийственным образом целиком из железа и с шестью ступенями и вверху с сиденьем, около которого приделана была толстая железная палка; на указан-

¹ Посольство Брюгемана и Крузиуса, описанное Олеарием.

ных ступенях и внутри, как на самом сиденьи, так и на спинке стула, были расположены сплошные, острые как гвозди шипы; под ними устроено так, что в особом вместилище положены раскаленные уголья, которые непрерывным раздуванием и разжиганием раскалили железо, т. е. весь стул; сюда был приведен захваченный москвит, после того как его ужасающе высекли кнутом, усажен на стул, раскаленная палка была вложена ему в руку вместо скипетра, и он был сожжен живым. Каковой стул для казни еще в мое время был всеми нами осмотрен и ошупан в «стерлице». И нет сомнения, что пословица: «Кто чем согрешил...» и т. д. будет, наконец, последней наградой предателя Иоганна фон Гурен.

Что еще о Москве стоит отметить, так это следующее: что, к сожалению, смертный грех Содомы там очень в ходу, и что они его почти не карают, как грех, а только оценивают грубым пороком или дурной привычкой. Поэтому в народе считается позорным открыто ездить верхом на кобыле, и можно подвергнуться издевательствам вследствие скверного подозрения.

И еще я припоминаю один политический анекдот, который сообщил моему покойному графу один москвит. Именно, если в их стране хотят отделаться от старого знатного чиновника или старика из дворянства, у которого большие имения и к тому же нет никаких или есть веселые наследники, тому содействует ожидающий заместитель или наследник его богатства, чтобы таковой был выделен перед другими его царским величеством в знак милости и назначен в очень отдаленное и весьма спешное путешествие. Это очень тонкий прием, так как никто, кем бы он ни был, не осмелится отказать его царскому величеству. Подобным образом порешенного знатного старого москвита видел я однажды в Риге; он был вынужден совершить на почтовых путь в 200 миль в течение 12 дней и закончил его смертью¹.

Было бы слишком длительно рассказывать все, что я вспомнил о Москве. А если немногим упомянуть жен и женщин москвитов, то таковые с лица столь прекрасны, что превосходят многие нации, и самих их редко кто может превзойти,— если только посчастливится увидеть их, ибо они столь бережно содержатся в Москве, и не могут показываться так публично, как у нас. Они ходят постоянно покрытыми, как, повидимому, и дома, и поэтому солнце и воздух не могут им повредить, но, кроме того, они не удовлетворяются естественной красотой, и каждый день они красятся, и эта привычка обратилась у них в добродетель и обязанность. Они телом стройны и высоки, поэтому их длинные, доходящие сверху до самого низа одежды сидят на них очень красиво. Они, по своему обычаю, сверх меры богато украшают себя жемчугом и драгоценностями, которые у них постоянно свисают с ушей на золотых колечках; также и на пальцах носят они ценные перстни. Свои волосы, будучи девицами, заплетают они в косу и еще

¹ Последние два абзаца помещены автором в самом конце его записок.

украшают жемчугом и золотом так, что это выглядит чудесно, а на конец свисающей косы навешивают они кисть из золотых или шелковых нитей или переплетенную жемчугом, золотом и серебром, что очень красиво; на ногах носят кожаные сапоги разных расцветок. Эта московитская женщина умеет особенным образом презентовать себя серьезным и приятным поведением. Когда наступает время, что они должны показываться, и их с почетом встречают, то такова их учтивость: они являются с очень серьезным лицом, но не недовольным или кислым, а соединенным с приветливостью; и никогда не увидишь такую даму хохочущей, а еще менее — с теми жеманными или смехотворными ужимками, какими женщины нашей страны стараются проявить свою светскость и приятность. Они не изменяют своего лица то ли дерганьем головой, то ли закусывая губы или закатывая глаза, но пребывают в принятом сначала положении. Они не носят точно блуждающие огоньки, но постоянно сохраняют степенность, и если кого хотят приветствовать или поблагодарить, то при этом выпрямляются, изящным образом и медленно прикладывают правую руку на левую грудь к сердцу и сейчас же изящно и медленно опускают ее, так что обе руки свисают по сторонам тела; затем они склоняют верхнюю часть корпуса низко, до половины тела, и после такой церемонии возвращаются к прямому положению. Рукопожатие у них также не принято. В итоге они производят впечатление благородных личностей, но должны остерегаться своих мужей, которые им не слишком-то доверяют. И многое еще можно бы порассказать об этой нации, чего я вкратце не могу изложить пером. Довольно и этого.

При отъезде из Москвы мы взяли путь на могущественный и большой город, именуемый

НАУГАРДЕН, ИЛИ НЕОГОРОД¹

Этот город обычно называют Наугарден, но пишется Неогород, или, что то же самое, Новогород. От города Москвы расположен он в сторону Лифляндии на расстоянии 90 московитских миль. Это очень сильный и знаменитый город как по своей обширности, так и вследствие своей хорошей торговли. Там есть отлично укрепленные заставы, а снаружи так же, как и в Москве, все представляется открытым; здания там устроены, как в вышеуказанном городе Москве, так что особенно много рассказывать я считаю излишним. Только это следует отметить, что там на возвышенном месте или горе виден воздвигнутый укрепленный каменный замок. Для того, чтобы увидеть это значительное и знаменитое место, мы изменили на обратном пути наш курс на 20 миль, так как покойный господин граф желал видеть и этот город; действительно, нас там почетнейшим образом угощали по московскому обычаю, и мы позадержались там дня на три.

¹ Новгорѣд.

ПЛЕСКАУ, ИЛИ ПЛЕСКОВИЯ¹

Это тоже великолепный и знаменитый город в Московии, в который я попал не во время этой посольской поездки, а из любопытства посетил его, когда еще до того находился в Дерпте. Он отдален от Дерпта, у самой московитской границы, на 14 миль, так что летом туда можно съездить в один день. Но так как это главная застава и крепость против Лифляндии, то никто, не имеющий специального пропуска, по своим делам туда не впускается. И хотя я не проник в город, но достаточно осмотрел его извне, как много в нем и какие большие церкви и какое множество построек; он отлично укреплен по окружности рвами, валом и стенами; вне города есть большой и обширно построенный дом и двор, именуемые немецкий двор (Krug) (Приписка: или также Любский двор²), куда ежедневно выходят множество горожан ради торговли и прогулки; там можно многое видеть и можно приобрести местные продукты, и ежедневно происходит большая торговля с приезжающими соседними нациями.

Не более 7 миль в сторону от указанного города Плескау расположен еще один нарядный московитский город, именуемый

ПЕЧУР³

Это также укрепленное место, но очень небольшое, заключает весьма известный монастырь, который в основном построен подземно и содержит большие святыни, вследствие чего они ежегодно совершают оттуда свою процессию в Плескау и торжественнейше празднуют, как я это одажды видел в день рождества; при этом их сопровождает большая толпа на санях, а также верхами; и их лошади все увешаны мехами так, что это выглядит чудесно.

¹ Псков.

² Основанный еще во времена торговли с Ганзой, торговый двор находился в Завеличье; развалины его еще были видны в середине XIX в. (см. Н. Окулич-Казарин, Спутник по древнему Пскову, Псков, 1911, стр. 35).

³ Город Печоры с Псково-Печерским монастырем.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ИСТОРИЯ СССР	Стр.	ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ	Стр.
Н. С. Чаев. «Москва — третий Рим» в политической практике Мос- ковского правительства XVI в.	3	Д. С. Лихачев. «Устные летописи» в составе Повести временных лет	201
С. Б. Веселовский. Топонимика на службе у истории	24	М. Н. Тихомиров. О частных актах в древней Руси	225
Г. Ф. Подозерская. Второй Литов- ский статут	53	Е. И. Заозерская. Сказки торго- вых людей Московского госу- дарства 1704 г.	245
Л. М. Иванов. Государственные крестьяне Московской губер- нии и реформа Киселева	76		
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ		МАТЕРИАЛЫ	
◆ И. Нотович. Захватнические планы германского импери- ализма в Первой мировой войне	130	Н. Р. Левинсон. Записки Айрман- на о Прибалтике и Московии 1666 — 1670 гг.	265
◆ Я. Полянский. Цензуры и коттеры в средневековой Ан- глии	180		

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета АН СССР за № 2301

Редактор издат. <i>Е. И. Кингисепп</i>	Техн. редактор <i>О. Зальцкина</i>
Подписано к печати 13/X 1945 г. А22278	Печ. л. 19½ Уч.-издат. л. 27¾
Тираж 10000	Заказ 612

2-я типография Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

Цена 22 руб. 50 коп.